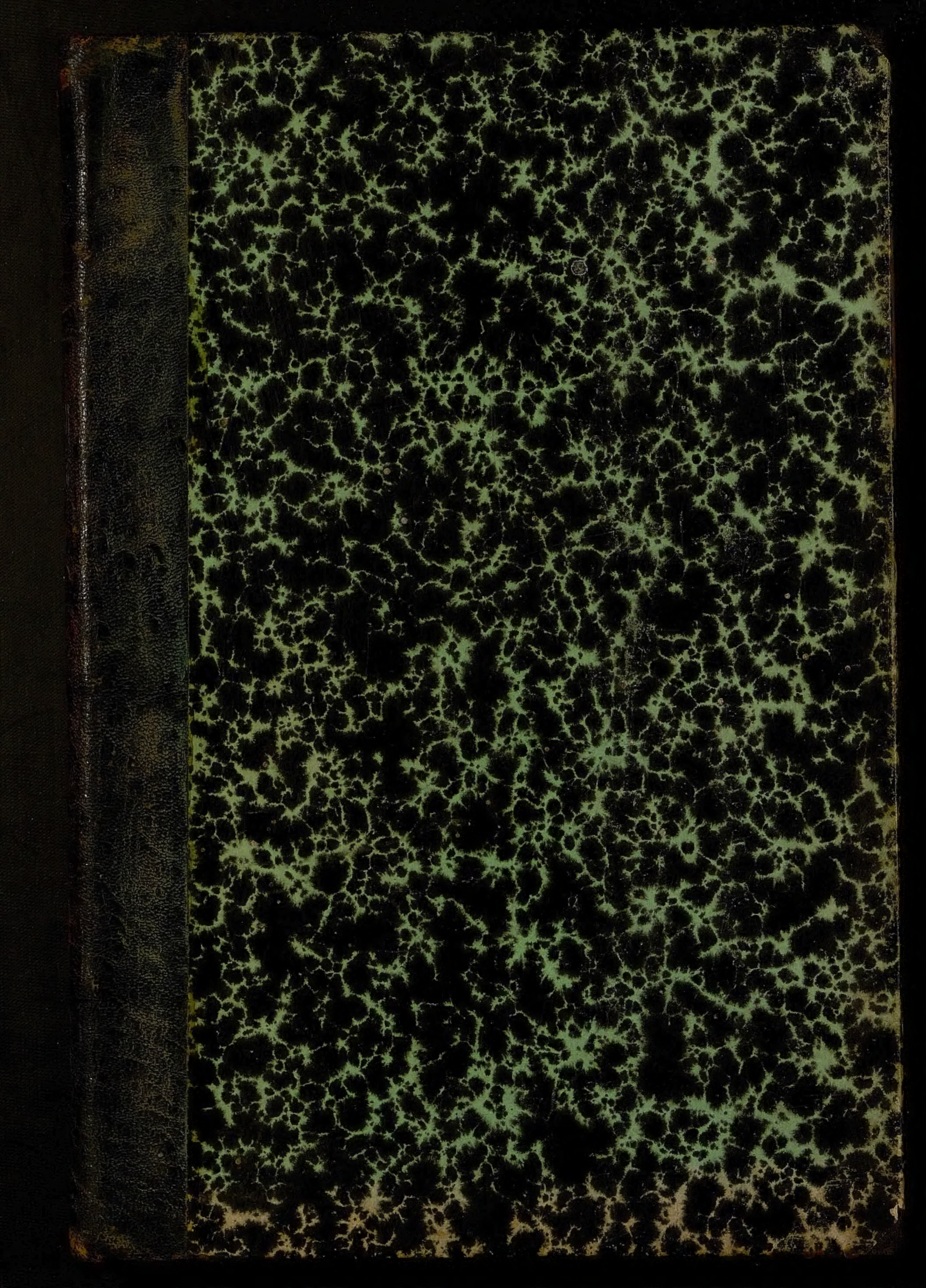
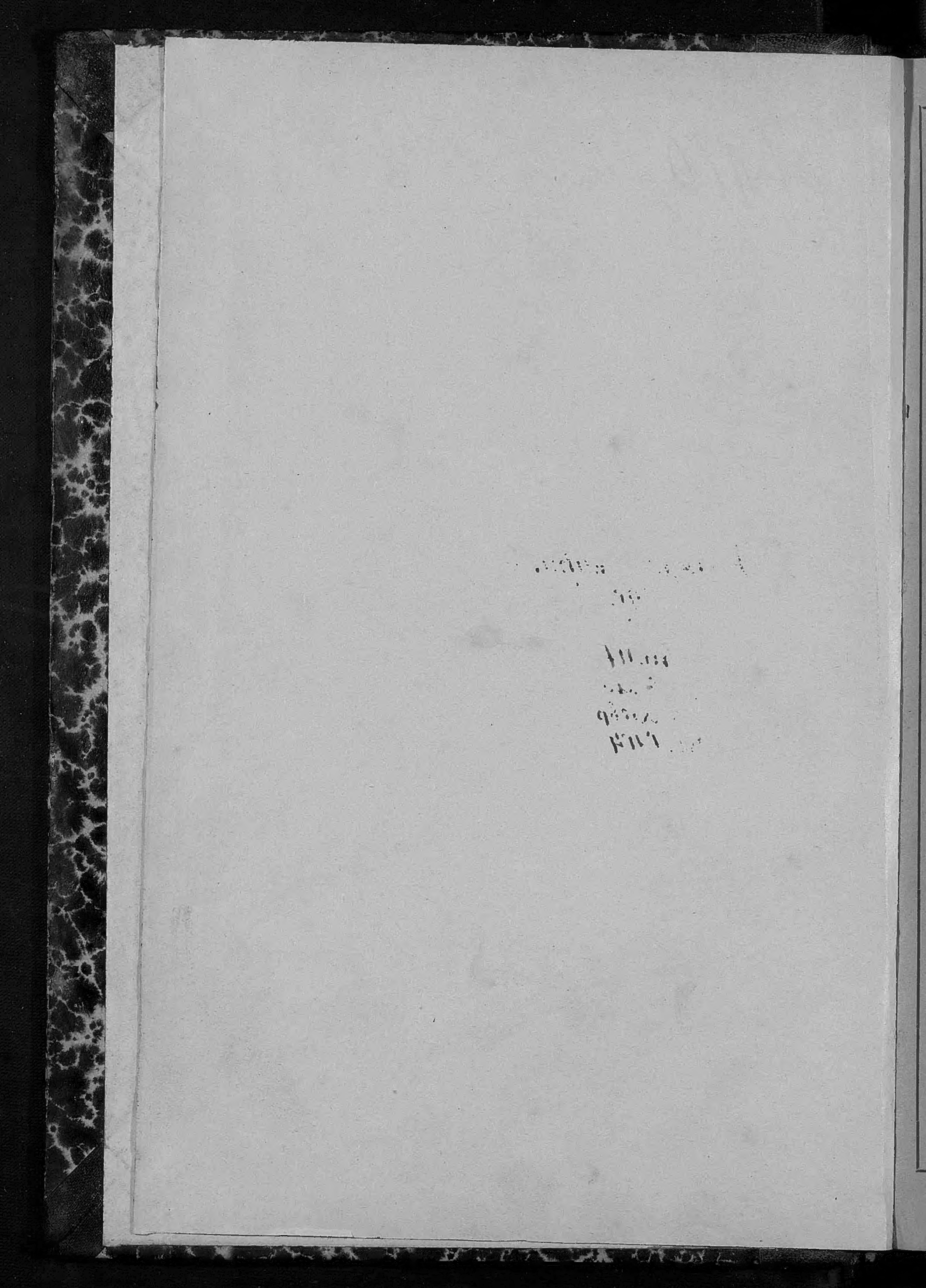

7010

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. ФЕВРАЛЬ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Послѣ отечественной войны. (Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка). Н. Дубровина .... 241—274
II. Изъ дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа .... 275—302
III. Изъ записокъ В. К. Луцкаго .... 303—323
IV. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина .... 325—340
V. Награда за цѣлованіе ножки императ. Павла I. Сообщ. Александръ Успенскій........ 341—342
VI. Наполеонъ III и князь Бисмаркъ во время польскаго мятежа. Сообщ. С. Норманъ.............. 343—357
VII. Графъ А. А. Кейзерлингъ. 359—370
VIII. Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго. Сообщ. И. А. Бычковъ.......... 371—385
IX. Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.......... 387—407
X. Московскій университетъ и князь П. В. Лопухинъ. Сообщ. Н. А. Мурзановъ. 409—412
XI. Отвѣтъ по поводу статьи: „Записки русскихъ женщинъ". Евгенія Шумигорскаго........ 413—424
XII. Письма С. П. Шевырева — К. С. Сербиновичу и кн. П. А. Ширинскому-Шихматову............. 425—431
XIII. Цензура въ царствованіе императора Николая I-го. (Окончаніе)...... ..... 433—443
XIV. Къ біографіи В. Г. Варенцова. Сообщилъ Б. Л. Модзалевскій..... 445—451
XV. Восточный вопросъ въ 1856—1859 гг. .... 453—472
XVI. Письма графа Н. П. Румянцова и записка Н. М. Карамзина къ А. И. Ермолаеву. Сообщ. И. А. Бычковъ. 473—478
XVII. Благодарность О. П. Козодавлеву за управленіе министерствомъ юстиціи. 479—480
XVIII. Записная книжка „Русской Старины": Великій князь Константинъ Павловичъ отказывается отъ переписки по своей административной дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ. 6-го дек. 1830 г. Сообщ. А. В. Безродный (стр. 324).—Мѣры противъ распространенія ложныхъ и вредныхъ слуховъ. 2-го мая 1824 г. (358).—Высочайшая благодарность объ успѣшномъ окончаніи студентовъ перваго курса въ Спб. духовной академіи: I.—митроп. Амвросію; II — архимандриту Филарету. 27-го авг. 1814 г. (386).—Мнѣніе Государ. Совѣта о мѣстѣ наказанія преступниковъ. 24-го янв. 1822 г. (408).— О перевезеніи тѣла кн. Понятовскаго въ Варшаву: I.— Отношеніе графа Аракчеева ген.-губ. герцог. Варшавск. Ланскому. 9-го дек. 1813 г.; II.—Высоч. повел. сакс. ген.-губ., ген.-адъют. кн. Рѣпнину. 12 мая 1814 г. (432).—Празднованіе въ Москвѣ возвращенія имп. Александра въ Спб. 6 дек. 1815 г. (444).— Литературн. листки, какъ прибавленіе къ «Сѣверному Архиву». 9-го апр. 1823 г. (452).
XIX. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Ивана Акимовича Никотина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза",
Большая Подъяческая, № 39.
1904.

II-я книга „Русской Старины" вышла 1-го февраля 1904 года.

Библіографическій листокъ.

I. И. Иллюстровъ. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1904 г. Цѣна 3 руб.

Разсматриваемый нами сборникъ представляетъ собою окончаніе начатаго I. И. Иллюстровымъ труда систематическаго собиранія пословицъ и поговорокъ великорусскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ и инородческихъ,— начало котораго, подъ названіемъ „Юридическія пословицы и поговорки русскаго народа", было напечатано первоначально въ февральской книгѣ „Юридическаго Вѣстника" за 1884 г. и затѣмъ, дополненное, издано отдѣльною книгою въ 1885 г.

Сборникъ г. Иллюстрова представляетъ несомнѣнный интересъ въ сферѣ изслѣдованій по обычному праву,—какъ сборникъ изреченій, выражающихъ понятія и воззрѣнія народа на различныя стороны правоваго быта, и въ жизни вообще—какъ сводъ завѣтовъ сѣдой старины и выработанныхъ вѣками, зачастую не утратившихъ своего значенія и по настоящее время, правилъ житейской мудрости.

Творенія народнаго ума выражаются въ сказкахъ, пѣсняхъ, загадкахъ, пословицахъ и поговоркахъ. Пословицы и поговорки суть выраженія вѣковой народной мудрости, заключающія въ себѣ ту или другую истину. Особенность всѣхъ этихъ произведеній народа—та, что они живутъ въ его устной рѣчи, передаются изъ рода въ родъ, отъ стараго къ малому; творцы этихъ произведеній неизвѣстны, они—созданіе цѣлаго народа, въ нихъ нѣтъ личнаго начала и относятся они ко всѣмъ людямъ одинаково.

П о с л о в и ц а есть краткое въ складной формѣ иносказательное народное изреченіе, заключающее въ себѣ какую-либо истину, напр.: „семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ". Это опредѣленіе пословицы авторъ подтверждаетъ такимъ соображеніемъ: пословица есть изреченіе краткое,—въ пословицѣ нѣтъ лишнихъ словъ, мысль выражена настолько сгущенно и кратко, что изъ пословицы, какъ изъ пѣсни, слова не выкинешь.

П о г о в о р к а есть краткое въ простой формѣ народное изреченіе, выражающее истину, напр.: „береги денежку на черный день"; „вѣкъ живи, вѣкъ учись". Поговорка сходна съ пословицею въ томъ, что выражаетъ мысль сжато, кратко, иногда образно, но различается отъ пословицы тѣмъ, что выражаетъ истину прямо, просто, такъ что поговорку трудно отличить отъ пословицы, когда у послѣдней вторая часть опущена.

Пословицы затрогиваютъ различныя стороны общественной жизни и пользуются у народовъ особеннымъ уваженіемъ. Восточные народы называютъ пословицы ц в ѣ т о м ъ я з ы к а, н е н а н и з а н н ы м и ж е м ч у ж и н а м и, греки и римляне — г о с п о д с т в у ю щ и м и м н ѣ н і я м и, италіанцы — у ч и л и щ е м ъ н а р о д а, испанцы—в р а ч е в с т в о м ъ д у ш и, нѣмцы—п л о щ а д н о ю м у д р о с т ь ю, англичане, французы и италіанцы—п л о д а м и о п ы т а, а французы, сверхъ того, отмѣчаютъ мѣстное значеніе и силу пословицъ, говоря: „пословица въ своемъ краю пророчица". Русскіе называютъ пословицы п р и т ч а м и, к р а с н ы м ъ с л о в ц о м ъ, к р ы л а т ы м ъ с л о в о м ъ. Вотяки называютъ пословицу н а х о д ч и в ы м ъ и з р е ч е н і е м ъ.

Опредѣливъ значеніе пословицъ и поговорокъ, г. Иллюстровъ подробно перечисляетъ источники, которыми онъ пользовался для своего труда. Перечень источниковъ занимаетъ 42 страницы боргеса,—что даетъ понятіе о томъ громадномъ трудѣ, который потребовался для использованія такого множества сочиненій по данному вопросу. Во всѣхъ этихъ источникахъ записано и собрано пословицъ и поговорокъ: а) великорусскихъ 113.432, б) малорусскихъ 30.431, в) бѣлорусскихъ 11.642 и г) инородческихъ 9.312, а всего 164.817. Эти цифры не могутъ опредѣлять самаго количества пословицъ и поговорокъ, такъ какъ многія изъ нихъ дословно повторяются въ нѣсколькихъ сборникахъ. Порядокъ расположенія пословицъ и поговорокъ въ этихъ сборникахъ двоякій: алфавитный и систематическій. Алфавитный порядокъ имѣетъ одно удобство: легко отыскать данныя пословицы и поговорки по начальной ихъ буквѣ, но преимущество должно быть отдано порядку систематическому, т. е. расположенію этого матеріала по предметамъ, по смыслу и значенію; здѣсь народныя воззрѣнія по поводу одного предмета являются собранными вмѣстѣ и выражаютъ народный взглядъ во всемъ его объемѣ; при такомъ порядкѣ расположенія пословицъ становится вполнѣ яснымъ иносказательный, иногда непонятный, смыслъ пословицы.

Въ разсматриваемомъ нами сборникѣ пословицы и поговорки расположены въ десяти главахъ: 1) о царѣ, 2) о служилыхъ людяхъ, 3) о сословіяхъ, 4) о бракѣ, семьѣ и роднѣ, 5) о правѣ собственности, 6) о договорахъ, 7) о благосостояніи и бѣдности, 8) о здоровьѣ и болѣзняхъ, 9) о преступленіяхъ и наказаніяхъ и 10) о судѣ. Пословицы и поговорки приведены г. Иллюстровымъ съ сохраненіемъ того правописанія, которое наблюдается въ тѣхъ сборникахъ, откуда онѣ заимствованы; если пословицы и поговорки дословно повторяются въ нѣсколькихъ сборникахъ и записяхъ, то сохранено правописаніе сборника старѣйшаго по времени составленія, а относительно дословно повторяющихся въ сборникахъ великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ пословицъ и поговорокъ сохранено правописаніе ихъ великорусское. Нѣкоторымъ пословицамъ даны соотвѣтствующія объясненія.

Въ концѣ сборника помѣщены алфавитные указатели: 1) именной, гдѣ указаны имена и фамиліи, встрѣчающіяся въ сборникѣ; 2) этнографическій, 3) географическій, въ которомъ указаны тѣ мѣстности, въ которыхъ записаны пословицы и поговорки, и тѣ мѣстности, про жителей которыхъ сложились пословицы и поговорки, и 4) предметный, гдѣ указаны предметы, къ которымъ относятся пословицы и поговорки; при посредствѣ этого указателя легко

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 20 ЯНВАРЯ 1904 Г. ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА“, Б. ПОДЪЯЧ., 39.

Иванъ Акимовичъ

Никотинъ.

Послѣ отечественной войны.

(Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка).

IV [1]).

Надежды поляковъ на возстановленіе ихъ отечества.—Просьбы о томъ графа Огинскаго, кн. Чарторыйскаго, Костюшки и польскихъ дамъ.—Противодѣйствіе, встрѣченное Александромъ въ осуществленіи его идеи, и желанія поляковъ.—Мнѣнія Штейна и графа Каподистріи.—Записка Поццо-ди-Борго.—Присоединеніе къ Россіи герцогства Варшавскаго подъ именемъ королевства Польскаго.—Письмо императора Александра графу Островскому.—Дарованіе королевству конституціи.—Недовольство поляковъ.—Пребываніе государя въ Варшавѣ.—Варшавское Общество любителей наукъ.—Изданіе пѣсенъ и басенъ Нѣмцевича и ихъ значеніе для поляковъ.

Едва только русскія войска, преслѣдуя Наполеона, вступили въ тогдашнія Литовскія губерніи, какъ графъ Огинскій явился къ императору Александру съ предложеніямъ принять титулъ польскаго короля и дать обѣщаніе возстановить Польшу въ старинныхъ ея предѣлахъ. Опасаясь, что предложеніе его встрѣтитъ сильное сопротивленіе среди русскаго общества, онъ совѣтовалъ государю не обращать на это вниманія по ничтожеству общественнаго мнѣнія въ Россіи.

— Не къ публикѣ обращаюсь я,—говорилъ графъ Огинскій,—не на ея разсмотрѣніе повергаю я планъ, возможность котораго она даже не въ состояніи постигнуть.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, январь 1904 г.

— Я не измѣнилъ своихъ намѣреній,—отвѣчалъ императоръ Александръ,—но я хочу прежде выждать окончанія борьбы.—Какъ побѣдитель, я возстановлю Польшу, потому что это согласно съ моимъ личнымъ желаніемъ и съ выгодами моего государства. Я знаю, что встрѣчу много затрудненій, но надѣюсь успѣть въ моемъ намѣреніи.

Вслѣдъ за Огинскимъ явился и князь А. Чарторыйскій, круто измѣнившій свое поведеніе. Видя успѣхи Наполеона въ началѣ военныхъ дѣйствій, Чарторыйскій писалъ императору Александру, что «ни одинъ полякъ не обязанъ и не имѣетъ никакихъ уважительныхъ причинъ жертвовать собою для русскаго правительства, которое было главнымъ виновникомъ всѣхъ несчастій его отечества».

Настаивая тогда на увольненіи его отъ русской службы, Чарторыйскій предупреждалъ, что если ему не будетъ дана отставка, то онъ все-таки сочтетъ свои связи съ императоромъ разорванными и присоединится къ конфедераціи.—«Что касается чувствъ привязанности, писалъ онъ, то если они говорятъ сильно съ одной стороны, то не менѣе уважительны они и съ другой, когда столько старинныхъ друзей, уважаемыхъ родственниковъ и любимое семейство внушаютъ ихъ къ себѣ.—Къ тому же всѣми признано, что личныя чувства, какъ бы они ни были почтенны, всегда и всюду должны уступать чувствамъ, которыми мы обязаны отечеству».

Онъ писалъ это въ полномъ убѣжденіи, что побѣда останется за Наполеономъ и что, для осуществленія своихъ желаній возстановить Польшу, онъ не будетъ уже болѣе нуждаться въ содѣйствіи императора Александра. Но увѣренность его не осуществилась: Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе, полчища его были почти истреблены и въ декабрѣ русскія войска вступили въ Вильно. Озадаченный такимъ оборотомъ дѣлъ, князь Чарторыйскій, стараясь забыть прошлое, спрашивалъ теперь императора Александра, намѣренъ-ли онъ осуществить прежніе свои планы относительно Польши?

«Покоривъ поляковъ оружіемъ, захотите-ли вы покорить ихъ сердца? Желаете-ли вы упрочить связь между двумя націями и установить такой порядокъ вещей, котораго не поколеблютъ никакія случайности, ибо онъ обезпечитъ стремленія и благополучія побѣжденнаго народа» [1]).

Онъ отправилъ императору Александру записку о польскихъ дѣлахъ съ указаніемъ, какъ слѣдовало бы ихъ вести послѣ достигнутыхъ военныхъ успѣховъ; говорилъ о томъ, что государю необходимо совершить что-нибудь великое и прекрасное. По мнѣнію кн. Чарторыйскаго, обыкновеннымъ завоеваніемъ Польши нельзя удовлетвориться, и это значило

[1]) Письмо кн. Чарторыйскаго императору Александру 6-го декабря 1812 г. „Рус. Вѣст.“ 1865 № 7, 35.

бы оставить все по-старому; что возстановленіе Польши необходимо для Россіи, Англіи и для всей Европы.

— Въ случаѣ, если война будетъ продолжаться,—говорилъ Чарторыйскій,—надо сдѣлать такъ, чтобы поляки готовы были отдать свою послѣднюю копѣйку и жертвовать своею жизнью для общаго дѣла [1]).

Спустя нѣсколько дней онъ писалъ императору Александру:

«Опасаюсь съ одной стороны внушеній континентальныхъ державъ: онѣ захотятъ отклонить васъ отъ мысли, которой онѣ испугаются и которая слишкомъ прекрасна для того, чтобы ее поняли ихъ кабинеты. Съ другой стороны опасаюсь совѣтовъ лицъ, васъ окружающихъ, которыя по разнымъ соображеніямъ, быть можетъ, отнесутся къ этому плану враждебно, или, ослѣпленныя вашимъ успѣхомъ, забудутъ, что это—самое выгодное и славное средство его упрочить. Не могу себѣ представить, чтобы ваше величество, желавши, когда вы не могли, не желали теперь, когда вы можете все, чего хотите. Это такія минуты, которыя въ жизни не повторяются» [2]).

Чарторыйскій предлагалъ теперь немедленно прибыть къ Александру, чтобы защищать передъ нимъ интересы Польши, опасаясь противодѣйствія со стороны тѣхъ лицъ, которыя въ то время окружали государя.

— Вся надежда моя,—говорилъ князь императору Александру,—на ваши собственныя чувства; вы должны поступить въ этомъ дѣлѣ сообразуясь только съ своими намѣреніями. Соблаговолите вспомнить, государь, что въ вашей имперіи и между лицами, имѣющими вліяніе на ходъ дѣлъ, только вы одни отчасти расположены къ полякамъ. Ваши мысли, ваши предначертанія измѣняются значительно, по мѣрѣ отдаленія отъ васъ, тѣми, кому выпадетъ на долю исполнять ихъ. Отъ этого-то происходитъ крайняя неурядица и безпрерывныя противорѣчія во всѣхъ мѣрахъ, касающихся поляковъ. Въ то время какъ ваше величество желаете успокоить, ободрить, привлечь къ себѣ,—большая часть губернаторовъ стараются, напротивъ, озлоблять, отстранять и доводить ихъ до отчаянія. Нельзя-ли имѣть въ главной вашей квартирѣ постоянно какого-нибудь поляка, который былъ бы, такъ сказать, адвокатомъ, представителемъ своей націи, и которому поручено было бы завѣдываніе дѣлами, касающимися его страны? Я могъ бы занимать эту должность; но и всякій другой депутатъ, присланный изъ Вильны, выполнитъ ее не менѣе хорошо.

Императоръ Александръ понималъ, что князь Чарторыйскій гово-

---

[1]) Письмо кн. Чарторыйскаго Н. Н. Новосильцову 13-го (25-го) декабря 1812 г. „Русскій Арх.“ 1884 г., № 2, стр. 281.

[2]) Письмо кн. Чарторыйскаго императору Александру 15-го (27-го) декабря 1812 г. „Рус. Арх.“ 1871 г., стр. 843.

ритъ о губерніяхъ, присоединенныхъ къ Россіи отъ Польши, и отвѣчалъ ему съ полною откровенностію. «Не смотря на весь блескъ моего теперешняго положенія, мнѣ предстоитъ преодолѣть огромныя трудности для того, чтобы осуществить мои планы относительно вашего отечества. И главная изъ этихъ трудностей лежитъ въ общественномъ мнѣніи Россіи. Образъ дѣйствій польской арміи въ нашихъ предѣлахъ, разграбленіе Смоленска, Москвы и вообще цѣлой страны,—все это пробудило старинную ненависть. Не слѣдуетъ забывать, что Литва, Подолія, Волынь считали и считаютъ себя до сихъ поръ русскими областями, и никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію уступить ихъ подъ владычество инаго государя, а не того, который управляетъ Россіей».

Не смотря на столь опредѣленный отвѣтъ, поляки все еще надѣялись воздѣйствіемъ на императора добиться своего. Они окружили его, слѣдовали за нимъ и призывали къ дѣятельности наиболѣе выдающихся своихъ соотечественниковъ.

Письмомъ отъ 9-го апрѣля 1814 года [1]) Костюшко просилъ императора Александра «даровать полякамъ всеобщую амнистію, безъ всякихъ ограниченій», провозгласить себя королемъ польскимъ «съ свободной конституціей, подходящей къ англійской конституціи», и тогда выражалъ готовность съ честью и преданностію служить родинѣ и «моему монарху».

«Съ особымъ удовольствіемъ,—писалъ государь [2]),—отвѣчаю на ваше письмо.—Самыя сокровенныя желанія мои исполнились, и съ помощью Всевышняго я надѣюсь осуществить возрожденіе храброй и почтенной націи, къ которой вы принадлежите.

«Я далъ въ этомъ торжественную клятву и благосостояніе польскаго народа всегда было предметомъ моихъ заботъ. Одни лишь политическія обстоятельства послужили преградою къ осуществленію моихъ намѣреній. Нынѣ препятствія эти уже не существуютъ, они устранены страшною, но въ то же время славною двухлѣтнею войною. Пройдетъ еще нѣсколько времени, и, при мудромъ управленіи, поляки будутъ снова имѣть отечество и имя, и мнѣ будетъ отрадно доказать имъ, что человѣкъ, котораго они считаютъ своимъ врагомъ, забывъ прошедшее, осуществитъ всѣ ихъ желанія.

«Какъ отрадно было бы мнѣ имѣть васъ помощникомъ при этихъ благотворныхъ трудахъ. Ваше имя, вашъ характеръ, ваши способности будутъ мнѣ лучшею поддержкою».

На помощь полякамъ, окружавшимъ императора Александра въ Вѣнѣ,

---

[1]) Изъ Бервиля, близъ Фонтенебло.

[2]) Отъ 3-го мая 1814 года изъ Парижа. „Русская Старина“ 1882 г. № 4, стр. 243.

явились и польскія дамы, какъ извѣстно, имѣвшія весьма большое политическое значеніе въ Польшѣ. Въ сентябрѣ 1814 года онѣ отправили императору адресъ, въ которомъ просили возстановить Польшу въ прежнихъ ея предѣлахъ.

«Да проститъ всепресвѣтлѣйшій императоръ—писали онѣ [1])—смѣлость польскихъ женщинъ, подающихъ настоящую просьбу.

«Мы видимъ въ императорѣ—Тита, Антонина, Карла Великаго и покровителя наукъ. Видя достоинства этихъ царей соединенными въ лицѣ всепресвѣтлѣйшаго императора, мы тѣмъ самымъ просимъ о ненарушимости нашего королевства.

«Провидѣніе видимо предназначило васъ совершать чрезвычайные подвиги. Среди величайшихъ политическихъ движеній и неслыханныхъ побѣдъ оно отняло у тебя мечъ и вручило тебѣ оливковую вѣтвь, дабы, шествуя съ оною на западъ, возвратить равновѣсіе Европѣ.

«Чудесное и для нашихъ земляковъ Провидѣніе привело ваше величество на ту стезю, гдѣ ты видѣлъ ихъ постоянство, вѣрность и твердость до послѣдней минуты при Наполеонѣ, пока онъ самъ не отпустилъ ихъ къ великодушному императору, дабы сей, освободивъ своимъ могуществомъ другіе народы отъ тягостнаго жребія, принялъ и ихъ подъ свое добродѣтельное покровительство, которое полагалъ онъ для нихъ (т. е. возстановленія Польши) единственною и величайшею наградою за ихъ важныя услуги.

«Всепресвѣтлѣйшій императоръ! Сжалься надъ народомъ, который достоинъ быть имъ, никогда не переставалъ существовать, славился побѣдителями, имѣлъ свой край (отечество), своихъ королей, свято охранялъ ихъ престолъ и покой, несъ вѣрную помощь чужимъ народамъ и вѣками занималъ лучшія страницы въ исторіи. Сей народъ, нѣкогда знаменитый, есть нынѣ скитающійся. Имѣнія наши пропали, главнокомандующій погибъ, мы лишились отцовъ, мужей, братьевъ,—однако и слабые остатки ихъ возвращаются не иначе, какъ въ блескѣ славы и съ оружіемъ въ рукахъ.

«Сія-то скорбь, самая ужасная для сердецъ нашихъ, не пройдетъ, пока ты, государь, благодѣтель человѣчества, не осушишь нашихъ слезъ возстановленіемъ нашего края (отечества). Соверши дѣло безсмертной славы, которое ты такъ блистательно началъ, и позднѣйшее потомство станетъ благословлять тебя.

«Съ упованіемъ повергая сію просьбу къ подножію престола твоего, всепресвѣтлѣйшій государь, остаемся къ отечеству привязанныя и великаго онаго освободителя обожающія польскія женщины».

Съ большимъ запасомъ просьбъ мужчинъ и женщинъ и съ собствен-

[1]) Въ прошеніи отъ 1-го (13-го) сентября 1814 г.

нымъ убѣжденіемъ, что конституціонная форма правленія есть наилучшая для государствъ, императоръ Александръ принялъ участіе въ Вѣнскомъ конгрессѣ. Здѣсь ему пришлось выдержать упорную борьбу за осуществленіе своей идеи о возстановленіи Польши, со всѣми представителями державъ и даже иностранцами, находившимися въ русской службѣ. Принцъ Саксенъ-Кобургскій называлъ Польшу *странным*ъ государствомъ [1]) и противился ея объединенію.

«Всѣ начала,—писалъ Штейнъ въ запискѣ, поданной императору Александру,—входящія въ характеръ свободной націи: чистота нравовъ, уваженіе къ человѣчеству, холодный разсудокъ, просвѣщеніе; всѣ учрежденія, долженствующія лежать въ основѣ конституціи: среднее сословіе, городскія и общинныя учрежденія—имъ (полякамъ) неизвѣстны. Все заставляетъ опасаться, чтобы свобода, къ которой эта нація вовсе не приготовлена, не сдѣлалась бѣдствіемъ для нея самой, для ея сосѣдей и для державы, съ коею она должна остаться неразрывною» [2]).

Штейнъ предлагалъ дать полякамъ, принадлежащимъ Россіи, такія политическія учрежденія, которыя бы обезпечивали имъ участіе въ самоуправленіи, охранили бы ихъ отъ угнетеній, поддержали бы общественное мнѣніе и дали бы пищу ихъ дѣятельности. Учрежденіе земскихъ областныхъ чиновъ въ каждой польской провинціи послужило бы обезпеченіемъ полякамъ личной свободы, собственности, участіе во внутреннемъ управленіи и подало бы средства къ развитію въ народѣ нравственныхъ и умственныхъ силъ.

— Почему же вы,—спрашивалъ императоръ Александръ Штейна,—изъявляя постоянно либеральныя идеи, предлагаете мнѣ совершенно противное?

— Мнѣ кажется, — отвѣчалъ Штейнъ, — что каждое соображеніе должно обсуждаться въ отношеніи предмета, къ которому предполагается примѣнить его. Опасаюсь, чтобы Польша не сдѣлалась для васъ источникомъ непріятностей; ей недостаетъ средняго сословія, охраняющаго во всякой образованной странѣ понятія, нравы и имущество; вмѣсто средняго сословія тамъ видимъ невѣжественную буйную шляхту и жидовъ; подобный же недостатокъ въ среднемъ сословіи затрудняетъ ваши преобразованія и въ Россіи.

— Это правда,—отвѣчалъ государь,—но въ герцогствѣ Варшавскомъ дѣла идутъ очень хорошо.

— Не совсѣмъ... И Наполеонъ не давалъ воли полякамъ.

— Я тоже съумѣю держать ихъ въ порядкѣ,—сказалъ государь.

Графъ Каподистрія считалъ польскій народъ неспособнымъ къ сво-

---

[1]) „Русская Старина“ т. XXII, стр. 493.

[2]) М. Богдановичъ „Исторія царствованія Александра“, т. V, стр. 17.

бодѣ. Онъ говорилъ, что весь вопросъ о свободѣ будетъ относиться къ развращенной и развращающей знати, которой чужды основныя понятія справедливости и человѣколюбія, которая «шумитъ о независимости, а между тѣмъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти держитъ подъ страшнымъ гнетомъ рабства наибольшую часть населенія».

— Эта знать,—говорилъ Каподистрія императору Александру,—по своему своекорыстію, буйству и вѣковой враждѣ къ Россіи, никогда не оцѣнитъ вашихъ пожертвованій.

«Создавать,—писалъ пророчески Поццо-ди-Борго императору Александру [1],—всеобщіе и постоянные интересы противъ себя есть великая политическая ошибка. Возможно-ли предполагать, чтобы ваше величество могли желать чего-нибудь, что противорѣчило бы интересамъ вашей націи, которую сами же вы такъ возвеличили, открыли ей тайну ея могущества и сдѣлали ее господствующею въ Европѣ?.. Дѣйствія Россіи въ отношеніи къ Польшѣ были всегда дѣйствіями правительства сильнаго и здороваго противъ правительства слабаго и болѣзненнаго... Разрушеніе Польши, какъ политической державы, составляетъ почти всю новѣйшую исторію Россіи... Титулъ короля польскаго никогда не можетъ симпатизировать титулу императора и самодержца всей Россіи. Эти двѣ квалификаціи никогда не могутъ слиться вмѣстѣ; онѣ означаютъ вещи и предполагаютъ обязанности до того различныя, что одинъ и тотъ же государь не могъ бы соединить ихъ въ себѣ, не возбуждая недовольства въ той или другой націи или, быть можетъ, въ обѣихъ. Каковы бы ни были вначалѣ мотивы и цѣли завоеваній, но если разъ завоеванія совершились и всѣми признаны, то сохраненіе оныхъ есть уже совершенная необходимость, особенно, если, по свойствамъ и важности этихъ завоеваній, они входили въ систему основной политики государства, завоевавшаго страну. Польскія владѣнія, присоединенныя къ Россіи, находятся, по моему мнѣнію, именно въ этомъ положеніи. Отдѣлить ихъ какою-нибудь минутною мѣрой значило бы подвергнуть весь составъ и экономію государства гибельнымъ перемѣнамъ и возбудить нравственную оппозицію и раздѣленіе мнѣній, весьма вредныхъ и одинаково опасныхъ для обѣихъ націй...

«Размышляя объ этомъ событіи, умъ съ трудомъ постигаетъ возможность отдѣленія, однимъ простымъ актомъ, столькихъ провинцій отъ общей администраціи имперіи для того, чтобъ образовать изъ нихъ фактически независимое государство, которое управлялось бы, по взаимному съ нимъ соглашенію, системой свободныхъ учрежденій, само во-

---

[1] Въ запискѣ отъ 8-го (20-го) октября 1814 г. „Русскій Вѣстникъ“ 1866 г., № 1, стр. 401.

тировало бы налоги, разрѣшало бы ихъ употребленіе и могло бы создать свою армію, между тѣмъ какъ сами завоеватели были бы вынуждены удалиться и присутствовать простыми зрителями при этой революціи; трудно постигнуть, какимъ образомъ все это можетъ совершиться, безъ того, чтобъ отсюда не возникло злоупотребленій со стороны новыхъ отпущенниковъ и негодованія въ старыхъ подданныхъ.—Такой контрастъ былъ бы опасенъ во всякомъ случаѣ; но опасность эта значительно возрастаетъ вслѣдствіе рѣзкаго различія, которое установится въ положеніи русскихъ и поляковъ съ точки зрѣнія конституціонной.—Первые, сознавая свою силу и будучи дѣйствительно сильны, будутъ обречены на положеніе пассивное, тогда какъ вторые, будучи слабы и занимая положеніе сравнительно низшее, будутъ управляться свободно. Присоедините къ этому высокомѣріе торжествующаго тщеславія надъ величіемъ оскорбленнаго права,—и картина будетъ окончена.

«Легко можетъ быть, что ваше величество, въ цвѣтѣ лѣтъ увѣнчанные величайшими успѣхами и во главѣ Европы, будете въ состояніи вашимъ вліяніемъ и твердостію сдержать движенія, которыя могли бы возникнуть противъ этого новаго порядка вещей; но сдержать не значитъ погасить, и предполагая интересы и страсти двигателями сихъ предпріятій, зародыши смутъ будутъ возрастать непрерывно и будутъ воспроизводить тѣ же самыя дѣйствія при каждомъ изъ случаевъ, которые не могутъ не представиться въ ходѣ дѣлъ человѣческихъ...

«Я слишкомъ далекъ отъ мѣры желать увеличенія бѣдствія поляковъ ничѣмъ не извиняемою жестокостью. Но вопросъ не въ томъ, слѣдуетъ-ли оказать полякамъ всевозможное добро: каждый честный человѣкъ раздѣляетъ это желаніе; истинная задача для государственнаго ума заключается въ комбинаціи мѣръ благодѣтельныхъ для Польши съ общимъ интересомъ и безопасностію имперіи вашего величества. Въ глубокомъ убѣжденіи, что предлагаемый поляками планъ вредитъ и тому и другому, я высказалъ здѣсь свои мнѣнія».

Императору Александру и его преемникамъ, скоро пришлось сознать справедливость мнѣнія Поццо-ди-Борго; но во время Вѣнскаго конгресса разубѣдить его было невозможно.

— Коль скоро,—говорила графиня Эделингъ,—какое-нибудь мнѣніе засѣло у него въ головѣ, онъ держался его съ неодолимымъ упрямствомъ [1]).

Это упрямство, подкрѣпляемое совѣтами и просьбами поляковъ, въ особенности настаиваніемъ князя Чарторыйскаго, вызвало упорную борьбу императора со всѣми представителями европейскихъ державъ

---

[1]) Записки графини Эделингъ. „Русскій Арх." 1887 г. № 4, стр. 422.

на Вѣнскомъ конгрессѣ, борьбу, едва не приведшую Александра къ дуэли съ княземъ Меттернихомъ [1]).

«Императоръ Александръ,—писалъ князь Чарторыйскій [2]),—дурно окруженъ своими, тревожимый чужими, держится, однако, непреклонно. Всѣ кабинеты соединились противъ него, и никто не возвышаетъ голоса въ нашу пользу. Русскіе изрыгаютъ свое неудовольствіе и порицаютъ императора. Иностранцы и русскіе ревутъ въ одномъ согласномъ концертѣ. Они удостоиваютъ меня своею ненавистью, выставляя меня заступникомъ нашего дѣла и ближайшимъ совѣтникомъ императора. Не смотря на это изступленіе, я надѣюсь довести дѣло до изряднаго исхода».

Исходъ этотъ, съ польской точки зрѣнія, оказался не совсѣмъ удачнымъ.

По трактату, заключенному и подписанному 21-го апрѣля 1815 года между Россіею, Австріею и Пруссіею, только Варшавское герцогство было навсегда присоединено къ Россіи, Александръ принялъ титулъ короля польскаго и предоставилъ себѣ право даровать новому государству то внутреннее расширеніе, которое признаетъ за благо.

«Вообще же полякамъ, какъ россійскимъ, такъ австрійскимъ и прусскимъ подданнымъ, предположено было даровать народное представительство и національныя государственныя учрежденія, согласныя съ образомъ политическаго существованія, который каждымъ изъ правительствъ будетъ признанъ полезнѣйшимъ и приличнѣйшимъ для него въ кругу его владѣній».

Итакъ, завѣтныя мечты императора Александра осуществились, хотя и не въ тѣхъ предѣлахъ, какъ онъ того желалъ. Тѣмъ не менѣе государь былъ такъ доволенъ, что еще за три дня до подписанія договора писалъ, 18-го апрѣля, президенту варшавскаго сената графу Островскому:

«Съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаю васъ о томъ, что участь вашего отечества наконецъ опредѣлена соглашеніемъ всѣхъ державъ, собравшихся на конгрессѣ.

«Принявъ титулъ короля польскаго, я хотѣлъ удовлетворить желаніямъ націи. Королевство Польское будетъ соединено съ Россійскою имперіею узами собственной его конституціи, на которой я желаю основать счастье страны.

«Если великій интересъ соблюденія общаго спокойствія не дозволилъ соединить всѣхъ поляковъ подъ однимъ скипетромъ, то я по

---

[1]) „Русская Старина", т. 54, стр. 639.

[2]) Польскія интриги. „Русскій Вѣстникъ" 1865 г., № 7-й, стр. 44-я.

крайней мѣрѣ старался смягчить, насколько возможно, суровость ихъ разъединенія и доставить имъ повсемѣстно мирное пользованіе ихъ національностью.

«Прежде, нежели выполненіе остающихся формальностей дозволитъ обстоятельно обнародовать всѣ статьи, касающіяся окончательнаго устройства дѣлъ Польши, я желалъ васъ перваго извѣстить самъ о содержаніи этихъ мѣръ, при чемъ я разрѣшаю вамъ съ сущностью этого письма ознакомить вашихъ соотечественниковъ.

«Примите увѣренія въ искреннемъ моемъ уваженіи. Александръ».

Письмо это было объявлено въ Варшавѣ 9-го (21-го) мая 1815 года, а четыре дня спустя, и именно 13-го (25-го) мая, утверждены Основныя начала польской конституціи, подписанныя, кромѣ императора Александра, Ланскимъ, княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, Новосильцовымъ, Ѳомою Вавржецкимъ, княземъ Ксаверіемъ Друцкимъ-Любецкимъ и государственнымъ референтомъ Шанявскимъ. Составленіе же подробной конституціи было поручено особому комитету подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго.

Основы конституціи были отправлены въ Варшаву при слѣдующемъ манифестѣ отъ 13-го (25-го) мая, на польскомъ языкѣ, который мы приводимъ здѣсь въ переводѣ на русскій языкъ.

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ I

Божіею милостію Самодержецъ всея Россіи, Король Польскій и пр. и пр. и пр.

«Война, начатая для порабощенія міра и перенесенная въ наше отечество, привела побѣдоносную Россію и Европу къ воротамъ Парижа. Съ этой минуты мы имѣли справедливую надежду, что увидимъ независимость народовъ, утвержденную на основахъ справедливости, умѣренности и либеральности, что военный деспотизмъ будетъ вычеркнутъ народами изъ книги законовъ гражданскихъ и политическихъ.

«Конгрессъ въ Вѣнѣ былъ созванъ для выполненія этихъ надеждъ и предоставленія благодѣяній прочнаго мира всѣмъ народамъ, перенесшимъ тяжесть столькихъ бѣдствій. Но для достиженія столь благодѣтельнаго намѣренія, необходимо, чтобы каждый народъ подчинилъ свои интересы и права интересамъ всей Европы и готовъ былъ принести новыя жертвы для общаго блага. Въ виду этихъ высшихъ предначертаній, принято рѣшеніе о судьбѣ польскаго народа. Забота о собственномъ благосостояніи побуждаетъ народы къ защитѣ общаго дѣла. А дѣло идетъ о допущеніи поляковъ въ среду народовъ, въ обезпеченіи имъ свободнаго пользованія благами нравственными и политическими,

которыя составляютъ драгоцѣнное наслѣдство и постоянное стремленіе цивилизованныхъ народовъ.

«Но, работая надъ возрожденіемъ новаго начала въ системѣ европейскихъ государствъ, нельзя было дѣла польскія вести отдѣльно. Счастіе каждаго народа отдѣльно и благо общее не допускали рѣшенія, могущаго вредить общей безопасности и равновѣсію. Благоразумная политика, уроки прошлаго и самая религія, указывавшая намъ на долгія страданія народа, возлагали на насъ святую обязанность, чтобы мы, не щадя никакой жертвы, обезпечили свѣту миръ и охранили Европу отъ новыхъ бѣдствій.

«Поляки! Намъ пріятно цѣнить благородство вашихъ чувствъ и неизмѣнность стремленій, никогда не имѣвшихъ другихъ цѣлей, какъ только возрожденіе отечества, которое вы любите болѣе всего. Горячность вашихъ желаній часто отдаляла васъ отъ предпринятаго спасительнаго намѣренія и бросала на дорогу, не приводившую къ нему.

«Но минули ошибки и неизбѣжныя отъ нихъ бѣдствія. Нами всегда руководило великодушіе даже для виновныхъ, прощеніе, искреннее забвеніе прошлаго и желаніе уничтожить самые слѣды вашихъ страданій, даруя дѣйствительное счастіе.

«Условія заключеннаго въ Вѣнѣ трактата обезпечиваютъ вашъ народный бытъ и многія преимущества, которыми будете пользоваться, переходя подъ нашу державу.

«Поляки! Новыя связи будутъ соединять васъ навсегда съ народомъ великодушнымъ, который, по старымъ родственнымъ связямъ съ вами, по своему геройству, достойному равняться съ вашимъ, по славному и общему названію славянскаго народа, охотно войдетъ съ вами въ братскія сношенія. Конституція и неизмѣнный союзъ соединятъ васъ съ судьбами монархіи, которая слишкомъ велика, чтобы желать увеличенія, и не можетъ держаться иныхъ правилъ, кромѣ имѣющихъ въ основѣ справедливость и свободу. Съ этихъ поръ вашъ патріотизмъ, наученный опытностію, направляемый благодарностью, найдетъ въ народныхъ учрежденіяхъ цѣль, способную захватить всю его дѣятельность. Конституція примѣнена къ мѣстнымъ потребностямъ вашего края и къ вашему характеру; сохраненіе языка, пополненіе общественныхъ должностей, полная свобода торговли, легкость сношеній съ областями, оставшимися подъ чужимъ господствомъ, народное войско;—одним словомъ, вамъ открыты всѣ пути для прогрессивнаго увеличенія вашихъ правъ, возрастанія вашей промышленности и распространенія просвѣщенія между вами. Таковы преимущества, которыми вы будете пользоваться подъ державой нашей и нашихъ наслѣдниковъ; изъ этихъ преимуществъ составится то вѣчное наслѣдство, которое вы завѣщаете вашимъ потомкамъ.

«Это новое государство—есть королевство Польское. Имя столь желанное, давно уже призываемое всѣми вашими желаніями и всѣми усиліями, и за которое вы пролили столько крови.

«Для избѣжанія затрудненій, явившихся изъ-за обладанія Краковомъ, мы подали мысль, чтобы этотъ городъ остался свободнымъ и нейтральнымъ. Область его будетъ находиться подъ охраной трехъ дружескихъ государствъ, познаетъ счастіе мира, посвятитъ себя наукѣ, искусству и торговлѣ. Она станетъ памятникомъ великой по мысли политики, памятникомъ, поставленнымъ въ томъ самомъ городѣ, надъ которымъ парятъ воспоминанія о славныхъ старыхъ польскихъ дѣяніяхъ и гдѣ почіютъ останки вашихъ лучшихъ королей.

«Наконецъ, чтобы увѣнчать дѣло, встрѣтившее столько препятствій, рѣшено, чтобы народность вашихъ братьевъ, остающихся въ подданствѣ Австріи и Пруссіи, была предоставлена опекѣ и гарантіи настоящихъ правительствъ.

«Поляки! не было другаго способа обезпечить ваше народное благосостояніе. Нужно было сохранить вамъ родину, которая не могла бы болѣе дѣлаться поводомъ зависти, безпокойства сосѣдей и поводомъ войны для Европы. Таковы были намѣренія друзей человѣчества и самихъ же поляковъ; такъ совѣтовала просвѣщенная политика.

«На основѣ торжественныхъ условій европейскаго конгресса, собравшагося въ Вѣнѣ, и по силѣ акта уступки его величества короля Саксонскаго [1]), принимаемъ въ вѣчное владѣніе провинціи бывшаго

---

[1]) Уступка эта подтверждена слѣдующимъ актомъ:

„Мы, Фридрихъ-Августъ Божіею милостію король Саксонскій и проч. и проч.

„Вслѣдствіе территоріальныхъ условій, заключенныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ между великими государствами, мы, трактатомъ 18-го числа текущаго мѣсяца, отреклись отъ обладанія княжествомъ Варшавскимъ. А такъ какъ увольненіе подданныхъ этого края отъ присяги есть натуральное сего послѣдствіе, то и считаемъ своею обязанностію, согласуясь съ обстоятельствами и для общаго блага, нести жертвы, которыя на насъ возлагаютъ.

„А потому увольняемъ нашихъ слугъ и нашихъ подданныхъ княжества Варшавскаго отъ присяги, намъ данной. Съ глубокимъ сожалѣніемъ разстаемся съ подданными, которые представляли такія нѣжныя доказательства ихъ привязанности и вѣрности. Воспоминаніе объ этомъ остается навсегда запечатлѣннымъ въ сердцѣ нашемъ. Ихъ счастіе было всегда цѣлью нашихъ отеческихъ заботъ и не перестанетъ никогда быть предметомъ самыхъ горячихъ нашихъ желаній, которыя будемъ возносить къ Божественному Провидѣнію. Призываемъ, чтобы и тому правительству, которому на будущее время поручено ихъ счастіе, оказывали то же послушаніе и вѣрность, какія оказывали намъ. Дано въ Люксембургѣ, дня 10-го (22-го) мая 1815 г. Frederik Auguste“.

княжества Варшавскаго, которыя нами получены по силѣ трактатовъ. Учреждаемое временное правленіе состоитъ изъ лицъ, нами уполномоченныхъ, дабы безъ потрясеній привести народъ къ прочному порядку вещей и къ конституціоннымъ основамъ, создаваемымъ при вашемъ же собственномъ содѣйствіи.

«Намѣстники наши объяснятъ вамъ всѣ выгоды, обезпечиваемыя вамъ Вѣнскимъ трактатомъ, и тѣ, которыя явятся для васъ при конституціонномъ союзѣ съ нашимъ государствомъ. Этотъ союзъ утвердитъ за вами ваши права, ваше предназначеніе и ваши обязанности.

«Призываемъ всѣ классы жителей, призываемъ войско и чиновниковъ къ выполненію присяги на вѣрность, которая будетъ залогомъ нашего вѣчнаго посвященія народу и нашихъ отеческихъ о немъ попеченій. Первой нашей заботой будетъ облегченіе гнетущихъ тяжестей, обрушившихся на ваше отечество въ несчастныя времена. Не тайна для насъ ихъ обширность, и мы съ сожалѣніемъ взирали до сихъ поръ на невозможность ихъ уничтоженія.

«Поляки! пусть знаменательная эпоха въ измѣненіи вашей судьбы упрочитъ навсегда ваши желанія, ваши надежды и ваши чувства. Стремленіе къ славѣ нашего государства и непоколебимое довѣріе къ нашимъ желаніямъ да послужатъ къ счастію новаго вашего быта и сдѣлаютъ васъ достойными постепеннаго улучшенія вашей будущности» [1]).

Въ Основахъ конституціи было сказано, что польскія провинціи присоединены къ Россіи подъ отдѣльнымъ названіемъ королевства Польскаго [2]), будутъ всегда находиться подъ скипетромъ этого государства и получатъ народную конституцію, въ основу которой лягутъ: «порядокъ, справедливость и свобода».

Королевству дарована свобода печати, національное войско, которое сохраняетъ свое обмундированіе и цвѣта, содержится на счетъ государства, обязано защищать границы Польскаго королевства и можетъ быть употреблено только въ Европѣ.

Въ статьѣ 37-й Основъ конституціи было сказано: «Великая консти-

---

Контрасигнировали: Князь Меттернихъ, гр. Разумовскій, князь Гарденбергъ.

Переводъ на польскій языкъ подписали: Ланской, князь Адамъ Чарторыйскій, Новосильцовъ, Ѳома Вавржецкій, Ксаверій князь Друцкой-Любецкій, государственный референтъ и главный секретарь правительства Шанявскій.

[1]) Другой переводъ этого манифеста находится въ Военно-ученомъ архивѣ. Отдѣлъ I, д. № 483.

[2]) Въ русскихъ актахъ королевство Польское называлось царствомъ Польскимъ. См. Полное Собраніе Закон., т. XXXIII, № 26312 и № 26454.

туціонная хартія, даруемая народу нашего королевства Польскаго, должна считаться навсегда за самую дѣйствительную и священную связь, которою это королевство невозвратно и на вѣчныя времена соединяется съ государствомъ Всероссійскимъ, какъ въ особѣ нашей, такъ и всѣхъ нашихъ наслѣдниковъ и преемниковъ. Сущность настоящаго акта достаточно выказываетъ благодѣтельность нашихъ намѣреній относительно жителей королевства Польскаго. Выраженныя здѣсь основы получатъ впослѣдствіи развитіе въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ.

«Возлагаемъ наши упованія на привязанность и вѣрность нашихъ новыхъ подданныхъ и надѣемся, что, слѣдуя нашему примѣру и посвящая себя своей родинѣ, они облегчатъ намъ возможность возвеличить и упрочить ея счастіе».

Верховная власть принадлежала королю, но за его отсутствіемъ управленіе страною поручалось намѣстнику, или изъ членовъ императорскаго дома, или изъ коренныхъ, или натурализованныхъ поляковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что императоръ Александръ готовилъ это мѣсто цесаревичу Константину Павловичу, но обстоятельства случились иначе.

Поляковъ,—писалъ князь Чарторыйскій [1],—«особенно пугаетъ великій князь Константинъ Павловичъ. Они опасаются, что никакая конституція не предохранитъ ихъ отъ насилій преемника Александра I-го».

Вмѣстѣ съ манифестомъ отправленъ былъ изъ Вѣны въ Варшаву князь Чарторыйскій, съ порученіемъ занять мѣсто въ верховномъ временномъ совѣтѣ, учрежденномъ для управленія царствомъ Польскимъ [2].

«Въ то время,—писалъ ему императоръ 13-го (25-го) мая [3],—которое вы провели близъ меня, вы имѣли случай ознакомиться съ моими намѣреніями относительно учрежденій, которыя я хочу установить въ Польшѣ, и улучшеній, которыя я желаю ввести въ этой странѣ. Вы постараетесь никогда не терять ихъ изъ виду при совѣщаніяхъ Совѣта и обращать на нихъ все вниманіе вашихъ товарищей для того, чтобы ходъ правительства и реформы, которыя ему поручено произвести, были согласны съ моими воззрѣніями. Вы не упустите, если въ томъ представится нужда, принять на себя иниціативу для ускоренія результатовъ и представлять проекты, сообразные съ принятою системою. Такъ какъ вамъ не менѣе извѣстенъ мой взглядъ на духъ, въ коемъ

---

[1]) Въ письмѣ Н. Н. Новосильцову 13-го (25-го) декабря 1812 г. „Русскій Арх.“ 1884 г., № 2, стр. 281.

[2]) Со вступленіемъ русскихъ войскъ въ герцогство Варшавское былъ учрежденъ верховный временный совѣтъ, предсѣдателемъ котораго былъ В. С. Ланской и членами князь А. Чарторыйскій, Новосильцовъ, кн. Любецкій и Вавржецкій. Организація совѣта напечатана въ „Русск. Архивѣ“ 1871, т. II, стр. 1570—1583.

[3]) „Русскій Архивъ“ 1871 г., т. I, стр. 870.

долженъ производиться выборъ разныхъ чиновниковъ, то вы не преминете смотрѣть за тѣмъ, чтобы онъ былъ направленъ въ этомъ смыслѣ. Въ странѣ, столь давно колеблемой всякими безпорядками и переворотами, въ высшей степени важно дѣйствовать послѣдовательно и обдуманно. Вотъ что я хотѣлъ еще разъ напомнить вамъ этими строками, которыя я позволяю вамъ даже показывать для того, чтобы придать болѣе вѣсу тому, что вамъ придется говорить для исполненія моихъ намѣреній».

Имѣя въ рукахъ такой рескриптъ, Чарторыйскій ѣхалъ полнымъ распорядителемъ и первенствующимъ дѣятелемъ.

По прибытіи въ Варшаву, онъ вмѣстѣ съ совѣтомъ составивъ «обрядъ празднованія», и 8-го (20-го) іюня происходило торжество возстановленія Польскаго королевства.

Въ рѣчи, произнесенной передъ присягою, Вавржецкій между прочимъ говорилъ [1]):

«Въ исторіи всѣхъ вѣковъ нѣтъ примѣра, чтобы одинъ монархъ излилъ столько благодѣяній на народъ, который противъ него велъ войну и никакой не оказалъ еще услуги. Мы только начнемъ свое служеніе тогда, когда съ искренностію сердца достойно будемъ цѣнить сіе соединеніе и съ вѣрностью исполнять священныя обязанности союза.

«Усовершенствованный науками и опытами разумъ покажетъ россіянамъ, что они, предавши забвенію прежнія недоброхотства, должны являть новымъ братіямъ своимъ родственную пріязнь и помощь. Но тотъ же разумъ и поляковъ убѣдить долженъ, что они не иначе могутъ обрѣсти отдыхъ, безопасность и общественное благополучіе, какъ только подъ щитомъ превозмогающей силы своихъ братій.

«Всепресвѣтлѣйшій императоръ и царь пріобрѣлъ законное право на глубочайшую признательность поляковъ и на совершенную ихъ преданность. Наконецъ наступила пора пробудить старинныя добродѣтели народныя, равно какъ и обычаи, вліяніемъ иноплеменныхъ искаженные! Пора военную храбрость соединить съ благоразуміемъ и гражданскими доблестями, основать будущее счастіе на благочестіи, общественныхъ добродѣтеляхъ и на горячей любви къ отечеству.

«Вся Европа взираетъ на новое царство Польское. Въ ней находятся многіе поступковъ нашихъ наблюдатели, строгіе и недоброжелательные.

«Мы должны прилежно смотрѣть за своимъ поведеніемъ. Такимъ образомъ, съ Божіею помощью, опровергнемъ и упреки и предсказанія злобныхъ иноплеменниковъ, оправдаемъ безмѣрное великодушіе всемилостивѣйшаго императора, царя польскаго и не только не лишимся

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1815 г., ч. 82, № 13, стр. 62—64.

выгоднаго мнѣнія Европы, но даже принудимъ ее уважать и прославлять нынѣшнее насъ возстановленіе».

Въ тотъ же день, послѣ присяги, данъ былъ во дворцѣ обѣденный столъ, а въ театрѣ спектакль безплатно. На слѣдующій день, 9-го (21-го) числа, въ томъ же дворцѣ былъ балъ, и оба дня весь городъ иллюминованъ. Многочисленные транспаранты «изображали благодарность жителей».

«Нельзя описать радостныхъ восклицаній подданныхъ вашего императорскаго и царскаго величества,—сказано въ донесеніи временнаго правительствующаго сената [1]),—равно какъ о той благодарности, которую видѣть можно было на лицѣ каждаго. Спокойствіе и благопристойность, съ каковыми со стороны народа празднуемо было двухдневное сіе торжество, превосходитъ всякую похвалу».

Со своей стороны князь Чарторыйскій говорилъ, что «общее впечатлѣніе было таковымъ, какого только можно желать: безграничная благодарность за толикія благодѣянія, на которыя уже перестали надѣяться, и чувства преданности, запечатлѣвающія обѣтъ вѣрности въ сердцахъ вашихъ новыхъ подданныхъ.

«Тѣ, которые въ этой странѣ присутствовали при столь многихъ прежнихъ церемоніяхъ, замѣтили, что эта имѣла иной характеръ,—нѣчто спокойное и искреннее, ничего театральнаго и поддѣльнаго. Словно эта нація, послѣ стольких страданій, не имѣла болѣе силъ предаться безумной радости; глубокое умиленіе и разумное убѣжденіе выражались на всѣхъ лицахъ и составляли разительную характеристику этого дня.

«Основы конституціи въ особенности увлекли всѣ сердца; но онѣ были необходимы, чтобы произвести это дѣйствіе послѣ долгаго ожиданія часто обманутыхъ надеждъ».

При этомъ князь Чарторыйскій самонадѣянно выразился, что воспоминаніе объ этомъ днѣ должно быть наградою императору Александру за его труды на благо человѣчества [2]).

Какъ ни рѣзко было это выраженіе, но Александръ принялъ его и употребилъ въ отвѣтѣ на адресъ, прочитанный графомъ Замойскимъ.

— Я очень тронутъ, — сказалъ государь, — чувствами польскаго народа, вами переданными. Увѣрьте его моимъ именемъ, что мною руководитъ желаніе возвратить ему существованіе. Соединяя его съ народомъ одного съ нимъ происхожденія—славянскаго, я упрочиваю его благосостояніе и спокойствіе: видѣть его счастливымъ считаю лучшею себѣ наградою.

---

[1]) Отъ 11-го (23-го) іюня 1815 г. Донесеніе подписали: Ланской, князь Адамъ Чарторыйскій, Новосильцовъ, Вавржецкій и князь Ксаверій Любецкій.

[2]) „Русскій Арх." 1871, т. I, стр. 873 и 874.

Счастіе вещь относительная: оно слагается и зависитъ отъ взглядовъ и требованій. Поляки желали гораздо бо́льшаго, чѣмъ получили. Они ненавидѣли русскихъ, не желали соединенія съ ними и употребляли всѣ мѣры, чтобы удалить ихъ изъ края [1]). По высочайшему повелѣнію всѣ русскіе чиновники, находившіеся на службѣ въ бывшемъ герцогствѣ Варшавскомъ, въ званіяхъ областныхъ и окружныхъ начальниковъ, съ 15-го (27-го) іюля 1815 г. были уволены, снабжены прогонными деньгами и отправлены въ Петербургъ; оставлено только 10 человѣкъ при канцеляріи предсѣдателя правительствующаго совѣта и изъ бывшихъ окружныхъ начальниковъ 19 человѣкъ, переименованныхъ въ чиновниковъ разныхъ порученій [2]).

Замѣстивъ русскихъ чиновниковъ своими сторонниками, князь Чарторыйскій употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы удалить и великаго князя Константина Павловича, командовавшаго русскими и польскими войсками и находившагося въ Варшавѣ. Чарторыйскій писалъ императору Александру, что присутствіе великаго князя дѣлаетъ невозможнымъ всякій контроль, всякій порядокъ. Связь, которая должна существовать между гражданскимъ управленіемъ и военнымъ, не существуетъ, и установить ее при русскомъ великомъ князѣ будетъ весьма трудно; что этому причиною независимость военной власти, съ которою правительство не въ силахъ бороться. Онъ писалъ, что великій князь арестовываетъ офицеровъ, обращается съ ними сурово, отдаетъ ихъ безъ вины подъ судъ и даже арестовалъ предсѣдателя города Варшавы; что онъ предписываетъ правительству вызывать къ нему на судъ гражданскихъ чиновниковъ, подъ-префектовъ, старостъ и тому подобное. «Никакое усердіе, никакая покорность не могутъ его смягчить. Онъ, повидимому, возненавидѣлъ эту страну и все, что въ ней происходитъ, и эта ненависть возрастаетъ съ пугающею быстротою. Это предметъ его ежедневныхъ разговоровъ со всѣми. Армія, нація, частныя лица, ничто не находитъ милости въ его глазахъ. Конституція, въ особенности, подаетъ ему поводъ къ безпрестаннымъ насмѣшкамъ; все, что есть правило, форма, законъ, подвергается глумленію и брани, и, къ несчастью, дѣйствія уже послѣдовали за словами. Великій князь не держится даже военныхъ законовъ, которые онъ самъ утвердилъ. Онъ непремѣнно хочетъ ввести тѣлесныя наказанія и вчера приказалъ пустить ихъ въ ходъ, не смотря на единогласныя представленія комитета. Дезертирство, уже теперь значительное, сдѣлается всеобщимъ; въ сентябрѣ большинство офицеровъ попроситъ увольненія.

---

[1]) О нерасположеніи поляковъ къ русскимъ, см. „Письма А. С. Дохтурова къ его супругѣ“, „Русскій Арх.“ 1874, т. I, стр. 1115 и 1116.

[2]) Всепод. рапортъ предсѣдателя правительствующаго совѣта царства Польскаго 17-го августа 1815 г. Военно-учен. арх. отд. I, д. № 483.

«Словно составленъ планъ для того, чтобы противодѣйствовать видамъ вашего величества, чтобы сдѣлать ваши благодѣянія мнимыми, чтобы въ самомъ началѣ предотвратить успѣхъ вашего предпріятія. Его высочество въ такомъ случаѣ былъ бы, самъ того не вѣдая, слѣпымъ орудіемъ этого пагубнаго замысла, первымъ дѣйствіемъ коего было бы ожесточить въ равной степени и русскихъ и поляковъ и отнять всякую силу у самыхъ торжественныхъ изреченій вашего величества. Повидимому, нельзя сомнѣваться въ томъ, что нѣкоторые приближенные великаго князя, какъ явные, такъ и тайные, много содѣйствуютъ поддержанію его мрачнаго и гнѣвнаго настроенія.

«Чего бы не далъ я для того, чтобы здѣсь успѣли угодить великому князю и исполнить въ этомъ отношеніи желаніе вашего величества. Но это рѣшительно невозможно и если онъ здѣсь останется, я предвижу, напротивъ того, самыя печальныя послѣдствія.

«Государь! время не терпитъ, и каждый часъ можетъ принести съ собою столкновеніе, катастрофу, при мысли о коей я содрогаюсь.

«Великій князь, повидимому, не хочетъ соблюдать никакой осторожности, словно онъ желаетъ довести дѣло до разрыва. Никакой врагъ не могъ бы повредить болѣе вашему величеству»....

Князь Чарторыйскій просилъ государя предоставить великому князю только званіе главнокомандующаго войсками, а не правителя и судьи. Но и это онъ считалъ не вполнѣ удобнымъ, такъ какъ великій князь отдалъ приказъ, по которому онъ считалъ себя въ правѣ подвергнуть суду военнаго совѣта любое лицо, и судъ долженъ происходить, какъ онъ повелитъ [1]). Князь Чарторыйскій настоятельно просилъ объ удаленіи великаго князя и съ нимъ вмѣстѣ всѣхъ остальныхъ русскихъ чиновниковъ.

«Хотя безъ сомнѣнія,—писалъ онъ [2]),—впослѣдствіи многіе русскіе чиновники могутъ найти мѣста въ странѣ, однако въ настоящую минуту не могу скрыть отъ вашего императорскаго и царскаго величества, что вся страна ожидаетъ и нетерпѣливо ожидаетъ того дня, когда, сообразно съ основами конституціи, всѣ безъ изъятія русскіе чиновники покинутъ страну. Лишь съ этого дня страна будетъ считать дѣйствительное свое существованіе; пока ихъ видятъ здѣсь, не считаютъ себя избавленными отъ ферулы, которая все-таки даетъ себя чувствовать».

«Армія все еще надѣется на отозваніе великаго князя,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ [3]). Лишь въ этой надеждѣ и отъ боязни, чтобы ихъ

---

[1]) Письмо кн. Чарторыйскаго императору Александру 31-го іюля 1815 г. „Русскій Арх". 1871 г. т. I, стр. 882.

[2]) Тамъ же, стр. 886.

[3]) Тамъ же, стр. 888.

побужденія не были представлены вашему величеству въ ложномъ свѣтѣ, они (офицеры) еще остаются на службѣ.

«Я недавно узналъ достовѣрно, что въ Петербургѣ составилось, по большей части изъ военныхъ, общество, главная цѣль коего состоитъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать благодѣятельнымъ намѣреніямъ вашего величества относительно Польши. Общество это выслало сюда своихъ представителей, и, повидимому, великій князь дѣйствовалъ и дѣйствуетъ подъ ихъ вліяніемъ, при чемъ имъ главнымъ образомъ руководствуетъ желаніе популярности.

«Это общество уже приготовило увѣщаніе (?) относительно Польши, которое собиралось послать вашему величеству. Война, возникшая между тѣмъ [1]) и занявшая этихъ крамольниковъ, и совѣты нѣкоторыхъ благоразумныхъ людей помѣшали исполненію этого намѣренія».

Нѣтъ надобности говорить, что въ донесеніяхъ князя Чарторыйскаго было много ложнаго и преувеличеннаго. При всей строптивости характера великаго князя Константина Павловича, надо помнить, что кн. Чарторыйскій мечталъ если не о польской коронѣ, то почти былъ увѣренъ въ томъ, что будетъ намѣстникомъ, и тогда присутствіе великаго князя было бы для него, конечно, неудобно. Императоръ Александръ придалъ письмамъ князя Чарторыйскаго то значеніе, которое они должны были имѣть, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя поступилъ съ нимъ такъ, какъ онъ не ожидалъ.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, поляки приняли манифестъ и основы конституціи холодно и были недовольны тѣмъ, что Польша осталась раздѣленною между тремя государствами: Россіею, Пруссіею и Австріею.

«Всемилостивѣйшій государь!—писалъ В. С. Ланской [2]).—Бывшаго сената герцогства Варшавскаго президентъ Островскій объявилъ публикѣ повелѣніе къ нему вашего императорскаго величества объ участи герцогства.

«Хотя полагаю, что доведено уже до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, какъ принято сіе объявленіе, но вмѣняю въ обязанность съ своей стороны донести вашему величеству, что оно не произвело такого вліянія, какого ожидать было можно отъ народа болѣе чувствительнаго.

«Причиною есть слѣдующее:

«Болѣе уже года, хотя не совершенно, но извѣстно было настоящее событіе; во все сіе время непрестанно было толковано, какимъ образомъ возстановится существованіе Польши. Всеобщее желаніе частію

---

[1]) По случаю бѣгства Наполеона съ острова Эльбы.

[2]) Въ письмѣ отъ 4-го мая 1815 г. «Русскій Архивъ» 1863 г., стр. 839—841.

*

искренно, частію притворно-запальчивое, но имѣющее одну и ту же цѣль, чтобы быть Польшѣ владѣніемъ отдѣльнымъ и въ томъ же пространствѣ, въ какомъ было оно прежде раздѣленія, такъ помрачило нѣкоторые умы, что вмѣсто довлѣемой признательности къ безпримѣрнымъ благотвореніямъ вашего императорскаго величества, оказываемымъ сей націи, вмѣсто покорнаго благодаренія за высокое въ судьбѣ ея участіе, наконецъ, вмѣсто того, чтобы чувствовать, чтобы превозноситься снисхожденіемъ, съ которымъ ваше императорское величество предпринимали, какъ извѣстно было, осчастливить ихъ принятіемъ титла короля, они (подстрекаемые свойственною нѣкоторымъ кичливостію, что по твердости духа, по храбрости и другимъ мнимымъ достоинствамъ они единственны), наполнились мечтаніемъ, что возстановленіе Польши по-прежнему королевствомъ быть должно, и такъ рѣшительно опредѣлили сіе, какъ бы были въ правѣ того требовать.

«Обольщенные таковымъ заблужденіемъ казались быть доброхотнѣе для насъ, нежели когда-нибудь; но теперь сіе прельщеніе исчезло, и холодность, особенно, какъ говорятъ, черезъ отдѣленіе нѣкоторыхъ частей герцогства къ Пруссіи и Австріи, становится примѣтною до такой опрометчивости, что объявленіе титула короля и увѣреніе въ будущемъ конституціонномъ правленіи принимаются не за милость, но за опасеніе послѣдствій отъ бѣглеца изъ Эльбы.

«Я увѣренъ въ душѣ моей, что приверженность нѣкоторыхъ, а особливо военныхъ къ врагу Европы не угаснетъ, и ничто не обратитъ къ намъ ихъ расположеніе. Туда манятъ ихъ: прелести грабежа, тамъ господствуетъ дерзкая вольность, тамъ ни за какое безчиніе нѣтъ отвѣтственности; здѣсь: порядокъ, чинопочитаніе, повиновеніе повелѣніямъ, точность въ исполненіи ихъ и отвѣтствіе за преступленіе правилъ службы и даже правилъ добродѣтели.

«Государь! Простите русскому, открывающему предъ тобою чувства свои и осмѣливающемуся еще изъяснить, что благосердіе твое и всѣ усилія наши не могутъ быть сильны сблизить къ намъ народъ и вообще войско польское, коего прежнее буйное поведеніе и сообразныя оному наклонности противны священнымъ нашимъ правиламъ, и потому, если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго всегда изліять на насъ ядъ свой. Болѣе не смѣю говорить о семъ и, какъ сынъ отечества, какъ вѣрный подданный вашему императорскому величеству, не имѣю другой цѣли въ семъ донесеніи, кромѣ искренняго увѣренія, что ни въ какомъ случаѣ считать на поляковъ не можно».

Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы и появленіе его во Франціи подало полякамъ надежду на поправленіе ихъ обстоятельствъ, и они

готовы были принять его сторону [1]. «По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ,— сказано въ письмѣ изъ Дрездена отъ 9-го апрѣля 1815 года [2],—поляки продолжаютъ состоять съ Наполеономъ въ тайныхъ сношеніяхъ. Переписка по сему предмету ходитъ черезъ генерала Паца, находящагося въ Дрезденѣ, и князя Любомирскаго, братъ котораго служитъ во французской гвардіи и оказывается очень дѣятельнымъ; уже два раза сдѣлалъ поѣздки на островъ Эльбу и нынѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отправится изъ Польши къ Наполеону во Францію [3]).

«По всѣмъ донесеніямъ высшей полиціи,—писалъ Д. Курута И. И. Дибичу [4],—духъ поляковъ и разумъ ихъ ни мало не улучшается, а напротивъ того приверженность ихъ къ Наполеону болѣе и болѣе увеличивается и распложается.—Молчаніе въ политическихъ происшествіяхъ, происходящее единственно отъ прекращенія сообщенія съ Франціею,, приписываютъ его успѣхамъ внутренняго распорядка и увѣряютъ себя что (онъ) вскорѣ будетъ торжествовать и поставитъ себя на прежнюю степень могущества. Въ ежечасныхъ между ими собраніяхъ пріятнѣйшій предметъ ихъ разговоровъ есть Наполеонъ.

«Графъ Ожаровскій, съ нѣкоторымъ числомъ благомыслящихъ чиновниковъ, старается всѣми средствами вперить въ нихъ и уразумить, что истинное ихъ блаженство основано на непреложныхъ и милостивыхъ правилахъ нашего государя и что благополучіе свое должны основать на благости его величества.—Дай Богъ, чтобы въ семъ намѣреніи послѣдовалъ желаемый успѣхъ».

«По полученіи здѣсь,—писалъ управляющій Волынскою губерніею [5], извѣстія, что государю императору благоугодно было принять на себя титулъ польскаго короля, совсѣмъ не примѣтно того энтузіазма, какого ожидать было должно по прежнимъ разсужденіямъ поляковъ о возстановленіи Польскаго королевства.—Я замѣчаю, что имъ не нравится назначенное присоединеніе герцогства Варшавскаго къ Россійской имперіи, ибо они надѣялись, что присоединенныя прежде отъ польскаго края губерніи составятъ съ Варшавскимъ королевство, подъ особымъ управленіемъ. Когда же передъ симъ получено было извѣстіе о побѣгѣ Наполеона съ острова Эльбы, то примѣтна была радость многихъ, и я ду-

---

[1]) Рапортъ познанскаго коменданта графу Барклаю-де-Толли 8-го апрѣля 1815 г. Арх. канцеляр. воен. министерства, св. 24, д. № 9.

[2]) Тамъ же.

[3]) По этому письму приняты мѣры, чтобы остановить поѣздку поляковъ въ южную Германію, Саксонію и во Францію.

[4]) Отъ 8-го (20)-го мая 1815 г. Арх. Канцел. военнаго министерства, св. 40, д. № 6.

[5]) Главнокомандующему въ Петербургѣ 22-го мая 1815 г. Госуд. Арх., XII, № 271.

маю, что нѣкоторые, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, питаютъ еще прежнюю на Бонапарта надежду».

Узнавъ объ этомъ донесеніи губернатора Комбурлея [1]) и опасаясь отъ того дурныхъ послѣдствій, волынское дворянство спѣшило подъ защиту своего сторонника и покровителя сенатора Сиверса, ревизовавшаго въ то время губернію. «Осѣдлавъ» его, дворянство просило сенатора убѣдить императора Александра въ ихъ преданности и заявить, что оно видитъ въ немъ короля польскаго [2]). На самомъ же дѣлѣ Комбурлей былъ правъ.

По ежедневно собираемымъ свѣдѣніямъ оказывалось, что поляки оставались по-прежнему приверженными Наполеону, выдумывали и распускали разные слухи въ его пользу. Недовольные тѣмъ, что пруссаки занимали Познань, поляки сочинили остроту: «родилось въ Польшѣ дитя безъ познанія» (Urodzilosz w Polszcze Dziecko bez poznania). Въ Варшавѣ ходила по рукамъ записка, что Польское королевство будетъ заключать въ себѣ одиннадцать провинцій и что къ нему будетъ присоединена Литва.

Объ этомъ хлопотали многіе, въ томъ числѣ и Костюшко.

«Государь!—писалъ онъ Александру 13-го іюня 1815 года [3]). Князь Чарторыйскій сообщилъ мнѣ о всѣхъ благодѣяніяхъ, которыя ваше императорское и королевское величество пріуготовляете для польскаго народа. Никакія слова не могутъ выразить моей благодарности и удивленія; одна лишь забота тревожитъ меня еще, отравляя мою радость я уроженецъ Литвы, государь, и мнѣ остается жить не долго, а между тѣмъ будущее моей родины и многихъ частей моего отечества покрыто еще мракомъ неизвѣстности. Я не забылъ тѣхъ великодушныхъ обѣщаній, которыя выше императорское и королевское величество соблаговолили лично высказать по этому поводу мнѣ и нѣкоторымъ изъ моихъ соотечественниковъ, и я никогда не осмѣлюсь усомниться въ дѣйствительности этихъ священныхъ словъ, но мысль, напуганная столь продолжительными несчастіями, жаждетъ постоянно быть вновь успокоенной. Я не осмѣлюсь никогда торопить выполненіемъ вашихъ великихъ предначертаній; я свято буду хранить эти мысли въ тайнѣ и лишь съ именнаго разрѣшенія вашего величества воспользуюсь этой священной тайной».

Не получивъ отвѣта на это письмо, Костюшко писалъ князю Чарторыйскому [4]): «Я не намѣренъ дѣйствовать, оставаясь въ неизвѣстно-

---

[1]) Онъ управлялъ Волынскою губерніею на правахъ генералъ-губернатора.

[2]) Всеподданнѣйшее донесеніе сенатора Сиверса отъ 24-го мая 1815 г.

[3]) „Русская Старина“ 1882 г. № 4, стр. 245 и 246.

[4]) „Русская Старина“ 1882 г. № 7, стр. 141.

сти относительно страны и руководствуясь только надеждами. Интересъ отечества я соединилъ съ царскимъ; отдѣлять его въ моей душѣ я признаю невозможнымъ. Я посвятилъ жизнь бо̀льшей части отечества, если не возможно служить всей странѣ, но не самой малой части, которую высокопарно назвали царствомъ Польскимъ.

«Воздадимъ благодарность и сохранимъ вѣчную признательность императору за воскресеніе уже потеряннаго польскаго имени; однако не одно имя составляетъ народъ, но территорія съ народонаселеніемъ. Обѣщаніе, данное императоромъ мнѣ и многимъ другимъ относительно возвращенія нашего отечества по Двину и Днѣпръ,—давнихъ границъ Польскаго королевства, не представляетъ другой гарантіи кромѣ нашихъ желаній. Дѣйствительное исполненіе этого обѣщанія доставило бы намъ бо̀льшее уваженіе, равно какъ и значеніе, и постоянную дружбу съ русскими, а пользуясь либеральной и совершенно отдѣльной конституціей, какъ мы о томъ часто бесѣдовали между собою, поляки были бы счастливы находиться съ русскими подъ скипетромъ такого великаго монарха.

«Судя по ходу дѣлъ, съ самаго начала, русскіе занимаютъ совмѣстно съ нами первыя государственныя должности; не подлежатъ сомнѣнію, что это не можетъ возбудить среди поляковъ большаго довѣрія; напротивъ того, каждый со страхомъ придетъ къ тому заключенію, что со временемъ польское имя подвергнется презрѣнію и что русскіе будутъ обращаться съ ними, какъ съ покореннымъ народомъ, потому, что такая незначительная горсть народонаселенія никогда не въ состояніи защитить себя отъ перевѣса и насилія русскихъ интригъ.

«Слѣдуетъ-ли намъ молчать объ остальныхъ нашихъ братьяхъ, находящихся надъ русскою властью. Сердце наше трепещетъ и печалится, что они не соединены съ прочими. Гдѣ же находятся тѣ 11 или 10 милліоновъ людей, которые, согласно священнымъ словамъ самого императора, должны составлять царство Польское, и которые, подобно Венгерскому королевству, при отдѣльной конституціи и съ собственными законами, должны были соединиться съ имперіею подъ однимъ скипетромъ.

«Я отдѣляю чувствительное сердце, полное человѣколюбія, и душу, преисполненную великодушія, готовую на добро,—ни съ кѣмъ несравнимаго великаго Александра отъ исполнительнаго кабинета. Я лично буду ему по гробъ благодаренъ за воскресеніе польскаго имени. Полякамъ будетъ оказано добро, хотя и въ стѣсненныхъ границахъ.—Пусть Провидѣніе направляетъ васъ, я же ѣду въ Швейцарію, не имѣя возможности съ успѣхомъ служить моему отечеству. Ты знаешь, что душою и сердцемъ я желалъ содѣйствовать общему благу».

Онъ уѣхалъ неудовлетворенный въ своихъ желаніяхъ, и ему, какъ и многимъ изъ его соотечественниковъ, оставалось вѣрить ходячимъ слу-

хамъ, что Наполеонъ, утвердившись вторично во Франціи, прибудетъ въ Польшу и возстановитъ ее въ старинныхъ предѣлахъ [1]).

Въ ожиданіи этого, поляки относились непріязненно ко всему русскому. «Русскіе тутъ хуже животныхъ,—писалъ графъ Булгари Михайловскому-Данилевскому [2]),—и цѣлая армія, на Волыни расположенная, свидѣтельствовать въ томъ можетъ.—Русскіе законы въ пренебреженіи, и самоуправіе торжествуютъ».

Имя Наполеона производило магическое дѣйствіе на поляковъ, не смотря на то, что онъ постоянно разорялъ ихъ и заставлялъ проливать кровь для своихъ цѣлей, тогда какъ Александръ простилъ ихъ измѣну, благотворилъ имъ и осыпалъ своими милостями еще до присоединенія Варшавскаго герцогства къ Россіи.

«Съ того самаго времени,—писалъ государь тайному совѣтнику С. Ланскому [3]),—какъ верховный совѣтъ довелъ до свѣдѣнія моего различные недостатки по герцогству Варшавскому, я обратилъ вниманіе на доставленіе возможныхъ выгодъ краю сему, нѣсколько уже лѣтъ разоряемому и оставленному наконецъ правительствомъ, какъ скоро побѣдоносныя войска наши приближались. Тогда же положилъ поддержать упадокъ герцогства, лишеннаго способовъ къ существованію.

«Такимъ образомъ соединивъ въ верховномъ совѣтѣ всѣ части управленія герцогствомъ и назначивъ членами онаго природныхъ поляковъ, далъ надлежащій ходъ дѣламъ и способъ снискивать обиженнымъ правосудіе подъ защитою своихъ соотчичей.—Учрежденіемъ лучшаго полицейскаго надзора уважилъ личную безопасность каждаго жителя; разрѣшеніемъ привоза иностранныхъ товаровъ возобновилъ торговлю, вовсе уже не существовавшую; уничтожилъ сборъ мяса и вина на продовольствіе войскъ, въ герцогствѣ расположенныхъ; утвердилъ положеніе Совѣта: объ обезпеченіи Варшавскаго края солью, о почтовомъ сообщеніи, о выпускѣ за границу желѣзной руды, съ платежемъ прежней пошлины, до 1811 года бывшей. Напослѣдокъ предоставилъ совѣту сдѣлать положеніе и по наряду обывательскихъ подводъ для воинскихъ надобностей, которое равномѣрно послужило бы къ облегченію обывателей».

Идя далѣе по пути благотворенія герцогству, императоръ Александръ повелѣлъ Ланскому: 1) Уничтожить многія подати на сумму до 8 милліоновъ злотыхъ, 2) облегчить жителей относительно содержанія госпи-

---

[1]) Извѣстія изъ Польши 1-го іюня 1815 г. Арх. Канцеляріи военнаго министерства. Св. 24 дѣло № 8.

[2]) Отъ 5-го октября 1816 г. изъ Радзивилова. «Русская Старина» 1902 г., № 10, стр. 34.

[3]) Въ указѣ отъ 1-го февраля 1814 года изъ Труа. Арх. министерства внутрен. дѣлъ, III отдѣленіе, 1 столъ, дѣло 1814 г. № 60.

талей, 3) разрѣшить выпускъ изъ Россіи въ герцогство всего того, что вывозилось до начатія войны, 4) сдѣлать распоряженіе, чтобы войска и команды, слѣдуя только по военнымъ дорогамъ, не имѣли постоевъ по другимъ путямъ и не отягощали бы жителей, 5) принимаемые отъ населенія припасы для войскъ зачитать въ число денежныхъ податей и проч. Сверхъ того императоръ Александръ повелѣлъ графу Н. И. Салтыкову [1]) отправить въ распоряженіе предсѣдателя временнаго верховнаго совѣта Ланскаго 4 милліона рублей на нужды администраціи, приказалъ выдать на удовлетвореніе жалованьемъ польскихъ войскъ сначала 400 тысячъ злотыхъ [2]), а потомъ 2.127,245 руб. [3]).

Такая щедрость вызвала со стороны графа Аракчеева представленіе записки, въ которой онъ писалъ [4]):

«Высылка большихъ денежныхъ суммъ въ герцогство Варшавское дѣлаетъ въ государствѣ нашемъ ощутительный упадокъ внутренняго курса нашихъ ассигнацій и весьма требуетъ благоразумнаго размышленія, безъ чего во всѣхъ частяхъ сдѣлаться можетъ замѣшательство; почему необходимо нужнымъ считаю приказать въ герцогствѣ Варшавскому верховному совѣту немедленно заняться соображеніемъ и приисканіемъ собственныхъ способовъ для формированія и содержанія войскъ».—Графу Аракчееву было сообщено, что сумма на польскія войска дается заимообразно отъ министра финансовъ, доколѣ рѣшена будетъ участь герцогства и доходы его приведутся въ порядокъ [5]).

Поляки не цѣнили великодушія къ нимъ императора Александра и смотрѣли на его благодѣянія какъ на нѣчто должное.—Заявляя о своемъ убожествѣ, безденежьи и всеобщемъ разореніи, они вмѣстѣ съ тѣмъ просили о возстановленіи на русскія деньги театра въ Варшавѣ. На этой просьбѣ императоръ Александръ написалъ: «денегъ не имѣютъ на необходимые предметы, а хотятъ тратить на веселіе». Тѣмъ не менѣе, переговорившн съ княземъ Чарторыйскимъ, государь приказалъ удовлетворить и эту просьбу, хотя и сознавалъ, что все сдѣланное имъ не оцѣнится поляками. Поэтому не съ особенно хорошимъ расположеніемъ духа государь отправился въ свое новое царство. Тамъ онъ увидѣлъ, однако же, всѣ наружные признаки радостной встрѣчи.

31-го октября императоръ въ польскомъ мундирѣ и съ орденомъ Бѣлаго Орла въѣхалъ въ Варшаву верхомъ среди польскихъ войскъ и

---

[1]) Высочайшее повелѣніе отъ 28-го февраля 1814 г. № 5.

[2]) Высочайшее повелѣніе министру финансовъ Гурьеву 22-го іюля 1814 г.

[3]) Высочайшее повелѣніе ему же 30-го сентября 1814 г.

[4]) Въ запискѣ отъ 16-го февраля 1815 г.

[5]) Впослѣдствіи предоставлено министру финансовъ сообразить, не выгоднѣе-ли для насъ чеканить польскую монету, чтобы не высылать въ герцогство русскихъ денегъ.

окруженный сановниками государства. Народъ съ наружнымъ восторгомъ привѣтствовалъ короля, старавшагося очаровать всѣхъ своею любезностію. Замѣтивъ въ окнѣ мать князя Чарторыйскаго, Александръ привѣтствовалъ ее поклономъ, вызвавшимъ восторгъ и слезы.—Существованіе Польши, короля польскаго въ національномъ мундирѣ казалось ей сновидѣніемъ: «слезы полились изъ моихъ глазъ,—записала княгиня въ своемъ дневникѣ;—у меня есть родина, и я оставлю ее своимъ дѣтямъ» [1]).

Поселившись въ королевскомъ замкѣ, Александръ употреблялъ всѣ средства, чтобы обольстить поляковъ.—На балахъ, на праздникахъ онъ былъ всегда изысканно любезенъ, носилъ польскій мундиръ и орденъ и удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ знатнѣйшихъ лицъ. Награды и всякаго рода милости сыпались щедрою рукою: назначено нѣсколько генералъ и флигель-адъютантовъ, розданы русскіе ордена и денежныя вспомоществованія; пожалованы многія дѣвицы во фрейлины. Съ имѣній тѣхъ поляковъ, которые служили подъ знаменами Наполеона, снято запрещеніе, и милость эта распространена на уроженцевъ западныхъ губерній Россіи. Представителями послѣднихъ были въ Варшавѣ графъ Огинскій и депутаты отъ трехъ губерній: Виленской, Гродненской и Минской. Въ продолжительной бесѣдѣ наединѣ съ графомъ Александръ далъ ему много обѣщаній.—Онъ говорилъ о твердости даннаго имъ слова, о тѣхъ громадныхъ затрудненіяхъ, которыя пришлось ему побороть, чтобы достигнуть возстановленія Польскаго королевства, обѣщалъ сдѣлать то же и для Литвы, но только просилъ не торопиться и имѣть къ нему довѣріе. Соглашаясь принять депутацію, государь желалъ знать заранѣе, о чемъ будутъ его просить.

— Я не могу допустить,—говорилъ онъ Огинскому,—чтобы вы просили о присоединеніи вашихъ областей къ Польшѣ, такъ какъ не слѣдуетъ подавать повода къ мысли, что вы меня о томъ просите. Необходимо, чтобы всѣ были убѣждены въ томъ, что я сдѣлаю это по собственному почину, что именно я желаю этого. Мнѣ извѣстно, что вы не можете признать удовлетворительными отношенія, существовавшія до сихъ поръ между вашими областями и Россіею. Каждый разсудительный человѣкъ убѣжденъ въ этомъ. Но никто не можетъ допустить предположенія, чтобы я намѣренъ былъ отдѣлить эти области отъ Россіи.—Вы недовольны въ Литвѣ, и ваше недовольство должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока вы не сольетесь съ вашими соотечественниками и не воспользуетесь благами конституціи; когда это совершится, тогда только ваше соединеніе съ Россіею будетъ сопровождаться довѣріемъ и полнымъ согласіемъ между обѣими націями.

---

[1]) Н. К. Шильдеръ „Императоръ Александръ", т. III, стр. 352.

Изъ этихъ словъ можно было заключить, что императоръ Александръ, не желая присоединять Литву къ Польшѣ, намѣренъ былъ въ ближайшемъ будущемъ дать конституцію Россіи, чтобы слить воедино всѣхъ своихъ подданныхъ узами родства и дружбы.— Такъ это и было понято всѣми.

Выслушавъ адресъ депутатовъ, прочитанный Огинскимъ, государь отвѣчалъ имъ общими фразами и ничѣмъ не обнадежилъ.

— Скажите вашимъ довѣрителямъ, что ихъ благосостояніе всегда составляетъ предметъ моихъ попеченій и заботъ.—Увѣрьте ихъ, что я не забывалъ о нихъ даже среди трудовъ, вызванныхъ войною, и что я всегда думаю о средствахъ къ улучшенію ихъ судьбы и обезпеченію ихъ спокойствія и счастія.

Между тѣмъ работы коммиссіи подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго пришли къ концу, и 15-го ноября 1815 года императоръ Александръ утвердилъ конституціонную хартію королевства Польскаго.

Теперь оставалось только назначить намѣстника, и князь Адамъ Чарторыйскій, до обнародованія конституціи управлявшій всѣми дѣлами королевства и докладывавшій о нихъ лично государю, былъ увѣренъ, что займетъ это мѣсто. Онъ успѣлъ уже наполнить главнѣйшія административныя должности своими приверженцами, и поляки стали называть Польшу не Польскимъ, а Пулавскимъ царствомъ, по имени Пулавъ,— имѣнія князей Чарторыйскихъ. Испытывая на себѣ съ молодости вліяніе Чарторыйскаго, доходившее до безцеремоннаго и рѣзкаго обращенія; зная честолюбивые виды его и желая сохранить за собою власть настолько, чтобы все исходило лишь отъ него одного, а не отъ кого другаго, императоръ не могъ остановиться въ выборѣ намѣстника на князѣ Чарторыйскомъ.—Государь могъ ожидать, что князь поведетъ дѣла самостоятельно и быть можетъ посягнетъ на его власть и права.

Убѣдивъ брата, великаго князя Константина Павловича, также отказаться отъ званія намѣстника, императоръ Александръ назначилъ генерала Заіончека. Это назначеніе какъ громомъ поразило кн. Адама Чарторыйскаго и всю его фамилію. «Я видѣлъ его тогда,—говоритъ Михайловскій-Данилевскій [1]),—въ ту самую ночь, въ которую была подписана конституція и былъ назначенъ Заіончекъ намѣстникомъ. Это происходило часу во второмъ по полуночи. Я стоялъ въ комнатѣ, передъ кабинетомъ государя, съ княземъ Волконскимъ и съ статсъ-секретаремъ Марченко, какъ вдругъ вошелъ съ разстроеннымъ видомъ князь Чарторыйскій и ходилъ по горницѣ болѣе четверти часа, и не только не взглянулъ на насъ во все сіе время ни одного разу, но даже

---

[1]) Въ своихъ воспоминаніяхъ. „Русскій Вѣстникъ“ 1890 г. № 10, стр. 88.

и не поклонился намъ: онъ былъ какъ въ изступленіи, вѣроятно, отъ оскорбленнаго самолюбія».

Князю Чарторыйскому оставлено званіе члена Совѣта, точно также, какъ и великому князю, назначенному вмѣстѣ съ тѣмъ и командующимъ польскими войсками.

Впослѣдствіи являлось затрудненіе, какъ помѣстить князя Чарторыйскаго въ Совѣтѣ, всѣхъ-ли выше или послѣ графа Станислава Потоцкаго. Заіончекъ спрашивалъ о томъ мнѣнія Н. Н. Новосильцова. «Я, соображая,—писалъ послѣдній императору Александру [1]),—и сравнивая всѣ обстоятельства, къ сему принадлежащія, не могъ разрѣшить его сомнѣнія иначе, какъ присовѣтовавъ ему посадить графа Потоцкаго первымъ по правую, а князя Чарторыйскаго по лѣвую руку».

Подписавъ 19-го ноября (1-го декабря) указъ о назначеніи Заіончека намѣстникомъ, государь выѣхалъ изъ Варшавы недовольнымъ, скучнымъ и даже сердитымъ. Онъ окончательно порвалъ связь съ другомъ дѣтства, избѣгалъ встрѣчи съ фамиліею князей Чарторыйскихъ и могъ ожидать противодѣйствія съ ихъ стороны. Такъ и было въ дѣйствительности. Въ 1816 году Заіончекъ просилъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бороздина доложить отъ его имени государю, «что партія Чарторыйскихъ походитъ на заговоръ и можетъ имѣть всѣ послѣдствія онаго, ежели не обратятъ на оную вниманія. Конечно, не должно сего опасаться въ царствованіе государя, котораго Польша признаетъ своимъ благодѣтелемъ, но умышленія Чарторыйскихъ могутъ обнаружиться при наслѣдникахъ его».

Съ отъѣздомъ императора изъ Варшавы поляки остались въ полномъ неудовольствіи. Они надѣялись услышать изъ устъ государя, что къ царству Польскому будутъ присоединены Могилевъ, Витебскъ, Волынь, Подолія и Литва. Услышавъ противное, они по-прежнему обратились къ поднятію національнаго духа, при помощи тайныхъ обществъ и интригъ.

Воспоминанія о минувшей славѣ польской, желаніе видѣть свое отечество въ прежнихъ предѣлахъ, а себя гражданами, независимыми отъ чужаго вліянія, гражданами, сохранившими языкъ, обычаи и свойства предковъ, были главною причиною, почему нѣкоторые изъ нихъ рѣшились тайнымъ образомъ поддерживать и распространять народный духъ во всѣхъ частяхъ бывшей Польши съ тѣмъ, чтобы населеніе было всегда готово къ взаимному соединенію, когда представится къ тому удобный случай.

Первая мысль объ учрежденіи тайнаго общества родилась еще въ

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ 2-го (14-го) декабря 1815 г. Военно-ученый Арх. Отд. I, д. № 483.

1811 году. Поляки желали тогда создать тайную силу, которая, при удобномъ случаѣ, могла бы даровать Польшѣ независимое существованіе. Попытки эти не имѣли, однако же, успѣха. Главный начальникъ польскихъ войскъ, кн. Понятовскій, узнавъ о такой мысли, объявилъ, что поляки, покровительствуемые императоромъ французовъ, должны отъ него одного ожидать будущаго своего благоденствія.

Вскорѣ послѣ возвращенія польскихъ войскъ изъ Франціи, когда герцогство Варшавское было присоединено къ Россіи, два молодыхъ офицера, Прондзинскій и Колачковскій, пригласивъ къ себѣ 16-ти-лѣтняго Малаховскаго, составили общество истинныхъ или правдивыхъ поляковъ. Они обязались: 1) быть всегда настоящими добрыми поляками, 2) умножать общество свое новыми членами и принимать ихъ по установленному обряду; 3) распространять народный духъ; 4) не щадить усилій къ достиженію цѣли и 5) хранить тайну.

Для принятія въ общество необходимо было собраніе трехъ членовъ и совершалось въ потьмахъ. Два члена, такъ называемые «свидѣтели невидимые», ожидали вступающаго въ темной комнатѣ, въ которую вводилъ его третій членъ съ фонаремъ подъ особою мантіею. Кромѣ его никто не долженъ былъ знать новаго члена, которому предварительно указывалась неизвѣстность, коею покрыта судьба Польши, и необходимость твердой нравственной связи между поляками. Введеннаго спрашивали: кто вы? Онъ долженъ былъ отвѣчать—я полякъ; слѣдовалъ вторичный вопросъ: вы полякъ?—Да, истинный полякъ. Тогда членъ наводилъ на глаза принимаемаго потаенный фонарь, который скрывалъ подъ мантіею, и въ новой рѣчи объявлялъ ему, что онъ долженъ исполнять пять тѣхъ обязательствъ, которыя приведены выше, и сверхъ того не стараться узнавать другихъ членовъ общества и никогда не говорить о нихъ.

Наружнымъ знакомъ, по которому члены узнавали другъ друга, былъ перстень изъ серебра съ красною эмалью, внутри онаго пять точекъ означали число установленныхъ правилъ, а снаружи три точки показывали число членовъ, его принявшихъ. На перстнѣ были вырѣзаны двѣ буквы: P. P. обозначавшія слова Prawdziwy Polak (истинный полякъ). Обычай носить такіе перстни далъ поводъ назвать это общество перстневымъ (Piérscionkowym).

Впослѣдствіи члены общества, число которыхъ было не болѣе 12 человѣкъ, показывали, что они не имѣли въ виду ничего серьезнаго, хотѣли только шутя обманывать нѣкоторыхъ знакомыхъ и главною забавою ихъ было заставлять заику Сабанскаго исполнять обязанности оратора. По показанію Малаховскаго, общество это рушилось съ дарованіемъ конституціи Польскому королевству. Хотя существо-

ваніе его было весьма кратковременно, но оно указываетъ на общее настроеніе поляковъ, стремившихся къ одной цѣли—самобытности Польши. Однимъ изъ главныхъ лицъ, считавшихъ необходимымъ питать въ народѣ духъ патріотизма безъ различія правительствъ, которымъ поляки были подвластны, былъ генералъ Домбровскій.

— Конституція и отеческое правленіе царя нашего,—говорилъ онъ незадолго до своей кончины адъютанту своему Мицѣльскому,—не защитятъ насъ отъ новыхъ перемѣнъ, какія могутъ возникнуть въ Европѣ, еще не получившей твердаго и неизмѣннаго устройства. Покушеніе Наполеона съ острова Эльбы возвратить потерянный престолъ служитъ яснымъ тому доказательствомъ. Что же было съ нами, если бы побѣдоносные орлы Наполеоновы опять явились подъ Вислою. Робкіе, какъ агнцы, хотя и съ львиною крѣпостью, мы опять принесли бы ему на жертву легіоны свои въ замѣнъ суетныхъ обѣщаній его. Выйдемъ изъ сего унизительнаго состоянія, откроемъ въ Польшѣ источникъ силы народной, общественное мнѣніе. Оно не можетъ быть противно конституціи и царю нашему, который предпочитаетъ признательность людей, умѣющихъ цѣнить его благодѣяніе, слѣпой благодарности тварей безсмысленныхъ. Поляки отъ природы склонны къ энтузіазму и легко могутъ быть обмануты; хорошіе воины, не худые граждане, они заняты однимъ настоящимъ и не заботятся о будущемъ. Они храбры, не имѣя сознанія о внутреннемъ своемъ достоинствѣ и о собственной силѣ. Оттого они не могли пользоваться благопріятными случаями и, забывая себя, увлекались однимъ энтузіазмомъ къ своимъ предводителямъ, которые, въ свою очередь, думали болѣе о своей личной славѣ, нежели о благѣ народномъ. Таковъ былъ и Понятовскій.

Мицѣльскій признавался, что слова Домбровскаго убѣдили его, и онъ передалъ ихъ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ. Всѣ они условились распространять ихъ въ публикѣ безъ разбора, кого только признаютъ достойными особенной довѣренности, съ просьбою точно также передавать своимъ знакомымъ, преимущественно живущимъ въ Галиціи, Познани и въ польскихъ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, дабы такимъ образомъ соблюсти единство патріотизма.

Сохраненіе или возрожденіе національныхъ добродѣтелей и готовность жертвовать всѣмъ для отечества въ случаѣ нужды составляло обязательство польскихъ патріотовъ [1]). Къ нимъ на помощь пришло и «Варшавское общество любителей наукъ».

Въ собраніи своемъ 21-го ноября (3-го декабря) 1815 г. общество

---

[1]) Выписка изъ допросовъ, снятыхъ слѣдственною коммиссіею въ Варшавѣ. Арх. Канцел. воен. минист., св. 59, дѣло № 197.

постановило отправить императору Александру просьбу о принятіи его подъ свое покровительство. Принося благоговѣйную признательность за попеченія, которыя, среди военныхъ трудовъ, государь не переставалъ оказывать всѣмъ заведеніямъ народнаго просвѣщенія въ польскихъ областяхъ, находящихся подъ властію Россіи, общество называло его великимъ государемъ, другомъ и покровителемъ наукъ. Оно писало, что столь славнымъ именемъ должны называть его особенно поляки за созданные имъ училища на Волыни и открытый Виленскій университетъ, одаренный царскими щедротами и осыпанный милостями. Члены общества просили распространить и на нихъ милость и покровительство, и увѣряли, что отнынѣ любовь къ отечеству будетъ у нихъ слита нераздѣльно съ любовію къ королю, и они будутъ жертвовать всѣмъ единственно славѣ его царствованія. Въ концѣ прошенія было сказано, что тѣснѣйшія узы будутъ соединять народъ польскій съ русскимъ, какъ двухъ старѣйшихъ братьевъ великаго славянскаго племени. Общество обѣщало государю, что взаимное усовершенствованіе двухъ нарѣчій единаго первоначальнаго славянскаго языка и успѣхи словесности будутъ новымъ плодомъ союза между двумя народами, союза, который Варшавское общество наукъ будетъ стараться сохранять и укрѣплять [1]).

Получивъ по ходатайству князя Чарторыйскаго высочайшую покровительственную грамату 15-го (27-го) марта 1816 г. [2]), общество постановило 9-го (21-го) апрѣля память этого важнаго событія соединить съ воспоминаніемъ о дарованіи подобной граматы въ 1808 году саксонскимъ королемъ и назначить 18-е (30-е) апрѣля днемъ торжественнаго ежегоднаго собранія, въ которомъ выражать чувство благодарности обоимъ государямъ [3]). Въ засѣданіи же общества 21-го мая (2-го іюня) 1816 г. было постановлено помѣстить въ залѣ торжествен-

---

[1]) Все это, конечно, были только одни слова. При обозрѣніи въ 1832 г. библіотеки общества оказалось изъ 30.000 томовъ на польскомъ и другихъ языкахъ только нѣсколько десятковъ русскихъ книгъ, а изъ числа 416 членовъ общества около 10 русскихъ, которые были или почетные, или корреспонденты, и ни одного дѣйствительнаго.

[2]) Она напечатана Д. В. Цвѣтаевымъ. См. „Варшавскія университетскія извѣстія“ 1899 г., книги VII и IX. Статья эта была напечатана отдѣльною брошюрою, въ которой грамата эта напечатана на стр. 22 и 23.

[3]) Въ напечатанномъ въ 1830 году уставѣ общества нѣтъ ни одного благодарнаго слова объ императорѣ Александрѣ, тогда какъ въ § 24 было сказано, что одно изъ публичныхъ засѣданій ежегодно будетъ посвящено признательнѣйшему воспоминанію высокой милости короля саксонскаго, даровавшаго Варшавскому обществу 10-го апрѣля 1808 г. названіе Королевскаго.

ныхъ засѣданій портретъ императора Александра противъ портрета короля Саксонскаго, но это было исполнено только въ 1828 г. [1]).

Заручившись покровительствомъ императора Александра, Варшавское общество любителей наукъ пошло смѣлѣе по пути возбужденія народнаго духа. Подъ патріотическимъ предлогомъ сохраненія чувства любви къ отечеству, общество приступило къ печатанію въ Варшавѣ «Историческихъ пѣсенъ» Нѣмцевича, бывшаго сначала членомъ, а потомъ и предсѣдателемъ общества.

Пѣсни эти, разсмотрѣнныя особою коммиссіею [2]), были названы обществомъ всеобщею учебною книгою польскаго народа. Общество признавало, что по этой книгѣ родители могли легко и пріятно обучать своихъ дѣтей и сами обучаться. Простая и потому для всякаго понятная проза, живой и мѣрный языкъ поэзіи, восхищающая слухъ музыка, искусно подобранныя по содержанію пѣсенъ картинки скоро и удобно передавали полякамъ, а въ особенности полькамъ, описанныя Нѣмцевичемъ воспоминанія изъ отечественной исторіи. При всеобщемъ возбужденіи поляковъ, воспоминанія эти запечатлѣвались глубоко въ умахъ и сердцахъ читателей.

Вмѣстѣ со внушеніемъ польскимъ юношамъ любви къ прежнему отечеству, авторъ пѣсенъ возбуждалъ въ нихъ мечтательный патріотизмъ и воспламенялъ воинскій духъ и страстную охоту подражать храбрымъ предкамъ. Въ этихъ преувеличенныхъ похвалахъ соотечественникамъ, Нѣмцевичъ старался поселить презрѣніе къ прочимъ народамъ, питалъ къ нимъ вражду и вызывалъ мщеніе за раздѣлъ Польши.

Нѣмцевичъ не скрывалъ своей цѣли и въ предисловіи сближалъ свои пѣсни съ марсельскими, во время французской революціи. Онъ хвалилъ послѣднія, приписывая имъ многія побѣды французскихъ войскъ. Ожививъ въ своихъ пѣсняхъ воспоминанія о побѣдахъ польскихъ королей и полководцевъ, Нѣмцевичъ убѣждалъ своихъ соотечественниковъ подражать имъ. «Узнавъ,—говоритъ онъ,—сколько мы

---

[1]) Въ честь короля саксонскаго была выбита серебряная медаль, но такое вниманіе не было оказано императору Александру. Подъ портретомъ короля Саксонскаго была на мраморной доскѣ надпись, свидѣтельствующая о признательности общества къ его памяти; подъ портретомъ Александра не было никакой подписи. Въ залѣ собранія было много мраморныхъ бюстовъ (Домбровскаго, Альбертранди, Сташица, Чацкаго, Нѣмцевича, кн. Сапѣги, Богуша и друг.), было много гравюръ, и ни одной русскихъ императоровъ, хотя Николай I пожаловалъ обществу ежегодно по 8.000 злотыхъ на награды за сочиненія по задачамъ Общества.

[2]) Въ составѣ: князя Чарторыйскаго, епископа Пржимовскаго, Липинскаго, Шанявскаго и Коссаковскаго.

прежде были сильны и славны, пожелаемъ сдѣлаться опять такими». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «взявъ въ свои руки на короткое время лиру, долго висѣвшую надъ гробомъ отечества, я кладу ее опять на колыбель отечества». Въ своихъ пѣсняхъ Нѣмцевичъ ведетъ пылкихъ польскихъ юношей съ Болеславомъ Храбрымъ къ Кіевскимъ воротамъ, съ Константиномъ Острожскимъ — подъ Оршу, съ Баторіемъ на осаду Великихъ Лукъ, съ Владиславомъ IV—подъ Смоленскъ, съ Жолкѣвскимъ въ Москву, изъ которой онъ возвращается съ большою добычею. Поэтъ указываетъ на соединеніе Литвы съ Польшею и изображаетъ данникомъ Польши князя прусскаго Альберта, а плѣнниками Василія Ивановича Шуйскаго, брата его Дмитрія, митрополита Филарета и князя Василія Голицына. Въ замѣчаніяхъ объ упадкѣ и характерѣ польскаго народа, Нѣмцевичъ старается представить въ благодѣтельномъ для народа видѣ польскую революцію 1794 года, потушенную послѣднимъ раздѣломъ Польши. Онъ говоритъ, что подъ гробовымъ покровомъ, распростертымъ надъ раздѣленными частями Польши, всегда тлѣло пламя любви къ отечеству, которая привела польскихъ юношей на берега Рейна, Тибра, Нила и явила ихъ подвиги на снѣжныхъ вершинахъ Альпійскихъ горъ.

Предсѣдатель Варшавскаго общества любителей наукъ Сташицъ въ рѣчи своей, произнесенной въ торжественномъ собраніи 18-го(30) октября 1817 года, говорилъ, что въ историческихъ пѣсняхъ родители найдутъ способъ внушать дѣтямъ гражданскія добродѣтели и воинскія доблести предковъ и что авторъ своими личными подвигами совершилъ на дѣлѣ все, что прославляетъ въ другихъ доблестныхъ полякахъ [1]).

Въ своемъ предисловіи къ историческимъ пѣснямъ Нѣмцевичъ объявилъ, что давно хранящіяся въ его порфелѣ басни и повѣсти ожидаютъ благопріятнаго времени для ихъ изданія, что̀ и послѣдовало въ 1817 году, при содѣйствіи Общества любителей наукъ и многихъ польскихъ дамъ. Басни и повѣсти преслѣдовали ту же цѣль и имѣли тоже политическое значеніе. Въ баснѣ «Крысы» слышится ѣдкая сатира, направленная по адресу Россіи.

Въ баснѣ Муравейникъ [2]) авторъ представляетъ раздѣлъ Польши въ видѣ развѣянной тремя сильными вѣтрами кучи муравьевъ, потомъ подъ силою другаго противнаго вѣтра (Наполеона) учрежденіе Варшавскаго герцогства. Далѣе слѣдуетъ недоумѣніе поляковъ о дальнѣйшей

[1]) Взглядъ на дѣйствія бывшаго Варшавскаго общества любителей наукъ (рукоп.). Нѣмцевичъ былъ сподвижникомъ Костюшки и съ нимъ былъ взятъ въ плѣнъ.

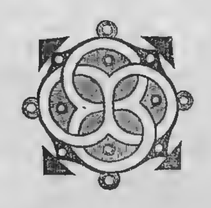
[2]) Басня „Муравейникъ" написана 30-го іюня 1815 г., тотчасъ по возстановленіи царства Польскаго, въ Вилановѣ, загородномъ мѣстѣ близъ Варшавы принадлежавшемъ нѣкогда польскому королю Іоанну III Собіескому.

своей участи и затѣмъ нечаянное появленіе солнца съ сѣверной стороны и радостное возстановленіе царства Польскаго. Но вскорѣ послѣ веселья наступила недовѣрчивость и жалобы поляковъ на Аквилона, за то, что онъ не собралъ и половины муравьевъ. «Предоставимъ, говоритъ Нѣмцевичъ,—будущему времени возвратить намъ то, что еще остается желать. Если кто изъ насъ столько мудръ, что нашелъ средства привести это дѣло въ прежнее положеніе, пусть объявитъ свою мысль, и если она будетъ согласна съ разсудкомъ, то каждый благомыслящій муравей не преминетъ воспользоваться ею. Теперь время заняться не толкованіями, а дѣлами: приступимъ къ очищенію развалинъ и постройкѣ зданія; пусть всѣ муравьи побольше натаскаютъ еловыхъ стеблей и смолы. Муравейникъ только трудами можетъ подняться къ верху. Между тѣмъ не будемъ горевать: надежды наши не въ мечтахъ о той сторонѣ, съ которой не станетъ уже дуть на насъ вѣтеръ, но въ добродѣтели, умѣ и мужествѣ».

Пѣсни и басни Нѣмцевича производили громадное впечатлѣніе; поляки слѣдовали наставленіямъ, въ нихъ даннымъ, и стали составлять тайныя общества, съ цѣлью возстановленіе Польши. Общества эти, имѣющія свою исторію въ будущемъ ихъ дѣйствіи, теперь были только въ зачаткѣ, но возвращавшіяся изъ заграничнаго похода русскія войска знали о существованіи этихъ обществъ, знали о недовольствѣ поляковъ и ихъ волненіи.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА

барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа [1].

1839 годъ.

Новгородскій губернаторъ Сенявинъ.—Кіевскій митрополитъ Филаретъ.—Кончина князя Х. А. Ливена.—Характеристика Петербургскихъ баловъ.—Празднованіе юбилея адмирала Крузенштерна.—Графъ Орловъ.—Кончина графа Литты.—Маскарадъ у графа Левашова.—Кончина и погребеніе графа М. М. Сперанскаго.—Его характеристика.—Кончина С. С. Кушникова.—Статсъ-секретарь Позенъ.—Выдержки изъ бумагъ М. Сперанскаго.—Я. И. Ростовцевъ.—А. П. Ермоловъ.—Графъ А. И. Чернышевъ.—Сосланные французы въ Иркутскѣ.—Новыя назначенія по министерству юстиціи.—Фельдмаршалъ кн. Паскевичъ.—Семейство Віельгорскихъ.—Кончина В. Тутомлина.—Балугьянскій.—Князь Васильчиковъ въ Бородинскомъ бою.—Дѣло о поселеніи крестьянъ на Калмыкскихъ земляхъ.

1-го января. Важнѣйшія сегодняшія новости суть тѣ, что председатель нашъ (Государственнаго Совѣта) Васильчиковъ пожалованъ княземъ, а Сперанскій—графомъ. Первому это важно, потому что у него много сыновей, но у послѣдняго одна замужняя дочь.

2-го января. Въ Новгородъ назначенъ новый губернаторъ, служившій прежде въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, камергеръ Сенявинъ, человѣкъ очень богатый и еще болѣе извѣстный по женѣ своей, урожденной Агеръ, одной изъ самыхъ выдающихся женщинъ нашего большаго свѣта. Первое дѣйствіе его по пріѣздѣ въ губернію было то, что онъ

---

[1]) См. „Русскую Старину", январь 1904 г.

пожертвовалъ своимъ жалованьемъ (12-ть т. р). на улучшеніе содержанія чиновъ губернскаго управленія.

Извѣстный богачъ Павелъ Демидовъ, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Курскъ, не только пожертвовалъ на тотъ же предметъ своимъ жалованьемъ, но и безпрестанно сыпалъ огромныя суммы изъ своего достоянія и, при всемъ томъ, въ два года его управленія губернія совершенно разстроилась и стала гораздо ниже прежняго.

15-го января. На-дняхъ посѣтилъ меня кіевскій митрополитъ Филаретъ, соименный московскому. Этого старца, который уже 40 лѣтъ въ монашествѣ и 20 лѣтъ архіереемъ, не возможно не любить и не уважать.

Это какой-то отрывокъ древняго русскаго міра, инокъ въ настоящемъ смыслѣ и въ томъ духѣ, въ какомъ я воображаю себѣ монаховъ при основаніи первыхъ нашихъ обителей. Онъ невольно привлекаетъ сердца какимъ-то дѣтскимъ простосердечіемъ, истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ и вообще отличными качествами своей души. Въ Казани, гдѣ онъ долго былъ архіепископомъ, народъ провожалъ его съ воплемъ и стенаніями, какъ отца; въ Кіевѣ, гдѣ онъ занялъ мѣсто покойнаго Евгенія, знаменитаго своими учеными трудами, — народъ тоже привязался къ нему, хотя онъ тамъ еще недавно, и при томъ бо̀льшую часть года вынужденъ проводить здѣсь (въ Петербургѣ) по обязанностямъ синодальнаго члена. Онъ сильно скорбитъ объ этихъ невольныхъ отлучкахъ изъ Святого града, гдѣ, какъ онъ говоритъ, «и воздухъ наполненъ святостью».

На-дняхъ пришло сюда извѣстіе о кончинѣ князя Христофора Андреевича Ливена, бывшаго долгое время посломъ нашимъ въ Лондонѣ, а послѣдніе годы занимавшаго почетное мѣсто попечителя при наслѣдникѣ—мѣсто, въ которомъ онъ и умеръ теперь въ Римѣ, сопровождая наслѣдника въ заграничномъ его путешествіи. Онъ былъ женатъ на сестрѣ гр. Ал. Хр. Бенкендорфа, женщинѣ чрезвычайно умной, которая всегда премировала въ нашей дипломатіи, и она-то собственно, подъ именемъ мужа, была нашимъ агентомъ въ Англіи.

16-го января Вчера былъ второй балъ у княгини Кочубей для царской фамиліи. Когда государь, пріѣхавъ, вышелъ изъ внутреннихъ комнатъ, я одинъ изъ самыхъ первыхъ попалъ ему навстрѣчу, и онъ, проходя мимо и почти не останавливаясь, сказалъ мнѣ:

— Я еще не успѣлъ поздравить тебя съ твоимъ величіемъ. Оставайся старымъ Корфомъ, какимъ былъ.

Нынѣшній карнавалъ очень коротокъ, потому, что постъ начинается

уже 6-го февраля. За то и спѣшатъ натанцоваться и вообще навеселиться до-сыта. Кромѣ вчерашняго бала и многихъ ему предшедшихъ, сегодня балъ у Бутурлина, хотя не собственно для царской фамиліи, но на которомъ ожидаютъ однако же государя. Послѣ завтра, въ среду, балъ—прямо уже для царской фамиліи, у княгини Бѣлосельской, а въ четвергъ всѣ будутъ на балѣ дворянскаго собранія. Элементы, изъ которыхъ составляются всѣ эти балы большаго свѣта, довольно трудно обнять какими-нибудь общими чертами. Разумѣется, что на нихъ бываетъ весь аристократическій кругъ; но кто именно составляетъ этотъ кругъ въ такомъ государствѣ, гдѣ одна знатность происхожденія не даетъ сама по себѣ никакихъ общественныхъ правъ — объяснить не легко. Въ этомъ кругу есть всего по-немножку, но нѣтъ ничего, такъ сказать, доконченнаго, округленнаго. Тутъ есть и высшіе административные персонажи, но не всѣ; нѣкоторые отдѣляются отъ свѣтскаго шума по лѣтамъ, другіе по привычкамъ и наклонностямъ. Точно также въ этомъ кругу есть и богатые и бѣдные, и знатные и ничтожные, даже такіе, о которыхъ удивляешься, какъ они туда попали, не имѣя ни связей, ни родства, ни состоянія, ни положенія въ свѣтѣ! Между тѣмъ весь этотъ кругъ, какъ заколдованный: при 500.000 населенія столицы, при огромномъ дворѣ, при централизаціи здѣсь всѣхъ высшихъ властей государственныхъ — онъ состоитъ не болѣе, какъ изъ какихъ-нибудь 200 или 250 человѣкъ, считая оба пола, и въ этомъ составѣ переѣзжаетъ съ одного бала на другой, съ самыми маленькими и едва замѣтными измѣненіями, такъ что въ этомъ кругу, т. е. въ особенно, такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, невозможно и подумать дать въ одинъ вечеръ два бала вдругъ. Молодые люди-танцоры попадаютъ легче, но тоже не безъ труда. Такъ, напримѣръ, флигель-адъютанты и кавалергардскіе офицеры почти всѣ вездѣ; конногвардейскихъ много; прочихъ полковъ можно всѣхъ назвать на перечетъ, а нѣкоторыхъ мундировъ, напримѣръ гусарскаго, уланскаго и большей части пѣхотныхъ гвардейскихъ, рѣшительно нигдѣ не видать. Появленіе въ этомъ эксклюзивномъ кругу новаго лица, стараго или молодаго, мужчины или женщины, такъ рѣдко и необыкновенно, что составляетъ настоящее происшествіе. Заключу однимъ: человѣку, не посвященному въ таинства петербургскихъ салоновъ, невозможно ни по какимъ соображеніямъ угадать à priori, кто принадлежитъ къ большому кругу и кто нѣтъ. Есть министры, члены Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютанты, статсъ-секретари, придворные чины,—не говоря уже о сенаторахъ, которыхъ нигдѣ никогда не увидишь, которые рѣшительно никуда не приглашаются; есть люди знатные по роду и богатству, просвѣщенные, со всѣми формами лучшаго общества, которые въ томъ же положеніи; и есть, напротивъ,—какъ я уже сказалъ,—люди совершенно ничтожные, которые

вездѣ бываютъ, которыхъ вездѣ зовутъ, большею частью потому, кажется, что они играютъ въ высокую игру, до которой нѣкоторые изъ нашихъ баричей большіе охотники.

22-го января. Вчера было празднество 50-ти лѣтней въ офицерскихъ чинахъ службы адмирала Крузенштерна,—перваго русскаго офицера, совершившаго путешествіе кругомъ свѣта. Ему данъ былъ торжественный обѣдъ морскими генералами и офицерами въ огромной залѣ морскаго кадетскаго корпуса, великолѣпно убранной и освѣщенной—съ двумя хорами музыки и хоромъ пѣвчихъ. Кромѣ собственно моряковъ, на счетъ которыхъ данъ былъ весь праздникъ, были званы и посторонніе особы; всѣхъ участниковъ пира было до 400. Роль главнаго распорядителя принялъ на себя вице-адмиралъ Рикордъ, тоже извѣстный въ лѣтописяхъ нашего флота. Начальника нашего морскаго штаба князя Меншикова,—которому надлежало представить главнаго хозяина праздника, не было: онъ не охотникъ до подобныхъ репрезентацій и сказался больнымъ.

Въ половинѣ обѣда принесли Крузенштерну брилліантовые знаки Александровскаго ордена, при лестномъ рескриптѣ, который прочитанъ былъ директоромъ канцеляріи Меншикова Жандромъ. Потомъ Рикордъ сказалъ Крузенштерну рѣчь довольно кудрявую, но вмѣстѣ и довольно прозаическую. «Вы первые обнесли русскаго орла кругомъ свѣта», была единственная блестящая фраза.

Во время тоста «въ честь виновника празднества» нашъ славный Петровъ отлично пропѣлъ плохіе куплеты прозаическаго Булгарина.

Наконецъ, лучшимъ во всемъ праздникѣ была та сцена, когда вошли вдругъ три покрытые сѣдинами матроса и осѣнили Крузенштерна колоссальнымъ флагомъ Американской компаніи, по почину которой совершено имъ было путешествіе кругомъ свѣта. Три эти матроса остаются единственными изъ 52-хъ сподвижниковъ его плаванія. Старики очевидно были тронуты, и одинъ изъ нихъ, которому уже 82 года, заливался слезами.

Надобно впрочемъ сознаться, что, несмотря на плохія рѣчи и стихи, праздникъ былъ грандіозенъ.

Неуклюжесть, которою славится Крузенштернъ, напоминаетъ мнѣ слово о немъ великаго князя Михаила Павловича. Крузенштернъ — начальникъ морскаго кадетскаго корпуса и въ этомъ званіи долженъ маршировать передъ кадетами на парадахъ, ученьяхъ и пр., что ему очень худо удается. Это дало поводъ великому князю сказать про него, что «обойдя нѣсколько разъ вокругъ свѣта, онъ не умѣетъ обойти вокругъ манежа».

Все это однако же не мѣшаетъ Крузенштерну пользоваться по уче-

нымъ его заслугамъ такою репутаціей въ европейскомъ ученомъ мірѣ, какую едва-ли имѣетъ кто-нибудь изъ другихъ нашихъ ученыхъ.

Я заѣзжалъ сегодня проститься къ Орлову [1]), думая, что онъ ѣдетъ завтра или послѣзавтра; но выходитъ, что онъ отправляется не прежде субботы, 28-го числа, и потому что, не имѣя уже возможности застать наслѣдника въ Италіи, ѣдетъ только до Вѣны, куда наслѣдникъ прибудетъ 10-го февраля.

Графъ Орловъ есть нынче едва-ли не ближайшій къ государю человѣкъ, и если государь не цѣнитъ свыше мѣры достоинство его въ государственномъ отношеніи, то по крайней мѣрѣ видитъ въ немъ истинно-преданнаго себѣ, русскаго душою, благороднаго, добраго и столь благонамѣреннаго, сколько любезнаго и пріятнаго въ общественной жизни человѣка. Проходитъ рѣдкій день, чтобы Орловъ не видѣлъ государя, т. е. не обѣдалъ или не проводилъ съ нимъ вечера, и между тѣмъ въ этихъ близкихъ, можно сказать, сердечныхъ отношеніяхъ онъ едва-ли кому дѣлалъ зло, не упуская никакого случая дѣлать добро. На его счетъ одинъ голосъ въ публикѣ и этотъ голосъ—общая пріязнь и уваженіе. Вчера государь изъявлялъ ему сожалѣніе свое о принужденной ихъ разлукѣ и «ты можешь повѣрить,—прибавляетъ Орловъ,—какъ я былъ тронутъ, когда на глазахъ его при этомъ блеснула слеза». Орловъ говорилъ мнѣ далѣе, что при всей невольной грусти о разлукѣ съ государемъ, съ своимъ семействомъ и со всѣми здѣшними отношеніями, ему нельзя было поколебаться ни минуты въ принятіи той священной обязанности, которую ввѣряетъ ему теперь государь. Онъ жалѣетъ только, что порученіе это дается ему слишкомъ поздно и что наслѣдникъ совершилъ уже довольно значительную часть своего путешествія.

23-го января. Я былъ сегодня у гр. Сперанскаго и истинно обрадовался положенію, въ которомъ его нашелъ. Голосъ и наружность его очень поправились, и самъ онъ совершенно доволенъ примѣтнымъ возстановленіемъ силъ. Я пробылъ у него часа полтора въ неистощимой бесѣдѣ. Онъ собирается выѣхать на-дняхъ въ первый разъ къ государю, и принялся уже серьезно за дѣло, такъ что скоро надобно ожидать движенія знаменитому дѣлу о лажѣ. За то у насъ опасно занемогъ предсѣдатель другаго департамента, гр. Литта. Водяная, которой давно уже видны были въ немъ примѣты, беретъ верхъ, и сегодня были у него на консультаціи Арендтъ и Бушъ. Въ его лѣта трудно предви-

---

[1]) Послѣ смерти князя Ливена назначенному состоять при наслѣдникѣ, бывшемъ въ то время за границею.

дѣть хорошій конецъ, и бѣдному изнемогающему нашему Совѣту, вѣроятно, грозитъ опять новая потеря!

24-го января. Бѣднаго гр. Литты уже нѣтъ! Онъ скончался сегодня утромъ въ 5 час., и не отъ водяной, какъ мнѣ ошибочно сказывали, а отъ грыжи. Доктора не рѣшились сдѣлать ему операціи, опасаясь, что онъ умретъ подъ ножемъ, и этимъ замедлили его смерть только на нѣсколько часовъ. Почти до послѣдней минуты онъ былъ въ совершенной памяти и успѣлъ исповѣдаться и причаститься. Смерть его надѣлала мнѣ тысячу хлопотъ, какъ сейчасъ разскажу.

Отобѣдавъ вчера спокойно въ своей семьѣ, я думалъ нѣсколько отдохнуть передъ баломъ, который назначенъ былъ у гр. Левашова, какъ вдругъ докладываютъ мнѣ, что пріѣхалъ камердинеръ отъ гр. Бенкендорфа.

— Графъ,—сказалъ онъ,—никуда не выѣзжаетъ по случаю семейнаго своего траура (кн. Ливенъ былъ женатъ на его сестрѣ), но, имѣя крайнюю необходимость сегодня съ вами увидѣться, проситъ васъ заѣхать къ нему, въ которомъ часу вамъ угодно.

Такъ какъ онъ живетъ рядомъ съ Левашовымъ и очень не близко отъ меня, то я велѣлъ сказать, что буду передъ восемью часами, т. е. передъ самымъ баломъ. Но между тѣмъ это приглашеніе крайне меня встревожило. Чего хочетъ отъ меня такъ экстренно секретная полиція, съ которою по роду дѣлъ Государственнаго Совѣта мои сношенія такъ рѣдки?

При всей чистотѣ моей совѣсти, я крѣпко испугался, повѣряя въ душѣ моей, не сказалъ-ли гдѣ-нибудь слова, которое могло навлечь на меня неудовольствіе государя, и опасаясь еще болѣе какого-нибудь безименнаго клеветническаго доноса на меня или моихъ чиновниковъ. Но страхъ мой разсѣялся при первыхъ словахъ Бенкендорфа.

— Le bon c-te Litta est à toute extrémité,—сказалъ онъ мнѣ,—et c'est vous que l'Empereur a designé pour mettre les scellés sur ses papiers en cas de décés[1]).

Послѣ этого онъ показалъ мнѣ докладную свою (французскую) записку, въ которой спрашивалъ разрѣшенія, кому запечатать и разобрать бумаги гр. Литты, если онъ умретъ, какъ то доктора полагаютъ. На запискѣ государь написалъ своею рукою: «c'est Korff qui doit le faire; faites le lui savoir» [2]).

Между тѣмъ, совсѣмъ уже одѣтый къ балу, я долженъ былъ отъ

---

[1]) Добрый графъ Литта очень плохъ, и императоръ намѣтилъ васъ для того, чтобы опечатать его бумаги въ случаѣ его кончины.

[2]) Корфъ долженъ сдѣлать это; дайте ему знать.

Цѣпнаго моста ворочаться къ Новой Голландіи, гдѣ домъ гр. Литты, чтобы узнать всѣ подробности, и велѣлъ дать знать себѣ въ случаѣ кончины, а оттуда ѣхать опять къ Цѣпному мосту, т. е. перекрестить дважды весь городъ. Едва я пріѣхалъ на балъ и государь замѣтилъ меня, какъ и подозвалъ къ себѣ. Я разсказалъ ему всѣ подробности о больномъ, а онъ повторилъ мнѣ приказаніе, данное въ письмѣ:

— Особенно,—сказалъ онъ,—посмотри, не найдется-ли тамъ какихъ бумагъ покойнаго батюшки по бывшему мальтійскому ордену (гр. Литта былъ при Павлѣ Grand-Bailli ордена). En tous cas tenez vous pour dit de mettre les scellés sur tout, dès que vous apprendrez qu'il n'est plus» [1]).

Вся эта бесѣда была милостива; но, несмотря на то, балъ былъ для меня,—какъ вѣроятно и для многихъ другихъ,—очень грустенъ: мы такъ привыкли видѣть гр. Литту въ каждомъ салонѣ, любоваться его вѣжливымъ, привѣтливымъ и вмѣстѣ барскимъ обхожденіемъ, слышать его громовой голосъ, смотрѣть на его шахматную игру, за которою онъ проводилъ цѣлые вечера, любоваться его бодрою и свѣжею старостью,— что невозможно было не вспоминать о немъ каждую минуту, особенно воображая его мученія. Я пріѣхалъ домой во второмъ часу, и пока по обыкновенію покурилъ и почиталъ въ постели, а потомъ отъ душевнаго волненія провалялся безъ сна, пробило уже и три часа. Въ началѣ шестаго вошли ко мнѣ съ запискою, въ которой одинъ изъ племянниковъ Литты, гр. Браницкій, извѣщалъ меня, что онъ умеръ въ 5 час., и приглашалъ тотчасъ пріѣхать для исполненія высочайшей воли. Вслѣдъ за мною пріѣхалъ туда и другой племянникъ покойнаго, кн. Юсуповъ, и мы тотчасъ принялись за дѣло; сперва запечатали кабинетъ, въ который снесли бумаги изъ всѣхъ другихъ комнатъ, а потомъ вскрыли и прочли тутъ же вмѣстѣ завѣщаніе, въ которомъ,— какъ извѣстно было,—содержалась воля покойнаго на счетъ его погребенія. Все это заняло нѣсколько часовъ, и я воротился домой уже въ исходѣ восьмаго.

26-го января. Вчера не было у меня ни одной свободной минуты, и приходится уже разсказать сегодня покороче, чтобы не запустить происшествій.

Утромъ 24-го я отправился къ предсѣдателю, чтобы донести подробнѣе о всемъ бывшемъ, и нашелъ тамъ государя.

— Тебѣ немного пришлось спать сегодня,—сказалъ онъ,—ты, я думаю, съ бала пріѣхалъ прямо на похороны.

---

[1]) Во всякомъ случаѣ считайте себя обязаннымъ опечатать все, лишь только вы узнаете, что онъ скончался.

Потомъ онъ разпрашивалъ, что мы нашли, и со всею подробностью разсказывалъ при мнѣ кн. Васильчикову содержаніе завѣщанія, которое уже было ему представлено. Родственники признали это нужнымъ потому, что графъ завѣщалъ похоронить себя сколько можно проще, безъ приглашеній и проч.; государь приказалъ исполнить въ точности его волю, изъявивъ впрочемъ увѣренность, что всѣ поспѣшатъ отдать ему послѣдній долгъ.

Завѣщаніе г. Литты состоитъ кратко въ слѣдующемъ: внукѣ покойной жены своей, извѣстной графинѣ Самойловой, живущей уже давно за границею, онъ назначилъ 100 т. р. [1]) пожизненной пенсіи; затѣмъ опредѣлены единовременные капиталы: въ пользу тюремнаго общества 100 т. р. для ежегоднаго выкупа изъ процентовъ содержащихся за долги; въ инвалидный капиталъ 100 т. р. для содержанія 10-ти инвалидовъ, преимущественно морской службы, въ которой самъ онъ долго служилъ, 10 т. р. для раздачи бѣднымъ въ день его погребенія; единовременныя выдачи, впрочемъ не выше 10 т. р. каждая, всѣмъ состоявшимъ съ нимъ въ близкихъ служебныхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и моему Никитину, который названъ въ духовной «mon ami»; единовременныя же выдачи и пенсіи всѣмъ находившимся при немъ людямъ [2]), (напримѣръ, камердинеру 15 т. р. и 1.000 руб. пенсіи, наконецъ); значительныя денежныя донаціи въ пользу всѣхъ находящихся въ Россіи (кромѣ западныхъ губерній) католическихъ церквей. Затѣмъ все прочее несмѣтное состояніе: домъ со всею драгоцѣнною движимостью, брилліантами, серебромъ, бронзами и проч., деревни и огромные капиталы, завѣщаны двумъ роднымъ племянникамъ его, Литтамъ, австрійскимъ подданнымъ, живущимъ въ Миланѣ. Государь боится, что это породитъ процессъ, потому что законы запрещаютъ иностранцамъ владѣть въ Россіи недвижимостью, а на покупку такого исполинскаго состоянія едва-ли найдутся охотники, но я думаю, что тутъ опасаться нечего, потому что у покойнаго было всего только 4 т. душъ, а все прочее заключается въ билетахъ и акціяхъ, сумма которыхъ впрочемъ достовѣрно не извѣстна. Тѣло, по завѣщанію, будетъ погребено въ Царскосельской католической церкви, гдѣ лежитъ уже другая внучка покойнаго, графиня Ожаровская.

Покойный всю жизнь свою отличался непомѣрною скупостью. Характеристическій въ этомъ отношеніи анекдотъ случился и въ послѣднія его минуты. За часъ до его смерти, когда доктора объявили уже ему самому, что нѣтъ надежды на спасеніе и когда ожидали священника для исповѣди и причастія, онъ приказалъ засвѣтить для встрѣчи его

---

[1]) Ассигнаціями, какъ и всѣ нижеслѣдующія суммы.

[2]) Которымъ сверхъ того отданы его экипажи и гардеробъ.

свѣчи въ проходныхъ комнатахъ; но едва кончился священный обрядъ и священникъ съ дарами удалился, какъ графъ вспомнилъ о свѣчахъ, велѣлъ тотчасъ ихъ гасить, чтобы не горѣли понапрасну.

27-го января. Смертью гр. Литты открылись четыре вакансіи: оберъ-камергера, предсѣдателя попечительнаго комитета о богоугодныхъ заведеніяхъ, предсѣдателя коммиссіи о построеніи Исаакіевскаго собора и наконецъ предсѣдателя нашего (Государственнаго Совѣта) департамента экономіи.

Послѣднія двѣ вакансіи уже замѣщены.

Предсѣдателемъ исаакіевской коммиссіи назначенъ министръ императорскаго двора кн. Волконскій, который былъ уже ея членомъ.

Назначеніе предсѣдателя департамента экономіи представляло болѣе трудностей и повлекло за собою множество переговоровъ и комбинацій, къ которымъ присоединились и комбинаціи предсѣдателя гражданскаго департамента, на мѣсто уволеннаго гр. Мордвинова. По соображеніямъ государя или, лучше сказать, кн. Васильчикова, одобреннымъ государемъ—на первое мѣсто предназначался гр. Левашовъ, зять Васильчикова, а на второе—старикъ Кушниковъ, стоящій уже одною ногою въ гробу, но для исполненія этой комбинаціи надлежало обойти гр. Строганова, который гораздо старѣе Левашова, и вступить въ переговоры съ Кушниковымъ, чтобы облегчить его въ другихъ занятіяхъ. Первое, т. е. благовидное устраненіе Строганова, принялъ на себя самъ Васильчиковъ, а послѣднее поручили мнѣ. Кончилось тѣмъ, что Строганова заставили добровольно отказаться отъ занятія мѣста Литты, испугавъ его тѣмъ, что онъ плохо знаетъ по-русски; что между тѣмъ ему—какъ старшему, придется предсѣдательствовать и въ общемъ собраніи, въ случаѣ отлучки или болѣзни предсѣдателя, и пр. Кушниковъ съ своей стороны принялъ сдѣланное ему предложеніе съ восторгомъ, но не пожелалъ отказаться отъ званія предсѣдателя въ Опекунскомъ совѣтѣ, какъ о томъ ему предлагали, а вмѣсто того предложилъ сложить съ себя званіе предсѣдателя коммиссіи прошеній, тѣмъ болѣе, что по общему порядку многія дѣла переходятъ изъ нея именно въ гражданскій департаментъ. Родившійся отъ этого новый вопросъ: кому быть предсѣдателемъ коммиссіи прошеній, кн. Васильчиковъ разрѣшилъ съ необыкновенною для него быстротою, предложивъ на это мѣсто новаго нашего члена Тучкова, котораго никто еще не знаетъ и который моложе многихъ изъ нынѣшнихъ членовъ коммиссіи. Обо всемъ этомъ указы сегодня уже подписаны.

Вчера былъ выносъ тѣла гр. Литты изъ дому въ католическую церковь, при которомъ находился и государь, а сегодня торжественное его отпѣваніе, гдѣ были всѣ, кого можно только себѣ представить. Со-

гласно волѣ покойнаго пригласительныхъ билетовъ ни къ кому разсылаемо не было, гробъ простой, церковь не была обита чернымъ, и вообще весь парадъ состоялъ только въ соборномъ служеніи и многочисленномъ собраніи знати, между которою было и много дамъ.

Сожалѣніе о кончинѣ гр. Литты общее, не какъ о государственномъ человѣкѣ, каковымъ онъ не былъ, а какъ о привѣтливомъ, обходительномъ и пріятномъ вельможѣ, составлявшемъ необходимую принадлежность всѣхъ салоновъ большаго свѣта.

3-го февраля. Вчерашній маскарадъ у графа Левашова былъ столько же роскошенъ, сколько блистателенъ. Сначала между толпами кавалеровъ и дамъ въ разнохарактерныхъ костюмахъ явилось и нѣсколько дамъ въ маскахъ, которыя по обыкновенію интриговали мужчинъ. Мы всѣ были въ цвѣтныхъ фракахъ, безъ масокъ, но и безъ лентъ, въ домино, дававшихъ намъ видъ нѣмецкихъ пасторовъ, или какихъ-то Донъ-Базиліевъ съ круглыми шляпами, которыхъ однако никто не надѣвалъ. Военные были тоже всѣ въ домино, и въ этомъ видѣ оставались мы цѣлый вечеръ, и танцующіе, и играющіе, и простые зрители. Послѣ первой французской кадрили музыка заиграла вдругъ опять польское, и явилась особая императрицина кадриль. Императрица шла въ великолѣпнѣйшемъ новогреческомъ (албанскомъ) костюмѣ, въ предшествіи восьми паръ, одѣтыхъ въ такой же костюмъ—всѣ безъ масокъ. Пары эти составляли, сверхъ великой княжны Маріи Николаевны, фрейлины и молодые камеръ-юнкеры и камергеры.

Въ этомъ полуфантастическомъ нарядѣ, съ распущенными волосами, съ фесками, въ короткихъ платьяхъ съ обтянутыми ножками, залитыя золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями,—всѣ казались красавцами и красавицами. Протанцовавъ первую кадриль особо, эти избранные смѣшались потомъ съ толпой, и танцы продолжались отъ девятаго часа до третьяго.

Ужинъ для мужчинъ былъ въ прелестной оранжереѣ, чудесно освѣщенной, гдѣ игралъ особый хоръ музыки. Весь праздникъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, видъ оригинальности, которымъ отличался отъ обыкновенныхъ, однообразныхъ нашихъ баловъ, хотя можно себѣ представить, какихъ огромныхъ издержекъ стоила вся эта роскошь не столько еще для хозяина, сколько для гостей. Кромѣ особъ царской фамиліи всѣхъ великолѣпнѣе были одѣты: супруга англійскаго посла маркиза Кленрикардъ, сардинскаго—графиня Росси (бывшая знаменитая актриса и пѣвица Зонтагъ), жена церемоніймейстера Всеволожскаго, красавица, Криднеръ. Прелестны также были четыре древнегреческія дѣвы: графиня Аннета Бенкендорфъ [1]), княжна Щербатова [2]), Карамзина и жена

[1]) Послѣ вышла замужъ за графа Аппони.

[2]) Вышла послѣ за старшаго сына кн. И. В. Васильчикова.

флигель-адъютанта Толстаго (урожденная Бенкендорфъ). Особенно первыя три—бѣлизною и изяществомъ формъ, казались настоящими изваяніями древнихъ художниковъ.

11-го февраля. Сегодня Сперанскій очень плохъ, чрезвычайно плохъ, почти уже безнадеженъ. Ночью произошелъ переломъ въ болѣзни, повергшій его въ чрезвычайную слабость, начали дѣлаться страшные приливы крови въ голову и отъ слабости отнялся языкъ. Во второмъ часу утра, когда я тамъ былъ, употребляли послѣднія средства: облѣпили его горчицей и шпанскими мухами, поставили за уши піявки и обложили голову льдомъ. Доктора объявили, что мало надежды.

Сейчасъ (три четверти восьмаго) прискакали сказать мнѣ, что все кончилось.

12-го февраля. Свѣтило русской администраціи угасло. Сперанскій былъ, конечно, геній въ полномъ смыслѣ слова, геній съ недостатками и пороками, безъ которыхъ никто не бываетъ въ бѣдномъ нашемъ человѣчествѣ, но едва-ли не превзошедшій всѣхъ прежнихъ государственныхъ людей нашихъ,—если въ прибавокъ къ великому уму его взять огромную массу его свѣдѣній теоретическихъ и практическихъ. Имя его глубоко врѣзалось въ исторію. Сперва ничтожный семинаристъ, потомъ всемогущій временщикъ, знаменитый изгнанникъ, возставшій отъ паденія съ неувядшими силами, наконецъ, безсмертный зиждитель Свода (Законовъ), столь же исполинскаго въ мысли, какъ и въ исполненіи,—онъ и геніемъ своимъ, и чудными своими судьбами сталъ какимъ-то гигантомъ надъ всѣми современниками. Кончина его есть историческое событіе и вмѣстѣ бѣдствіе государственное. Многое въ его жизни осталось неразгаданнымъ, непонятымъ; иное объяснятъ намъ можетъ быть оставшіеся послѣ него мемуары, существованія которыхъ я никогда не подозрѣвалъ, но которые вчера видѣлъ собственными глазами. Жизнь Сперанскаго, описанная перомъ Сперанскаго—можетъ-ли быть что-нибудь любопытнѣе?

И сколько съ этой горестною кончиною разрушилось частныхъ надеждъ, сколько уничтожилось будущностей! Сколько молодыхъ и старыхъ, начинающихъ только и продолжающихъ свою карьеру, ожидало отъ Сперанскаго всего, всего! И кто послѣ Сперанскаго съ равною силой, съ равнымъ краснорѣчіемъ, будетъ возвышать свой голосъ въ царской думѣ, кому завѣщалъ онъ свое золотое перо, свой увлекательный даръ слова, свое мастерство въ улаживаніи и разсѣченіи самыхъ запутанныхъ трудныхъ государственныхъ вопросовъ! Правящій должность статсъ-секретаря въ нашемъ департаментѣ законовъ, Теубель,

человѣкъ съ отличными дарованіями, но совершенно эксцентрическій, не уважающій ни чьихъ достоинствъ, не отдающій никому справедливости,—въ отвѣтъ на записку, которою я увѣдомлялъ его сегодня о кончинѣ Сперанскаго, пишетъ мнѣ: «Я уже успѣлъ узнать незамѣнимую и особенно для насъ несчастную потерю сегодня по утру. Не смѣю сравнивать себя въ чувствахъ скорби съ тѣми, которые могли имѣть лично близкія къ покойному отношенія, но какъ служащій, никто, безъ сомнѣнія, глубже меня не былъ пораженъ этимъ гибельнымъ случаемъ. Богъ пусть судитъ, что теперь будетъ съ департаментомъ законовъ».

Въ домѣ Сперанскаго я нашелъ плачъ и стонъ. Дочь его (единственная), жена сенатора Багрѣева, и дѣти ея утопали въ слезахъ; люди тоже. Въ одной комнатѣ торговались съ гробовщикомъ, а въ другой—приготовляли столъ для послѣдняго ложа; въ третьей—снимали съ покойнаго маску для бюста и слѣпокъ съ рукъ его,—прекраснѣйшихъ, какія мнѣ случалось видѣть. На умномъ значительномъ лицѣ его, нисколько не обезображенномъ предсмертными страданіями, запечатлѣлась глубокая дума, какъ будто выспренній духъ его не улетѣлъ еще въ безвѣстные предѣлы!

— Онъ умеръ какъ праведникъ, а теперь лежитъ какъ будто спящій святой,—шепнулъ подлѣ меня кто-то изъ людей.

Я плакалъ горько и долго, долго не могъ отойти отъ этого величественнаго трупа. И во мнѣ плакало какое-то двойное чувство: чувство осиротѣвшаго сына русской земли, и чувство привязанности къ человѣку, съ которымъ тринадцать лѣтъ состоялъ я въ ближайшихъ связяхъ,—къ истинному творцу моей карьеры: не знаю, которое плакало больше.

13-го февраля. Тѣло покойнаго вчера еще было положено въ гробъ; вчера же приготовлена траурная комната, учреждено дежурство, и начались торжественныя панихиды по два раза въ день. Народу тутъ всегда множество, но болѣе второстепеннаго. Знать и вельможи наши не любятъ гробовъ и напоминанія смерти. Вообще Сперанскій былъ бѣденъ друзьями: онъ имѣлъ множество поклонниковъ, множество почитателей, можетъ быть столько же враговъ; но свойство его характера дѣлало его малоспособнымъ къ истинной дружбѣ. Сколько мнѣ извѣстно, онъ состоялъ въ особенно тѣсной связи только съ покойнымъ княземъ Кочубеемъ и съ нашимъ Васильчиковымъ; но въ первомъ—онъ всегда видѣлъ болѣе бывшаго начальника, содѣйствовавшаго блистательнымъ его успѣхамъ, а надъ вторымъ всегда чувствовалъ далекое свое превосходство. Я думаю, что они любили и уважали его болѣе, чѣмъ онъ ихъ; но истинной дружбы и тутъ не было, потому что я не-

рѣдко имѣлъ случай слышать взаимныя обоюдныя ихъ нареканія. Въ семействѣ и вообще въ домашней жизни онъ былъ обожаемъ по ровному, кроткому, незлобивому своему характеру; столько же бы онъ былъ любимъ и своими подчиненными, если бы было въ немъ—болѣе прямодушія.

Въ день кончины Сперанскаго параличъ разбилъ другаго новаго нашего предсѣдателя Кушникова, далеко отстоящаго отъ перваго во всѣхъ отношеніяхъ умственныхъ, но всѣми любимаго старца. Онъ въ памяти, но жизнь его въ величайшей опасности. Вчера онъ исповѣдывался и пріобщался; сегодняшнія извѣстія очень нехороши. Въ роковой день, 11-го февраля, увидѣвъ Арендта, онъ спрашивалъ: каковъ Сперанскій и на отвѣтъ его, что очень худъ, съ чувствомъ проговорилъ:

— Ахъ, Николай Ѳедоровичъ, бросьте меня и идите спасать его: я человѣкъ обыкновенный, какихъ много у государя, а другаго Сперанскаго нѣтъ!

Въ этотъ же день, посреди всѣхъ печалей случился истинно комическій анекдотъ. Нашъ физіономистъ Лемольтъ, котораго позвали снимать бюстъ съ скончавшагося Сперанскаго, услышавъ ошибочно, что умеръ и Кушниковъ (живущій очень близко къ дому Сперанскаго), разсудилъ, на всякій случай, заѣхать по дорогѣ и къ нему. И вдругъ, глупые люди Кушникова докладываютъ ему самому, что пріѣхалъ какой-то французъ снимать съ него маску!

14-го февраля. Сегодня въ 1-мъ часу послѣ полудня скончался и добрый нашъ старикъ Кушниковъ. И такъ, съ 24-го января по 14-е февраля мы потеряли трехъ предсѣдателей, всего же съ апрѣля прошлаго года, т. е. въ десять мѣсяцевъ, умерло восемь членовъ Совѣта, почти по одному на мѣсяцъ, именно: графъ Новосильцовъ, князь Лобановъ-Ростовскій, Родофиникинъ, Нарышкинъ, князь Ливенъ, графъ Литта, графъ Сперанскій и Кушниковъ,—въ томъ числѣ шесть Андреевскихъ кавалеровъ. Настоящее моровое повѣтріе!

16-го февраля. Вчера происходило торжественное погребеніе графа Сперанскаго въ Александро-Невской лаврѣ, въ присутствіи государя императора и великаго князя Михаила Павловича, со всею подобавшей высокому сану его почестью. Священный обрядъ совершалъ кіевскій митрополитъ Филаретъ, котораго покойный очень любилъ и уважалъ. Государь и великій князь пріѣхали только въ церковь и на дому не были, но провожали гробъ изъ церкви до могилы на новомъ

кладбищѣ и тутъ оставались до первой горсти земли, посыпанной на гробъ.

Сегодня я посѣщалъ оставшуюся дочь (Багрѣеву), которая подарила мнѣ карандашъ и листикъ бумажки. Карандашъ есть послѣдній, которымъ писалъ покойный при своей жизни; листикъ бумажки тоже содержитъ въ себѣ одно изъ послѣднихъ начертаній его руки; это сравнительная вѣдомость суммамъ, которыя правительство издерживало ежегодно на пенсіи съ 1823 по 1837 годъ.

У меня сохранилось сверхъ этого множество собственноручныхъ записокъ ко мнѣ покойнаго, которыя я теперь буду хранить какъ завѣтное сокровище.

Сегодня я былъ на панихидѣ у С. С. Кушникова. Зала, великолѣпно убранная, великолѣпно освѣщенная и почти пустая. Наканунѣ его кончины, когда была еще надежда на выздоровленіе, я нашелъ переднюю его набитою множествомъ лицъ первой руки, и всякую минуту останавливались у подъѣзда кареты...

17-го февраля. Теперь происходятъ въ Петербургѣ обыкновенные трехлѣтніе выборы дворянства. Между выборными должностями есть нѣсколько членовъ совѣта кредитныхъ установленій,—званіе, въ которое выбираются дворяне болѣе для почета.

Вчера въ спискѣ кандидатовъ въ эту должность предложенъ былъ и извѣстный статсъ-секретарь Позенъ; но забаллотированъ 160-ю шарами противъ 40-ка. Исторія его несложная, но интересная.

Поступивъ на службу сперва въ министерство финансовъ, онъ долго тамъ прозябалъ незамѣченный, хотя товарищи и ближайшіе начальники умѣли уже оцѣнить его отличныя дарованія.

Потомъ взялъ его къ себѣ нынѣшній военный министръ гр. Чернышевъ, и тутъ въ самое короткое время онъ умѣлъ сдѣлать самую блистательную карьеру.

При тонкомъ умѣ, живомъ воображеніи и хорошемъ перѣ онъ тотчасъ завладѣлъ Чернышевымъ, умѣлъ пріобрѣсть всю его довѣренность и еще въ среднихъ чинахъ былъ употребляемъ ко всѣмъ важнѣйшимъ мѣрамъ и особенно ко всѣмъ новымъ предположеніямъ по военному министерству, и потомъ, сопутствуя нѣсколько разъ государю въ его путешествіяхъ, самъ объявлялъ уже высочайшія повелѣнія гр. Чернышеву. Въ 1834 г., когда я былъ перемѣщенъ въ государственные секретари, онъ стоялъ уже на такой степени, что вмѣстѣ съ директоромъ канцеляріи военнаго министерства Брискорномъ былъ предположенъ государемъ кандидатомъ на мое мѣсто въ управляющіе дѣлами Комитета министровъ, но Чернышевъ рѣшительно объявилъ, что не можетъ обойтись ни безъ того, ни безъ другаго, и тогда взяли Бахтина, служившаго при

кн. Меншиковѣ. Но когда, года черезъ два послѣ того, Бахтинъ былъ пожалованъ по мѣсту своему въ статсъ-секретари, то Чернышевъ потребовалъ этого же званія и для Брискорна и Позена, подъ благовиднымъ предлогомъ, что оба они не получили мѣста управляющаго дѣлами Комитета потому лишь, что были необходимы въ настоящихъ должностяхъ, и не должны отъ этого терпѣть.

Ходатайство его было уважено государемъ, и Позенъ былъ тогда на эпогеѣ милости и силы.

Оставайся онъ при одной службѣ, и можетъ быть эта милость и сила сохранились бы и росли по-прежнему; но онъ вздумалъ сдѣлаться богатымъ—и этого завистливая толпа уже не вытерпѣла. Еще въ меньшее время, чѣмъ ему нужно было для созданія своей карьеры, онъ создалъ себѣ огромное состояніе. По словамъ его—которыя и мнѣ кажутся правдоподобными,—ему посчастливились нѣсколько смѣлыхъ спекуляцій, участіе въ золотыхъ промыслахъ, въ винныхъ откупахъ и пр. Но многочисленные враги и завистники тотчасъ обратили обогащеніе его въ сильнѣйшее противъ него орудіе, приписали оное злонамѣренному употребленію власти, нашли неприличіе даже въ тѣхъ его операціяхъ, которыя общее мнѣніе дозволяетъ каждому и, не успѣвъ повредить репутаціи его ума и дарованій, успѣли очернить его характеръ, не только въ глазахъ публики, но и самого государя, котораго милость къ нему съ тѣхъ поръ быстро уменьшилась.

Неудача при выборахъ не пройдетъ безъ вредныхъ для него послѣдствій, ибо услужливые люди не оставятъ разблаговѣстить это въ городѣ и довести до свѣдѣнія государя. Теперь онъ давно уже не сопровождаетъ государя въ путешествіяхъ и вмѣстѣ съ милостію царскою потерялъ почти и весь вѣсъ у Чернышева, который столькимъ ему обязанъ. Обезпечивъ свое состояніе, Позенъ давно уже поговариваетъ объ отставкѣ: исполнитъ-ли онъ это намѣреніе не знаю; но ясно, что блистательная его карьера кончилась и,—при томъ гнусномъ свѣтѣ, который набросили на него клевета и злословіе, не возсіяетъ уже никогда солнце милости. Я съ моей стороны считаю Позена,—и по видѣннымъ не разъ мною опытамъ,—человѣкомъ добрымъ, благонамѣреннымъ и благороднымъ.

25-го февраля. Для разбора бумагъ покойнаго гр. Сперанскаго назначена коммиссія изъ бывшаго министра юстиціи Дашкова, статсъ-секретаря Танѣева и меня. Вчера мы приступили къ дѣлу вскрытіемъ печатей и отдѣленіемъ всѣхъ тѣхъ бумагъ, которыя съ перваго взгляда оказались совершенно частными и принадлежащими въ возвратъ семейству. Прочія, признанныя нами «provisoirement» казенными, но изъ которыхъ многія вѣроятно окажутся тоже частными, мы беремъ

къ себѣ для подробнаго разбора и описи. Жатва богатая, но однако не въ той степени, какъ можно было заключать по слухамъ и даже по предварительному предположенію государя.

1-го марта. Всѣ эти дни я занимался съ большимъ напряженіемъ разборомъ бумагъ Сперанскаго: раскладывалъ, читалъ и—благоговѣлъ передъ этимъ перомъ, этой бездной учености, этимъ необъятнымъ трудолюбіемъ, этимъ энциклопедическимъ умомъ! Чего тутъ нѣтъ, начиная отъ высшихъ философическихъ истинъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ мистицизма: исторія, религія, филологія, классическія и религіозныя древности, законодательство въ теоріи и практикѣ, администрація, финансы,—о всемъ тутъ есть не только матеріалы, не только отрывочныя замѣтки, но и полныя разсужденія и цѣлыя книги. И все это своею рукой и такимъ языкомъ, какимъ никто никогда не писалъ у насъ о подобныхъ предметахъ. И какъ интересна частная его переписка съ значительнѣйшими государственными людьми и учеными его вѣка. И сколько въ другихъ бумагахъ любопытнаго матеріала для его біографіи. Но настоящихъ мемуаровъ не нашлось: то̀, что я принялъ за нихъ, оказалось краткимъ, къ сожалѣнію слишкомъ краткимъ дневникомъ съ 1821 по 1824 г. включительно: почти одно оглавленіе.

10-го марта. Я сказывалъ уже, что частная переписка Сперанскаго представляетъ большой и многосторонній интересъ: это живая панорама дѣлъ и людей того времени, когда Сперанскій былъ въ отлучкѣ, ибо по возвращеніи его сюда, тѣ письма, которыя онъ получалъ изъ губерній, не имѣютъ уже того общаго интереса. Все это государь приказалъ возвратить семейству; но покамѣстъ оканчивается разборъ другихъ бумагъ, письма остаются у меня. Не позволяя себѣ извлекать изъ нихъ ничего, могущаго нарушить священную письменную тайну, даже и за отдаленное время, я выпишу здѣсь только кое-что, относящееся не къ поименованнымъ лицамъ, а къ людямъ вообще и къ дѣламъ [1]).

Отъ кн. Кочубея 4-го января 1821 г. «Бывъ нѣкоторое время въ отлучкѣ и не находясь въ столь непосредственныхъ отношеніяхъ къ дѣламъ, я не воображалъ себѣ, чтобы въ семъ (въ улучшеніяхъ по внутреннему положенію государства) была столь настоятельная необходимость.

«Перемѣна во всемъ съ 1812 г. удивительная! Какое приняло на-

---

[1]) Выписки расположены не въ хронологическомъ порядкѣ; но мы оставляемъ ихъ такъ, какъ помѣщены онѣ въ дневникѣ М. А. Корфа.

правленіе публичное мнѣніе! Какія требованія или претензіи! Но при томъ какой недостатокъ знаній и какая трудность искать людей, сколько-нибудь образованныхъ.

«Усердіе мое томилось непрестанно. Нѣтъ никакой помощи. Извелись чиновники; правила забылись; однимъ словомъ, нѣтъ никакого удовольствія, а трудовъ бездна. По своему министерству (внутреннихъ дѣлъ) сужу и о прочихъ, хотя впрочемъ министръ финансовъ запасся людьми лучшими, дѣлами части его управляющими. Но если бранятъ нерѣдко всѣхъ министровъ и довольно непристойно, то нѣтъ уже никакой мѣры въ запальчивости противъ министра юстиціи. Можетъ быть, Сенатъ ведетъ дѣла свои и не хуже, но симъ недовольны: надобно, говорятъ, чтобы все шло лучше. Однимъ словомъ, труда высшему правительству предстоитъ премного».

Его же 3-го апрѣля 1820 г. «Мнѣ кажется, что всѣмъ намъ должно думать не о томъ, какъ прежде лѣтъ за 50 было, но какъ сообразно направленію умовъ и вѣку расположиться должно, чтобы отвратить бѣдствія, коими болѣе или менѣе всѣ правительства угрожаемы быть могутъ. Я знаю, что мы менѣе другихъ подвержены опасности; что мы можемъ даже дѣлать и зло безъ вредныхъ для правительства послѣдствій; но однако жъ и у насъ гораздо болѣе нынѣ смѣютъ требовать отъ правительства, гораздо болѣе и гласнѣе смѣютъ хулить его. И у насъ здѣсь много болтаютъ о конституціи и пр. Молодыхъ людей множество заражено полупонятіями о законодательствѣ и пр. Я не сомнѣваюсь, что все обойдется у насъ хорошо; тѣмъ не менѣе однако желаю искренно, чтобы сдѣланъ былъ приступъ къ установленію лучшаго во всѣхъ частяхъ порядка».

Изъ того же письма. «По мѣрѣ расположенія сего (государя Александра къ возвращенію Сперанскаго) обращаются уже всѣ желанія наружныя къ возвращенію вашему, къ прочному вашему въ дѣлахъ водворенію. Я вижу тѣхъ, кои самому мнѣ утверждали, что вы не вѣруете въ Христа и что всѣ ваши распоряженія клонились къ пагубѣ отечества и пр., утверждающихъ нынѣ, что правила ваши христіанскія перемѣнились и что и понятія ваши даже о дѣлахъ управленія не суть прежнія. Несчастіе заставило васъ размышлять и пр. Многіе забѣгаютъ ко мнѣ спрашивать, будетъ-ли М. М. сюда? Какъ вы думаете: надобно бы обратить стараніе къ тому, чтобы его вызвали и пр. На все сіе отвѣтъ мой: не знаю, хорошо бы было и т. д.

«Знаете-ли вы: исторія ваша открыла мнѣ новый свѣтъ въ семъ мірѣ, но свѣтъ самый убійственный для чувствъ, сколько-нибудь насъ возвышающихъ. Я до ссылки вашей жилъ какъ монастырка. Мнѣ болѣе

или менѣе казалось, что люди говорятъ то, что чувствуютъ и думаютъ; но тутъ я увидѣлъ, что они говорятъ сегодня одно, а завтра другое и говорятъ не краснѣя и смотря вамъ въ глаза, какъ бы ничего не бывало. Признаюсь, омерзѣніе мое превышаетъ мѣру и, при слабомъ здоровьи моемъ, имѣетъ конечно нѣкоторое надъ онымъ вліяніе».

Отъ кн. А. Н. Голицина 22-го апрѣля 1819 г. «Государь императоръ, видя изъ отвѣта вашего къ гр. Аракчееву предположеніе ваше о мнѣніи публики на счетъ вашего назначенія, поручилъ мнѣ васъ удостовѣрить, что оное произвело вообще хорошее дѣйствіе.

«Иные приписывали отличной довѣренности къ вамъ порученіе края, столь требующаго всего вниманія государя по многимъ отношеніямъ; другіе находили, что сіе назначеніе будетъ имѣть для сибирскихъ губерній самыя благодѣтельныя послѣдствія. Въ разсужденіи же просьбы вашей объ отпускѣ, мало и знали объ ней, ибо она прислана была отъ васъ къ гр. Вязмитинову, а имъ доставлена прямо къ его величеству».

О. П. Козодавлева 30-го іюня 1819 г. «Знаете-ли вы, какая рѣдкость при опредѣленіи васъ сибирскимъ начальникомъ случилась? Всѣ были онымъ довольны; никто въ томъ правительство не упрекалъ, оно попало на общее мнѣніе»....

«Вы пишете, что въ Сибири ничего не читая можно заржавѣть. Сіе въ Сибири такъ, какъ и вездѣ. Здѣсь многіе и весьма многіе ржавчиной провоняли».

Отъ самого Сперанскаго кн. Кочубею 21-го сентября 1818 г. (Когда онъ былъ еще пензенскимъ губернаторомъ).

«При самомъ отправленіи вашемъ изъ Петербурга въ письмахъ къ его величеству и особенно гр. Аракчееву я просилъ суда и рѣшенія. Всѣ опасности сего поступка я принималъ на свой страхъ, а непріятелямъ своимъ предоставлялъ всѣ способы поправить ошибку самымъ благовиднымъ образомъ. На случай одной крайности присовокуплялъ я другое средство: службу. Изъ двухъ однакоже именно выбрали худшее и меня, ни оправданнаго, ни обвиненнаго, послали оправдываться и вмѣстѣ управлять правыми, и, чтобы довершить всю странность сего положенія, то примкнули ко мнѣ Магницкаго, поставивъ такимъ образомъ мое поведеніе не только въ связи, но и въ зависимости отъ его порывовъ.

«Одинъ Богъ сохранилъ меня отъ печальныхъ предзнаменованій, съ коими появился я въ губерніи. По счастью и единственно по счастью, добрый смыслъ дворянства и особенно старинная связь моя съ Столыпиными мало-по-малу разсѣяли всѣ предубѣжденія.

«Ихъ совѣтами и ихъ сильной помощью я сталъ здѣсь помѣщикомъ и хотя вошелъ въ долги, но за то примирился со всѣми подозрѣніями и пріобрѣлъ почти общую къ себѣ привязанность. Между тѣмъ сношеніями и дѣлами мирился я и съ Петербургомъ. Д. А. (Гурьевъ) одинъ изъ первыхъ ко мнѣ обратился: по его ходатайству получилъ я продолженіе аренды, нѣкогда вами мнѣ испрошенной, и земли въ Саратовѣ. Вообще по всѣмъ частямъ министерствъ я не встрѣтилъ ничего кромѣ пріятнаго. Его величество сверхъ милостиваго вниманія ко всѣмъ моимъ представленіямъ по службѣ удостоилъ меня двумя благосклонными и совершенно въ партикулярномъ и отъ службы независящемъ слогѣ рескриптами. Въ нихъ нашелъ я и то драгоцѣнное мнѣ увѣреніе, что государь не сомнѣвается въ искренности и преданности чувствъ моихъ.

«Такимъ образомъ худое начало произвело добрыя послѣдствія»...

«Обращаясь лично къ себѣ, я прошу и желаю одной милости, а именно, чтобы сдѣлали меня сенаторомъ и потомъ дали бы въ общемъ и обыкновенномъ порядкѣ чистую отставку. Послѣ сего я побывалъ бы на мѣсяцъ или два въ Петербургѣ единственно для того, чтобы заявить, что я болѣе не ссыльный и что изгнаніе мое кончилось».

Отъ него же къ О. П. Козодавлеву 5-го ноября 1818 г. «Въ положеніи моемъ трудно оградиться отъ навѣтовъ. Къ сему сдѣлана уже привычка.

«Привыкли, напримѣръ, какъ слышу, и теперь еще продолжаютъ судить о мнѣ по извѣстіямъ, изъ Симбирска привезеннымъ. (Тамъ былъ въ то время Магницкій, удаленный вмѣстѣ съ Сперанскимъ). Но товарищъ мой въ несчастіи никогда не былъ мнѣ товарищемъ ни въ образѣ мыслей, ни въ поступкахъ и безъ большаго самолюбія, смѣю думать, что сіе сліяніе столько же само по себѣ странно, какъ и несправедливо».

14-го марта. Вчера я обѣдалъ у очень достойнаго человѣка, полковника Ростовцева [1]), адъютанта великаго князя Михаила Павловича и вмѣстѣ начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, весьма многимъ ему обязанныхъ. Хотя Ростовцевъ женатъ, но обѣдъ былъ холостой. Въ немъ участвовали статсъ-секретари Позенъ, Брискорнъ и Бахтинъ, начальникъ штаба артиллерійскаго кн. Долгоруковъ, генералъ-аудиторъ Ноинскій, директоръ канцеляріи министра финансовъ Княжевичъ. Ростовцеву пріятели его заказали совершенно русскій обѣдъ, который былъ очень недуренъ; но чтобы и вино шло въ тотъ же тонъ, на бутылкахъ съ лучшими сортами французскихъ

---

[1]) Якова Ивановича, впослѣдствіи графа.

винъ вывѣшены были ярлыки: «сантуринское, крымское и пр.», на водкѣ «ерофеичъ, пѣнникъ».

16-го марта. Киселевъ (Павелъ Дмитріевичъ), который читалъ письмо Ермолова, сказывалъ мнѣ, что въ немъ, между прочимъ, Ермоловъ изъявляетъ удивленіе свое «благости царя, уполномочивающаго нѣсколько избранныхъ лицъ въ составѣ Совѣта разбирать и измѣнять существующіе законы и составлять новые, предоставляя себѣ одно утвержденіе ихъ мнѣнія». Отвѣтъ ему сдѣланъ не черезъ гр. Бенкендорфа, а черезъ военнаго министра, и довольно колко. Тамъ сказано, между прочимъ, что государь выбралъ его въ члены Совѣта, имѣвъ въ виду, что онъ долгое время управлялъ обширнымъ и важнымъ краемъ и предполагая поэтому въ немъ соединеніе свѣдѣній и опытности по всѣмъ частямъ администраціи и законодательства; но какъ теперь онъ самъ сознается, что не имѣетъ нужныхъ для сего званія способностей, то государь и предоставляетъ ему полную свободу—присутствовать или не присутствовать въ Совѣтѣ и пр.

20-го марта. Графъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ (нынѣшній военный министръ), страшный охотникъ хвастать своими прежними воинскими подвигами и разсказывать ихъ всякому, кто готовъ слушать, а слушателей, при теперешней его силѣ, разумѣется, пропасть. Эту страсть онъ привилъ и женѣ своей (урожденной гр. Зотовой), которая сдѣлалась, такимъ образомъ, большою распространительницей военной славы своего супруга. На-дняхъ былъ у нихъ небольшой вечеръ. Въ одномъ углу графъ игралъ въ вистъ. Въ другомъ—графиня, въ кругу усердныхъ слушателей, трактовала любимую свою матерію. Недалеко отъ нихъ стоялъ кн. Меншиковъ, столько же острый, сколько колкій и злоязычный. Вдругъ графиня среди своего разсказа забыла имя города (Кассель), взятаго ея мужемъ во французскую кампанію. «Mais voilà le P-ce Menchikoff, qui nous tirera d'embarras; dites nous donc le nom de la ville qui avait été prise par Alexandre?»—«Mais c'est Babilone, Madame».—«Eh non, c'était encore quelque autre chose!» [1]).

29-го марта. Вчера я обѣдалъ у М. В. Гурьева въ довольно многочисленной компаніи, которую потѣшалъ своими разсказами генералъ путей сообщенія Дестремъ, французъ, столько же извѣстный своимъ остроуміемъ и ученостью, сколько, впрочемъ, и хвастливостью.

---

[1]) „Вотъ князь Меншиковъ насъ выручитъ; скажите намъ названіе города, взятаго Александромъ".—„Но вѣдь это Вавилонъ".—„Нѣтъ, это что-то другое".

Вчера главный предметъ его разсказовъ составляла ссылка въ 1812 году. Въ числѣ многихъ французовъ, которые тогда удалены были изъ Петербурга безъ всякой другой причины, кромѣ общаго подозрѣнія въ непріязни къ Россіи, находились и четыре воспитанника Парижской политехнической школы, перезванные на нашу службу и имѣвшіе уже тогда у насъ маіорскій чинъ: Дестремъ, Базенъ, Потье и Фабръ,— люди, которые впослѣдствіи всѣ пріобрѣли себѣ имя и общую извѣстность на своемъ поприщѣ. Они отправлены были сперва въ Ярославль, а оттуда прямо въ Иркутскъ, гдѣ и прожили два года восемь мѣсяцевъ, подъ самымъ строгимъ надзоромъ, съ запрещеніемъ выходить изъ дому и принимать кого-нибудь къ себѣ. Единственное утѣшеніе ихъ было взаимное сообщество, потому что ихъ заключили всѣхъ вмѣстѣ, и занятіе науками. Тамъ же Дестремъ выучился по-русски и теперь можетъ поспорить въ знаніи нашего языка со многими изъ насъ. Тогдашній иркутскій губернаторъ Трескинъ, котораго Дестремъ называетъ чудовищемъ (послѣ онъ былъ за разныя преступленія подъ судомъ и разжалованъ), увеличивалъ еще ихъ страданія самыми деспотическими и превосходившими даже его инструкцію притѣсненіями. Наконецъ, когда они потеряли уже всякую надежду оставить въ жизни своей Иркутскъ, имъ вдругъ объявлена была свобода, съ правомъ возвратиться къ службѣ своей въ Петербургъ. Эту сцену описываетъ Дестремъ самымъ комическимъ образомъ. Городничій явился къ нимъ рано утромъ съ объявленіемъ, что «принесъ имъ радостную вѣсть». Въ ту минуту, какъ, читая принесенную имъ бумагу, они впали въ нѣмое оцѣпенѣніе восторга и потомъ бросались другъ другу на шею,—городничій съ таинственнымъ видомъ провозгласилъ, что имѣетъ объявить имъ «еще другую радостную вѣсть». Въ избыткѣ своего счастья, они не могли вообразить себѣ такой вещи, которая могла бы еще его увеличить. Между тѣмъ, эта радостная вѣсть состояла въ томъ, что «г. губернаторъ проситъ ихъ къ себѣ отобѣдать». Si non vero, e ben trovato.

12-го апрѣля. На счастье Блудова, ему даны отлично надежные помощники въ министерствѣ юстиціи. Чрезъ назначеніе Дегая статсъ-секретаремъ и Веймарна оберъ-прокуроромъ I департамента Сената, въ департаментѣ министерства юстиціи открылись вакансіи директора и вице-директора. Теперь помѣщены: на первую—оберъ-прокуроръ Данзасъ, а на послѣднюю—бывшій въ послѣднее время въ министерствѣ государственныхъ имуществъ Пальчиковъ—оба люди умные, образованные, отличныхъ правилъ, служившіе долго въ губерніяхъ и пріобрѣвшіе большую опытность, а что̀ всего важнѣе, люди съ твердымъ характеромъ. Оба они учились въ лицеѣ и вышли черезъ три года

послѣ меня (второй выпускъ 1820 г.), такъ что они не только теперь товарищи между собою по службѣ, но и бывшіе товарищи по школѣ.

На-дняхъ кн. Паскевичъ принималъ меня съ бумагами по-домашнему: на немъ сперва фланелевая фуфайка, потомъ мѣховая и, наконецъ, сверхъ всего, еще шелковый камзолъ на ваткѣ, чѣмъ и оканчивается верхній туалетъ. Ноги его покоятся въ огромномъ мѣховомъ мѣшкѣ. И все это въ комнатѣ, гдѣ температура безъ того выше обыкновенной. Онъ говоритъ, что взялъ привычку къ такой теплой одеждѣ за Кавказомъ, гдѣ она предохраняетъ отъ внѣшней жары, а теперь продолжаетъ употреблять ее въ предосторожность отъ простуды. Адъютанты сказывали мнѣ, что во всякую свободную минуту и по нѣскольку разъ въ день онъ ложится на диванъ, и тогда покрываютъ его шубами, а къ ногамъ прикладываютъ горячіе кувшины.

Фамилія графовъ Віельгорскихъ (или какъ ихъ у насъ зовутъ Велегурскихъ) издавна очень приближена ко двору: сынъ одного изъ нихъ воспитывался вмѣстѣ съ наслѣдникомъ [1]), и вообще они пользуются самой особенной милостью какъ государя, такъ и императрицы. Одинъ изъ нихъ, Матвѣй, любимый еще болѣе другаго (Михаила), теперь въ должности шталмейстера у великой княжны Маріи Николаевны и вмѣстѣ директоромъ одного изъ департаментовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Но какъ съ наступающимъ бракомъ великой княжны первая должность изъ синекуры обратится въ дѣйствительную и при томъ довольно заботливую, то Віельгорскій и принужденъ оставить послѣднюю. Гр. Нессельродъ, докладывая объ этомъ государю, испрашивалъ Віельгорскому награду; но государь никакъ на это не хотѣлъ согласиться.

— Я слишкомъ люблю Віельгорскаго, и потому подумаютъ, что даю ему награду изъ пристрастія.

Не смотря на всѣ убѣжденія Нессельрода и на отличное его засвидѣтельствованіе о службѣ Віельгорскаго, государь остался непреклоненъ.

— Пусть еще послужитъ и заслужитъ,—былъ его отвѣтъ.

Итакъ, Віельгорскому за то, что государь особенно къ нему расположенъ, приходится пробыть еще нѣсколько времени въ обѣихъ должностяхъ. Вѣроятно, что государь отсрочиваетъ его награду до свадьбы [2]).

---

[1]) Почти въ то самое время, какъ я писалъ сіи строки, этотъ молодой человѣкъ умеръ въ Римѣ.

[2]) И точно: въ день брака онъ получилъ ленту Станислава. Но съ тѣхъ поръ и посыпались уже на него награды, не по примѣру, а не въ примѣръ другимъ.

13-го апрѣля. Сегодня первый, нѣсколько весенній день. На солнцѣ 16°, а въ тѣни и въ воздухѣ есть уже что-то ароматическое. Ледъ на улицахъ однако не вездѣ еще стаялъ, особенно на сторонѣ къ сѣверу его очень много, а грязи еще болѣе.

Умеръ еще одинъ нашъ членъ, бывшій андреевскимъ кавалеромъ, Иванъ Васильевичъ Тутолминъ, человѣкъ добрый и почтенный. Онъ уже лѣтъ шесть или семь удалился совсѣмъ отъ дѣлъ и хотя числился еще въ нашихъ спискахъ, но постоянно жилъ въ Москвѣ. Я состоялъ съ нимъ нѣкогда въ ближайшемъ соотношеніи, потому что онъ былъ предсѣдателемъ комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ въ то время, когда я числился уже его членомъ. Онъ умеръ въ глубокой старости.

Нашъ старикъ Балугьянскій былъ всегда и совсѣмъ не по своей волѣ—человѣкъ чрезвычайно комическій. Глухота его, неловкость, нелюдскость, совершенное отсутствіе такта и какое-то простодушіе, доходящее иногда до совершеннаго ребячества, тысячу разъ давали поводъ къ презабавнымъ съ нимъ анекдотамъ.

Вотъ опять самая свѣжая уморительная сцена. Эстляндское дворянство,—по старинному обычаю своему въ отношеніи къ людямъ, которымъ хочетъ оказать особенную почесть, или въ которыхъ имѣетъ нужду,—причислило его въ свое сословіе и прислало ему дипломъ на званіе эстляндскаго дворянина, что очень польстило старику. На другой день послѣ того является къ нему эстляндскій дворянинъ и ландратъ Гринвальдъ, который ничего не зналъ о новомъ своемъ собратѣ. Можно себѣ представить удивленіе его и смущеніе, когда старикъ бѣжитъ къ нему навстрѣчу съ распростертыми объятіями и вдругъ, падая передъ нимъ на колѣни, кричитъ: «geben sie mir den Ritterchlag!»[1]) Первая идея Гринвальда была, что онъ сошелъ съ ума; вторая, что ему дана желанная Александровская лента. «Euer Exzelenz sind gewiss zum Alexanderritter ernannt worden?»[2]) «Ja, ja»,—отвѣчаетъ ему глухой Балугьянскій, слыша совсѣмъ другое, и вотъ, Гринвальдъ, за отсутствіемъ меча, даетъ ему легкій ударъ по плечу попавшеюся линейкой—«den Ritterchlag»,—и только уже послѣ этой церемоніи, когда Балугьянскій привѣтствовалъ Гринвальда «своимъ собратомъ», объяснилось обоюдное недоразумѣніе.

3-го іюня. Мой Васильчиковъ большой охотникъ разсказывать анекдоты изъ военной своей жизни, которые не всегда равно занимательны,

---

[1]) Примите меня въ рыцари.

[2]) Ваше превосходительство навѣрно назначены кавалеромъ Александровскаго ордена?

хотя самая карьера его, по общему свидѣтельству, была точно блистательна. Вчера мы говорили о предназначенныхъ на нынѣшнюю осень маневрахъ при Бородинѣ, и онъ разсказывалъ, что за Бородинское дѣло былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, обойдя 30 человѣкъ, и что сверхъ того въ этомъ же дѣлѣ нѣсколько разъ чудеснымъ образомъ спасена была его жизнь. Мать его, женщина набожная и богомольная, передъ отправленіемъ въ походъ 1812 г., подарила ему прекрасную греческую саблю, на клинкѣ которой былъ изображенъ ликъ Богоматери, съ просьбой надѣвать ее во всякомъ дѣлѣ.

— Но чудное дѣло,—прибавляетъ онъ,—до Бородинскаго сраженія я совсѣмъ забылъ объ этой саблѣ, а тутъ только впервые надѣлъ ее, перекрестившись съ молитвою за себя и за матушку. И что же: въ этомъ дѣлѣ убито было подо мною три лошади, меня задѣло въ три пріема и въ трехъ мѣстахъ осколками картечи, я былъ въ двухъ шагахъ отъ плѣна, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелями, и Божія помощь меня вынесла; отъ самой же сабли остался одинъ клинокъ съ образомъ Богородицы: эфесъ отскочилъ или его оторвало, не знаю уже какъ, но онъ пропалъ.

8-го іюня. По случаю споровъ между калмыками Бузулуцкаго уѣзда и занявшими часть ихъ земель казенными крестьянами, Сенатъ, до котораго дошло это дѣло въ 1836 г., предписалъ тѣхъ изъ крестьянъ, кои окажутся дѣйствительно уже поселившимися на калмыцкихъ земляхъ, оставить тамъ безъ перевода на другія мѣста.

Вслѣдствіе сего оренбургскій военный губернаторъ Перовскій предположилъ оставить на калмыцкихъ земляхъ 41 семейство, какъ прочно водворившіяся, а остальныя 108 семей (484 души) перевести въ другія мѣста. Но по представленію министра финансовъ (завѣдывавшаго еще тогда государственными имуществами), основанному на присланной отъ казенной палаты подворной описи, Сенатъ, видя, что и сіи крестьяне почти всѣ обзавелись уже на калмыцкихъ земляхъ домами и хозяйствомъ, въ 1837 году пояснилъ, что къ числу дѣйствительно поселившихся, о коихъ было упомянуто въ первомъ его указѣ, не должно причислять только тѣхъ, которые не имѣютъ еще хозяйственнаго обзаведенія или живутъ въ чужихъ домахъ, а всѣхъ прочихъ слѣдуетъ оставить на мѣстѣ водворенія.

Вопреки сему Перовскій распорядился о сводѣ съ калмыцкихъ земель всѣхъ означенныхъ 108 семей; при чемъ (какъ они показываютъ) разломаны въ ихъ домахъ печи, порѣзана дворовая птица и захвачены засѣянныя поля. Когда же крестьяне подали на сіе жалобу министру государственныхъ имуществъ и, извѣстясь, что по оной производится

переписка, опять, было, возвратилась на прежнія жилища, то Перовскій снова велѣлъ ихъ выслать.

Между тѣмъ, по упомянутымъ жалобамъ крестьянъ, министръ государственныхъ имуществъ требовалъ нужныхъ объясненій и, увидя изъ донесенія казенной палаты и изъ отзыва самого Перовскаго, что въ числѣ высланныхъ 108 семей у 99 были собственныя жилища и разработанныя земли, призналъ распоряженія военнаго губернатора несогласными съ предписаніями Сената; почему и представилъ объ отмѣнѣ сихъ распоряженій и о возвращеніи означенныхъ крестьянъ по-прежнему на занятыя ими калмыцкія земли.

Сенатъ, согласно съ заключеніемъ министра, вошелъ о томъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, который и поступилъ по порядку на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, въ началѣ нынѣшняго года въ то самое время, когда былъ въ гостяхъ у насъ и самъ Перовскій.

Теперь надобно сказать нѣсколько словъ о дѣйствующихъ лицахъ драмы, которая насъ ожидала.

О подсудимомъ Перовскомъ я имѣлъ уже случай говорить въ моемъ дневникѣ. Съ неоспоримымъ умомъ, но безъ высшаго образованія, самовластный, онъ не любимъ въ высшемъ кругу и едва-ли болѣе того любимъ въ управляемомъ имъ краѣ.

Судьями его были члены департамента экономіи, но съ новымъ уже своимъ предсѣдателемъ, графомъ Левашовымъ, который, при самомъ началѣ своего предсѣдательства, показалъ если не высокія финансовыя познанія, то по крайней мѣрѣ характеръ и самостоятельность. И тогда и теперь онъ одинъ рѣшаетъ дѣла въ своемъ департаментѣ.

Другой, также нѣкоторымъ образомъ подсудимый, былъ министръ государственныхъ имуществъ, Киселевъ. Надлежало рѣшить между нимъ и Перовскимъ: виноватъ-ли послѣдній или первый въ неправильномъ его обвиненіи? Всякое среднее рѣшеніе, которое очистило бы обоихъ, было тутъ невозможно. Можно себѣ представить, какъ дѣйствовалъ въ такомъ случаѣ Киселевъ со всѣми запасами его ума, ловкости, смѣтливости и блистательнаго положенія въ свѣтѣ и у царя.

За тѣмъ подъ рукою могъ дѣйствовать и дѣйствовалъ человѣкъ, хотя посторонній составу департамента экономіи, но не посторонній дѣлу, ибо онъ пропустилъ опредѣленіе Сената, обвинившее Перовскаго. Я говорю о тогдашнемъ министрѣ юстиціи Дашковѣ. Личный врагъ Перовскаго, Дашковъ не могъ молчать въ такомъ дѣлѣ, гдѣ и онъ раздѣлялъ нѣкоторымъ образомъ отвѣтственность Киселева.

Департаментъ экономіи не только утвердилъ докладъ Сената, но и сдѣлалъ еще такую добавку, чтобы «во вниманіе къ убыткамъ, понесеннымъ крестьянами какъ отъ неправильно-допущеннаго двукратнаго ихъ

переселенія, такъ и отъ притѣснительныхъ дѣйствій со стороны отряженныхъ для ихъ переселенія чиновниковъ, произведено было на законномъ основаніи изслѣдованіе и по оному сдѣлано крестьянамъ на счетъ виновныхъ надлежащее за убытки ихъ вознагражденіе».

Въ общемъ собраніи Совѣта это заключеніе прошло «par acclamation», безъ малѣйшей перемѣны.

Нѣкоторые члены шептали даже что-то о выговорѣ Перовскому, но это было обойдено. Князь Васильчиковъ лично, со всѣхъ сторонъ настроенный, стоялъ горячо за рѣшеніе департамента экономіи. Я не помню дѣла, въ которомъ бы онъ имѣлъ такое сильное убѣжденіе.

Но и Перовскій не дремалъ. Зная заключеніе Сената, узнавъ тотчасъ, какъ само собою разумѣется, и заключеніе Совѣта, онъ предварилъ поднесеніе государю сенатской меморіи, представленіемъ отъ себя обширной записки, въ которой, изложивъ подробно все дѣло (съ своей точки), описалъ побужденія и виды, которыми руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ, и уперся главнѣйше на томъ, съ одной стороны, что и теперь считаетъ неудобнымъ и даже невозможнымъ исполнить распоряженіе Сената, а съ другой, что возвращеніемъ крестьянъ на калмыцкія земли значило бы совсѣмъ уронить въ общемъ мнѣніи власть и образъ дѣйствія мѣстнаго начальника, и поощрить какъ тѣхъ крестьянъ, такъ и всѣхъ другихъ жителей, къ самовольному упорству. Потому онъ просилъ, если бы дѣйствія его признаны были неправильными (въ чемъ онъ впрочемъ отнюдь не сознавался), подвергнуть его какой угодно отвѣтственности, но крестьянъ оставить тамъ, куда онъ перевелъ ихъ тому назадъ уже два года.

Послѣдствіемъ этой искусной эволюціи было то, что меморію совѣтскую государь остановилъ, а записку Перовскаго прислалъ, частнымъ образомъ, къ Васильчикову, съ надписью, свидѣтельствовавшею, что она вполнѣ убѣдила его въ правотѣ Перовскаго и изъявлявшею надежду, что она такимъ же образомъ убѣдитъ и его, Васильчикова.

Что тутъ было дѣлать? Уступить безусловно не позволяло Васильчикову его убѣжденіе, честь Совѣта и интересъ тѣхъ лицъ, которыя обвинили Перовскаго; спорить и идти прямо наперекоръ представлялось тоже неумѣстнымъ, особенно потому, что въ запискѣ Перовскаго излагались разныя новыя обстоятельства и уваженія, которыхъ не было въ виду ни Сената, ни Совѣта. И такъ послѣ долгихъ совѣщаній мы рѣшились на средній путь: Васильчиковъ послалъ государю докладную записку, въ которой изъяснилъ, что хотя главный фактъ, именно неисполненіе мѣстнымъ начальствомъ сенатскаго указа, и послѣ новыхъ объясненій Перовскаго остается очевиднымъ и неопровергаемымъ; однако же записка его содержитъ въ себѣ разныя подробности, которыя, можетъ быть, ближе пояснятъ предлежащій разсмотрѣнію вопросъ; что,

во всякомъ случаѣ, какъ его величеству благоугодно уже было удостоить изъясненія Перовскаго высочайшаго вниманія, то не безполезнымъ представляется подвергнуть ихъ совокупному съ дѣломъ пересмотру; но что такъ какъ Государственный Совѣтъ по правиламъ своимъ никакихъ непосредственныхъ сношеній съ губернскими начальствами не имѣетъ, а Оренбургское казачье войско, къ которому принадлежатъ и бузулуцкіе калмыки, состоитъ въ главномъ завѣдываніи военнаго министерства, то всего удобнѣе было бы для возможнаго обезпеченія правильности рѣшенія дѣла, предоставить военному министру истребовать отъ Перовскаго подробное объясненіе о причинахъ, побудившихъ его дѣйствовать вопреки указу Сената, и по сношеніи затѣмъ о сущности дѣла съ министромъ государственныхъ имуществъ, внести въ Государственный Совѣтъ окончательное къ развязкѣ сего заключеніе.

На этой запискѣ государь написалъ своею рукою: «будетъ совершенно правильно», вслѣдствіе чего князь Васильчиковъ объявилъ Совѣту соотвѣтственное тому высочайшее повелѣніе, а я сообщилъ его для исполненія военному министру и для свѣдѣнія министру юстиціи.

Такимъ направленіемъ дѣла присоединилось къ числу дѣйствующихъ лицъ еще н о в о е: военный министръ графъ Чернышевъ.

Результатомъ всего этого было, что «un beau matin» вмѣсто ожидаемаго нами общаго отъ графа Чернышева и графа Киселева представленія въ Совѣтъ, князь Васильчиковъ получилъ отъ перваго бумагу, въ которой сообщалось ему, что «государь императоръ, разсмотрѣвъ съ особеннымъ вниманіемъ вытребованныя имъ, графомъ Чернышевымъ, по положенію Государственнаго Совѣта, объясненія Перовскаго, поручить ему изволилъ увѣдомить князя, что его величество по з р ѣ л о м ъ обсужденіи сего дѣла изволитъ находить, что разсмотрѣннымъ въ Государственномъ Совѣтѣ рѣшеніемъ общаго собранія Сената очевидно было бы нарушено неоспоримое законное право собственности Оренбургскаго войска на занятыя казенными крестьянами принадлежащія ему земли. Въ огражденіе сего права, которое необходимо и во всѣхъ случаяхъ должно быть неприкосновеннымъ, его величество повелѣть изволилъ: 1) оставить на земляхъ калмыцкихъ только тѣ 41 семейство, которыя военнымъ губернаторомъ признаны были прочно поселившимися, причисливъ ихъ навсегда къ казачьему войску; 2) остальныхъ крестьянъ, уже выведенныхъ, не переводя обратно, оставить въ настоящемъ положеніи; 3) впредь воспретить строжайше казенныхъ крестьянъ и вообще выходцевъ изъ внутреннихъ губерній допускать къ поселенію на казачьихъ земляхъ, иначе какъ по истребованіи предварительнаго заключенія военнаго губернатора и по испрошеніи высочайшаго разрѣшенія и 4) дѣло о переселеніи вышеупомянутыхъ крестьянъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оно производится, считать за симъ рѣшительно оконченнымъ». Это

отношеніе графъ Чернышевъ заключилъ еще болѣе неумѣстною и щекотливою для князя Васильчикова фразою: «Монаршую волю сію сообщая вамъ, милостивый государь, для зависящаго распоряженія, имѣю честь быть и пр.».

Я сказалъ выше, что не помню дѣла, въ которомъ Васильчиковъ имѣлъ бы такое сильное убѣжденіе; теперь прибавлю, что не помню и случая, въ которомъ бы я видѣлъ его такъ взбѣшеннымъ. Въ первомъ пылу своемъ онъ тотчасъ прислалъ за мною, и тутъ изъ добраго старика сдѣлался какимъ-то ожесточеннымъ, неистовствующимъ.

На другой день князь Васильчиковъ поѣхалъ къ государю и возвратился въ полномъ торжествѣ.

Бесѣда ихъ, какъ мнѣ разсказывалъ князь, была очень длинная, живая и съ обѣихъ сторонъ настойчивая. Главнымъ убѣжденіемъ, кромѣ сказаннаго выше, послужили, кажется, двѣ вещи: 1) что послѣднее высочайшее повелѣніе выставило бы Васильчикова въ самомъ двусмысленномъ видѣ передъ цѣлымъ Совѣтомъ, который, не имѣя свѣдѣнія ни о прежней докладной его, Васильчикова, запискѣ, ни о последовавшей на ней резолюціи государя, знаетъ только объявленную имъ высочайшую волю, наперекоръ которой Чернышевъ объявляетъ теперь совсѣмъ другую, какъ бы уничтожая тѣмъ достовѣрность объявленной прежде имъ, Васильчиковымъ; 2) что отъ государя всегда зависѣть будетъ окончить дѣло это по благоусмотрѣнію, но тогда, когда оно придетъ къ нему по порядку, имъ самимъ указанному, со всѣхъ сторонъ обсуженное, а не по одноличнымъ изъясненіямъ Перовскаго.

Какъ бы то ни было, но вотъ отношеніе, которое сегодня (8-го іюня) послано княземъ Васильчиковымъ къ графу Чернышеву:

«Государь императоръ по всеподданнѣйшему докладу моему объ отношеніи ко мнѣ вашего сіятельства (касательно того-то), высочайше повелѣть изволилъ дѣло сіе возвратить въ тотъ порядокъ, какой указанъ оному былъ монаршею волею, объявленной мною Государственному Совѣту и сообщенной вамъ, милостивый государь, въ отношеніи государственнаго секретаря отъ 18-го прошлаго марта, именно, чтобы ваше сіятельство, снесясь по полученнымъ отъ генералъ-адъютанта Перовскаго объясненіямъ съ г. министромъ государственныхъ имуществъ, окончательное къ развязкѣ дѣла сего заключеніе внесли въ Государственный Совѣтъ».

«Сообщая вамъ, милостивый государь, о таковой высочайшей волѣ, для зависящаго, къ исполненію оной распоряженія, имѣю честь быть и проч.».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ В. К. Луцкаго.

Владиміръ Константиновичъ Луцкій, записки котораго печатаются ниже, родился 13-го іюля 1818 г., въ Ставропольскомъ уѣздѣ [1]), въ родовомъ имѣніи селѣ Рождествено. Получивъ образованіе въ Симбирской гимназіи, а потомъ въ Казанскомъ университетѣ, онъ въ 1839 году поступилъ въ Сумскій гусарскій полкъ. Прослуживъ въ немъ девять лѣтъ, онъ вышелъ въ отставку въ чинѣ штабсъ-ротмистра. Въ 1849 году В. К. поступилъ вновь на службу по удѣльному вѣдомству, въ 1861 году былъ назначенъ мировымъ посредникомъ, и въ 1863 году непремѣннымъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Въ 1867 году Владиміръ Константиновичъ переѣхалъ въ Петербургъ, былъ начальникомъ отдѣленія въ земскомъ отдѣлѣ и въ 1871 году назначенъ екатеринославскимъ вице-губернаторомъ. Прослуживъ въ этомъ званіи до 1880 года, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ имѣніи своемъ Екатеринославской губерніи, Верхнеднѣпровскаго уѣзда. Въ 1883 году В. К. былъ избранъ въ мировые судьи того же уѣзда и 30-го ноября 1887 года скончался на 70-мъ году жизни.

Ред.

I.

Въ маѣ 1861 года я былъ назначенъ кандидатомъ мироваго посредника, а съ августа 1861 года вступилъ въ отправленіе обязанностей мироваго посредника, 2-го участка Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи.

---

[1]) Въ то время входившемъ въ составъ Симбирской губерніи.

На первомъ мировомъ съѣздѣ мы установили себѣ слѣдующую программу нашихъ дѣйствій: во 1) возможно чаще и не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ объѣзжать волости, 2) самимъ не составлять уставныхъ грамотъ, а добиваться, чтобы ихъ подавали владѣльцы, хотя бы и послѣ годичнаго срока и въ 3) въ случаѣ жалобъ крестьянъ на владѣльцевъ направлять дѣла такимъ образомъ, чтобы удовлетвореніе крестьянъ происходило какъ бы непосредственно отъ владѣльцевъ. Вообще мы старались, чтобы крестьяне усвоили себѣ мысль, что мировые посредники не начальники ихъ, и только въ случаѣ ихъ несогласій съ владѣльцемъ стараются, примирить интересы обѣихъ сторонъ и что гораздо болѣе крестьяне могутъ выиграть путемъ непосредственнаго соглашенія съ самими владѣльцами.

Первый объѣздъ мой я началъ съ Бригадировской волости. Въ этой волости заключалось 600 душъ у 7-ми владѣльцевъ, въ томъ числѣ было и мое маленькое имѣніе—18 душъ и 240 десятинъ земли.

Я въ немъ никогда и не бывалъ, предоставилъ крестьянамъ выборъ старосты и оставилъ ихъ на прежней запашкѣ. Когда я пріѣхалъ и остановился въ волостномъ правленіи, то сейчасъ же ко мнѣ явились мои крестьяне съ предложеніемъ, что надо намъ кончить. На вопросъ мой, какъ они желаютъ—перейти на оброкъ, или оставаться на издѣльной повинности или сейчасъ же на выкупъ,—отвѣчали, что на оброкъ у нихъ нѣтъ денегъ, выкупиться тоже имъ нельзя, а на барщинѣ не рука, тяжело.

— Я не думаю, чтобы вамъ была тяжела барщина,—сказалъ я. Вездѣ барщину правятъ въ нашемъ уѣздѣ.

— Такъ-то такъ,—отвѣчали крестьяне,—да обидно работать, когда царь волю далъ.

Я очень хорошо видѣлъ, что они дѣло понимаютъ, а только пробуютъ меня, и потому сказалъ имъ, чтобы они хорошенько обдумали, какъ они желаютъ, посовѣтовались съ людьми толковыми, а не кабатчиками и порѣшивъ, что они хотятъ, пришли бы ко мнѣ съ приговоромъ, и тогда мы кончимъ. Послѣ этого они спросили меня, какую я имъ дамъ землю. На это я отвѣтилъ, что я дачи нашей не знаю, никогда ея не видалъ; вижу только по плану, что она тянется лентой, а потому позволяю имъ выбрать 70 десятинъ земли, гдѣ они хотятъ.

Поблагодаривъ и поклонившись по старому обычаю въ ноги, они вышли. Затѣмъ ко мнѣ пришли крестьяне князя Болоховскаго, съ жалобой, что на Воздвиженіе ихъ посылали на барщину. Справившись у приказчика, справедливо-ли показаніе крестьянъ, я сказалъ имъ, чтобы они пришли ко мнѣ на другой день рано утромъ, такъ какъ я сегодня вечеромъ увижусь съ ихъ бариномъ, поговорю объ этомъ, и думаю,

что онъ позабылъ, что въ этотъ день праздникъ, и конечно имъ отдастъ день.

Крестьяне остались довольны.

Вечеромъ я поѣхалъ къ князю Болоховскому и передалъ ему просьбу крестьянъ; на это онъ мнѣ отвѣтилъ, что ихъ дѣйствительно посылали въ праздникъ на барщину, но что это сдѣлано согласно его приказанія и что онъ дня имъ не возвратитъ. Какъ я ни убѣждалъ его покончить это дѣло самому, не доводить до разбирательства, никакъ не могъ съ нимъ сговориться, только одно и твердитъ: если вы опредѣлите, чтобы я отдалъ день—отдамъ, а самъ по себѣ—нѣтъ.

Я пригласилъ его на другой день въ 8 часовъ утра прибыть въ волостное правленіе.

Онъ и крестьяне явились вмѣстѣ.

Дѣло было не сложное; самъ владѣлецъ подтвердилъ справедливость жалобъ крестьянъ, не согласился окончить примиреніемъ, и потому я, примѣняясь къ урочному положенію, гдѣ съ помѣщика за переработки взыскивается вдвое, предложилъ вмѣсто одного дня возвратить крестьянамъ два дня, такъ что на слѣдующей недѣлѣ они должны были работать на барщину только одинъ день. Крестьяне остались этимъ чрезвычайно довольны, да и помѣщикъ, какъ кажется, не былъ въ претензіи на это рѣшеніе, и мы разстались очень дружно.

Оттуда я проѣхалъ въ село Муловку, принадлежавшее князю Т—му. Человѣкъ этотъ любилъ жить на широкую ногу и положительно бросалъ деньги на вѣтеръ. Въ имѣніи этомъ, состоявшемъ изъ 1.000 душъ при 18.000 десят. земли, были устроены суконная фабрика на 80 станковъ и винокуренный заводъ на 200 тысячъ ведеръ. Князь держалъ свой оркестръ изъ 40 музыкантовъ, которымъ, кромѣ содержанія, платилъ 1.000 руб. въ мѣсяцъ. Оркестръ былъ великолѣпный; князь былъ запутанъ въ долгахъ, всегда безъ копѣйки: его разорили постройки и карты. Онъ выстроилъ въ деревнѣ купальню и умудрился вогнать ее въ 6.000 рублей сереб.

Я остановился въ волости, ко мнѣ сейчасъ же явились крестьяне, интересы одной половины которыхъ были совершенно противоположны интересамъ другой половины. У однихъ не было ни запашки, ни лошадей, они жили фабрикой и заводами; другіе наоборотъ были чистые хлѣбопашцы. Я ожидалъ, что при вводѣ уставной грамоты выйдетъ много затрудненій, но меня ободряло одно, что управляющій князя, Горенбургъ, въ высшей степени добросовѣстный и практичный, съумѣвшій пріобрѣсти довѣріе и любовь крестьянъ, будетъ, въ этомъ случаѣ, мнѣ хорошимъ помощникомъ: Крестьяне тутъ же принесли мнѣ жалобу, что при платежѣ подушныхъ за первую половину—они заплатили 70 руб. за дворовыхъ.

— Вечеромъ увижусь съ управляющимъ,—сказалъ я— и переговорю съ нимъ объ этомъ.

Въ этотъ пріѣздъ мой ни князя, ни княгини не было дома, они уѣхали въ Симбирскъ. Вечеромъ отправился я къ Горенбургу и заявилъ ему о претензіи крестьянъ. Онъ сказалъ мнѣ, что это дѣйствительно справедливо. Я просилъ его удовлетворить крестьянъ, желая избѣжать формальнаго разбирательства, то на это онъ мнѣ отвѣчалъ:

— А чѣмъ же я ихъ удовлетворю, когда у меня ни копѣйки нѣтъ денегъ?

На возраженіе мое, что въ такомъ имѣніи, гдѣ и фабрики, и заводы, трудно допустить мысль, чтобы въ конторѣ не было 70 рублей.

— Вотъ вы,—сказалъ онъ,—познакомитесь съ нашими дѣлами поближе, такъ убѣдитесь, что я говорю правду. Теперь князя едва-ли скоро дождемся, онъ поѣхалъ въ Симбирскъ получать деньги за суконный подрядъ. Получитъ тысячъ тридцать и всѣ ихъ спуститъ въ карты. Суконная фабрика и винокуренный заводъ наши идутъ въ убытокъ, такъ какъ мы все закупаемъ въ долгъ, а какъ разсчеты съ нами затруднительны, то мы платимъ чуть-ли не вдвое. Совѣстно управлять у такихъ господъ, приходится всегда и всѣхъ обманывать въ платежахъ, чтобы какъ-нибудь вывернуться.

— Но что же васъ заставляетъ, Карлъ Ивановичъ, служить у князя?

— А вотъ что,—отвѣчалъ онъ мнѣ. Имѣніе это не князя, а княгини; она осталась сиротою 5-ти или 6-ти лѣтъ послѣ отца и матери, я управляю ея имѣніями болѣе 30 лѣтъ, и когда она выходила замужъ, у нея было капитала, кромѣ чистыхъ имѣній, тысячъ сто, а теперь, въ какихъ-нибудь 7 или 8 лѣтъ, всѣ имѣнія заложены, денегъ, кромѣ долговъ, нѣтъ. Я любилъ ея родныхъ, люблю ее,—привычка, сударь мой, удерживаетъ меня, но дѣлать нечего, придется бросить, видя, что пользы сдѣлать не могу. Вы поговорите завтра съ старостой, пускай они подождутъ эти 70 руб., деньги ихъ не пропадутъ, я вамъ ручаюсь.

Вечеромъ мы разстались со старикомъ. На другой день утромъ я передалъ старостѣ слова управляющаго.

— Оно точно, Владиміръ Константиновичъ,—отвѣчалъ староста,— деньги за Карломъ Ивановичемъ не пропадутъ, отчего не подождать. Карлъ Ивановичъ больно для насъ хорошъ, да и князь бы ничего, только, Богъ его знаетъ, находитъ что-то на него что-ли, иной разъ выйдетъ на работу и позоветъ меня.

— Эй, староста!

— Чего изволите, ваше сіятельство.

— Дарю, говоритъ, міру, двѣ десятины лѣсу, выбирай самъ, гдѣ хочешь.

— Покорно, молъ, благодаримъ, ваше сіятельство.

А въ другой разъ погоритъ у мужика овинъ, воза кольевъ не допросишься.

— Вы меня разоряете!—скажетъ онъ.

Изъ Муловки я поѣхалъ въ Никольское, на Черемшанѣ, принадлежащее нашему писателю, графу Сологубу.

Громадный, великолѣпный домъ, церковь, хотя бы въ любой губернскій городъ, отличный на нѣсколькихъ десятинахъ садъ, суконная фабрика, мельница на Черемшанѣ на 24 постава, 18.000 десят. земли при 1.200 душахъ, и все это было заброшено. Фабрика въ арендѣ на такихъ условіяхъ, что арендаторъ могъ всегда, во всякое время, искать съ владѣльца значительную сумму денегъ, лѣсъ вырубленъ, земля перепорчена, крестьяне разнузданы; управляющій не говоритъ ни слова по-русски, привезъ съ собой человѣкъ 20 чухонцевъ, которыхъ назначилъ десятскими, тоже не понимающихъ и не говорящихъ по-русски, при этомъ человѣкъ вспыльчивый, вздорный, предпочитающій всему кулачную расправу. Взглянувши въ этотъ разъ мимоѣздомъ на имѣніе, я поѣхалъ въ село Суходольское, генерала Самсонова, стоящее отъ Никольскаго въ 12 верстахъ. Имѣніе это заключало въ себѣ 1.200 душъ и 7.000 десят. земли.

Надобно сказать, что по обнародованіи Положенія, въ мартѣ мѣсяцѣ, пріѣхалъ въ Суходольское село владѣлецъ, бывшій въ то время во Владимірѣ губернаторомъ, и, пригласивъ предмѣстника моего Ю. Б. Тургенева, началъ съ крестьянами переговоры объ ихъ устройствѣ; въ чемъ они заключались—я не знаю, знаю только, что и владѣлецъ и посредникъ ночью ускакали изъ имѣнія, и впослѣдствіи посредникъ боялся и заглянуть въ село, такъ что черезъ полгода я въ первый разъ пріѣхалъ туда. Селеніе выстроено весьма хорошо, избы всѣ крыты тесомъ, съ трубами, заборы высокіе, досчатые; улицы чистыя, широкія, видно во всемъ довольство и опрятность. Въ волостномъ правленіи я нашелъ старшину и 2-хъ стариковъ судей, какъ узналъ впослѣдствіи; одѣты всѣ были опрятно и въ комнатахъ чистота—это тѣмъ болѣе меня удивило, что меня не ждали. Я пріѣхалъ послѣ обѣда, старшина предложилъ мнѣ самоваръ, и я за чаемъ, подчуя и его, разговорился съ нимъ объ его волости. Онъ оказался человѣкомъ умнымъ, толковымъ и, что̀ всего удивительнѣе, основательно понимающимъ Положеніе 19-го февраля, фамилія его Сусловъ. На высказанное мною ему замѣчаніе о порядкѣ и чистотѣ въ селеніи, онъ мнѣ отвѣтилъ, что такъ уже изстари ведется—заведено дѣдами и отцами, ну, и мы не портимъ. Имѣніе это оказалось малоземельнымъ. Крестьяне имѣютъ съ небольшимъ по двѣ десятины на душу, а потому снимаютъ большія оброчныя статьи изъ Муравьевскихъ земель и въ уѣздѣ занимаются въ большихъ

размѣрахъ скотоводствомъ и покупкой и продажей хлѣба, народъ все зажиточный, человѣкъ десять такихъ, что имѣютъ до 20 тыс. капитала, какъ выразился старшина.

— Что у васъ было съ помѣщикомъ и посредникомъ?—спросилъ я.

— И не вспоминайте, сударь,—отвѣчалъ онъ,—совѣстно и въ глаза добрымъ людямъ посмотрѣть; намъ нечего жаловаться на нашего барина, онъ намъ и то, и другое предлагалъ, ему хотѣлось намъ же добра, а мы кромѣ грубости ничего ему не отвѣчали, ну, и прогнѣвали его; теперь уже вы насъ съ нимъ помирите, вы на то поставлены отъ царя.

Я сказалъ ему, что мнѣ хотѣлось бы поговорить со стариками, и онъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы завтра утромъ собралась мірская сходка.

На другой день, человѣкъ 100 собралось на сходку, всѣ безъ щегольства, но опрятно были одѣты, лица чистыя, волосы на головѣ и бородѣ не всклокочены, ни одной порванной шапки, ни одного подбитаго глаза. Народъ не забитый, смѣлый, но безъ малѣйшей тѣни на дерзость.

Я подходилъ къ человѣкамъ 20 и съ каждымъ порознь разговаривалъ объ ихъ обязанностяхъ по новому положенію и, признаюсь, окончательно былъ удивленъ ихъ знаніемъ основныхъ началъ Положенія и сознаніемъ обязанностей. Я не могъ скрыть это отъ нихъ.

— Эхъ, батюшка,—говорили они,—нужда всему научитъ, какъ съ дуру-то набѣдокурили мы, нагрубили барину съ посредникомъ, видимъ: не ладно, ну, и наняли чтеца, онъ намъ изо дня въ день мѣсяца два читалъ все царское положеніе, да и у самихъ насъ въ рѣдкой семьѣ нѣтъ грамотнаго, такъ и по избамъ читали сами, слава Богу, теперь все въ толкъ взяли. Ну, да вотъ ты къ намъ почаще пріѣзжай, такъ мы, Богъ дастъ, по милости батюшки царя и устроимся. Вотъ бы ты только выхлопоталъ, чтобы баринъ насъ простилъ.

Только-что я успѣлъ покончить съ этимъ дѣломъ, какъ ко мнѣ является другой помѣщикъ, Петръ Григорьевичъ Пе—ко. Это былъ олицетворенный Гоголевскій Плюшкинъ.—Въ Озеркахъ у него было 100 душъ крестьянъ и тысячъ 100 денегъ, между тѣмъ онъ кромѣ пустыхъ щей и снятаго молока ничего не ѣлъ. Съ нимъ пришелъ староста и крестьянинъ.

На вопросъ мой, что нужно? крестьянинъ отвѣтилъ, что пришелъ съ жалобой.

— На кого ты жалуешься?—спросилъ я его.

— Извѣстно на кого; все на нашего-то,—сказалъ крестьянинъ, указывая на Пе—ко.

— Въ чемъ твоя жалоба?

— Во дворъ меня взялъ, совсѣмъ разорилъ, лошадь взялъ, избу взялъ—все отобралъ.

— Когда онъ тебя взялъ во дворъ?

— После Троицы.

— Когда у васъ въ церкви читали Указъ о царскомъ положенiи?

— После Благовѣщенiя.

— Петръ Григорьевичъ, правду-ли онъ показываетъ? — спросилъ я, обращаясь къ помѣщику.

— Правду, батюшка, правду, лгать не хочу,—отвѣчалъ онъ.

— Ты говорилъ, что тебя взяли во дворъ послѣ Троицы,—сказалъ я крестьянину, а теперь ужъ Покровъ давно прошелъ; что же ты прежде объ этомъ не заявлялъ?

— Вишь-ли—что! онъ взялъ меня во дворъ. Прiѣхалъ посредникъ,—я къ нему, а онъ мнѣ говоритъ: «ты до меня не касаешься», у васъ, говоритъ, «есть свой посредникъ».

— Я, вотъ, вчерась пришелъ къ нему,—говорилъ крестьянинъ, указывая на помѣщика,—полушубокъ надо, мой-то вонъ какой, весь въ дырахъ. Вели, батюшка, ему меня въ крестьяне спустить.

— Петръ Григорьевичъ,—сказалъ я, обращаясь къ Пе—ко,—вамъ извѣстно, что по Положенiю 19-го февраля помѣщики не имѣютъ права изъ крестьянъ брать во дворъ. Потрудитесь мнѣ объяснить, какимъ образомъ, послѣ обнародованiя Положенiя, вы взяли его во дворъ?

— Взялъ, батюшка, виновенъ, взялъ. Я человѣкъ старый, читаю плохо, понемногу, до того мѣста въ Положенiи, гдѣ запрещено брать во дворъ, не дочиталъ, и взялъ его. Вѣдь я его, батюшка, не держу, пускай идетъ въ крестьяне, что мнѣ.

— Пускай идетъ, куда я пойду?—говорилъ крестьянинъ. Ты лавки и полати изъ избы повытаскалъ, какъ я буду жить тамъ?

— Ну, поставлю тебѣ и лавки и полати, ступай себѣ.

— Ты лошадь-то взялъ, на чемъ я работать буду?

— Вѣдь я тебѣ лошадь отдаю, возьми.

— Отдаешь!—ты мою-то продалъ, она была у меня молодая, а отдаешь мнѣ, что ноги не таскаетъ; татары на мясо не возьмутъ.

— А гдѣ я возьму твою-то, вѣдь ея и въ деревнѣ давно нѣтъ.

— Ты вотъ что—говорилъ крестьянинъ, обращаясь ко мнѣ,—вели ему, здѣсь однодворецъ есть, онъ хочетъ промѣнять эту лошадь-то, 10 цѣлковыхъ придачи проситъ, а лошадка-то добрая.

— Петръ Григорьевичъ, такъ вы пожалуйста вымѣняйте ему ту лошадь,—сказалъ я.

— Слушаю, батюшка, вымѣняю.

— Борону-то вели барину мнѣ отдать.

— Ну что лѣзешь, безстыжiе глаза, возьми ее, она на дворѣ,—отвѣчалъ Пе—ко.

— Возьми! зачѣмъ я возьму, ты изъ нея зубья выдергалъ, вѣдь они желѣзные, а что безъ зубьевъ-то дѣлать?

— Петръ Григорьевичъ, прикажите зубья-то вставить и отдайте борону съ зубьями.

— Слушаю, батюшка.

— Соху-то отдай,—говорилъ крестьянинъ.

— Возьми; она въ амбарѣ.

— А полица-то гдѣ? Ты полицу стащилъ.

— Петръ Григорьевичъ, потрудитесь отдать и полицу.

— Отдамъ, батюшка, отдамъ.

— Ну, покорно благодарю,—сказалъ крестьянинъ.

— Я черезъ двѣ недѣли буду у васъ въ Озеркахъ, прошу васъ, Петръ Григорьевичъ, къ тому времени устроить крестьянина въ его дворѣ по прежнему, а ты, если что тебѣ не будетъ возвращено, тогда заявишь мнѣ.

На мировые съѣзды, не смотря на большія разстоянія отъ насъ уѣзднаго города, который находился въ самомъ концѣ уѣзда, мы всѣ собирались аккуратно и не спѣшили, чтобы скорѣе отдѣлаться; напротивъ, каждое дѣло разбиралось основательно, спорили, не соглашались другъ съ другомъ, но спорили безъ желчи, безъ личностей, короче—не смѣшивали служебныхъ отношеній съ частными.

Уѣздный городъ нашъ самый жалкій по захолустью; пріѣдешь, если нѣтъ знакомаго, то рискуешь ночевать на улицѣ, никто не пуститъ ночевать, а гостиницы—ни одной. Относительно стола, если не купишь на базарѣ, который бывалъ разъ въ недѣлю, тогда сиди голодный. Въ виду этого мы наняли подъ мировой съѣздъ самый помѣстительный домъ, какой могли найти, и всѣ уже останавливались тамъ, затѣмъ по очереди завѣдывали столомъ; заранѣе высылали повара, который по окрестнымъ селеніямъ закупалъ припасы. Члена отъ правительства мы принимали, какъ гостя, и не допускали до расходовъ. Какъ велись дѣла на съѣздѣ, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что два года, которые мы прослужили въ одномъ составѣ, ни одно постановленіе съѣзда не было кассировано ни губернскимъ присутствіемъ, ни министерствомъ. Членъ губернскаго присутствія Самаринъ иначе не называлъ Ставропольскій съѣздъ, какъ «соль земли».

Въ виду громадности уѣзда, чтобы облегчить жителей, мы сдѣлали распоряженіе, утвержденное губернскимъ присутствіемъ, чтобы съѣзды происходили: одинъ мѣсяцъ въ Ставрополѣ, а другой въ селѣ Коровинѣ.

Въ концѣ января я приступилъ ко вводу уставныхъ грамотъ въ имѣніяхъ гг. Тургеневыхъ, такъ какъ у нихъ грамота была составлена по обоюдному соглашенію, слѣдовательно, не предвидѣлось надобности въ осмотрѣ надѣла. Я началъ съ имѣнія Леонтія Борисовича Тургенева.

Такъ какъ это была первая грамота въ уѣздѣ, то съѣхалось нѣсколько помѣщиковъ, и сошлись крестьяне изъ окрестныхъ селеній. Она вводилась съ нѣкоторою торжественностью. Прочитавъ крестьянамъ по пунктамъ уставную грамоту и убѣдившись, что они поняли каждый пунктъ и согласны на оные, я вошелъ въ свою комнату сдѣлать утвердительную надпись на грамотѣ. Когда же вернулся, чтобы объявить ее введенной, то нашелъ въ залѣ, гдѣ стояли крестьяне, священника, готоваго служить молебенъ. Тургеневъ просилъ меня, введя грамоту, передать ее священнику, который положитъ ее близъ Евангелія и отслужитъ молебенъ. Я объяснилъ владѣльцу и крестьянамъ, что грамота мною утверждена, и что теперь они обязаны исполнять ее въ точности. Копіи съ грамоты передалъ владѣльцу и крестьянамъ, а подлинную подалъ священнику, прося его приступить въ молебну.

На другой день владѣлецъ закончилъ съ крестьянами выкупную сдѣлку, при чемъ простилъ имъ слѣдующую съ нихъ $^1/_5$ часть платежа, т. е. по 30 руб. съ души, и, кромѣ того, хотя не много, но прибавилъ имъ земли.

Нашлись въ уѣздѣ люди, которые сердились за это на Тургенева, увѣряя, что онъ взбунтуетъ всѣхъ крестьянъ, что теперь всѣ будутъ требовать такого же выкупа отъ своихъ помѣщиковъ; что ему, какъ предводителю дворянства, не слѣдовало приступить къ подобной сдѣлкѣ. Досталось и мнѣ:—зачѣмъ я утвердилъ такую грамоту. Нашлись однако и среди этихъ господъ мои защитники, которые говорили, что мнѣ нельзя было не утверждать, что вообще посредники секретно обязаны правительствомъ убѣждать владѣльцевъ дѣлать всевозможныя выгоды крестьянамъ. Изъ Коровина я поѣхалъ сначала къ Михаилу Борисовичу, а потомъ къ Юрію Борисовичу Тургеневымъ, у нихъ также ввелъ уставныя грамоты по добровольному соглашенію, но на выкупную крестьяне не пошли, говоря, что осмотрятся и подождутъ.

Такъ какъ при вводѣ уставныхъ грамотъ я спрашивалъ людей, жившихъ во дворѣ, но записанныхъ по ревизіи въ крестьянахъ, хотятъ-ли они получить надѣлъ или взять увольнительныя свидѣтельства, то по возвращеніи моемъ домой былъ заваленъ просьбами о выдачѣ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ крестьянъ другихъ имѣній. Приходилось разбирать права такихъ людей на мѣстахъ съ повѣркою по ревизскимъ сказкамъ, такъ какъ не только крестьяне, но и сами помѣщики не знали, кто дворовый, а кто живущій во дворѣ; какъ велико было число крестьянъ, жившихъ во дворѣ, можно судить по слѣдующимъ имѣніямъ.

У князя Трубецкаго я выдалъ увольнительныя свидѣтельства 143 лицамъ; у Кротковой—102 ч. и у графа Сологуба имѣли право на полученіе свидѣтельствъ 280 человѣкъ. Кромѣ того тутъ было весьма много, едва ли не на половину, семействъ изъ 2-хъ, 3-хъ и даже

4-хъ ревизскихъ душъ.—При увольненіи встрѣчались курьезныя просьбы: помѣщикъ Кирѣевъ жаловался на меня губернскому присутствію, что я неправильно уволилъ крестьянъ, жившихъ у него во дворѣ, какъ не пользовавшихся надѣлами, тогда какъ они всѣ отъ него постоянно надѣлялись коровою и свиньею. Съ нимъ же былъ еще другой случай: одинъ изъ его дворовыхъ, который жилъ постоянно на сторонѣ, обратился ко мнѣ съ просьбой, что онъ желаетъ быть уволеннымъ, не ожидая окончанія 2-хъ лѣтняго обязательнаго срока, почему и представляетъ за полтора года оброкъ въ 45 руб. Удостовѣрившись, что дѣйствительно человѣкъ этотъ при помѣщикѣ не жилъ, а занимался уже 5 лѣтъ конторской частью въ имѣніи князя Дадіана, я, принявъ оброкъ, выдалъ ему, на основаніи особаго мнѣнія главной коммиссіи, увольнительное свидѣтельство, деньги же отослалъ въ волостное правленіе, для доставленія владѣльцу, какъ получаю увѣдомленіе, что владѣлецъ денегъ не принимаетъ и принесъ на меня жалобу въ губернское присутствіе.

Вскорѣ получилъ запросъ губернскаго присутствія вмѣстѣ съ жалобою. Въ этой жалобѣ онъ писалъ, что дворовые должны прослужить два года, и что онъ только-что намѣревался требовать этого человѣка къ себѣ, который, хотя и жилъ на сторонѣ, но безъ платежа оброка. Разсмотрѣвъ это прошеніе, я постановилъ оставить выданное увольнительное свидѣтельство въ своей силѣ, такъ какъ владѣльцы дворовыхъ людей, служившихъ на сторонѣ, не въ правѣ требовать къ себѣ; въ виду же заявленія владѣльца, что человѣкъ этотъ былъ отпущенъ имъ безъ оброка, представленные имъ 45 руб. возвратить дворовому человѣку обратно. Такимъ образомъ Кирѣевъ остался и безъ человѣка, и безъ денегъ.

Объѣзжая сельскія общества, толкуя съ крестьянами объ ихъ новомъ устройствѣ, я видѣлъ, что они не понимаютъ Положенія и, по сродному всякому человѣку желанію лучшаго, ждутъ болѣе льготъ, чѣмъ имъ даровано Положеніемъ; особенно ихъ сбивалъ двухлѣтній срокъ. Большинство изъ нихъ толковало такъ: «два года еще прослужимъ помѣщику, такъ ужъ царь велѣлъ, а тамъ чистая воля». Чтецы, нанимаемые ими за штофъ водки, поддерживали за нихъ это мнѣніе. Мировой посредникъ 3-го участка, Лентовскій, непремѣнно хотѣлъ, чтобы крестьяне подписывали уставныя грамоты, но они упорно отъ этого отказывались. Сообразивъ все это, я пришелъ къ убѣжденію, что совершенно излишне и даже вредно для дѣла настаивать на подписи крестьянами грамоты, а что грамоты слѣдуетъ, если онѣ окажутся правильными, вводить прямо, на основаніи Положенія, это тѣмъ болѣе я признавалъ полезнымъ, что крестьяне толковали между собою объ условіяхъ ввода, что это не царское положеніе.

— Коли-бъ было царское,—говорили они,—то прямо бы и дѣлали,

не спрашивая, а то насъ собираютъ и спрашиваютъ, какъ мы хотимъ, такъ, или по другому. Да развѣ царь когда спрашиваетъ, какъ кто хочетъ, онъ дѣлаетъ, какъ онъ хочетъ; и выходитъ, что оно не царское, а барское, и что бары обманываютъ насъ.

Я воспользовался этими толками и при первоначальномъ вводѣ грамотъ входилъ съ крестьянами въ разговоры о соглашенiи, предоставляя выработать это впослѣдствiи.

Какъ скоро снѣгъ въ поляхъ стаялъ, я приступилъ ко вводу грамотъ въ Бригадировской волости. Такъ какъ большинство владѣльцевъ тамъ не жили, управляющихъ въ имѣньяхъ также не было, а завѣдывали неграмотные сельскiе старосты, то пришлось самому составлять грамоты, да, впрочемъ, и тамъ, гдѣ жили владѣльцы, нужно было передѣлывать всѣ грамоты, доставляемыя отъ нихъ. Оттуда я поѣхалъ въ Озерскую волость, гдѣ и приступилъ къ введенiю грамотъ, начавъ съ имѣнiя извѣстнаго читателю Пе—ко. Крестьяне были чрезвычайно довольны, когда поняли порядокъ работъ, при чемъ заявили, что они не иначе будутъ работать, какъ по урочному положенiю, такъ какъ съ ихъ бариномъ по соглашенiю работать нельзя. Отъ него жалобъ не оберешься. Послѣ того они просили меня, чтобы въ ихъ надѣлы отвести болото десятины 2 или $2^1/_2$, находящееся противъ ихъ усадьбы. Когда я имъ объяснилъ, что это болото въ ихъ владѣнiи не было, всегда было у помѣщика, и безъ его согласiя нельзя, тогда они предлагали помѣщику оставить у нихъ въ пользованiи на 6 лѣтъ съ тѣмъ, что они за это ежегодно будутъ давать ему по подводѣ съ тягла для доставленiя хлѣба на Майну, что по разсчету составляло 30 руб. въ годъ. Когда же и на это владѣлецъ не соглашался, они давали по двѣ подводы, но Пе—ко не взялъ и этого. Удивленный такимъ настойчивымъ требованiемъ и огромною цѣною, предлагаемой крестьянами за неудобное болото, я спросилъ ихъ, почему они за нимъ тянутся?

— Онъ, злодѣй, зарѣжетъ насъ,—говорили крестьяне—коли ты не выручишь. Вѣдь ты, Владимiръ Константиновичъ, видѣлъ наши угодья, прямехонько съ одной стороны улицы тянется болото, курица, утка, гусь—все идетъ на болото, а онъ, вѣдь, ты его знаешь, выстроитъ себѣ шалашъ, тамъ и жить будетъ, штрафомъ насъ зарѣжетъ.

Зная хорошо Петра Григорьевича, я былъ увѣренъ, что онъ не отдастъ болота изъ коммерческаго разсчета добывать съ крестьянъ штрафъ, но какъ у насъ на съѣздѣ при составленiи таксы на штрафы было опредѣлено въ селенiяхъ взыскивать штрафъ только со скота и птицы, которые зайдутъ кромѣ засѣянныхъ полей въ мѣста, огороженныя заборомъ, или окопанныя канавой, то въ виду этого, я тутъ же составилъ постановленiе и выдалъ старостѣ и помѣщику, что до тѣхъ поръ, покуда помѣщикъ не огородитъ этого болота, онъ не въ правѣ взыски-

вать за потраву. Такъ какъ на загородку или канаву нужны были деньги, а съ ними Пе—ко разстаться не могъ, то онъ такъ и оставилъ болото не огороженнымъ. Онъ уже послѣ просилъ съ крестьянъ 10 подводъ въ годъ за это болото, но они не дали и пользовались имъ даромъ.

II.

На другой день я предположилъ ввести грамоту у помѣщицъ Аверкіевыхъ. Это были двѣ старыя дѣвушки отъ 60 до 70 лѣтъ. Онѣ знали меня еще ребенкомъ, носили меня на рукахъ и теперь, хотя мнѣ было уже 40 лѣтъ, все еще считали меня молодымъ человѣкомъ. Онѣ всегда радушно всѣхъ принимали, не знали, гдѣ посадить и какъ угостить. Дворовые и крестьяне были страшно распущены и избалованы. Въ крѣпостное время предводителю нужно было ограждать не крестьянъ отъ помѣщицъ, а помѣщицъ отъ крестьянъ. Такъ какъ онѣ не умѣли составить уставной грамоты, то я пошелъ къ нимъ вечеромъ, чтобы написать имъ ее. Конечно сейчасъ же былъ поданъ самоваръ, всевозможное деревенское печенье, свѣжее масло, сливки, началось подчиванье и, странно, у этихъ барынь, которыхъ крестьяне слушались изъ милости, проглядывало во всѣхъ словахъ неудовольствіе на Положеніе 19-го февраля. Я зналъ, что онѣ любили меня, а между тѣмъ старушки старались разными тонкими намеками уколоть меня.

— Вотъ, Владиміръ Константиновичъ, думали-ли мы,—говорила старшая сестра, когда тебя маленькаго носили на рукахъ, что ты будешь распоряжаться нашимъ имѣньемъ.—Ну, что дѣлать, хозяйничай, батюшка, какъ знаешь, мы, старыя дуры, намъ ужъ и воли ни въ чемъ нѣтъ.

— Полноте, сестрица,—перебивала младшая,—будемъ лучше Бога благодарить, что у насъ Владиміръ Константиновичъ, а не другой какой, все-таки его знаемъ, и онъ насъ любитъ, все намъ лучше. Развѣ вы думаете, что это онъ по своей волѣ дѣлаетъ? Это все манцыпація ему велитъ.

— Вотъ то-то и есть, Владиміръ Константиновичъ,—начала опять старшая,—говоришь ты, что насъ, старухъ, любишь, а вѣдь какой скрытный, не хотѣлъ сказать, какъ манцыпацію порохомъ подорвать хотѣли.

— Какъ порохомъ, Александра Ивановна?—спросилъ я ее.

— Ну что притворяешься, какъ порохомъ? будто ничего не знаешь,

ну, такъ и хотѣли и пороху подсыпали, да вотъ жандармы разузнали и не дали.

— Полноте, сестрица,—перебила младшая,—чтобы изъ этого прибыли было, вотъ кабы манцыпацію подорвали раньше, покуда по губерніямъ не разослали, ну, тогда еще такъ, а то теперь, такъ сказать, у всѣхъ въ рукахъ, пожалуй, подрывай ее, никакого толка не будетъ.

— Эхъ, молоды вы еще, Авдотья Ивановна (а Авдотьѣ Ивановнѣ 60 лѣтъ), такъ вотъ вы и говорите, а помоему былъ бы толкъ. У Владиміра Константиновича какая манцыпація?—«копія», а настоящая-то гдѣ?—въ Петербургѣ. Вотъ кабы ее тамъ подорвали, пріѣхалъ бы къ намъ нынче Владиміръ Константиновичъ манцыпацію дѣлать, а я бы ему сейчасъ: «а по какому, батюшка, праву вы манцыпацію дѣлаете? покажите-ка мнѣ. Онъ бы мнѣ ее вынулъ, а я бы ему опять, «это, молъ, батюшка, копія, а вы мнѣ настоящую манцыпацію покажите». А настоящую-то въ тò время подорвали; гдѣ бы онъ взялъ? такъ бы отъ насъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ.

Я буквально передалъ разговоръ, и изъ этого можно видѣть, что съ этими добрыми старушками и нечего было входить въ разъясненія относительно составленія уставныхъ грамотъ, и потому, изъ добытыхъ у нихъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, я составилъ самъ, а онѣ не читавъ (да если бы и читали, то не поняли бы), подписали ее, при чемъ старшая упрашивала не ввести ее въ бѣду. На другой день утромъ собрались крестьяне и сторонніе понятые. Только-что я вышелъ къ нимъ и не успѣлъ сказать ни одного слова, какъ сзади въ толпѣ начали раздаваться голоса: «мы не согласны, мы руки не дадимъ».

— Кто тамъ кричитъ, что руки не дастъ,—спросилъ я строго—нечего издали кричать, выходи впередъ и говори здѣсь передъ міромъ! Не бойся говорить, за это ничего не будетъ.

Тогда вышелъ впередъ одинъ молодой крестьянинъ.

— Это я говорилъ, Владиміръ Константиновичъ,—сказалъ онъ.

— Вотъ такъ-то лучше,—отвѣчалъ я ему,—мы будемъ съ тобой говорить здѣсь передъ міромъ, ты чего хочешь?

— Я... мы... я ничего, вотъ только мы руки не дадимъ.

— А развѣ кто у тебя, или у міра руки проситъ?—Кому ты руки не дашь?

— Сторонніе!—сказалъ я, обращаясь къ понятымъ—заставлялъ я Аверкіевыхъ крестьянъ руки давать?

— Нѣтъ, батюшка, не заставляли.

— Ну, такъ что же вы безъ толку галдите: руки не дадимъ. Да и на что мнѣ ваши руки? Знайте, ребята, я пріѣхалъ вводить грамоту по царскому указу, такъ мнѣ не только въ твоей, да коли и господа ваши не подпишутъ ее, или по-вашему не дадутъ руки, такъ я пле-

вать на это хочу, не нужно мнѣ согласія ни твое, ни барское—это дѣлается по царскому повелѣнію. Слушай еще разъ: если царь велитъ дѣлать рекрутскій наборъ, спрашиваетъ онъ васъ, хотите вы ставить рекрутъ или нѣтъ?

— Зачѣмъ ему спрашивать, вѣстимо, велитъ давать рекрутъ, такъ ужъ давай, тамъ ужъ хочешь или нѣтъ, а давай!

— Ну, такъ и здѣсь, велитъ онъ мнѣ грамоту вводить—я и ввожу, и мнѣ дѣла нѣтъ, согласенъ ты или нѣтъ. Теперь вы слушайте, я буду говорить со старостой.

Я началъ говорить о числѣ ревизскихъ душъ, о количествѣ крестьянской земли и о мѣстахъ, гдѣ они пашутъ ее. Затѣмъ прочиталъ по пунктамъ уставную грамоту и объявилъ ее введенной. Тутъ опять раздался между крестьянами шопотъ и потомъ голоса сзади:

— Не надо намъ ее, не возьмемъ, староста, не бери ее!

— Тише,—закричалъ я,—что вы думаете, я упрашивать васъ буду, чтобы вы ее взяли? Староста, возьми грамоту и держи ее въ волостномъ правленіи. А вы знайте, что если на васъ будетъ жалоба и я найду, что вы не работаете, какъ сказано въ грамотѣ, всякій разъ васъ буду штрафовать.

— А какъ мы будемъ работать по грамотѣ, коли мы не знаемъ, что въ ней, у насъ ея нѣтъ,—заявилъ мнѣ одинъ изъ крестьянъ.

— Мнѣ что за дѣло,—отвѣчалъ я,—я вамъ давалъ грамоту, вы не взяли, такъ уже какъ хотите, по мнѣ за все будете отвѣчать по грамотѣ. Теперь ступайте по домамъ, завтра на работу; выслать людей не меньше, какъ въ грамотѣ,—слышишь, староста! Ну, съ Богомъ, ступайте, мнѣ некогда.

Старушки при вводѣ грамотъ не были, но были ихъ старыя дѣвушки, которыя имъ передали все по-своему, и когда я пришелъ къ нимъ, онѣ бросились ко мнѣ со слезами, говоря, что слышали, какъ крестьяне грубили мнѣ, и боятся, что они меня убьютъ. Напрасно увѣрялъ я ихъ, что никакихъ грубостей отъ крестьянъ не было, и никто на жизнь мою не покушался, что я долженъ былъ призвать ихъ приказчика и толковать ему правило о числѣ рабочихъ мужчинъ и женщинъ, и урочное положеніе о рабочихъ. Старушки внимательно слушали и, какъ я уже сказалъ прежде, у нихъ запашка была не большая, то и оказалось, что по числу рабочихъ по уставной грамотѣ и урочному положенію можно было даже увеличить запашку, тогда ихъ благодарности не было конца.

На другой день я назначилъ вводъ грамоты въ имѣніи Малаева. Подавъ грамоту, Малаевъ присоединилъ къ ней весьма курьезное приложеніе: для успѣха работъ онъ просилъ назначить для крестьянъ время для завтрака $^1/_4$ часа, для обѣда $^1/_2$ часа, а лѣтомъ,

во время жнитва, запретить имъ за обѣдомъ употреблять горячую пищу, а только холодную, т. е. квасъ или молоко и хлѣбъ, такъ какъ, по его мнѣнію, при щахъ или горячей кашѣ весьма много уходитъ времени, эту пищу онъ дозволялъ крестьянамъ употреблять во время ужина. Объявивъ г-ну Малаеву, что Положеніе 19-го февраля не даетъ права мировому посреднику распоряжаться назначеніемъ кушаньевъ на обѣдъ и ужинъ, я съ надписью возвратилъ ему эти приложенія. Крестьяне съ нетерпѣніемъ ждали ввода грамоты, которая избавляла ихъ отъ произвольныхъ требованій владѣльца. Когда я приступилъ къ чтенію, то они заявили мнѣ о желаніи перейти на оброкъ. Разъяснивъ имъ, что въ настоящее время я не въ правѣ безъ согласія владѣльца перевести ихъ на оброкъ, совѣтовалъ обратиться къ нему съ просьбой объ этомъ. Малаевъ сказалъ имъ, что онъ согласится на это въ такомъ только случаѣ, если крестьяне немедленно приступятъ къ выкупу ихъ надѣла. Тутъ надо было разъяснить крестьянамъ положеніе о выкупѣ и вести переговоры съ владѣльцемъ объ условіяхъ дополнительнаго платежа. Къ удивленію моему, г-нъ Малаевъ оказался весьма сговорчивымъ и предложилъ крестьянамъ снисходительныя условія. Крестьяне вызвали меня изъ волостнаго правленія и осаждали просьбой скорѣе писать объ этомъ.

— Не знаемъ, что съ нимъ приключилось, Владиміръ Константиновичъ,—говорили они,—пожалуйста, пиши скорѣе, да не отпускай его отъ себя, а то какъ одумается, то съ нимъ послѣ и не совладаешь.

Сначала я составилъ уставную грамоту на оброки по обоюдному соглашенію, а потомъ приступилъ къ выкупному договору. Малаевъ все время былъ со мною, вмѣстѣ мы обѣдали, крестьяне не выходили изъ волости, имъ сюда жены приносили хлѣба. Въ 11 часовъ ночи все было сдѣлано, готово, договоръ подписанъ обѣими сторонами и утвержденъ мною. Малаевъ и крестьяне остались чрезвычайно довольны и все благодарили меня за то, что я согласилъ ихъ.

— Безъ васъ,—говорили они,—никогда бы у насъ это дѣло не состоялось.

Я забылъ сказать, что во все это время былъ тутъ П. Г. Пе—ко. При соглашеніяхъ и уступкахъ, которые дѣлалъ Малаевъ крестьянамъ я наблюдалъ за Пе—ко; лицо его изображало не то недоумѣніе, не то испугъ, онъ неодобрительно качалъ головою, порываясь что-то сказать Малаеву, но его стѣсняло мое присутствіе. Наконецъ, когда Малаевъ заявилъ, что онъ отказывается за исключеніемъ жнитва, что остальной издѣльной работы до утвержденія выкупа не будетъ получать съ крестьянъ и оброка, Пе—ко вскочилъ съ какимъ-то ожесточеніемъ, схватилъ шапку и, ни съ кѣмъ не простившись, выбѣжалъ изъ волостнаго правленія.

Проработавши съ 9 ч. утра до 11 часовъ ночи, я утомился, и на другой день только-что я проснулся, ко мнѣ пришелъ Аверкіевскій староста.

— Что тебѣ надо?—спросилъ я.

— Къ тебѣ, Владиміръ Константиновичъ; сколько мужиковъ да бабъ высылать на работу?

— У васъ есть уставная грамата, по ней и высылай, сколько тамъ написано.

— Да вѣдь міръ ее не взялъ;—скажи, пожалуйста, сколько.

— Не знаю, въ уставной грамотѣ написано.

— Да вѣдь какъ же, коли мы меньше пошлемъ, вѣдь ты насъ оштрафуешь?

— Оштрафую, не спущу.

— Ну, вотъ ты и скажи сколько.

— Да вѣдь я тебѣ говорю, что не знаю,—справься по грамотѣ.

— Да развѣ съ нашими чертями сладишь: не моги, говорятъ, брать уставной грамоты, ну, вотъ ты и поди, не знаю, что и дѣлать; я, знаешь, чтобы не быть въ отвѣтѣ, всѣхъ поголовно погоню.

— Гони пожалуй, мнѣ что за дѣло.

— Ну, такъ и ладно, я такъ и погоню ихъ, и нынче погоню, и завтра погоню. Ну, прощай.

— Прощай,—отвѣчалъ я.

Староста ушелъ.

Вечеромъ онъ опять пришелъ ко мнѣ и просилъ выдать уставную грамоту, говоря, что міръ позволяетъ взять ее ему, но я отказалъ, объявивъ, что только тогда выдамъ ее, когда все общество придетъ ко мнѣ и будетъ просить грамоту. Часа черезъ два явились всѣ крестьяне, просили простить ихъ и выдать имъ грамоту, обѣщаясь ее въ точности выполнить. Тогда я взялъ ее отъ старшины и передалъ старостѣ.

Я уже 5-ть недѣль какъ не былъ дома, и при томъ наступила страстная недѣля и потому на другой день утромъ поѣхалъ домой и хотя всего Озерки отъ меня 45 верстъ, но дорога отъ распутицы такъ была испорчена, что я не доѣхалъ до дому и ночевалъ въ 4 верстахъ въ селѣ Никольскомъ и только на другой день утромъ пріѣхалъ домой. Это было среди страстной недѣли. Дѣти мои мнѣ страшно обрадовались, мы не видались пять недѣль. Пасху я встрѣтилъ въ своей семьѣ. Среди недѣли ко мнѣ явились крестьяне изъ Никольскаго, графа Сологуба, съ заявленіемъ, что управляющій отрѣзываетъ отъ нихъ часть земли и кромѣ того отбираетъ одно поле, а вмѣсто него даетъ другое. Видя изъ рапорта волостнаго правленія, что безтолковый нѣмецъ произвольно приступилъ къ разверстанію угодій, я написалъ ему, что крестьяне до ввода уставной грамоты договаривались владѣть той землей, какой

владѣли до обнародованія Положенія, и просилъ его до прибытія моего никакихъ измѣненій въ крестьянскомъ надѣлѣ не дѣлать, обѣщавъ самъ пріѣхать въ Никольское во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Объявивъ объ этомъ распоряженіи крестьянамъ, отпустилъ ихъ домой. Въ понедѣльникъ на Ѳоминой я поѣхалъ въ Никольское и, пріѣхавъ туда, нашелъ полную неурядицу. Безтолковый нѣмецъ произвелъ тамъ отрѣзку надѣла, оставивъ крестьянамъ, согласно Положенію, по 4 десятины на душу и кромѣ того сдѣлалъ и разверстаніе, отобравъ отъ крестьянъ нѣкоторыя поля въ пользованіе помѣщика, а взамѣнъ ихъ указалъ имъ другія. На другой день рано утромъ я поѣхалъ осматривать отобранныя у крестьянъ поля, а также и замѣненныя другими. Со мной было шесть человѣкъ выбранныхъ отъ крестьянъ, волостной старшина, сельскій староста и помощникъ управляющаго имѣніемъ. Возвратившись съ осмотра, я составилъ актъ и опредѣлилъ впредь до уставной грамоты оставить у крестьянъ ту землю, которой они владѣли и въ томъ же самомъ размѣрѣ, въ какомъ заявили мнѣ крестьяне, что нѣкоторые изъ нихъ, въ виду отобранія отъ нихъ земли, наняли себѣ въ окрестностяхъ селенія и засѣяли уже горохомъ и овсомъ; но по неимѣнію семянъ для посѣва, возвращенной земли они принять не желаютъ. Составивъ именной списокъ этимъ крестьянамъ, а также отобравъ отъ нихъ показанія и разспросивъ стороннихъ людей, я опредѣлилъ уплаченныя ими за наемъ земли деньги взыскать съ конторы и возвратить имъ, а конторѣ предоставить распорядиться по ея усмотрѣнію той землей, отъ которой крестьяне отказались. Обѣ стороны подписали эти постановленія и разошлись довольными, но не больше какъ черезъ часъ пришли опять крестьяне и заявили, что они ни земли, ни денегъ не хотятъ и что даже совсѣмъ не будутъ сѣять на той землѣ, которой надѣлены отъ владѣльца, а будутъ нанимать на сторонѣ. На вопросъ мой, почему это они такъ думаютъ, крестьяне отвѣчали, что такъ какъ у нихъ землю отобрали, то теперь они опоздали сѣвомъ. Видя тутъ не что иное, какъ дѣйствіе какихъ-то подстрекателей, я объяснилъ имъ, что они говорятъ вздоръ, сѣвъ только-что начинается, ежели и опоздали сѣвомъ, то только горохомъ, который они и посѣяли на наемной землѣ, за которую имъ и возвращены деньги.

Но крестьяне упорно стояли на своемъ и кричали, что ни земли, ни денегъ не хотятъ. Когда же я имъ сказалъ, что для меня все равно, я буду съ нихъ требовать какъ уплаты казенныхъ повинностей, такъ и выполненія барщины и всѣхъ работъ и что они не посмѣютъ отговариваться тѣмъ, что не пользовались надѣломъ земли отъ помѣщика, такъ какъ имъ возвратили прежнія ихъ земли и съ конторы взысканы уплаченныя ими деньги за наемную землю.

— Теперь мы ее назадъ не возьмемъ,—отвѣчали крестьяне,—и работать на помѣщика не будемъ.

Давъ имъ нѣсколько успокоиться, я объяснилъ, что мнѣ съ ними больше толковать не о чемъ; чтобы они шли по домамъ, а старостѣ приказалъ сдѣлать нарядъ по обыкновенію на завтрашній день на барскую работу.

Вечеромъ ко мнѣ пришелъ староста и сказалъ, что онъ въ конторѣ получилъ приказъ о работахъ и сдѣлалъ нарядъ, но увѣренъ, что крестьяне не выйдутъ на работы, такъ какъ есть нѣсколько человѣкъ, которые сбиваютъ ихъ, и главный зачинщикъ явный, — это судья волостнаго правленія. Отпустивъ старосту домой, я черезъ нѣсколько времени позвалъ къ себѣ старшину и судей, разъяснилъ имъ всѣ послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ упорства крестьянъ, и въ заключеніе сказалъ, что такъ какъ мнѣ нѣтъ возможности говорить съ цѣлой толпою, то я поручаю имъ, какъ болѣе толковымъ людямъ, переговорить съ крестьянами и образумить крикуновъ. Все это время я наблюдалъ за Лысымъ (прозваніе какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало ему: онъ былъ совершенно лысый). Видно, что онъ мужикъ умный, плутоватый; его маленькіе, рысьи глазки такъ и бѣгали изъ стороны въ сторону, онъ слушалъ со вниманіемъ и болѣе всѣхъ поддакивалъ мнѣ, безпрестанно повторяя: «такъ, батюшка, такъ, дураки, что съ ними подѣлаешь; пользы своей не понимаютъ, какъ есть дураки».

Рано утромъ я былъ разбуженъ шумомъ подъ окнами; взглянувъ, увидѣлъ полный сельскій сходъ. Когда я вышелъ къ нему и спросилъ, зачѣмъ они собрались, толпа зашумѣла, какъ шмели, такъ что ничего нельзя было разобрать.

Приказавъ имъ замолчать, я вызвалъ впередъ нѣсколько человѣкъ и спросилъ, что имъ надо. Они отвѣчали, что земли не хотятъ и работать не пойдутъ. Объявивъ имъ, что я еще вчера объяснилъ имъ все и больше говорить съ ними не буду; что я бы теперь же могъ и наказать, и оштрафовать ихъ, но мнѣ жалко ихъ, такъ какъ они дѣлаютъ это по глупости, смущаемые негодяями, поэтому я даю имъ срокъ одуматься. Я черезъ часъ уѣду въ Суходолъ (8-мь верстъ отъ Никольскаго) вводить уставную грамоту, гдѣ пробуду сегодня и завтра, но если они въ эти два дня не перестанутъ дурить, то чтобы пеняли на себя, а я уже долженъ буду по власти, данной мнѣ государемъ, привести ихъ къ повиновенію. Съ этими словами я распустилъ ихъ по домамъ.

Въ то время, когда я занимался введеніемъ уставной грамоты въ Суходолѣ, явился ко мнѣ старшина и заявилъ, что изъ Никольскаго пріѣхало человѣкъ 6 или 7 крестьянъ, ходятъ по дворамъ и подбиваютъ крестьянъ грамоты не подписывать и ни на какія условія не соглашаться. Сдѣлавъ распоряженіе о немедленномъ ихъ арестованіи, я при-

казалъ на завтра, когда грамота будетъ уже подписана, привести ихъ на сходъ.

Я спросилъ ихъ, зачѣмъ они пріѣхали сюда и какъ осмѣлились возбуждать крестьянъ къ неповиновенію? Они въ этомъ не сознавались, но тутъ же были уличены всѣми крестьянами. Я объявилъ имъ, что я на этотъ разъ оставлю ихъ безъ наказанія, но что если къ утру никольскіе крестьяне не образумятся, то я ихъ буду имѣть въ виду какъ главныхъ зачинщиковъ неповиновенія.

На другой день утромъ ко мнѣ пріѣхали изъ Никольскаго старшина и староста и заявили, что крестьяне положительно отказались отъ помѣщичьихъ работъ, а у тѣхъ, которые выѣхали на работы, порубили у сохъ оглобли, а у телѣгъ колеса, и просили принять мѣры къ усмиренію крестьянъ. Видя, что никольскіе крестьяне окончательно вышли изъ повиновенія и что кроткими мѣрами на нихъ дѣйствовать безполезно, опасаясь также, чтобы упорство ихъ не имѣло вліянія на крестьянъ князя Трубецкаго въ с. Муховкѣ, я рѣшился ѣхать въ Самару и, переговоривъ съ губернаторомъ, принять рѣшительныя мѣры. Такъ какъ Суходольское отъ Волги всего въ 12 верстахъ, а пароходъ по росписанію долженъ проходить на этомъ мѣстѣ въ 4 ч. утра, то я въ началѣ 3-го выѣхалъ изъ Суходольскаго и, пріѣхавши на Волгу, взялъ рыбачью лодку и поѣхалъ на середину рѣки ждать парохода. Не больше какъ черезъ ¼ часа показался пароходъ, я пересѣлъ на него и въ 4 часа послѣ обѣда пріѣхалъ въ Самару.

Вечеромъ отправился къ губернатору, который на другой день назначилъ экстренное губернское присутствіе и просилъ меня въ оное. Губернаторомъ, какъ я уже сказалъ, былъ Арцимовичъ. Въ губернскомъ присутствіи я изложилъ весь ходъ дѣла. Всѣ члены присутствія вполнѣ одобрили мои дѣйствія, но когда я обратился къ нимъ съ вопросомъ, что мнѣ дѣлать теперь,—то Самаринъ отвѣчалъ: такъ какъ я былъ на мѣстѣ и вполнѣ ознакомленъ съ настроеніемъ крестьянъ, то разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ меня, и они желали бы знать, что я намѣренъ предпринять. На это я сказалъ, что, испытавъ всѣ способы убѣжденія, я нахожу теперь необходимымъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, во-первыхъ, чтобы показать крестьянамъ, что правительство имѣетъ достаточно силы заставить ослушниковъ повиноваться закону, а во-вторыхъ, потому, что безнаказанность подобныхъ дѣйствій можетъ вредно влiять на окрестныхъ крестьянъ, и потому полагалъ бы ввести туда военную команду. На вопросъ губернатора, въ какомъ размѣрѣ я считаю ее необходимой, я отвѣчалъ, что ручаюсь за немедленное водвореніе спокойствія и повиновенія, если мнѣ дадутъ 3-хъ жандармовъ.

— Вы меня напугали словами «военная команда»,—сказалъ Сама-

ринъ, но въ томъ размѣрѣ, въ какомъ вы просите, я колеблюсь изъявить согласіе, опасаясь за васъ. Въ селеніи свыше 1000 душъ, что же вы подѣлаете съ 3-мя человѣками?

— Усмирю волненіе,—отвѣчалъ я. Дайте мнѣ 3-хъ жандармовъ, и отвѣчаю вамъ, что все будетъ улажено.

Губернаторъ согласился. Тотчасъ было сообщено жандармскому штабъ-офицеру, чтобы на другой день утромъ, къ отходу парохода, были мнѣ присланы жандармы. Вечеромъ я пошелъ къ губернатору, пилъ у него чай, условился съ нимъ о содѣйствіи полиціи и взялъ отъ него письмо къ исправнику. На другой день послѣ обѣда отправился на пароходѣ въ Ставрополь. Такъ какъ отъ Самары до Ставрополя не болѣе 90 верстъ, то мы разсчитывали пріѣхать часовъ въ 9 вечера, но не такъ случилось. Пароходъ попался сквернѣйшій, «Казань», дрова оказались сырыя,мы ползли, какъ черепаха, и только часовъ въ 12 ночи добрались до Моравишъ, гдѣ и остановились ночевать. Утромъ, часовъ въ 5, просыпаюсь, смотрю въ окно и не узнаю мѣстности; зову человѣка, спрашиваю, гдѣ мы?

— Около Зеленовки,—отвѣчаетъ онъ.

— Какъ же такъ? вѣдь мы вчера дошли до Моравишъ? Зеленовка осталась позади.

— Паровъ нѣтъ, теченіемъ снесло,—отвѣчалъ человѣкъ.

Тутъ всѣ пассажиры расшумѣлись, вышли на палубу и съ упреками обратились къ капитану.

— Что я могу вамъ сказать, господа,—отвѣчалъ капитанъ—одно, что мнѣ совѣстно, что я командиръ такого парохода, какъ «Казань». Я принялъ его всего только двѣ недѣли, но если бъ зналъ такія его милыя свойства, то конечно ни за что бы не согласился принять его.

Впослѣдствіи этотъ пароходъ былъ исключенъ изъ числа пассажирскихъ пароходовъ. Такимъ образомъ мы едва въ 12 ч. добрались до Ставрополя. Тамъ я нашелъ нашего уѣзднаго предводителя Тургенева и сосѣдняго помѣщика по селу Никольскому—Кроткова. Переговоривъ съ исправникомъ,рѣшили такъ, чтобы онъ отправлялся съ жандармами въ Никольское и къ утру собралъ бы новый сходъ. Жандармовъ бы на ночь размѣстилъ у болѣе вліятельныхъ крестьянъ, и одного непремѣнно у Лысаго. Жандармамъ я далъ наставленіе, какъ обращаться и что говорить хозяевамъ. Сами же мы: предводитель, я и Кротковъ, поѣхали въ деревню послѣдняго, съ тѣмъ, чтобы у него ночевать, а на другой день ѣхать въ Никольское.

Утромъ часовъ въ 9-ть мы пріѣхали въ Никольское. Мужики ждали на площади; ихъ было человѣкъ 300, но бабъ и ребятишекъ вдвое больше. Вошедъ въ середину схода вмѣстѣ съ исправникомъ и предводителемъ, я, обращаясь къ крестьянамъ, сказалъ, что такъ какъ ото-

бранная у нихъ управляющимъ произвольно земля имъ возвращена, то будутъ-ли они ее пахать или не будутъ, мнѣ дѣла нѣтъ, но что теперь я требую отъ нихъ барщинной работы и въ послѣднiй разъ спрашиваю ихъ, будутъ-ли они работать?!

Толпа зашумѣла, начали переглядываться, перешептываться и, наконецъ, одинъ, выйдя изъ толпы, отвѣчалъ: «нѣтъ, не будемъ, царь не велѣлъ на господъ работать».

— Гдѣ и отъ кого слышалъ ты объ этомъ царскомъ указѣ?—спросилъ я.

— Слышалъ или не слышалъ, а работать не будемъ, вотъ и сказъ, толковать нечего.

Въ толпѣ раздался смѣхъ. Тогда я велѣлъ жандармамъ взять его, а исправнику обойти ряды крестьянъ, приказавъ тѣмъ, которые изъявятъ готовность ходить на работу, отходить въ правую сторону. Ни одинъ человѣкъ не отошелъ. Тогда я приказалъ, находящимся при исправникѣ разсыльнымъ наказать этого крестьянина. Когда стали раздѣвать его, то между бабами и ребятишками раздались вопли и крики. Заранѣе предвидя это и зная, что 3-хъ жандармовъ достаточно для удаленiя ихъ, мы подготовили пожарныя трубы и, когда бабы не послушались приказанiя исправника отойти, то ихъ облили изъ трубъ. Мгновенно всѣ онѣ разбѣжались. Мужики, когда растянули перваго, закричали:

— За что одного сѣчь? Сѣки насъ всѣхъ!

— Вдругъ нельзя,—отвѣчалъ предводитель,—погодите по-одиночкѣ всѣхъ переберемъ и высѣчемъ.

Послѣ каждаго удара его спрашивали: пойдетъ-ли онъ на работу? Но онъ упорно молчалъ. Ему дали 50 ударовъ. Послѣ этого вышелъ одинъ молодой парень, самъ раздѣлся и легъ, но послѣ 10 ударовъ сталъ просить прощенья и обѣщался идти на работу; вышелъ еще одинъ и, обратясь къ намъ, сказалъ: «сѣките и меня». Этотъ не выдержалъ и 3-хъ ударовъ, сталъ просить прощенья и обѣщалъ идти на работу. Болѣе охотниковъ не являлось; тогда предводитель велѣлъ жандармамъ идти по рядамъ и спрашивать, нѣтъ-ли желающихъ быть высѣченными? Но вмѣсто желающихъ всѣ стали на колѣни, начали просить прощенья, заявляя, что и землю возьмутъ, и на работу будутъ ходить. Тогда я велѣлъ исправнику отправить въ Ставрополь перваго наказаннаго крестьянина, но онъ тутъ же упалъ на колѣни и со слезами просилъ прощенья, обѣщавъ исполнять всѣ повинности. Видя, что весь этотъ, такъ называемый, бунтъ кончился, я его простилъ, и мужики спокойно разошлись по домамъ. Мы уѣхали опять къ Кроткову; оттуда предводитель поѣхалъ домой, исправникъ—по уѣзду, я же остался на нѣсколько дней, чтобы посмотрѣть, какъ пойдутъ работы.

На другой день крестьяне, которымъ слѣдовало идти на барщину, вышли всѣ, а остальные принялись пахать возвращенную землю.

(Продолженiе слѣдуетъ).

*

Великій князь Константинъ Павловичъ отказывается отъ переписки по своей административной дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ.

Отношеніе его высочества управляющему министерствомъ юстиціи, статсъ-секретарю тайному совѣтнику Блудову.

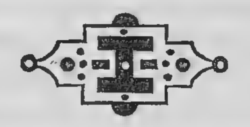
6-го декабря 1830 г. № 40.

По случаю происшедшаго въ Варшавѣ возмущенія, я съ находившимися тамъ россійскими войсками прибылъ въ предѣлы Россіи, оставивъ въ Варшавѣ весь архивъ.

По сему поводу и по занятію дѣлами сообразными съ теперешними обстоятельствами, находясь въ невозможности быть въ сношеніяхъ съ вашимъ превосходительствомъ по тѣмъ дѣламъ, по какимъ сношенія сіи между нами были, я прошу васъ прекратить оныя впредь до времени, исключая случаевъ самыхъ чрезвычайныхъ, не требующихъ соображеній съ архивами, или относящихся къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ.

О семъ равномѣрно извѣстилъ я гражданскихъ губернаторовъ высочайше ввѣренныхъ надзору моему губерній, съ тѣмъ, чтобы они, управляя оными силою законовъ, въ случаяхъ требующихъ разрѣшеній, испрашивали оныя отъ вашего превосходительства.

Сообщ. **А. В. Безродный.**

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.

XIV [1]).

Характеристика М. Н. Муравьева.—Домашняя жизнь его въ Вильнѣ.—Сослуживцы его и подчиненные.

Вѣроятно, не безъинтересно будетъ читателю познакомиться съ порядкомъ препровожденія времени графомъ М. Н. Муравьевымъ во время бытности его въ Вильнѣ главнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края, состоявшаго подъ его управленіемъ безъ малаго два года, съ 30-го апрѣля 1863 г. по 17-е апрѣля 1865 года. Можно сказать положительно, что въ тогдашнее мятежное время жизнь его текла крайне однообразно, за постоянными докладами и сосредоточивалась: съ 8 часовъ утра до 5 часовъ по полудни и съ 7 часовъ и никогда не позже 7½ ч. послѣ обѣда, до 2 часовъ и долѣе за полночь, въ рабочемъ кабинетѣ, небольшой комнатѣ верхняго помѣщенія дворца, въ два окна, выходившихъ на площадь съ фонтаномъ. Двѣ небольшія одностворчатыя двери, съ промежуткомъ въ аршинъ, вели въ этотъ знаменитый въ тогдашнее боевое время кабинетъ, гдѣ рѣшалась судьба Сѣверо-Западнаго края, быть или не быть ему за Россіею; дипломатія цѣлой почти Европы шла тогда на насъ войною. Прямо противу входа стоялъ, припертымъ узкою стороною къ окну, большой, съ тремя выдвижными ящиками, старинный письменный, крытый зеленымъ сукномъ, столъ, краснаго дерева, съ трехъ сторонъ котораго размѣщены были шесть креселъ, стараго фасона,

[1]) См. „Русскую Старину", январь 1904 г.

съ узкими рѣзными ручками; на одномъ изъ нихъ, стоявшемъ влѣво отъ входа, сидѣлъ обыкновенно Михаилъ Николаевичъ, покуривая любимый Жуковъ табакъ изъ трубки съ длиннымъ чубукомъ, и выслушивалъ служебные доклады, по строго соблюдавшейся очереди. Съ другой стороны стола стояли три кресла: одно, спинкой къ окну, служило для складыванія бумагъ при докладѣ; на среднемъ, противъ главнаго начальника края, садился обыкновенно докладчикъ; стоявшее слѣва кресло было также подспорьемъ для размѣщенія докладовъ; наконецъ, два кресла помѣщались около узкой стороны стола, противъ входной двери въ кабинетъ; сидя на одномъ изъ нихъ, получали обыкновенно приказанія лица, передъ отправленіемъ куда-нибудь въ командировку. Цѣлый столъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, былъ загроможденъ книгами, бумагами, вѣдомостями и разными свѣдѣніями, необходимыми Михаилу Николаевичу для постоянныхъ подручныхъ его справокъ. Нужно было удивляться, съ какою скоростію онъ всегда отыскивалъ тамъ необходимое. Влѣво отъ входной двери стоялъ прислоненнымъ къ стѣнѣ стариннаго фасона, какъ и вся мебель, диванъ краснаго дерева, къ правой сторонѣ котораго, подъ прямымъ угломъ, поставлена была на подставкѣ доска съ помѣщенной на ней большаго формата картою сѣверо-западныхъ губерній; по цѣлой поверхности этой карты воткнуты были булавки съ разноцвѣтными большими головками, изображавшими разнаго рода войска, которыми главный начальникъ края распоряжался очень часто самъ; отмѣтки о передвиженіи войскъ дѣлались по донесеніямъ военныхъ начальниковъ офицерами генеральнаго штаба, такъ что Михаилу Николаевичу во всякое время было наглядно извѣстно, гдѣ, сколько и какого рода оружія находилось войска.

Мятежническія шайки преслѣдовались по лѣсамъ изъ кабинета, какъ-бы по шахматной доскѣ. Передъ диваномъ и ландкартою стоялъ круглый столъ, на которомъ помѣщалась большая лампа съ рефлекторомъ, на случай вечернихъ справокъ по картѣ. Если прибавить къ меблировкѣ комнаты металлическій барометръ около лѣваго окна на стѣнѣ, нѣсколько креселъ и стульевъ, разставленныхъ по стѣнамъ, небольшой шкапъ, старинные часы подъ стекляннымъ четырехъ-угольнымъ колпакомъ, принадлежность дома, бронзовые дорожные часы на письменномъ столѣ, по срединѣ котораго стояла чернильница и за нею бронзовый четырехъ-свѣчный подсвѣчникъ съ опускнымъ изъ зеленой тафты абажуромъ, то убранство кабинета будетъ вполнѣ очерчено.

Простота и патріархальность обстановки этой комнаты поражали всякаго, кто мало-мальски былъ знакомъ съ петербургскими грандіозными дѣловыми кабинетами, но, вмѣстѣ съ этимъ, каждый посѣтитель кабинета невольно сознавалъ, что здѣсь творилось великое дѣло. Другой выходъ изъ кабинета, подлѣ самаго дивана, замаскированный спущенною

портьерою, велъ въ уборную и спальню главнаго начальника края, а также и на внутреннюю лѣстницу, которая соединяла низъ жилаго помѣщенія съ верхомъ и служила для домашнихъ ходомъ въ домовую церковь, помѣщавшуюся въ большомъ верхнемъ угловомъ залѣ, выходившемъ окнами въ дворцовый тѣнистый садъ; для постороннихъ посѣтителей входъ въ церковь былъ съ парадн‍аго крыльца, при садовыхъ воротахъ. Съ лѣвой стороны кресла, на которомъ сидѣлъ Михаилъ Николаевичъ, стоялъ стулъ съ привязаннымъ къ нему зеленымъ снурномъ отъ звонка, проведеннымъ къ камердинеру, старику Василію Ѳедоровичу, состоявшему при немъ болѣе 35 лѣтъ, который обязанъ былъ, смотря по звонку, или подавать трубку, или вызывать дежурнаго адъютанта въ кабинетъ.

Доклады по расписанію были раздѣлены по часамъ, и строго соблюдавшаяся очередь никогда не нарушалась; подобное систематическое распредѣленіе служебныхъ занятій, облегчая усидчивый трудъ, предоставляло вмѣстѣ съ тѣмъ докладчику возможность располагать своимъ свободнымъ временемъ, котораго вообще у насъ тогда было очень и очень немного. Случайный перерывъ доклада былъ весьма рѣдокъ и вызывался иногда экстренностію посѣщенія пріѣзжаго лица, или спѣшною телеграммою. Когда пріѣзжалъ во дворецъ митрополитъ Іосифъ, съ которымъ Михаилъ Николаевичъ находился въ отличныхъ отношеніяхъ, то онъ постоянно спѣшилъ встрѣтить православнаго архипастыря при входѣ въ большой залъ. Особая канцелярія помѣщалась въ большой боковой комнатѣ, выходившей на Фонтанную площадь; за нею устроенъ былъ телеграфъ, гдѣ постоянно занимались два дежурныхъ телеграфиста—по пріему и по передачѣ депешъ.

Въ одинадцать часовъ утра ежедневно назначенъ былъ общій пріемъ просителей и представлявшихся по службѣ лицъ; тогда принимались и разныя депутаціи, прибывавшія съ разныхъ сторонъ въ Вильну, къ главному начальнику края; осматривались и формировавшіяся жандармскія команды. Съ боемъ одиннадцати часовъ дежурный адъютантъ возвѣщалъ присутствовавшимъ о выходѣ Михаила Николаевича. Пріемы, вообще, были непродолжительны, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, никто не уходилъ оттуда, не высказавшись главному начальнику края, который выслушивалъ секретныя сообщенія, отходя въ амбразуру окна. Нужно было видѣть то всеобщее, напряженное вниманіе представлявшихся, съ которымъ они слѣдили за каждымъ словомъ знаменитаго начальника, и ту неподкупную любовь, которая проглядывала въ каждомъ взорѣ, въ каждомъ движеніи окружавшихъ его приближенныхъ къ нему лицъ; это была такая охрана, которую никогда не могла бы одолѣть не только польская, но и никакая темная вражья сила.

Первымъ отправлялся ежедневно утромъ и вечеромъ съ докладомъ П. А. Черевинъ, который и жилъ на верху во дворцѣ въ первой ком-

натѣ отъ передней; послѣ него главный начальникъ края принималъ виленскаго коменданта А. С. Вяткина, въ вѣдѣніи котораго находилась политическая тюрьма зданія № 14; послѣ него приглашался въ кабинетъ губернскій почтмейстеръ баронъ Россильонъ, съ заграничными газетами, изъ которыхъ прочитывались выдержки; истинное наслажденіе доставляли Михаилу Николаевичу ругательные отзывы о немъ заграничной прессы; онъ ихъ собиралъ и тщательно хранилъ.

— Заграничная брань Россіи полезна; а вотъ отъ иноземныхъ похвалъ русскому не поздоровится,—говаривалъ онъ зачастую.

Виленскій губернаторъ С. Ѳ. Панютинъ и старшій полицеймейстеръ полковникъ М. А. Саранчовъ по нѣсколько разъ въ день являлись во дворецъ съ словесными докладами. Тайному совѣтнику Булычеву порученъ былъ докладъ прошеній по политическимъ дѣламъ, поступавшимъ къ главному начальнику края; для содѣйствія ему былъ откомандированъ чиновникъ особыхъ порученій графъ К. Ф. Ожаровскій; статскій совѣтникъ Лаптевъ завѣдывалъ перепискою на французскомъ языкѣ. Надворный совѣтникъ П. Ф. Неѣловъ, исправлявшій должность оберъ-аудитора военнаго полеваго суда, докладывалъ военно-судныя дѣла, а коллежскій асессоръ Яковлевъ—слѣдственныя политическія. Политическимъ отдѣленіемъ генералъ-губернаторской канцеляріи завѣдывалъ подполковникъ А. С. Павловъ, на родной сестрѣ котораго былъ женатъ правитель той канцеляріи А. Д. Тумановъ, назначенный на эту должность по рекомендаціи его В. И. Назимовымъ. Статскій совѣтникъ Л. С. Маковъ велъ дѣла по крестьянскому вопросу въ теченіе полугода, а затѣмъ, когда онъ уѣхалъ въ Петербургъ по случаю болѣзни сына и оттуда уже не возвратился, его мѣсто заступилъ В. Д. Левшинъ. Попечитель Виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловъ имѣлъ также опредѣленные часы у главнаго начальника края по дѣламъ учебнаго вѣдомства. Послѣ присоединенія Августовской губерніи царства Польскаго къ виленскому генералъ-губернаторству, я былъ назначенъ Михаиломъ Николаевичемъ предсѣдателемъ, образованной въ Вильнѣ, центральной коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ той губерніи; членами въ ней состояли: В. Ѳ. Самаринъ, П. А. Мясоѣдовъ и Н. И. Никотинъ; по упраздненіи же этой коммиссіи, вслѣдствіе обратной передачи той губерніи въ вѣдѣніе намѣстника царства Польскаго графа Ѳ. Ѳ. Берга, я получилъ въ управленіе особую канцелярію во дворцѣ, въ которой сосредоточены были всѣ дѣла по умиротворенію Сѣверо-Западнаго края и по преобразованію его для окончательнаго слитія съ Россіею. Позднѣе всѣхъ приходили съ докладами предсѣдатели слѣдственныхъ коммиссій. Дѣловые доклады слѣдовали одинъ за другимъ. Кто не успѣвалъ въ назначенное для того время кончить свой докладъ, того графъ Михаилъ Николаевичъ приглашалъ *сложить свою лавочку* и уступить мѣсто слѣдующему

по очереди лицу. Не успѣвшій окончить свой докладъ или призывался снова, въ выдававшееся свободное время, или ожидалъ слѣдующую свою очередь. Вечерніе доклады ежедневно начинались послѣ 7 часовъ, чтеніемъ входящихъ бумагъ; эта обязанность возложена была на П. А. Черевина, который послѣ доклада переписывалъ на бумагахъ послѣдовавшую резолюцію главнаго начальника края. Входящія бумаги поступали сотнями, и каждая изъ нихъ тотчасъ же записывалась во входящій журналъ, а затѣмъ всѣ бумаги немедленно раздавались по принадлежности.

По спѣшности дѣла, въ особенности же во время отлучки П. А. Черевина, когда читалъ бумаги Михаилу Николаевичу молодой чиновникъ А. Н. Мосоловъ, привезенный имъ изъ Петербурга и занимавшійся въ особой канцеляріи шифрованными депешами, случались по временамъ ошибочныя отмѣтки въ резолюціяхъ; тогда исполнившій бумагу по таковой отмѣткѣ получалъ замѣчаніе.

— Неужели вы считали меня способнымъ приказать подобный вздоръ? По смыслу бумаги сами могли бы догадаться исправить допущенную ошибку.

При началѣ каждаго доклада графъ М. Н. Муравьевъ давалъ обыкновенно указанія на то, что необходимо было приготовить къ слѣдующей очереди; исполненіе по такимъ распоряженіямъ обязательно было доложить ему прежде прочихъ дѣлъ и бумагъ. Если исполненіе полученнаго приказанія не могло, по чему-либо, быть готовымъ къ назначенному времени, то докладчикъ непремѣнно обязанъ былъ самъ, передъ началомъ доклада, заявить о томъ, добавивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, когда надѣется онъ исполнить порученное, и тогда все проходило благополучно; если же по забывчивости онъ этого не дѣлалъ, а напоминалъ ему о томъ самъ Михаилъ Николаевичъ, то получалъ отъ него замѣчаніе въ родѣ слѣдующаго:

— Не стыдно-ли вамъ не исполнить порученія? Можетъ быть вамъ это трудно? Въ такомъ случаѣ скажите мнѣ, я поручу другому.

Однажды я позванъ былъ дежурнымъ адъютантомъ въ кабинетъ во время доклада начальника окружнаго штаба А. Э. Циммермана, съ которымъ я жилъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Личность этого генерала была вполнѣ достойна уваженія. Едва успѣлъ я переступить порогъ кабинета, какъ замѣтилъ, что Михаилъ Николаевичъ былъ чѣмъ-то недоволенъ.

— Пожалуйста, любезный Никотинъ, потрудитесь написать распоряженіе по войскамъ, въ Вильнѣ расположеннымъ, о скорѣйшемъ доставленіи свѣдѣній вотъ по этой запискѣ (которую онъ мнѣ и передалъ). Начальникъ штаба не имѣлъ, видимо, времени этимъ заняться.

Такъ какъ исполненіе по настоящему приказанію состояло въ на-

писаніи бумаги въ полъ-листа, то минутъ черезъ двадцать я принесъ ее, и затѣмъ, передавая ее начальнику штаба, онъ прибавилъ:

— Видите, ваше превосходительство, статскій чиновникъ, желающій исполнить полученное приказаніе, не встрѣтилъ при этомъ никакого затрудненія, а вамъ не благоугодно было сдѣлать это по штабу.

По выходѣ послѣ доклада изъ кабинета, Аполлонъ Эрнестовичъ зашелъ ко мнѣ въ особую канцелярію и долго смѣялся надъ своею забывчивостью. Послѣ этого эпизода наши хорошія отношенія остались по-прежнему. Не таковы были послѣдствія другаго приключенія въ этомъ же родѣ. Зовутъ меня однажды въ кабинетъ во время вечерняго доклада правителя общей генералъ-губернаторской канцеляріи; вхожу и вижу: творится что-то необыкновенное; А. Д. Тумановъ, съ поднятыми на самый лобъ очками, раскраснѣвшійся, держитъ, стоя, въ рукахъ какую-то бумагу. Когда я подошелъ къ креслу у стола, графъ М. Н. Муравьевъ, взглянувъ на докладчика, сказалъ ему:

— Прочтите бумагу въ третій разъ и, обратясь затѣмъ ко мнѣ, добавилъ: вслушайтесь со вниманіемъ.

Правитель канцеляріи прочелъ предложеніе В. И. Назимова на имя попечителя Виленскаго учебнаго округа князя Ширинскаго-Шихматова, въ которомъ, сообщивъ ему, что во всѣхъ совершавшихся въ краѣ политическихъ безпорядкахъ участвуютъ всюду гимназисты и ученики, поручилъ ему пригласить родителей ихъ, родственниковъ и воспитателей, вообще всѣхъ тѣхъ, кому ввѣренъ былъ надзоръ за ними, чтобы они строго смотрѣли за молодежью, предваряя ихъ при этомъ, что въ случаѣ дальнѣйшихъ безобразій со стороны учащихся отвѣтственность падетъ вмѣстѣ съ ними и на ихъ самихъ, при чемъ они будутъ подвергнуты штрафу отъ 25 до 100 рублей. Когда чтеніе бумаги кончилось, Михаилъ Николаевичъ сказалъ читавшему:

— Переведите бумагу на русскій языкъ.

При этихъ словахъ, какъ ни серьезно было положеніе, я невольно улыбнулся; мгновенная улыбка скользнула и по лицу Михаила Николаевича; между тѣмъ окончательно растерявшійся правитель канцеляріи молчалъ и представлялъ собою настоящаго рыцаря печальнаго образа; мнѣ стало его жаль.

— Переведите ему, пожалуйста, бумагу на русскій языкъ,—обратился ко мнѣ главный начальникъ края.

— Нужно привести въ извѣстность всѣ случаи неисполненія указаннаго распоряженія и подвергнуть виновныхъ обѣщанному взысканію штрафовъ.

— Видите, милостивый государь,—продолжалъ графъ М. Н. Муравьевъ, человѣкъ, какъ говорится, пришелъ съ вѣтру и съ перваго же разу понялъ въ чемъ дѣло, а я вотъ бьюсь съ вами около получаса

времени, которое у насъ слишкомъ дорого, и не могу добиться толку. Вы привыкли съ вашимъ Назимовымъ казать кукиши изъ кармана крамольникамъ, вотъ они васъ въ грошъ и не ставили, и только еще болѣе безчинствовали. Нечего было грозить, когда трусили исполнить угрозу. Извольте привести въ извѣстность всѣ случаи ученическихъ безобразій, послѣ сдѣланнаго предваренія, и заготовьте распоряженіе о взысканіи высшаго штрафа съ тѣхъ лицъ, которыя обязаны были наблюдать за мальчишками.

Этотъ несчастный переводъ русской бумаги на русскій языкъ не могъ никогда переварить мой бывшій сослуживецъ.

Въ первое время моихъ докладовъ, когда я не освоился еще съ пріемами, Михаилъ Николаевичъ выговаривалъ и мнѣ, при замѣченныхъ мною же самимъ опискахъ въ бумагахъ. По принятому тогда обычаю, всѣ исходящія бумаги читались вслухъ докладчикомъ; одобренныя главнымъ начальникомъ края откладывались въ одну сторону, неодобренныя—въ другую; по окончаніи чтенія первыя подписывались послѣдовательно одна за другою главнымъ начальникомъ края. Начнешь, бывало, читать бумагу не съ заголовка и получишь вопросъ:

— Кто это пишетъ?

— Предложеніе такому-то губернатору, ваше высокопревосходительство.

— Такъ и читайте, а то безъ имени—баранъ—овца.

Замѣтивши при чтеніи бумаги описку въ ней, я имѣлъ привычку замяться на этомъ мѣстѣ.

— Что тамъ такое?—слѣдовалъ новый вопросъ.

— Описка, ваше высокопревосходительство; извините, не досмотрѣлъ...

— Какъ же вамъ не стыдно! прикажите поскорѣе исправить.

Вотъ и тащишь, бывало, бумагу къ дежурному адъютанту для передачи на исправленіе кому-либо изъ писарей, которыхъ командировалъ въ Вильну графъ Гейденъ изъ главнаго штаба; въ особой канцеляріи ихъ было только четверо: Львовъ, Тихановскій, Ильинъ и Тихановъ; всѣ на подборъ молодцы. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что подобныя исправленія бумагъ во время моихъ докладовъ вскорѣ прекратились, такъ какъ Михаилъ Николаевичъ сталъ довѣрять мнѣ исправленіе бумаги послѣ своей подписи не только при опискахъ, но и по существу, приговаривая при этомъ:

— Вы не забудете сдѣлать указанную поправку?

— Не смѣю забыть, ваше высокопревосходительство; для памяти я сдѣлалъ отмѣтку на бумагѣ.

— Пожалуйста, не позабудьте поправить.

При первомъ затѣмъ докладѣ я обыкновенно прочитывалъ ему по

черновому отпуску сдѣланное исправленіе и получалъ благодарность. Этотъ обычай былъ вскорѣ замѣченъ и въ особой канцеляріи, при чемъ нашлись такія личности, которыя подумали, что я дѣлаю это самовольно. Память графа М. Н. Муравьева была необыкновенная; случалось мнѣ, по его указаніямъ, отыскивать въ Полномъ Собраніи разные подходящіе къ встрѣченному недоразумѣнію законы тридцатыхъ годовъ и находить справки въ дѣлахъ, имъ рѣшенныхъ болѣе года тому назадъ. Работалось при немъ легко; не смотря на продолжительность моихъ вечернихъ докладовъ, иногда часа три случалось читать вслухъ не вставая съ мѣста, все-таки не чувствовалось усталости; только, бывало, почувствуешь словно горчичники поставлены на лопаткахъ, отъ постояннаго перекладыванія бумагъ то направо, то налѣво. Доклады вышеизложеннымъ порядкомъ продолжались ежедневно; послѣднимъ докладчикомъ являлся обыкновенно предсѣдатель слѣдственной по политическимъ дѣламъ коммиссіи съ подробнымъ отчетомъ о сдѣланныхъ въ теченіе дня новыхъ открытіяхъ. Благодаря настойчивому вниманію, съ которымъ слѣдилъ графъ Муравьевъ за ходомъ слѣдствій по тайной организаціи, сдѣланы были весьма важныя открытія по мятежной организаціи, главный центръ которой укрывался въ Петербургѣ. Доклады въ то время не прерывались даже и по высокоторжественнымъ праздникамъ; послѣ обѣдни мы снова принимались за обычную работу и никому, я думаю, не приходило въ голову серьезно роптать на это, въ виду важности тогдашняго положенія дѣлъ. Даже въ первый день Свѣтлаго Христова Воскресенія въ 1864 году я не избѣжалъ обычныхъ моихъ докладовъ—утромъ и вечеромъ; первый продолжался не болѣе получаса, а послѣдній окончился очень рано въ 9-ть часовъ вечера. Строго соблюдавшаяся очередь докладовъ давала возможность свободно располагать своимъ временемъ, лишь бы быть на мѣстѣ въ опредѣленный часъ, да не имѣть недоимокъ по исполненію полученныхъ приказаній. Самая болѣзнь не мѣшала Михаилу Николаевичу выслушивать доклады, только тогда допускались въ кабинетъ самыя приближенныя къ нему лица; принималъ онъ ихъ въ халатѣ и всегда извинялся въ этомъ. Объ одномъ изъ такихъ случаевъ и хочу я разсказать подробно, такъ какъ онъ освѣтитъ характеръ этого вполнѣ русскаго государственнаго человѣка и представитъ его въ совершенно другомъ видѣ, чѣмъ въ какомъ привыкли представлять его поборники польской справы.

Пришедши, по заведенному порядку, въ началѣ восьмаго часу вечера во дворецъ, въ день сочельника передъ Рождествомъ Христовымъ въ 1864 году, я узналъ отъ дежурнаго адъютанта, что нашъ начальникъ боленъ и отказалъ всѣмъ доклады, поручивъ только, по выходѣ изъ кабинета П. А. Черевина, попросить меня съ самыми нужными

бумагами. Дѣйствительно, около восьми часовъ, я былъ приглашенъ въ кабинетъ. Графъ М. Н. Муравьевъ сидѣлъ въ халатѣ; на груди и на затылкѣ были поставлены мушки, голова обвязана бѣлымъ платкомъ.

Облокотясь на столъ лѣвою рукою, больной поддерживалъ ею свою голову. Въ кабинетѣ, освѣщенномъ четырьмя стеариновыми свѣчами, подъ зеленымъ тафтянымъ абажуромъ, было довольно темно.

— Здравствуйте, Иванъ Акимовичъ, извините меня, что я принимаю васъ въ халатѣ; крѣпко мнѣ неможется,—проговорилъ больной тихимъ голосомъ.

— Вы бы изволили отдохнуть, ваше высокопревосходительство, успокоились бы хоть немного.

— Какой тутъ покой. Что можно сдѣлать сегодня, того нельзя будетъ сдѣлать завтра; нужно поэтому спѣшить. Садитесь-ка, да почитайте, можетъ, позабудется и боль. Что у васъ есть тамъ экстреннаго? Долго не буду въ состояніи слушать васъ сегодня.

Дѣйствительно, докладъ продолжался не болѣе часу. По окончаніи занятій, видимо страдавшій боецъ за святое русское дѣло, глубоко и тяжело вздохнувши, проговорилъ, положивъ голову на руку, какъ-бы разсуждая съ собою:

— Человѣколюбіе, гуманность, милосердіе... какія громкія и прекрасныя слова! Да и какъ скоро можно сдѣлаться при ихъ помощи популярнымъ! А вотъ заставить бы этихъ говоруновъ подписать хоть одинъ смертный приговоръ, тяжелое послѣдствіе ихъ безумной гуманности; тогда они поняли бы, что значитъ рѣшиться на лишеніе жизни человѣка, хоть и преступника. Модный, гуманный докторъ, жалѣя больнаго, у котораго въ сильной степени заражена кисть руки антоновымъ огнемъ, начинаетъ оперировать по суставамъ, въ надеждѣ остановить гангрену; а больной, при каждомъ отдѣленіи сустава, стонетъ, да охаетъ. Серьезный же врачъ, не видя другаго исхода, какъ отнятіе цѣлой кисти, скрѣпя свое сердце, однимъ разомъ отдѣляетъ зараженную кисть. Больной кричитъ, какъ и при отнятіи пальца, а болѣзнь остановилась. Звѣрь, кровопійца, кричатъ про него модные гуманные люди. А чье поведеніе гуманнѣе? Зло политическое та же гангрена, остановить его можно только въ началѣ и то самыми рѣшительными мѣрами; медленность и колебаніе служатъ только поощреніемъ къ дальнѣйшимъ безобразіямъ и къ бо̀льшимъ еще дерзостямъ крамольниковъ. Пожаръ тушится стаканомъ воды, если во̀-время замѣтятъ огонь; а дашь разгуляться пламени, не зальешь и рѣкою... Благодарю васъ, обратился послѣ минутнаго раздумья ко мнѣ Михаилъ Николаевичъ и, приподнимаясь съ трудомъ съ своего мѣста, дернулъ за снурокъ отъ звонка. До свиданія, пойду и попробую уснуть. Поздравляю васъ съ наступающимъ праздникомъ; ступайте домой, отдохните и вы.

Вошедшій на эти слова старикъ камердинеръ Василій Ѳедоровичъ, взявши подъ руку больнаго, повелъ его потихоньку изъ кабинета. Грустно, невыносимо грустно стало мнѣ при одной мысли о близкой возможности потерять такого незамѣнимаго начальника и, погруженный въ тяжелую думу, отправился я домой, къ своей семьѣ, въ этотъ вечеръ ранѣе обыкновеннаго. Никогда не забуду я этой бесѣды, такъ она врѣзалась мнѣ въ память. Враги графа М. Н. Муравьева разсказываютъ много разнаго вздора про его жестокость, злобу; я же скажу, во имя святой правды, что если можно было сдѣлать кому-либо добро, то конечно только при такомъ, какъ онъ, начальникѣ, входившемъ въ мельчайшія подробности обыденной жизни бѣднаго труженика изъ нашей чиновней братіи.

— Служащій долженъ быть вполнѣ обезпеченъ,—говаривалъ онъ обыкновенно; не пойдетъ усиленно работа, если на умѣ постоянно вертится—что завтра будетъ ѣсть семья, или какъ укрыть ее отъ холода. Дайте ему все необходимое, и тогда можете смѣло требовать отъ него честнаго труда и усидчивой работы.

Въ служебныхъ отношеніяхъ своихъ съ подчиненными графъ М. Н. Муравьевъ дѣйствительно былъ очень требователенъ и взыскателенъ, но требованія эти имѣли единственную цѣль: успѣшное выполненіе возложеннаго на него государемъ великаго дѣла умиротворенія Сѣверо-Западнаго края. Онъ самъ первый подавалъ намъ всѣмъ примѣръ добросовѣстнаго отношенія къ такому усидчивому труду, о которомъ не многіе только могутъ имѣть понятіе. Людей честно преданныхъ службѣ онъ постоянно отличалъ, награждалъ и поддерживалъ деньгами, особенно же онъ былъ щедръ при серьезныхъ командировкахъ.

— Чиновникъ ни въ чемъ не долженъ нуждаться въ дорогѣ, особенно въ такое время, какъ нынѣшнее. Не обращаться же ему за подачкою къ полякамъ, которые и безъ того городятъ разный вздоръ про русскихъ служащихъ.

Однажды, въ разговорѣ со мною послѣ доклада о замѣщеніи коммиссарскихъ вакансій въ Августовской губерніи, онъ мнѣ сказалъ такую любезность:

— Гдѣ вы найдете теперь истинно дѣльныхъ людей? Я управлялъ тремя министерствами и смогъ выбрать только двухъ дѣльныхъ начальниковъ отдѣленій. Укажите мнѣ другаго, какъ вы, и я поклонюсь вамъ до земли.

Совѣстно писать мнѣ эти строки, какъ бы самовосхваленія, но призываю Сердцевѣдца во свидѣтельство справедливости сказаннаго; да и къ чему лгать. Моя пѣсня спѣта, и видитъ Господь, что я для себя ровно ничего не желаю.

Когда пріѣзжали въ Вильну губернаторы, что̀ случалось впрочемъ

очень рѣдко и всегда по вызову, то принято было за правило, чтобы, прежде своего доклада главному начальнику края, они собрали самыя обстоятельныя свѣдѣнія по тѣмъ вопросамъ, которые хотѣли возбудить и уже затѣмъ, по доведеніи о томъ до свѣдѣнія Михаила Николаевича, онъ выслушивалъ подробно обстоятельства дѣла, о которомъ предстояла рѣчь, и назначалъ губернатору время для доклада. Этотъ пріемъ былъ самый практичный; обѣ стороны знали всю суть дѣла, которое поэтому рѣшалось быстро и безошибочно. Однажды вызванъ былъ въ Вильну ковенскій губернаторъ Н. М. Муравьевъ, сынъ Михаила Николаевича, любившій покутить и пожуировать. Не забуду я тотъ страхъ, который натерпѣлся онъ передъ докладомъ.

— Одинъ я не пойду. Я просилъ отца, чтобы и вы, Иванъ Акимовичъ, присутствовали при докладѣ.

Однако и мое присутствіе не помогло; по срединѣ доклада на чемъ-то онъ остановился.

— Мнѣ кажется, Николай Михаиловичъ, что ты не совсѣмъ твердъ въ томъ дѣлѣ, о которомъ время докладывать,—обратился къ нему Михаилъ Николаевичъ.

— Нѣтъ, батюшка,—началъ было оправдываться сконфуженный сынъ.

— Поѣзжай назадъ въ Ковну, да займись этимъ дѣломъ посерьезнѣе; а когда надлежаще его усвоишь—телеграфируй, я тебя и вызову.

Жутко приходилось, бывало, тѣмъ господамъ, которые еще въ столь недавнее прошлое время привыкли загребать жаръ чужими руками и, ничего не понимая, рѣшали по-своему всякое дѣло; теперь имъ самимъ частенько перепадало на орѣхи. Вотъ подобнаго-то рода всезнайки, да люди, не любившіе усидчиваго труда, и разсказываютъ разнаго рода небылицы про того, кто не любилъ только выслушивать вздоръ, да толковать съ глупцами о серьезныхъ вещахъ. Дѣльныя возраженія графъ М. Н. Муравьевъ выслушивалъ всегда съ полнымъ вниманіемъ; сколько разъ случалось мнѣ оспаривать полученныя приказанія по крестьянскому вопросу въ Августовской губерніи, и кромѣ благодарности, я никогда ничего другаго не слыхалъ отъ него по этому поводу. Передѣлка подписанныхъ имъ бумагъ бывала прямымъ послѣдствіемъ возраженія моего, съ которымъ онъ прежде не соглашался. Въ подобныхъ случаяхъ, въ послѣдствіи времени, обыкновенно дѣлалъ я такъ. Къ слѣдующему моему докладу я заготовлялъ два распоряженія: по полученному мною приказанію начальника и по моему мнѣнію, которое имъ не было принято во вниманіе; подавая къ подписи первую бумагу, я считалъ прямою своею обязанностію снова высказать мой взглядъ на дѣло; случалось при этомъ, что Михаилъ Николаевичъ бралъ молча изъ рукъ моихъ бумагу,

быстро обмакивалъ перо въ чернилицу, подносилъ руку для подписи и затѣмъ спрашивалъ меня:

— Приготовили вы другое исполненіе? и на утвердительный мой отвѣтъ добавлялъ: прочитайте.

Когда чтеніе оканчивалось, я получалъ отъ него благодарность; прочитанная бумага имъ подписывалась, а первая разрывалась собственноручно. Подобное отношеніе графа М. Н. Муравьева къ дѣлу доказываетъ высокій умъ и чистую душу нашего государственнаго дѣятеля, котораго враги Россіи представляли какимъ-то извергомъ.

Во второй половинѣ іюня мѣсяца 1864 года правитель общей канцеляріи А. Д. Тумановъ попросился въ двухъ-недѣльный отпускъ, въ Дуббельнъ, близъ Риги, гдѣ пользовалась морскими купаньями его жена. Результатъ ходатайства вышелъ самый плачевный: отпуска нѣтъ, а имѣешь охоту путешествовать, выходи въ отставку. Предъувѣдомленный объ этомъ моимъ сотоварищемъ, я рѣшился попробовать счастья и попросить за него. Докладъ въ этотъ вечеръ былъ у меня черезчуръ великъ, и я могъ разсчитывать поэтому, что главный начальникъ края будетъ доволенъ; мнѣ посчастливилось при этомъ окончить занятія съ нимъ очень скоро.

— Какъ я любуюсь всегда вашимъ докладомъ, любезный Иванъ Акимовичъ,—сказалъ мнѣ Михаилъ Николаевичъ, когда я собралъ бумаги; скоро, толково и ясно. Это не то, что возиться съ Тумановымъ; тотъ пока разберетъ свою лавочку, израсходуетъ полчаса... а еще вздумалъ въ отпускъ проситься. Вы, вотъ видите, можете заступить его; мало вамъ и безъ того дѣла...

— У него больная жена въ Дуббельнѣ, ваше высокопревосходительство; двѣ недѣли не Богъ знаетъ сколько времени, я постараюсь управиться.

— Вамъ все мало работы,—отвѣчалъ Михаилъ Николаевичъ, видимо желавшій дать ему отпускъ.

— Позвольте ему съѣздить, ваше высокопревосходительство, я заступлю его и постараюсь, чтобы дѣло отъ этого нисколько не пострадало.

— Знаю, что дѣло не только не пострадаетъ, а выиграетъ, но смотрите, не захворайте вы...

— Богъ милостивъ, ваше высокопревосходительство, управлюсь и буду беречься.

— Прикажите же написать ему двухъ-недѣльный отпускной билетъ.

Въ эти двѣ недѣли мнѣ пришлось усиленно поработать, такъ что у меня бывало по нѣсколько очередей докладовъ въ день; за мной носили цѣлые вороха бумагъ; по общей канцеляріи оказалась большая отсталость по дѣламъ, но мнѣ какъ-то особенно посчастливилось, и все было приведено въ надлежащій порядокъ.

Когда правитель канцеляріи возвратился изъ отпуска, графъ М. Н. Муравьевъ пригласилъ его во время моего доклада въ кабинетъ и сказалъ ему:

— Канцелярія ваша была запущена. Въ эти двѣ недѣли Иванъ Акимовичъ былъ настоящимъ мученикомъ; цѣлые чемоданы бумагъ таскали за нимъ каждый разъ; теперь все приведено въ порядокъ. Смотрите, не запустите снова и благодарите его.

Мы молча обмѣнялись рукопожатіями. Это обстоятельство, совершенно для меня неожиданное, послужило, однако же, поводомъ къ охлажденію ко мнѣ товарища моего по службѣ, который, нужно замѣтить, при прежнемъ генералъ-губернаторѣ игралъ роль. Впрочемъ, сказать правду, я съ нимъ близокъ никогда и не былъ. Получилъ онъ назначеніе на эту должность въ маѣ мѣсяцѣ 1862 года, т. е. за полгода до вооруженнаго мятежа. Какимъ смиреннымъ человѣкомъ показался онъ мнѣ, когда я встрѣтилъ его въ первый разъ у Назимовыхъ, не подозрѣвая, что онъ былъ уже предназначенъ Владиміромъ Ивановичемъ на должность правителя канцеляріи.

Между серьезнымъ дѣломъ въ особой канцеляріи изрѣдка водилось у насъ и бездѣліе. Въ минуты выдававшагося дѣловаго затишья придумывались бывало разныя развлеченія. Въ числѣ лицъ, состоявшихъ по порученіямъ при главномъ начальникѣ края, былъ одинъ молодой человѣкъ, назову его хоть X. Онъ былъ отличный малый во всѣхъ отношеніяхъ, но желаніе имѣть у Михаила Николаевича особый докладъ не давало ему покоя. Не знаю, преслѣдовала-ли его мысль объ этомъ во снѣ, но, подъ ея вліяніемъ, онъ чуть не бредилъ о томъ на яву. Я очень любилъ его за его веселый нравъ, и жили мы съ нимъ, не смотря на разность нашихъ лѣтъ, какъ говорится, душа въ душу; я нѣсколько разъ бралъ его съ собою по командировкамъ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ въ Сувалки, я далъ ему разработать одинъ вопросъ по крестьянскому дѣлу Августовской губерніи. Возвратясь въ Вильну и явясь прямо съ желѣзной дороги къ Михаилу Николаевичу, я попросилъ его, по окончаніи доклада о результатахъ поѣздки, дать мнѣ одинъ день сроку, для приведенія въ исполненіе послѣдовавшихъ по этому поводу его приказаній, на что и получилъ разрѣшеніе. Случилось такъ, что не бывшій въ это время во дворцѣ мой спутникъ ничего не зналъ про это. Вечеромъ того же дня, когда я не явился еще въ особую канцелярію для занятій, мой искатель докладовъ, придя туда съ портфелемъ подъ мышкой, попросилъ дежурнаго адъютанта, В. И. Павлова, доложить о себѣ Михаилу Николаевичу. Адъютантъ, полагая, что ему приказано было явиться, отправляется въ кабинетъ и докладываетъ:— такой-то съ докладомъ.

— Что такое?—спросилъ его главный начальникъ края. Адъютантъ повторилъ снова: такой-то съ докладомъ.

— Какой у него можетъ быть докладъ? Прикажите ему передать бумаги Ивану Акимовичу.

Въ эту самую минуту, когда вышедшій изъ кабинета адъютантъ выговаривалъ искателю докладовъ о неприличіи подобной выходки и о послѣдствіяхъ таковой, я вошелъ въ красную гостиную, гдѣ происходила описанная сцена. Узнавши, въ чемъ дѣло, я посмѣялся отъ души надъ неудачнымъ приключеніемъ дѣловаго человѣка и спросилъ его о причинѣ подобной неудачной попытки.

— Ты поручилъ мнѣ обработать вопросъ по крестьянскому дѣлу,— отвѣтилъ онъ.

— Ну такъ что же? Обработанный тобою вопросъ и долженъ былъ мнѣ отдать.

— А я полагалъ, что ты сдѣлалъ это по приказанію Михаила Николаевича и что я самъ лично обязанъ ему доложить...

— Вотъ тебѣ и урокъ для будущаго—не полагай впередъ того, чего не слѣдуетъ. Ну, да я возьму твой конфузъ на себя и выручу изъ бѣды, объяснивъ начальству причину твоего недоразумѣнія, а на будущее время все-таки удержи, хоть и похвальные, твои порывы къ особымъ докладамъ; они вѣдь не такъ легко даются, какъ ты это полагаешь.

По окончаніи служебныхъ занятій, прекращавшихся нерѣдко часу въ третьемъ за полночь, остававшіяся во дворцѣ на службѣ лица собирались въ красную гостиную; двери изъ кабинета отворялись, и всѣ присутствовавшіе толпою входили туда. Перебросившись нѣсколькими словами съ вошедшими, или сообщивши имъ какое-нибудь новое открытіе по части подпольной крамолы, утомленный нашъ главный начальникъ, при пожеланіи всѣмъ спокойной ночи, удалялся, наконецъ, въ свою почивальню, а мы расходились по домамъ, чтобы на завтра, съ восьми-девяти часовъ утра, снова приняться за обычную работу. Затѣмъ комендантъ дворца, жандармской офицеръ Медвѣдевъ, разставлялъ, начиная снизу, парныхъ часовыхъ при дверяхъ, и тогда безъ его вѣдома никто уже не могъ пробраться туда, гдѣ, спя бо̀льшею частію въ креслахъ, проводилъ ночь тотъ, неусыпнымъ трудомъ и ревностнымъ попеченіямъ котораго ввѣрено было державнымъ вождемъ русскаго народа не только умиротвореніе потрясеннаго кровавымъ мятежомъ искони русскаго края, но и упроченіе его въ будущемъ за Россіею тѣснѣйшимъ сближеніемъ съ нею, вопреки всѣмъ разсчетамъ нашихъ заклятыхъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ.

Выше было сказано, что служебныя занятія во дворцѣ начинались съ 8 часовъ утра и, послѣ двухъ-часоваго обѣденнаго перерыва, съ

5 до 7 часовъ, продолжались ежедневно за полночь. Отлучиться кому-либо изъ служащихъ домой не было никакой возможности, и потому въ отдѣльной комнатѣ верхняго помѣщенія дворца, изъ которой вела узкая лѣстница въ нижній корридоръ, былъ устроенъ походный буфетъ, которымъ завѣдывалъ старикъ-камердинеръ Василій Ѳедоровичъ, состоявшій при Михаилѣ Николаевичѣ болѣе 35 лѣтъ. Подобные честные слуги-ветераны, беззавѣтно преданные своимъ господамъ, перевелись у насъ совсѣмъ на святой Руси; въ настоящее время есть только наемники. Въ буфетѣ водка не полагалась.

Въ заключеніе остается мнѣ разсказать про одинъ изъ моихъ послѣднихъ петербургскихъ докладовъ, когда сдѣлалось положительно извѣстно, что Михаилъ Николаевичъ не возвратится въ Вильну.

Этотъ случай какъ нельзя лучше выкажетъ характеръ нашей знаменитой государственной личности. По окончаніи доклада, въ кабинетѣ на Сергіевской улицѣ, когда я сложилъ всѣ бумаги въ портфель и намѣревался выйти, Михаилъ Николаевичъ, выдвинувши правый ящикъ письменнаго своего стола и вынувъ оттуда почтовый листъ большаго формата, исписанный связнымъ почеркомъ кругомъ на четырехъ страницахъ, передалъ его мнѣ со словами:

— Не угодно-ли вамъ прочесть это.

Взявши у него изъ рукъ поданный мнѣ листъ бумаги, я съ первыхъ же строкъ понялъ, что это былъ безъимянный доносъ на меня; обернувши затѣмъ мистическое посланіе, я убѣдился, что не ошибся въ своемъ предположеніи, такъ какъ неизвѣстный авторъ не подписался и скрылъ, по общепринятому доносчиками порядку, свое презрѣнное имя. Взволнованный этою выходкою и не медля ни минуты, я возвратилъ, не начиная чтенія, поданную мнѣ Михаиломъ Николаевичемъ бумагу, со словами:

— Благоволите уволить меня, ваше высокопревосходительство, отъ чтенія этой мерзости; начиная со скамьи Московскаго университета, въ которомъ достойные профессора укрѣпляли въ юныхъ своихъ слушателяхъ истинныя понятія о правдѣ, чести и долгѣ вѣрноподданнаго гражданина и въ теченіе 19-ти-лѣтней моей службы я презиралъ и буду презирать безъимянные доносы, какъ самую гнусную, подлую вещь. Если вамъ угодно будетъ вѣрить тому, что здѣсь написано, я вполнѣ подчиняюсь вашему рѣшенію и не желаю оправдываться.

Графъ М. Н. Муравьевъ видимо остался доволенъ моимъ отвѣтомъ и старался успокоить меня, такъ какъ я былъ очень взволнованъ.

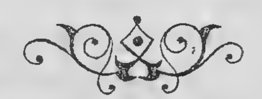
— Неужели вы думаете, Иванъ Акимовичъ, что я показалъ бы вамъ эту пасквиль, если бы хоть въ чемъ-нибудь повѣрилъ взводимымъ на васъ обвиненіямъ безъимяннаго негодяя, — отвѣчалъ онъ

мнѣ, — бросая бумагу на столъ. Честный человѣкъ всегда идетъ прямо и обвиняетъ виновнаго въ глаза, а не изъ-за угла. Вы очень хорошо сдѣлали, что отказались прочесть это глупое сочиненіе; презрѣніе есть достойное возмездіе негодяямъ за подобныя выходки; слабые только начальники ловятся на такую удочку...

Съ этой минуты я убѣдился наглядно, какъ былъ расположенъ ко мнѣ незабвенный мой начальникъ, и какое высокое довѣріе я имѣлъ счастіе заслужить у него. Легко было трудиться подъ начальствомъ такого человѣка, который требовалъ отъ своего подчиненнаго только одного добросовѣстнаго и честнаго отношенія къ порученному дѣлу, и котораго никакія стороннія нашептыванія не могли бы заставить измѣнить разъ составленное имъ доброе мнѣніе; на это потребовались бы слишкомъ вѣскіе доводы, а не гнусныя слова безъимяннаго доноса какого-нибудь негодяя.

Совсѣмъ другое случилось со мною въ концѣ 1869 года; но объ этихъ грустныхъ и тяжелыхъ дняхъ, затормозившихъ успѣшное развитіе правильно поставленнаго тамъ русскаго дѣла, нашимъ замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ, будетъ разсказано мною подробно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Награда за цѣлованіе ножки императора Павла I.

Въ Московскомъ архивѣ министерства императорскаго двора [1]) сохранилось весьма интересное прошеніе секундъ-маіора Михаила Думашева, отъ 25-го декабря 1796 г., императору Павлу Петровичу. Въ своемъ прошеніи Думашевъ писалъ: «Всемилостивѣйшій государь! Съ того времени, какъ ты воспріялъ правленіе Россіи, гремятъ повсюду дѣла твои, въ коихъ ты блистаешь мудростію, кротостію и человѣколюбіемъ. Мы имѣемъ въ тебѣ монарха добраго и любящаго помогать несчастнымъ, въ числѣ которыхъ будучи, дерзаю утруждать тебя моимъ прошеніемъ.

«Служилъ я при императорскомъ россійскомъ дворѣ пажемъ и камеръ-пажемъ во время царствованія императрицы Елисаветы Петровны. Мать моя, а по ней и я имѣли счастіе пользоваться высокою милостію сея императрицы и покойнаго императора, твоего родителя. Я первый удостоился поцѣловать твою ножку, когда ты, по рожденіи, былъ принесенъ къ императрицѣ, твоей бабушкѣ. Я недостойный, по ея волѣ, держалъ Спасителевъ образъ, когда она изволила тебя благословить. Потомъ побѣжалъ къ твоему родителю съ поздравленіемъ. Онъ спросилъ меня: «Мишель» (такъ изволилъ онъ всегда меня милостиво называть),—«видѣлъ-ли ты моего сына?» и, когда я доложилъ ему о своемъ счастіи, то онъ, пожаловавъ мнѣ 100 рублей,—сказалъ: «вотъ тебѣ, рѣзвый Мишель, на апельсины». Прости, государь, что я говорю мало касающееся до настоящей моей просьбы. Это происходитъ отъ чистаго сердца. Я не могу удержаться, чтобъ не представить тебѣ милостей, оказанныхъ мнѣ твоимъ родителемъ.

«Въ томъ же году съ моею матерью послѣдовало несчастіе. Я, будучи выпущенъ въ армейскіе полки капитаномъ, былъ во время войны съ Пруссіей въ походахъ до самаго замиренія. По восшествіи на престолъ твоего родителя, я послалъ къ нему письмо, которое и было вручено чрезъ Александра Ивановича Глѣбова. На семъ письмѣ осмѣлился я подписать «Мишель». Родитель твой, прочитавъ, изволилъ засмѣяться и сказать: «Справься, какой онъ имѣетъ чинъ. Армія скоро вступитъ въ Россію, и онъ самъ ко мнѣ пріѣдетъ». Но мое отечество внезапно лишилось своего императора, и вся моя надежда исчезла. Можетъ быть, Богу угодно было лишить меня Петра для того, чтобъ, по

[1]) Опись 462, д. № 4.

перенесеніи многихъ горестей, съ вящшимъ, наконецъ, восторгомъ могъ я имѣть благодѣтеля въ Павлѣ. Послѣ того, въ чрезмѣрной горести и унынія, взявъ отставку, пріѣхалъ я въ домъ покойной моей матери, послѣ которой получилъ на свою часть долгу 6.000 рублей, доходу же съ деревень имѣлъ только 500 рублей. Для уплаты сего долгу продалъ я бо̀льшую часть полученнаго мною наслѣдства; но осталось еще платить 4.000 рублей, который долгъ день ото дня увеличивался. Мои деревни проданы съ аукціона за весьма умѣренную цѣну. Полученныя за нихъ деньги отданы моимъ заимодавцамъ; но и симъ весь долгъ еще не заплатился. Нынѣ имѣю только 19 душъ и ветхій деревянный домъ, который идетъ въ опись за казенные 800 рублей, взыскиваемые съ меня въ Приказъ общественнаго призрѣнія. Жена моя просила двумя письмами князя Зубова объ исходатайствованіи того, чтобы на уплату долговъ изъ государственнаго двадцатилѣтняго банка были выданы деньги и приняты ея деревни, содержащія 250 душъ и находящіяся Тульскаго намѣстничества въ Крапивенскомъ и Одоевскомъ округахъ и Костромскаго намѣстничества въ Луховскомъ округѣ, которыхъ деревень, такъ какъ на нихъ сдѣлано запрещеніе, никому ни купить, ни въ закладъ принять безъ указнаго дозволенія не можно. Но она ничего чрезъ сіе не получила. И такъ, молю тебя, государь, повели принять деревни жены моей въ оный банкъ и выдать слѣдующую за нихъ сумму.

«Изъ дѣлъ твоихъ видно, что сердце твое всегда отверсто гласу несчастныхъ, почему и я недостойный уповаю быть причастнымъ твоей милости.

«Всемилостивѣйшій государь! Вашего императорскаго величества вѣрный подданный секундъ-маіоръ Михайло Думашевъ».

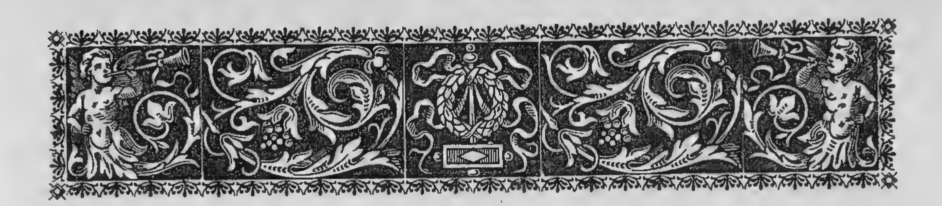
На прошеніи Думашева сдѣлана слѣдующая помѣта: «По сему данъ указъ Василію Степановичу Попову 2-го января 1797 года [1]). Въ «журналѣ именныхъ высочайшихъ указовъ» [2]) мы, дѣйствительно, нашли слѣдующій указъ Попову отъ 3-го (а не отъ 2-го) января 1797 г.: «Василій Степановичъ. Всемилостивѣйше пожаловавъ маіору Михайлѣ Думашеву десять тысячъ рублей, повелѣваемъ доставить ему оные изъ нашего Кабинета». Такъ щедро наградилъ государь «рѣзваго Мишеля», который «удостоился первымъ поцѣловать его ножку».

Сообщ. **Александръ Успенскій.**

---

[1]) Василій Степановичъ Поповъ, генералъ-лейтенантъ, управлявшій Кабинетомъ его императорскаго величества при императорѣ Павлѣ I.

[2]) Московское отдѣленіе общаго архива министерства Императорскаго двора. Оп. 497 № 104, указъ за № 8.

Наполеонъ III и князь Бисмаркъ

во время польскаго мятежа.

(Извлеченіе изъ статьи Эмиля Оливье) [1]).

I.

Явились, наконецъ, истинные преемники Фридриха, желѣзные люди, помощью которыхъ Пруссія владѣетъ Германіей: Бисмаркъ голова, король, Роонъ и Мольтке—руки. Они составляютъ недѣлимое цѣлое, такъ что нельзя себѣ представить одного безъ всѣхъ. Вильгельмъ былъ бы только дѣльнымъ генераломъ, еслибъ его славу не создали его сподвижники.

Бисмаркъ, при всемъ его умѣ, смѣлости и изобрѣтательности, былъ бы только новѣйшимъ Альберони, безъ короля, Роона и Мольтке. Не солисты велики и грозны, а весь квартетъ. Виндгорстъ сказалъ однажды: «За спиной канцлера два милліона солдатъ. Направлять иностранную политику съ такой силой не особенно трудное дѣло». Бисмаркъ это и не оспаривалъ. «Вотъ кому мы обязаны, послѣ его величества, единствомъ Германской имперіи», сказалъ онъ, указывая на Мольтке. Безъ арміи не было бы Германіи».

Какъ только эти грозные дѣятели овладѣли міровой сценой, немедленно произошла перемѣна въ чувствахъ и взглядахъ. Дипломатія, ставъ выше предразсудковъ шовинизма, внесла нѣкоторое великодушіе въ международныя отношенія. Она хотѣла не быть маклеромъ, или торговцемъ, который продаетъ возможно дороже, а сама несла расходы за свою славу и даже иногда давала взаймы безъ процентовъ. Пруссаки

[1]) Napoleon III et Bismark en Pologne, par M. Emile Ollivier „Revue des deux mondes", 15 Juillet 1901.

иначе понимали политику: ихъ принципомъ стало никогда ничего не дѣлать даромъ; do ut des, изъ руки въ руку, по народной поговоркѣ; всякая политика чувства, активная, или пассивная, представляется имъ нелѣпостью, выгода должна быть единственнымъ нормальнымъ мѣриломъ.

Бисмаркъ всегда отрицалъ приписываемое ему изреченіе: сила первенствуетъ надъ правомъ. Онъ совершенно основательно отвергалъ эту безсмысленную передѣлку знаменитой фразы Мирабо: Марсъ тиранъ, а Право властитель міра.

Съ 1863 г. начинается настоящая бисмарковская эра: мы сталкиваемся съ нимъ во всѣхъ событіяхъ; онъ ихъ вызываетъ, направляетъ, или пользуется ими. Прослѣдимъ его въ польскомъ возстаніи, гдѣ онъ впервые приложилъ руку къ дѣламъ Европы.

II.

Въ годы, послѣдовавшіе за подавленіемъ мятежа 1830 г., годы скорби и печали, польскіе эмигранты, вмѣсто того, чтобъ обдумывать грустное событіе и умудряться опытомъ, больше прежняго предались погубившимъ ихъ химерамъ. Адамъ Чарторыйскій, увлеченный общимъ движеніемъ, отрекся отъ своего прошлаго 1815 г. и сталъ главой дворянъ, ихъ королемъ in partibus. Министромъ у него былъ одинъ изъ его племянниковъ, графъ Владиславъ Замойскій, человѣкъ умный, энергичный, неутомимо дѣятельный, который одновременно подготовлялъ военное движеніе и дипломатію. Въ каждый европейскій центръ проникалъ польскій агентъ, стараясь возбудить симпатіи и вызвать содѣйствіе. Главными такими центрами были Парижъ и Римъ.

Польскіе революціонеры мало заботились о папѣ и объ иностранныхъ дворахъ; они добивались сочувствія народовъ, сладились съ революціонерами всѣхъ національностей и готовили почву будущаго возстанія въ государствѣ и въ прежнихъ польскихъ провинціяхъ. Мирославскій, человѣкъ честный, но пылкій и увлекающійся, далеко не военный, хотя называлъ себя генераломъ, руководилъ ими. Помимо политическихъ революціонеровъ и дворянъ, среди эмигрантовъ, подъ вліяніемъ трехъ талантливыхъ поэтовъ Мицкевича, Словацкаго, Бразинскаго и фанатика Товіанскаго, образовывалась партія преображенія Польши.

Политики волновались, фанатики пѣли и молились, а въ отдаленномъ уголкѣ Польши выдающагося ума человѣкъ, маркизъ Александръ Велепольскій думалъ, размышлялъ и наблюдалъ. Онъ видѣлъ все возро-

тающее разложеніе, невѣжество низшихъ классовъ, доходящее до отупѣнія, безпечную пустоту дворянства; крестьянъ, хотя и свободныхъ, но безъ земли, и отсутствіе средняго рабочаго сословія, связывающаго дворянина съ крестьяниномъ. Слѣдовательно, соціальная реформа была главной настоятельной потребностью для Польши. Надо было возстановить школы, университеты, сдѣлать крестьянина собственникомъ, замѣнивъ повинности ежегодной платой, и создать среднее сословіе освобожденіемъ евреевъ.

Ихъ было много въ Польшѣ; тутъ, какъ и вездѣ, они являлись умными, дѣятельными, работящими, тѣсно сплоченными между собою. Они сохранили старинный костюмъ и нѣмецкое нарѣчіе, длинныя бороды, серьги; замужнія женщины носили, на бритыхъ головахъ, уборы, болѣе или менѣе украшенные каменьями. Деньги были въ ихъ рукахъ, но они занимали приниженное, безправное положеніе среди народа, дѣлами котораго распоряжались. Они платили спеціальные налоги, напримѣръ, на мясо, приготовленное по ихъ закону. Они не смѣли выходить изъ отведенныхъ имъ кварталовъ послѣ заката солнца и во время богослуженій, не могли имѣть земельную собственность, ни селиться около границы, такъ какъ ихъ считали неисправимыми контрабандистами.

Убѣдясь въ необходимости соціальныхъ реформъ, Велепольскій увидалъ, что онѣ могутъ осуществиться только, если Польшей не будутъ управлять изъ Петербурга, а она вновь получитъ автономію и хартію 1815 г. При этомъ онъ сознавалъ, что возстановленіе автономной Польши не достижимо собственными силами, а постороннее вмѣшательство, чтобъ быть дѣйствительнымъ, должно быть вооруженнымъ. Во время же своего пребыванія въ Лондонѣ, онъ убѣдился, что всѣ готовы расточать любезныя слова Польшѣ, но никто не дастъ ей солдатъ.

Поэтому можно было надѣяться только на добровольное согласіе царя, но чтобъ добиться этого согласія, надо было отказаться отъ безысходныхъ сожалѣній, неоспоримо доказать свою добросовѣстность и довольствоваться, пока, автономіей административной. Своими теоритическими знаніями и практическими наблюденіями Велепольскій пришелъ къ заключенію, что революціонный методъ безплоденъ, и единственное спасеніе въ конституціонномъ началѣ; поэтому всѣ его стремленія свелись къ такому взгляду: «Наше прошлое обращено въ пепелъ; надо его создать вновь, пользуясь матеріаломъ настоящаго».

Но поляки Царства и эмигранты не послушались Велепольскаго. Имъ не нравилась такая мудрая предусмотрительность, и они хотѣли возобновить революцію 1830 года. Не имѣя возможности начать вооруженную борьбу, они придумали, неслыханный въ исторіи возстанія, пріемъ. Зная, какъ таинственность дѣйствуетъ на воображеніе поляковъ, они учредили анонимный распорядительный комитетъ. Зная

также, что настроеніе поляковъ, главнымъ образомъ, мистически-религіозное; что духовенство и монахи воодушевлены стремленіемъ къ независимости, руководители обратили на нихъ особое вниманіе. Они были увѣрены, что когда духовенство начнетъ движеніе, за нимъ пойдутъ всѣ женщины. До тѣхъ поръ революціи происходили на улицахъ, теперь ее начали въ церквахъ; прежде воздвигали баррикады, теперь стали устраивать процессіи; прежде притѣснителей встрѣчали камнями, а теперь—пѣніемъ гимновъ и псалмовъ.

Растерявшійся кн. Горчаковъ обратился къ содѣйствію Велепольскаго, который и сталъ во главѣ управленія.

Ему было тогда шестьдесятъ лѣтъ. Высокій, полный, въ золотыхъ очкахъ, съ медленной, тяжелой поступью, не предвѣщающій, по наружности, высокаго ума и развитія. Въ тѣсномъ кругу семьи и друзей знали его горячее сердце, рѣдкую доброту, и онъ очаровывалъ своимъ живымъ, страстнымъ и увлекательнымъ разговоромъ. Въ обществѣ же онъ становился черствъ и замкнутъ; ни тѣни благосклонности на его надменномъ лицѣ,—оно выражало только силу, непреклонную волю и властность. Онъ обыкновенно молчалъ, не разсуждалъ, кратко и рѣзко выражая свои взгляды. То, о чемъ онъ умалчивалъ, производило еще большее впечатлѣніе, чѣмъ то, что онъ высказывалъ. Его упрекали въ гордости,—обычный упрекъ, когда человѣкъ, зрѣло обдумавъ свою мысль, не сдается на противорѣчіе перваго встрѣчнаго. Болѣе основательно считали его пренебрежительнымъ; видя жизнь и людей въ настоящемъ свѣтѣ, онъ не попадался на удочку громкихъ фразъ; рукоплесканія его не воодушевляли, порицанія не останавливали, и онъ только слишкомъ явно это показывалъ. Впрочемъ, будь онъ совсѣмъ инымъ, хоть такимъ же добродушнымъ, какимъ казался Горчаковъ, онъ все-таки не обезоружилъ бы непримиримую враждебность нѣкоторыхъ партій, желающихъ только того, чего имъ нельзя было дать.

Польшѣ еще разъ представился случай упрочить за собой лучшую участь. Она отъ этого отказалась съ печальной безпечностью; реформы встрѣчены были усиленнымъ революціоннымъ пѣніемъ, національнымъ трауромъ и покушеніями. Чѣмъ больше дѣлалъ Велепольскій, тѣмъ больше разгоралась ненависть къ нему. Мѣстные жители и эмигранты наперерывъ клеветали на него. Всѣ его реформы,—говорили они, одна—комедія; если Россія желаетъ примириться съ Польшей, пусть прогонитъ измѣнника и сама убирается съ нимъ, а тамъ—видно будетъ. Возстаніе готовилось почти открыто, только день не былъ назначенъ. Велепольскій хотѣлъ помѣшать ему, объявивъ рекрутскій наборъ согласно русскому закону 1815 г., но это только ускорило взрывъ. Но зато это возстаніе, плохо подготовленное, безоружное, послѣ первой минуты паники, было легко подавлено и усмирено.

Итакъ, революція, сама по себѣ, не смогла бы окончательно уничтожить Польшу: за это взялась дипломатія.

III.

Эмиграція также дѣятельно подготовляла иностранное вмѣшательство, какъ комитетъ готовилъ возстаніе. Посредствомъ агентствъ, центромъ которыхъ былъ Краковъ, распространялись ложные слухи, клеветы, извращающія очевидные факты, и Европу окутали густымъ облакомъ лжи. Такъ, напримѣръ, разсказывалось, что уже семь лѣтъ сѣкутъ монахинь въ Минскѣ, принуждая ихъ отказаться отъ ихъ вѣры, а въ Минскѣ даже не было и монастыря. Эмиграція имѣла столько дѣятельныхъ представителей, сколько партій надо было увлечь: Мирославскій дѣйствовалъ на революціонеровъ, Владиславъ Чарторыйскій агитировалъ при дворѣ, Замойскій въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Браницкій вліялъ на принца Наполеона. Подъ давленіемъ этой непрерывной агитаціи, всюду дѣйствующей одновременно, распространялось общее единодушное сочувствіе возстанію. Консерваторы стояли за него потому, что имъ руководило дворянство; католики потому, что ему содѣйствовало духовенство; революціонеры—изъ удовольствія гдѣ бы то ни было устроить безпорядки; Монталамберъ говорилъ съ такимъ же увлеченіемъ, какъ Гарибальди и Кошутъ; въ салонахъ и въ трактирахъ, въ церквахъ и въ тайныхъ обществахъ выражались одни и тѣ же желанія. Проклинавшіе итальянское движеніе, какъ антикатолическое, сливались съ поощряющими польское возстаніе, хотя оно было католическое; Дюпанлу и Кине язвительно оспаривали другъ у друга исключительное право быть поляками. Всѣ признавали честную попытку Велепольскаго предательствомъ, способнымъ возмутить благородныя души. При дворѣ тоже единодушіе: принцъ Наполеонъ и императрица переглядывались и поддерживали другъ друга; Валевскій оказывалъ комитету расположеніе, въ которомъ отказалъ Кавуру; дамы также увлекались убійцами русскихъ, какъ солдатами, подавляющими борьбу за независимость въ Мексикѣ. Чарторыйскимъ были открыты всѣ двери министерства иностранныхъ дѣлъ, какъ Браницкимъ всѣ двери Пале-Рояля; даже далеко не сантиментальный Жирарденъ написалъ чувствительное письмо русскому императору, заклиная его оставить Польшу. Только принцесса Матильда, Морни, Фульдъ и Персиньи боролись противъ всеобщаго увлеченія. Самыя пылкія симпатіи питалъ императоръ. Еслибъ онъ могъ отдаться личному чувству, онъ ни минуты не противился бы вліянію, которое оказывали

на него общественное увлеченіе, императрица, принцъ Наполеонъ, Валевскій и Чарторыйскій; но онъ былъ джентльмэнъ и считалъ себя связаннымъ услугами, полученными отъ русскаго государя, и своими собственными завѣреніями въ искренней, вѣрной дружбѣ. Онъ разрушилъ надежды, возлагавшіяся на его вмѣшательство польскими революціонерами, форменнымъ отреченіемъ, напечатаннымъ въ Journal officiel (23-го апрѣля 1861 г.). Кромѣ того, онъ написалъ конфиденціальное письмо государю, гдѣ выражалъ сожалѣніе по поводу варшавскихъ событій и просилъ не вѣрить коварнымъ инсинуаціямъ: дружеское согласіе слишкомъ невыгодно для другихъ, поэтому стараются его поколебать. Государь вызвалъ Монтебелло (9-го мая 1861 г.). «Я прочиталъ письмо императора Наполеона,—сказалъ онъ;—оно произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе, и я откровенно отвѣчу на него, такъ какъ считаю это своимъ долгомъ при нашихъ отношеніяхъ. Мнѣ особенно пріятно, что онъ отдаетъ мнѣ справедливость, признавая меня самымъ искреннимъ и вѣрнымъ своимъ союзникомъ, въ продолженіе пяти лѣтъ. Передайте ему, что я такимъ и останусь, насколько это будетъ зависѣть отъ меня. Я убѣжденъ, что тѣсная дружба въ интересахъ обоихъ нашихъ государствъ, и только необходимость можетъ заставить меня измѣнить это мнѣніе. Наружное спокойствіе возстановлено въ Польшѣ, но броженіе продолжается; задача моя тяжела. Тѣмъ не менѣе я не отниму того, что далъ, и введу дарованныя учрежденія, какъ обѣщалъ, лишь бы Польша сама не дѣлала мои предначертанія неосуществимыми. Если же она будетъ прибѣгать къ революціоннымъ дѣйствіямъ, я подавлю ихъ съ должной твердостью».

Наполеонъ III предупредилъ желанія своего союзника. Его министръ иностранныхъ дѣлъ Тувенель призвалъ князя Чарторыйскаго и объявилъ ему, «что императоръ будетъ крайне недоволенъ, если онъ будетъ заниматься интригами, противными его взглядамъ и политикѣ, такъ какъ русскій государь больше всѣхъ правителей Европы доказывалъ ему свое расположеніе, и онъ желаетъ остаться съ нимъ въ самой тѣсной дружбѣ. Съ другой стороны, Велепольскій просилъ его никакимъ путемъ не вмѣшиваться въ его дѣла и дать ему одному справиться съ его тяжелой задачей. Это было лишней причиной для императора не измѣнять своего дружескаго отношенія къ Россіи; тѣмъ болѣе, что онъ приписывалъ тогда польское возстаніе партіи международныхъ революціонеровъ, одинаково опасныхъ, какъ для царя, такъ и для него. Это пассивное положеніе соблюдалось такъ добросовѣстно, что варшавскій комитетъ сѣтовалъ на него въ своемъ манифестѣ. И возстаніе не вызвало участія императора.

Впрочемъ, не было ни одной державы, желающей дать Польшѣ что-либо кромѣ пустыхъ словъ. Англичане прямо говорили, что ничего дру-

гаго предложить не могутъ. Руссель заявилъ еще за годъ передъ тѣмъ: «никогда ни одинъ государственный человѣкъ Англіи, исполнявшій обязанности премьера, не предполагалъ оказывать существенную поддержку полякамъ; никогда ни одинъ министръ не считалъ долгомъ Англіи вмѣшиваться иначе какъ выраженіемъ своихъ симпатій (26-го марта 1862 г.). Австрія, подъ предлогомъ дурныхъ отношеній съ русскимъ кабинетомъ, вовсе не стремилась поддерживать у себя подъ бокомъ независимость, которая стоила бы Галиціи и угрожала бы Венеціи. Въ Пруссіи же возстаніе встрѣчало сильную враждебность. Прусскіе короли и государственные дѣятели давно рѣшили, что Пруссія еще больше чѣмъ Россія не можетъ допустить существованіе независимой Польши.

Поэтому, какъ только вспыхнуло возстаніе въ русской Польшѣ, король и Бисмаркъ двинули войска къ границѣ, объявили осадное положеніе Познани и предложили царю заключить военную конвенцію для взаимной поддержки обѣихъ державъ.

8-го февраля 1863 года было подписано соглашеніе, по которому, по требованію русскаго или прусскаго командующаго войсками, начальники частей должны взаимно помогать другъ другу, а въ случаѣ надобности и переходить границы, для преслѣдованія мятежниковъ. По секретному параграфу, обѣ стороны обязывались сообщать другъ другу о движеніи инсургентовъ. Договоръ считался дѣйствительнымъ, пока обѣ стороны признаютъ его нужнымъ.

Эта конвенція была только естественнымъ примѣненіемъ полицейскаго права, которымъ сосѣднія государства всегда оберегаютъ себя отъ мятежниковъ. Но Наполеонъ III, которому надоѣла его пассивная роль, усмотрѣлъ въ томъ законномъ и безобидномъ договорѣ поводъ къ активному вмѣшательству, тѣмъ болѣе заманчивый, что оно относилось не къ Россіи его союзницѣ, а къ Пруссіи, съ которой онъ состоялъ только въ дипломатическомъ кокетствѣ. Онъ прежде всего высказалъ свое неудовольствіе Гольцу, въ грустныхъ, но ласковыхъ выраженіяхъ, что если бъ Австрія сдѣлала такой промахъ, ему было бы все равно; но со стороны Пруссіи это глубоко огорчаетъ его.

Друэнъ-де-Люисъ повысилъ тонъ и сразу сдѣлалъ крупный и весьма важный шагъ. Онъ поручилъ Талейрану представить Бисмарку возраженіе противъ конвенціи, по которой Пруссія принимала на себя отвѣтственность за репрессивныя мѣры Россіи.

Бисмаркъ нашелъ вполнѣ естественнымъ, что императоръ считается съ общими симпатіями, вызываемыми во Франціи польскимъ движеніемъ, но просилъ его тоже найти естественнымъ, что Пруссія ихъ не раздѣляетъ. Возстановленіе Польши было бы для нея смертнымъ приговоромъ; изъ трехъ участвующихъ въ дѣлежѣ державъ, она одна ни

подъ какимъ видомъ не можетъ отказаться отъ выпавшей ей доли. Потеря Галиціи не нанесетъ существеннаго ущерба Австріи; Россіи даже выгодно было бы отказаться отъ Царства Польскаго и не имѣть больше всѣхъ хлопотъ и осложненій, съ которыми она борется столько лѣтъ. Но для Пруссіи, потеря ея польскихъ владѣній равнялась бы расчлененію, такъ какъ важныя провинціи, составляющія, такъ сказать, колыбель монархіи, оказались бы отдѣленными отъ центра государства.

— Что касается меня,—сказалъ Бисмаркъ,—если бъ надо было выбирать, я предпочелъ бы, чтобъ Франція завладѣла Бельгіею и даже еще отодвинула свои границы, чѣмъ чтобъ Пруссія отказалась отъ территоріальныхъ преимуществъ, которыя дало ей раздѣленіе Польши.

Талейранъ, совершенно устраняя эти предположенія, опять вернулся къ конвенціи.

— Я нахожу ее несвоевременной,—сказалъ онъ,—компрометтирующей и, по меньшей мѣрѣ, не нужной.

— Ненужной!—вскричалъ Бисмаркъ,—не согласенъ. Во-первыхъ; она произвела очень полезное нравственное воздѣйствіе; инсургенты, зная какой пріемъ ихъ ожидаетъ на нашихъ границахъ, удалились и направились на Галицію, гдѣ русскіе, успокоенные нашимъ отношеніемъ, ихъ успѣшно преслѣдовали; однимъ словомъ, мы охладили возстаніе и ободрили Россію, а я боялся, что она падетъ духомъ!

— Какъ это возможно?—замѣтилъ Талейранъ. Я думаю она заинтересована не меньше Пруссіи и у нея хватитъ силъ и возможности отстоять свое право.

— Ошибаетесь. Въ Россіи есть либеральная партія, весьма многочисленная, которая давно желала бы отказаться отъ Польши и съ прискорбіемъ видитъ какихъ жертвъ денежныхъ и человѣческихъ стоитъ это владѣніе. Князь Орловъ, котораго вы хорошо знаете, одинъ изъ главныхъ сторонниковъ этой партіи, да и я самъ, будь я русскій, раздѣлялъ бы, вѣроятно, этотъ взглядъ.

— Пруссія никогда не потерпитъ самостоятельную Польшу у своихъ границъ,—говорилъ Бисмаркъ англійскому послу Буканану. Подавленіе возстанія для нея вопросъ жизни, или смерти.

— А что бы вы сдѣлали, если бъ русскіе были побѣждены?—спросилъ Букананъ.

— Намъ пришлось бы самимъ занять Польшу, чтобы не дать развиться враждебной намъ державѣ.

— Европа никогда этого не допуститъ.

— Кто это Европа?

— Нѣсколько великихъ державъ.

— Развѣ онѣ ужъ пришли къ соглашенію?

Букананъ уклонился, но завѣрилъ, что Франція не потерпитъ угне-

тенія Польши. Бисмаркъ прервалъ разговоръ, сказавъ, что не стоитъ обсуждать гадательныя предположенія.

Точное значеніе конвенціи было именно то, которое придавалъ ей Бисмаркъ.

IV.

Единоличныя представленія правительства были послѣдовательно отвергнуты петербургскимъ кабинетомъ, и тогда задумали сдѣлать Россіи коллективное представленіе. Всѣ, однако же, знали, что Англія пошлетъ Польшѣ сколько угодно депешъ, но ни малѣйшей матеріальной поддержки; что Пруссія скорѣе возьмется за оружіе въ помощь Россіи, чѣмъ согласится на возстановленіе независимой Польши; что Австрія, какъ ни натянуты ея отношенія съ сосѣдкой, все-таки откажется отъ враждебныхъ дѣйствій. Знали, наконецъ, что царь не уступитъ, такъ какъ, послѣ неблагодарной враждебности поляковъ въ отвѣтъ на его реформы и амнистіи, онъ покрылъ бы себя позоромъ, если бъ что-либо даровалъ имъ изъ-за угрозъ Европы, тогда какъ не сдался на дружескія и конфиденціальныя увѣщанія союзника.

Слѣдовательно, можно было предвидѣть съ математической точностью, что коллективное представленіе потерпитъ такую же неминуемую неудачу, какъ представленія единичныя, и тогда придется или вынести униженіе, или отвѣчать войной на оскорбительный отказъ; при этомъ войну придется, конечно, вести однимъ противъ Россіи и Пруссіи, а можетъ быть и противъ Австріи.

Если готовы были принять такой исходъ, можно было участвовать въ коллективной демонстраціи. Если же не хотѣли доводить до войны, то нужно было только неуклонно держаться политики, установившейся съ 1861 г., и не давать никакихъ дипломатическихъ одобреній возстанію, которое затихнетъ, какъ только будетъ предоставлено самому себѣ; оставить Русселя и Пальмерстона говорить, что имъ угодно, и все предоставить гуманности царя и доброй волѣ его министровъ, которые тѣмъ больше дадутъ, чѣмъ меньше отъ нихъ будутъ требовать. Конечно, кричащее общественное мнѣніе было бы недовольно, но общественное мнѣніе—понятіе крайне растяжимое, и каждый создаетъ его по влеченію своихъ страстей и капризовъ. Даже въ демократіи было не мало противниковъ польскаго увлеченія. Прудонъ, со свойственной ему смѣлостью и силой ума, возобновлялъ противъ Польши тѣ обвиненія, которыя лишили всякаго сочувствія къ ней философовъ

XVIII вѣка при ея расчлененіи. Онъ шелъ еще дальше и говорилъ, что не питаетъ ни малѣйшаго сострадaнія «къ этой надменной аристократіи, сгнившей съ XII вѣка, притѣсняющей народъ съ XI вѣка, при чемъ единственной ошибкой заинтересованныхъ державъ въ 1772 и 1796 гг. было то, что онѣ не поступили съ ней по заслугамъ, отобравъ у нея все и пустивъ ее по міру». Если бы народъ просвѣщали вмѣсто того, чтобы потворствовать его невѣжеству, если бъ объяснили, что поляки получили просимыя для нихъ льготы, но не захотѣли ими воспользоваться; если бъ указали на высокое значеніе попытки Велепольскаго; если бъ доказали, что теперешнее возстаніе еще больше предыдущихъ вполнѣ недостойно участія, безумно и преступно; если бъ при этомъ не скрывали невозможность помочь ей чѣмъ-либо кромѣ громкихъ фразъ, и невозможность пройти однимъ черезъ Германію въ недосягаемую Россію; если бъ сказали, какихъ страшныхъ жертвъ людьми и деньгами стоила бы эта безплодная попытка; если бъ представили весь ужасъ этой войны, которую не рѣшились бы взять на свою отвѣтственность даже признававшіе ее неизбѣжной; если бы доказали физическую невозможность осуществить избавленіе, котораго желали— общественное мнѣніе успокоилось бы, а потомъ и измѣнилось.

Морни, понимавшій то, чего не видѣли другіе, всѣми силами старался доказать, что это теченіе приведетъ къ самоубійству; если же устоятъ противъ общественнаго увлеченія, то расположеніе и благодарность русскаго государя, всегда руководящагося чувствомъ, навсегда обезпечены императору, и Франція, съ поддержкой Россіи, спокойно займетъ первенствующее мѣсто въ западной Европѣ. Старанія Морни были тщетны, и помимо его согласились на предложенное Англіею коллективное представленіе, но оно имѣло не больше успѣха, чѣмъ единичныя. Горчаковъ сначала осмѣялъ, а потомъ сухо отклонилъ его:

— Конференцію трехъ заинтересованныхъ державъ,—говорилъ онъ,— для взаимнаго огражденія ихъ владѣній, Россія можетъ допустить; но конференція восьми державъ, подписавшихъ вѣнскій трактатъ, для предписанія государю мѣръ управленія Польшей, означала бы вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи, и она отвергается окончательно.

Еще опредѣленнѣе отклонялось предложеніе перемирія: «перемиріе заключается между воюющими сторонами, а въ Польшѣ только мятежники и законное правительство, которое ихъ усмиряетъ».

По полученіи отвѣта Россіи, Друэнъ-де-Люисъ предложилъ опять послать такую же депешу или ноту. Англійскій кабинетъ отказался: «Это будетъ угрозой Россіи, она отвѣтитъ вторичнымъ отказомъ, что вызоветъ войну, а мы ея не желаемъ». Тогда рѣшили послать ноты каждой отдѣльно, но всѣ три депеши были различны. Руссель обсуждалъ, но очень спокойно, а между строкъ можно было читать, что

ему, въ сущности, совершенно безразлично. Депеша Австріи была ворчливая, обиженная, точно она не понимала, какъ могли требовать отъ такой порядочной особы, чтобы она забыла свою связь съ двумя другими державами и вела отдѣльно переговоры съ Россіею и Пруссіею. Депеша Друэнъ-де-Люиса, озлобленная, раздраженная, вызывающая. Это пахло порохомъ. Если Россія отвѣтитъ въ томъ же духѣ, — а она имѣетъ на то полное право, — война неизбѣжна. Государь такъ и хотѣлъ: его войско равнялось 400.000 человѣкъ и должно было еще усилиться, наборомъ 150.000 человѣкъ; но Австрія держала себя двухсмысленно, и ему необходимо было соглашеніе съ Пруссіею. Онъ обратился къ королю Вильгельму собственноручнымъ письмомъ.

Бисмаркъ, при напряженномъ внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи прусской политики, имѣя на шеѣ парламентъ, конфедерацію и Австрію, при неоконченномъ и еще неиспытанномъ переформированіи арміи, не хотѣлъ пускаться въ рискованную войну съ Франціею, тѣмъ болѣе, когда отъ Наполеона III приходили самыя дружескія увѣренія.

Гольцъ писалъ Бисмарку: «Мы въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Цезаремъ, и онъ никогда не былъ такъ любезенъ и общителенъ, какъ теперь. Австрія оказала намъ большую услугу для нашихъ отношеній съ Франціею». Этотъ несчастный польскій вопросъ, будто бы сказалъ ему императоръ, не вызвалъ борьбы между ними, но охладилъ наши отношенія; это наше единственное разногласіе, и я дорого бы далъ, чтобъ оно исчезло: Пруссія могла бы его устранить».

«Его притязанія теперь скромнѣе, чѣмъ когда-либо», добавлялъ Гольцъ, «онъ хочетъ только благородно отступиться отъ дѣла». Друэнъ-де-Люисъ, со своей стороны, заявлялъ живѣйшее стремленіе императора сдѣлать что-нибудь сообща съ Пруссіею.

Государь былъ благодаренъ за предложеніе содѣйствія, котораго не просилъ, и теперь не разсердился на отказъ, а рѣшилъ сохранить миръ. Поэтому онъ предписалъ канцлеру дать надлежащіе отвѣты.

Отвѣтъ Горчакова на ноту Франціи не имѣлъ вызывающаго характера и былъ вполнѣ вѣжливъ, оставаясь отрицательнымъ: «По зрѣломъ размышленіи, мы не нашли возможнымъ измѣнить наши взгляды, выраженные въ депешѣ 1-го (13-го) іюля; мы думаемъ исполнить желаніе г. министра иностранныхъ дѣлъ Франціи, воздерживаясь отъ дальнѣйшихъ обсужденій, которыя не приведутъ къ соглашенію и только утвердятъ оба правительства въ ихъ взглядахъ на вопросъ, въ коемъ мы, къ сожалѣнію, не раздѣляемъ воззрѣній Тюильрійскаго кабинета». Тѣмъ не менѣе императоръ почувствовалъ обиду этого отказа продолжать переговоры, и Друэнъ-де-Люисъ не скрылъ это отъ лондонскаго и вѣнскаго кабинетовъ: «Императоръ Александръ отвѣчаетъ только передъ

Богомъ и своею совѣстью въ исполненіи своего долга по отношенію къ подвластнымъ ему народамъ и не обязанъ отдавать отчетъ Европѣ въ примѣненіи его верховной власти». Таково было окончательное отклоненіе, обращенное къ тѣмъ, которые во имя общихъ интересовъ и въ силу условныхъ договоровъ сочли себя въ правѣ участвовать въ разрѣшеніи польскаго вопроса.

Императоръ Наполеонъ колебался, ограничиться-ли этимъ предостереженіемъ Друэнъ-де-Люиса, на которое ни Англія, ни Австрія не отвѣтили, или поставить Россіи ультиматумъ, преддверіе войны. Геру, Авенъ, Анри Мартенъ метали громы и молніи, требуя, чтобы приняли вызовъ. «Принять пощечины отъ Россіи, примириться съ такимъ позоромъ, значитъ облить грязью Францію». Всѣ женщины были за войну. «Франція», умѣренный органъ сенатора Ла-Героньера, не допускала возможности унизительнаго мира. Прево-Парадоль въ «Courrier du Dimanche» издѣвался въ сардоническихъ выраженіяхъ. Видя, какъ «Constitutionnel» высмѣиваетъ больше обыкновеннаго іюльское Правленіе и политику 1840 г., онъ восклицаетъ: «Огонь усиливается передъ отступленіемъ, и пушки грознѣе палятъ. Мы видимъ теперь эту картину».

Религіозный фанатизмъ находилъ себѣ полное примѣненіе. Повсюду устанавливали молитвы, и на оружіе поляковъ призывалось благословеніе Божіе. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, напр., у доминиканцевъ Вожирара, раздавали статуэтки, изображающія польскихъ крестьянъ, вооруженныхъ косами. Даже папа, не смотря на энциклику Григорія XVI противъ мятежа 1830 г., рѣшился на открытую демонстрацію. По просьбѣ многихъ епископовъ, онъ возобновилъ торжественную процессію, совершавшуюся ежегодно въ прежнія столѣтія, во время которой переносили изъ Сенъ-Жанъ-де-Латранъ въ Сентъ-Мари-Мажеръ икону Спасителя, очень чтимую въ Скала-Санта. Пій IX приказалъ кардиналу-викарію прибавить къ возвѣщенію о процессіи имъ самимъ составленный параграфъ, призывающій молитвы вѣрующихъ на Польшу, «которая была столько лѣтъ оплотомъ христіанства».

— Я даю это удовлетвореніе многимъ, обращеннымъ ко мнѣ просьбамъ,—сказалъ онъ французскому посланнику;—это, можетъ быть, не много въ глазахъ свѣта, но въ глазахъ церкви очень много; молитвы сильнѣе всего, онѣ стоятъ всякаго оружія.

Только одинъ журналистъ, Эмиль де-Жирарденъ, съ энергіею и краснорѣчіемъ защищалъ циркуляры Горчакова и совѣтовалъ императору противодѣйствіе необдуманнымъ увлеченіямъ. Морни и Фульдъ поддерживали эту политику въ засѣданіяхъ. Императоръ, не возбуждаемый больше принцемъ-Наполеонъ, весьма своевременно попавшимъ

въ опалу, не замедлилъ понять, не смотря на свои польскія симпатіи, въ какую пропасть его толкали безответные газетные крикуны.

Да и какъ вести войну? Какъ добраться до Польши? Черезъ Тріестъ, проходя Австрію, Францъ-Іосифъ не допуститъ. Черезъ Рейнъ, или Балтійское, или Северное море? Пруссія приметъ въ штыки. А способъ спустить изъ воздушныхъ шаровъ целую армію на территорію, недоступную ни съ какой стороны, былъ неизвестенъ. На все возраженія отвечали стереотипными въ то время восклицаніями: «никто не устоитъ противъ французской арміи. Да здравствуетъ Польша! Въ Варшаву!»

А если бы императоръ началъ войну, эти же крикуны, чтобы загладить свои подстрекательства, при неминуемомъ погроме, первые вызвали бы и устроили его паденіе. Онъ это понялъ, не поставилъ никакого ультиматума и, какъ Австрія,—ничего не ответилъ.

V.

Государь, видя, что ему нечего надеяться на дворянъ и духовенство и считая безразсуднымъ давать мятежникамъ такую политическую свободу, какой не пользовались его верноподданные, решилъ отменить систему Велепольскаго и обрусить край. Онъ поручилъ это Милютину, одному изъ главныхъ деятелей по освобожденію крестьянъ. Милютинъ, принявъ управленіе делами Польши, далъ крестьянамъ земельный наделъ, за который казна платила помещикамъ по предварительной оценке. Опубликованіе этого указа (19-го февраля (2-го марта) 1864 г.), какъ громомъ поразило повстанцевъ, которымъ Австрія заградила границы Галиціи. Они сложили оружіе: членовъ подпольнаго комитета арестовали и повесили.

Предсмертнымъ крикомъ этого комитета въ 1864 г., какъ и въ 1831 г., было проклятіе державамъ, которыя такъ много говорили, но ничего не делали: «Вмешательство западныхъ государствъ только увеличило, а не смягчило бедствія Польши; оно не запугивало, а только раздражало врага, возбуждая его злобу противъ жертвы... въ начале Польша имела дело только съ царемъ и его войскомъ, русскій народъ оставался равнодушенъ къ борьбе; но иностранное вмешательство задело національное чувство, и вся Россія сплотилась со своимъ правительствомъ. Теперь она воздвигаетъ православныя церкви въ Вильне въ честь Муравьева».

Велепольскій, отстраненный отъ своихъ обязанностей, удалился съ

семьей въ Берлинъ. Потомъ переселился въ Дрезденъ, гдѣ жилъ скромно, въ уединеніи и наукѣ, не видя никого; его можно было встрѣтить утромъ у обѣдни въ дворцовой церкви, съ большимъ молитвенникомъ въ рукахъ. Такая масса затаенныхъ волненій сломила и его. Разбитый параличемъ, почти слѣпой, онъ переходилъ только съ постели въ кресло, гдѣ сидѣлъ и стоналъ цѣлыми часами, не произнося ни слова. При этомъ онъ сохранилъ всѣ умственныя способности, свою поразительную память, ясность сужденій и даже горячность чувствъ, удивительную въ едва живомъ человѣкѣ. Онъ никогда не говорилъ о своемъ прошломъ; однажды скульпторъ просилъ позволенія сдѣлать его бюстъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—генералъ, проигравшій сраженіе, не имѣетъ права оставлять свое изображеніе потомству.

Онъ угасъ 30-го декабря 1877 г.

Польша загладитъ свою ошибку 1863 г. только, когда поставитъ памятникъ этому великому человѣку на лучшемъ мѣстѣ Варшавы. Поляки, не примиряющіеся съ Россіею, совершаютъ настоящее національное самоубійство. Во время возстанія многія польки принимали участіе въ схваткахъ; одна изъ самыхъ отважныхъ кончила тѣмъ, что вышла замужъ за русскаго. Дай Богъ, чтобъ и Польша поступила также.

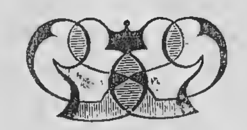
Результаты этого похода, плохо начатаго и плохо законченнаго, были не менѣе пагубны и для Наполеона III. Англіи еще разъ удалось порвать союзъ Франціи съ Россіей, къ чему всегда клонилась ея политика. «Царь Петръ,—пишетъ Сенъ-Симонъ,—имѣлъ большое влеченіе соединиться съ Франціею; онъ желалъ понемногу отдалить насъ отъ приверженности къ Англіи, но она отстраняла насъ до неприличія, что продолжалось еще долго послѣ его отъѣзда изъ Парижа. Съ тѣхъ поръ имѣли случай много каяться, что поддались коварнымъ чарамъ Англіи и безумно пренебрегли Россіею». Во время всѣхъ польскихъ переговоровъ единственной заботой Англіи было отдалить насъ отъ Россіи; какъ только это удалось, она перестала и думать о Польшѣ. Но это не дало намъ даже болѣе близкихъ отношеній съ ней: она становилась все недовѣрчивѣе, и императоръ не могъ быть доволенъ такимъ ненадежнымъ союзомъ.

Польша встала между нами и Россіей; съ другой стороны, Венеція препятствовала сближенію съ Австріею, не смотря на искреннее желаніе ея императора быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ Франціею. Наполеону оставалось только или примириться съ безсильнымъ одиночествомъ, или добиваться союза съ Пруссіей, которому ничто не препятствовало, если онъ соглашался содѣйствовать ея расширенію въ Германіи, не требуя себѣ компенсаціи на Рейнѣ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Гольцъ передавалъ своему двору слова Друэнъ-де-Люиса: «Англіи

предстоятъ крупныя осложненія. Если вы желаете шепнуть намъ что-нибудь, мы выслушаемъ внимательно». Императоръ выразился будто бы еще яснѣе: «Мнѣ хотѣлось бы сговориться съ вами относительно важныхъ обстоятельствъ. Мнѣ ничего не нужно отъ васъ, но вы не можете не сознавать, что ваше настоящее положеніе невыносимо: вы окружены множествомъ мелкихъ владѣній, которыя мѣшаютъ вамъ и парализуютъ каждый вашъ шагъ. Я займусь теперь системой союзовъ и очень желалъ бы участія Пруссіи [1]).

Крымская война завязала союзъ съ Англіею. Война съ Италіею вызвала соглашеніе съ Россіею. Польскій погромъ породилъ дружбу съ Пруссіею. Всѣ эти три соглашенія, различныя сами по себѣ, тождественны по своей цѣли: императоръ установилъ дружескія отношенія съ Англіею, а потомъ съ Россіею, чтобъ подготовить освобожденіе Италіи, а чтобъ его закончить, онъ подалъ руку бисмарковской Пруссіи.

Сообщ. **С. Норманъ.**

[1]) Донесеніе Гольца, отъ 23-го ноября 1863 г.

Мѣры противъ распространенія ложныхъ и вредныхъ слуховъ.

Рескриптъ императора Александра графу Воронцову.

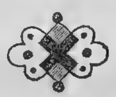
2-го мая 1824 г. Царское Село.

Графъ Михаилъ Семеновичъ! Я имѣю свѣдѣніе, что въ Одессу стекаются изъ разныхъ мѣстъ и въ особенности изъ польскихъ губерній и даже изъ военно-служащихъ, безъ позволенія своего начальства, многія такія лица, кои, съ намѣреніемъ или по своему легкомыслію, занимаются лишь одними неосновательными и противными толками, могущими имѣть на слабые умы вредное вліяніе. Равномѣрно доходитъ до свѣдѣнія моего и то, что пріѣзжающіе въ Одессу военные чины не наблюдаютъ предписанной формы въ одеждѣ.

Будучи увѣренъ въ усердіи и попечительности вашей о благѣ общемъ, я несомнѣваюсь, что вы обратите на сей предметъ особенное свое вниманіе и примите строгія мѣры, дабы подобные безпорядки и ниже малѣйшее отступленіе военныхъ чиновъ отъ подлежащей формы въ ихъ одѣяніи не могло имѣть мѣста въ толь важномъ торговомъ городѣ, какова Одесса, не позволяя проживать въ ономъ никому безъ надлежащихъ видовъ, особливо тѣмъ изъ военно-служащихъ, кому не данъ отпускъ именно въ Одессу, или пріѣзжающимъ не въ узаконенное для отпусковъ время, а тѣмъ менѣе отлучающимся туда отъ своихъ командъ, безъ позволенія начальства, съ коихъ за таковое самовольство надлежитъ строго взыскивать.

Графъ Воронцовъ всеподданнѣйшимъ рапортомъ отъ 23-го мая 1824 г. донесъ, что въ числѣ военныхъ чиновниковъ, въ Одессѣ находящихся, проживаетъ здѣсь полковникъ 6-го Егерскаго полка Раевскій, который не имѣетъ отпуска именно въ Одессу. Онъ, будучи долго весьма боленъ, уволенъ за границу до излѣченія еще въ 1822 году; но, познакомившись въ Бѣлой Церкви съ докторомъ, пріѣхавшимъ со мною изъ Англіи, началъ у него лѣчиться и, слѣдуя совѣтамъ его, нашелъ отъѣздъ въ чужіе края не нужнымъ: ибо, въ продолженіе не много больше года приведенъ почти изъ отчаяннаго состоянія въ положеніе, по сравненію съ прежнимъ, здоровое; но, будучи послѣ таковой болѣзни весьма слабъ, никакъ не можетъ вступить въ дѣйствительную службу и желаетъ пользоваться еще сего года здѣсь, въ Одессѣ, морскими ваннами.

Донесеніе это принято къ свѣдѣнію.

Графъ А. А. Кейзерлингъ [1].

(Біографическая замѣтка).

I.

Александръ Андреевичъ Кейзерлингъ родился 15-го августа 1815 г., въ Эстляндіи, въ имѣніи Кабиллы, гдѣ протекли счастливые годы его дѣтства, въ кругу обширной семьи. У его отца было десять человѣкъ дѣтей; между ними и родителями существовали самыя дружескія, полныя любви отношенія.

Маленькій Александръ былъ прелестный бѣлокурый, голубоглазый мальчикъ, здоровый и выносливый, хотя не очень сильный. Онъ учился дома вмѣстѣ съ братьями и дѣтьми нѣкоторыхъ родственниковъ и друзей, подъ руководствомъ превосходнаго домашняго учителя Римшнейдера, принадлежавшаго къ числу рѣдкихъ личностей, которыя своими знаніями и нравственными качествами умѣютъ пріобрѣсти огромное нравственное вліяніе на своихъ учениковъ.

При тѣхъ условіяхъ деревенской жизни, въ которыхъ росъ Кейзерлингъ, въ немъ рано проявилась склонность къ наблюдательности и любовь къ изслѣдованію природы.

Въ то время какъ его братья любили ѣздить верхомъ, охотиться, танцовать, онъ собиралъ коллекціи, приносилъ домой гусеницъ, наблюдалъ за развитіемъ изъ нихъ бабочекъ и пріобрѣлъ совершенно самостоятельно не мало знаній по естественной исторіи.

Восемнадцати лѣтъ Кейзерлинъ поступилъ (въ 1833 г.) въ Берлин-

---

[1]) Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern zusammengestellt von seiner Tochter Freifrau Helene von Taube von der Issen. Berlin. 1902.

скій университетъ и подъ вліяніемъ знаменитыхъ ученыхъ Гумбольдта и Л. фонъ Буха окончательно увлекся естествознаніемъ и посвятилъ себя его изученію.

Въ Берлинѣ онъ познакомился и близко сошелся со многими выдающимися учеными, какъ, напр., съ извѣстнымъ ботаникомъ Августомъ Гризебахомъ, съ которымъ онъ совершилъ, съ научной цѣлью, экскурсію въ Альпы; со Шваномъ, который вмѣстѣ со Шлейденомъ положилъ начало ученію о клѣткѣ, какъ основѣ строенія организмовъ; но особенно близко онъ сошелся и подружился съ молодымъ зоологомъ Блазіусомъ, съ которымъ впослѣдствіи совмѣстно работалъ и совершилъ большое путешествіе въ Карпаты, обогатившее его познаніями.

Рѣшивъ, по окончаніи университета, посвятить себя наукѣ, Кейзерлингъ совершилъ съ научной цѣлью нѣсколько путешествій по Германіи и, въ мартѣ мѣсяцѣ 1840 г., готовился предпринять новое путешествіе, когда получилъ неожиданно приглашеніе принять участіе, въ качествѣ натуралиста, въ снаряженной русскимъ правительствомъ, подъ начальствомъ барона А. Мейендорфа, научно-статистической экспедиціи для изслѣдованія промышленности и естественныхъ богатствъ Россіи. Кейзерлингъ принялъ сдѣланное ему предложеніе, но, желая сохранить полную самостоятельность, отказался отъ всякаго денежнаго вознагражденія.

Въ апрѣлѣ 1840 г. онъ уже былъ въ Россіи и, послѣ личнаго свиданія съ Мейендорфомъ, въ которомъ онъ нашелъ человѣка развитаго, пріятнаго въ обхожденіи и способнаго администратора, вопросъ объ его участіи въ экспедиціи былъ рѣшенъ окончательно.

Петербургъ не понравился Кейзерлингу, показался ему скучнымъ и однообразнымъ. «Здѣсь все прекрасно,—писалъ онъ сестрѣ, нѣсколько дней спустя послѣ своего пріѣзда [1]), но деревья еще не вполнѣ распустились; въ окрестностяхъ Петербурга много березовыхъ рощъ, но на нихъ висятъ однѣ сережки. Пока городъ мнѣ не особенно нравится. Во-первыхъ, ему не достаетъ высокихъ, остроконечныхъ церковныхъ колоколенъ западно-европейскихъ городовъ, которыя будятъ столько чувствъ и воспоминаній. Подъѣзжая къ Петербургу, видишь только огромное, усѣянное крышами пространство, надъ которымъ возвышается Исаакіевскій соборъ съ тяжеловѣснымъ куполомъ. Мнѣ не нравится также длинный рядъ дворцовъ, которые тянутся непрерывно вдоль набережной. Тутъ словно все подведено подъ извѣстную, однообразную мѣрку и не видно, чтобы люди строили себѣ дома каждый по своему вкусу и потребностямъ. Поэтому тутъ не уютно; все правильно и

---

[1]) Письмо къ Эвелинѣ Кейзерлингъ, отъ 8-го мая 1840 г.

обширно, и этой наружной правильности принесено въ жертву все остальное».

Но зато когда ему довелось побывать въ Москвѣ, то она плѣнила его своей своеобразной красотою, и онъ говорилъ съ восторгомъ, что никогда не видалъ ничего оригинальнѣе и великолѣпнѣе этого города.

Изъ числа ученыхъ и писателей, въ кругу которыхъ Кейзерлингъ вращался въ Петербургѣ, онъ познакомился особенно близко съ академикомъ Бэромъ [1]).

«Онъ живетъ въ домѣ весьма простой архитектуры, который стоитъ въ саду [2]),—записалъ Кейзерлингъ въ своемъ дневникѣ.

«Меня ввели въ кабинетъ, заваленный книгами. На стѣнѣ висѣли портреты Бюффона, Линнея и др.

«Его бесѣда была весьма оживленная и интересная. Бэръ средняго роста, худощавъ; у него продолговатое, морщинистое лицо съ довольно длиннымъ, сильно загнутымъ носомъ; узкій и низкій лобъ обрамленъ сѣдыми волосами. Платье сидитъ на немъ мѣшковато.

«Сегодня, 10-го мая, я снова видѣлъ Бэра въ Зоологическомъ музеѣ, гдѣ онъ демонстрировалъ что-то великой княжнѣ, дочери Елены Павловны. Бэръ, повидимому, убѣжденный русскій патріотъ.

«Въ музеѣ я подошелъ къ (академику) Брандту, назвалъ свою фамилію и выразилъ желаніе осмотрѣть коллекціи. Вначалѣ онъ отнесся ко мнѣ холодно, но когда я упомянулъ о своихъ работахъ, то онъ воскликнулъ: «Ахъ, такъ это вы писали о летучихъ мышахъ» и протянулъ мнѣ руку».

Кромѣ Бэра и Брандта, Кейзерлингъ познакомился, вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, съ семействомъ барона Радена, отцомъ извѣстной своимъ умомъ фрейлины великой княгини Елены Павловны, баронесы Эдиты Раденъ, въ семьѣ которой онъ встрѣтилъ самый радушный пріемъ.

Баронъ Мейендорфъ старался познакомить его главнымъ образомъ съ людьми, имѣвшими вліяніе въ тѣхъ губерніяхъ, кои ему предстояло посѣтить.

«Баронъ Мейендорфъ, опасаясь людской зависти, старается, чтобы объ его экспедиціи говорили какъ можно меньше,—писалъ Кейзерлингъ отцу [3]). Его положеніе здѣсь очень оригинально, такъ какъ онъ держится только благодаря Канкрину. Императоръ не благоволитъ къ нему, такъ какъ онъ слыветъ человѣкомъ свободомыслящимъ.

«Канкринъ выразилъ желаніе познакомиться со мною, и я буду

---

[1]) Карлъ Максимовичъ Бэръ р. 1792 † 1876 г., одинъ изъ самыхъ выдающихся естествоиспытателей новаго времени.

[2]) Записано 10-го мая 1840 г.

[3]) Письмо отъ 1-го (13-го) іюня 1840 г.

имѣть честь представиться ему. Но я болѣе вращаюсь въ кругу ученыхъ. Академикъ Бэръ здѣшній Гумбольдтъ и единственный изъ ученыхъ, къ которому публика благоволитъ. Я имѣлъ съ нимъ чрезвычайно интересные разговоры. Онъ горячо сочувствуетъ промышленнымъ планамъ Мейендорфа и чрезвычайно интересуется общими вопросами народовѣдѣнія и промышленнаго развитія страны. Но при этомъ онъ гораздо болѣе далекъ отъ тѣхъ спеціальныхъ ученыхъ трудовъ, коими я до сихъ поръ занимался, нежели я ожидалъ. У насъ находится точка соприкосновенія въ присущей намъ обоимъ любви къ путешествіямъ. Но я вижусь гораздо чаще съ академикомъ Брандтомъ; это весьма серьезный ученый зоологъ, который находится, повидимому, въ постоянной, хотя безмолвной оппозиціи съ Бэромъ. Онъ завѣдуетъ коллекціями, которыя мы разсматриваемъ совмѣстно. Это два корифея здѣшней академіи по отдѣлу естественныхъ наукъ. Благодаря рекомендаціи Мейендорфа, я получилъ доступъ въ великолѣпный музей горнаго корпуса.

«Насколько я могу судить о министрѣ финансовъ, по тому, что я слышу о немъ ежедневно отъ Мейендорфа, онъ принадлежитъ къ числу лицъ, кои цѣнятъ въ людяхъ прежде всего ихъ умъ и научные труды и считаютъ пріобрѣтеніемъ для страны живое описаніе всего видѣннаго въ такой формѣ, которая сдѣлала бы эти наблюденія достояніемъ науки».

Отъѣздъ экспедиціи Мейендорфа изъ Петербурга былъ назначенъ 2-го (14-го) іюня 1840 г.

«Моими спутниками будутъ Мурчисонъ, богатый англійскій аристократъ и большая знаменитость въ ученомъ мірѣ,—писалъ Кейзерлингъ матери наканунѣ отъѣзда,—затѣмъ де-Вернейль, французъ, весьма симпатичный во всѣхъ отношеніяхъ. Эти господа ѣдутъ на свои средства; они пробудутъ съ нами всего два мѣсяца; съ нами отправляется также одинъ русскій юноша Зиновьевъ.

«Съ Мейендорфомъ и прочими членами экспедиціи у меня установились самыя хорошія, дружественныя отношенія».

Изъ Петербурга экспедиція отправилась на сѣверъ, въ Петрозаводскъ, Вытегру, Архангельскъ, а оттуда, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Москвѣ, на югъ къ берегу Азовскаго моря для изслѣдованія и нахожденія залежей каменнаго угля.

«Мы ѣхали съ такою быстротою,—писалъ Кейзерлингъ [1]), что едва успѣвали заносить свои наблюденія въ записныя книжки. Раньше какъ въ полночь мы почти никогда не останавливались на ночлегъ, а на

---

[1]) Изъ писемъ къ брату и матери отъ 11-го (23-го) и 12-го (24-го) сентября 1840 г. и къ отцу отъ 5-го (17-го) декабря того же года.

слѣдующее утро, часовъ въ пять или шесть, мы уже катили далѣе, дѣлая по 150 верстъ въ день.

«Мейендорфъ во всѣхъ отношеніяхъ любезный начальникъ экспедиціи, отнюдь не мелочной, готовый на всякія жертвы, хотя бы онѣ были сопряжены съ личнымъ для него неудобствомъ, если только это можетъ доставить удовольствіе его спутникамъ.

«Я всегда удивлялся непоколебимой твердости и невзыскательности, съ какою онъ преслѣдуетъ свою цѣль, не взирая на всевозможныя непріятности, не смотря на грязь, проливные дожди, непроѣзжія дороги, почтовыя станціи безъ лошадей и прочія невзгоды нашего далекаго путешествія, за которыя насъ вознаграждало, впрочемъ, широкое гостепріимство, которое оказывали намъ всюду русскіе богатые помѣщики и мѣстные сановники».

По возвращеніи изъ экспедиціи, которая дала весьма благопріятные результаты въ томъ смыслѣ, что изслѣдованный ею каменный уголь оказался высокаго качества, Кейзерлингъ остался въ Петербургѣ для приведенія въ порядокъ собранныхъ во время путешествія палеонтологическихъ коллекцій и составленія отчета о сдѣланныхъ экспедиціей наблюденіяхъ.

Чрезвычайно лестный отзывъ, данный учеными о работѣ Кейзерлинга, котораго Л. Бухъ аттестовалъ какъ «молодаго человѣка много обѣщающаго въ будущемъ», и отличная рекомендація Мейендорфа были причиною, что въ январѣ мѣсяцѣ 1841 г. онъ былъ принятъ на русскую службу чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ финансовъ для производства геологическихъ изысканій.

«Это гораздо болѣе того, что я могъ ожидать,—писалъ Кейзерлингъ отцу 31-го января 1841 г.

«Третьяго дня вечеромъ Мейендорфъ представилъ меня и моихъ спутниковъ министру финансовъ.

— Который графъ Кейзерлингъ?—былъ его первый вопросъ.

— Мнѣ говорили о васъ много хорошаго,—сказалъ онъ.

Прощаясь со мною, онъ сказалъ:

— Итакъ, мы украсимъ ваши плечи бѣлыми эполетами.

«Сегодня утромъ,—занесъ Кейзерлингъ 20-го февраля (5-го марта) 1841 г. въ свою записную книжку,—я тщетно прождалъ заказаннаго мною мундира и рѣшился, наконецъ, ѣхать къ Канкрину въ черномъ фракѣ.

«У министра мнѣ пришлось прождать съ полчаса въ пріемной, куда вошелъ между тѣмъ тайный совѣтникъ Ореусъ, весьма милый человѣкъ, который сталъ разспрашивать меня о моемъ отцѣ и т. д.

«Скоро въ пріемную вошелъ Канкринъ.

— А, здравствуйте, графъ,—сказалъ онъ и пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ.

«Графъ Канкринъ курилъ сигару и бесѣдовалъ со мною съ часъ о разныхъ предметахъ.

«Между прочимъ, онъ спросилъ, что связываетъ француза и англичанина, де-Вернейля и Мурчисона. Я отвѣчалъ, что единственно научный интересъ.

«Затѣмъ онъ спросилъ, каковы политическіе взгляды де-Вернейля, и когда я сказалъ, что онъ приверженецъ нынѣ царствующей династіи, то министръ замѣтилъ, что таковы должны быть всѣ благомыслящіе люди, и повторилъ эту сентенцію, когда я присовокупилъ, что де-Вернейль мало интересуется политикой, такъ какъ, по его мнѣнію, съ нынѣшнимъ либерализмомъ не далеко уѣдешь.

«Канкринъ затрогивалъ также разные научные вопросы, но при этомъ всякій разъ приговаривалъ:

— Я въ этомъ весьма мало свѣдущъ, я сужу только по здравому человѣческому уму.

«Онъ спросилъ, каковы мои успѣхи въ изученіи русскаго языка.

— Очень слабы,—отвѣчалъ я.

— А вамъ придется, быть можетъ провести, нѣсколько лѣтъ въ мѣстности, гдѣ вы будете вынуждены научиться русскому языку.

«Наконецъ, я спросилъ его, съ кѣмъ я долженъ обсуждать планы моихъ работъ, съ нимъ или съ Чевкинымъ?

— Говорите объ этомъ съ генераломъ Чевкинымъ, вѣдь вы его знаете; иначе, при его самолюбіи, онъ былъ бы обиженъ.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ я,—тѣмъ болѣе, что при обсужденіи научныхъ вопросовъ, я встрѣчалъ постоянно съ его стороны полную готовность оказать мнѣ содѣйствіе.

— Это вѣрно,—подтвердилъ Канкринъ—и я за это весьма благодаренъ ему, но въ другомъ отношеніи съ нимъ не легко имѣть дѣло.

Бесѣдуя часто съ Канкринымъ, Кейзерлингъ имѣлъ случай высказать ему, что хотя экспедиціи, снаряжавшіяся въ послѣдніе годы, познакомили съ геологическимъ строеніемъ Россіи, но въ этомъ отношеніи многое еще предстояло сдѣлать и что это изученіе могло принести огромную пользу. Подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ, Канкринъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе снарядить, съ научной цѣлью, большую геологическую экспедицію на Уралъ, къ которой были привлечены Мурчисонъ и де-Вернейль и въ распоряженіе которой были предоставлены большія средства.

Всѣ подготовительныя работы были возложены на этотъ разъ на Кейзерлинга, а въ помощники ему былъ назначенъ поручикъ Кокшаровъ, впослѣдствіи извѣстный минералогъ и академикъ.

Все лѣто 1841 г. было посвящено этими учеными изслѣдованію Урала, осенью же они отправились въ Киргизскую степь.

«Въ отношеніи живописномъ, это было самое любопытное путешествіе,—говоритъ Кейзерлингъ [1]). Двоюродный братъ киргизскаго князя, широконосый киргизъ съ чисто монгольскими выдающимися скулами, но въ эполетахъ казацкаго капитана, встрѣтилъ меня на границѣ киргизскихъ владѣній, въ полной парадной формѣ, и сопровождалъ меня всю дорогу по степи. Моимъ конвоемъ командовалъ султанъ Медетжъ Чукишъ-Чукимъ (Medetj Tschukitsch Tscukim). Въ мою карету было впряжено 17 лошадей; родственникъ хана ѣхалъ позади меня на тройкѣ, впереди ѣхало 30 конвойныхъ. По обѣ стороны моей кареты ѣхало по казаку, которые упирались тупымъ концомъ своихъ копій въ моихъ лошадей: вокругъ экипажа гарцовали съ дикими криками киргизы, съ обнаженной грудью, въ бѣлыхъ войлочныхъ шапкахъ и неистово колотили моихъ лошадей; словомъ это было настоящее столпотвореніе и настоящій праздникъ для этихъ лихихъ наѣздниковъ. Мѣстность, по которой я ѣхалъ, представляла собою пустыню, на которой то тамъ, то сямъ паслись тощіе верблюды; на горизонтѣ виднѣлись песчаные холмы, и мы проѣзжали сотни верстъ, не встрѣтивъ ни деревца, ни человѣка, только изрѣдка попадалась намъ войлочная кибитка киргиза.

«Въ ожиданіи моего пріѣзда, была отложена свадьба одного родственника хана, на которой я присутствовалъ. Празднество началось съ лошадинаго бѣга, на который мы смотрѣли съ ханомъ, сидя на пригоркѣ, подъ балдахиномъ, окруженные киргизами. Самая быстрая лошадь можетъ пробѣжать 30 верстъ въ часъ, въ среднемъ 1 версту въ 1 минуту 9 секундъ. Затѣмъ слѣдовали военныя игры, примѣрное сраженіе; участвовавшіе въ этихъ играхъ старались сбросить другъ друга съ лошади, но это обыкновенно имъ не удавалось, и дѣло кончалось тѣмъ, что на всадникѣ обрывали въ клочья китель или мѣховую одежду, и онъ оставался на лошади нагимъ. Во время борьбы они наносили другъ другу такіе побои, что многіе уходили, кашляя кровью. Наконецъ, происходило состязаніе въ ѣздѣ и въ стрѣльбѣ въ цѣль; во всѣхъ этихъ упражненіяхъ киргизы проявили большое искусство. Вечеромъ насъ занималъ пѣснями киргизскій бардъ, аккомпанировавшій себѣ на двухструнной турецкой гитарѣ. Это напомнило мнѣ пѣсни Давида и пророковъ. Придя въ неистовый восторгъ, бардъ скорѣе выкрикивалъ, нежели пѣлъ, и только послѣднія слова выходили у него нараспѣвъ. Подъ конецъ праздника появились дѣвушки и подростки, которыя сидѣли

---

[1]) Письмо къ сестрѣ, графинѣ Луизѣ Кейзерлингъ, изъ Царицина, отъ отъ 15-го августа 1841 г.

въ палаткѣ за рѣшеткой, между тѣмъ какъ мужчины окружили палатку и обращались къ нимъ съ импровизированными стихами. Дѣвушки отвѣчали имъ пѣснями, протягивали нѣкоторымъ руку. Мнѣ была оказана особая честь: я былъ допущенъ въ ихъ палатку, и каждая изъ дѣвушекъ приподняла вуаль, чтобы я могъ видѣть ея лицо.

«Ханъ оказалъ мнѣ самый любезный пріемъ, а когда я уѣзжалъ, то онъ хотѣлъ подарить мнѣ верблюда и двухъ лошадей, отъ чего, само собою разумѣется, я долженъ былъ отказаться. Тогда онъ подарилъ мнѣ затканную золотомъ шапку и шубу».

Два года спустя, въ 1843 г., Кейзерлингъ совершилъ, по порученію правительства, изслѣдованіе Печерскаго края, результатомъ котораго была капитальная работа «Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschoraland» [1]), за которую онъ былъ избранъ въ почетные члены и члены-корреспонденты многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ.

Вскорѣ послѣ этого вторичнаго путешествія на сѣверъ, именно въ январѣ 1844 г., Кейзерлингъ женился на старшей дочери министра финансовъ, Зинаидѣ Егоровнѣ Канкриной, и, оставивъ службу, удалился въ свое имѣніе Райкюль, въ Эстляндіи, гдѣ занялся хозяйствомъ и общественной дѣятельностью. Онъ долгое время исполнялъ обязанности предводителя эстляндскаго дворянства и представителя мѣстнаго сельско-хозяйственнаго общества.

Способности къ административной дѣятельности, которыя онъ проявилъ въ исполненіи этихъ обязанностей, обратили на него вниманіе правительства, и въ періодъ реформъ онъ выступилъ на болѣе широкое поприще дѣятельности, принявъ, по предложенію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, Головнина, постъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа, который онъ занималъ въ теченіе семи лѣтъ, съ 1862 до 1869 года.

II.

Новый родъ дѣятельности, приведшій Кейзерлинга въ соприкосновеніе съ ученымъ міромъ, доставилъ ему большое нравственное удовлетвореніе, тѣмъ болѣе, что онъ встрѣчалъ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ поддержку со стороны министра, который «предоставилъ ему въ управленіи округомъ полную самостоятельность» [2]).

Одною изъ первыхъ заботъ новаго попечителя было освѣжить профессорскій и учительскій персоналъ округа и привлечь въ Дерптъ вы-

---

[1]) Научныя наблюденія, сдѣланныя во время поѣздки на Печеру.

[2]) Письмо Кейзерлинга къ К. Бэру отъ 19-го іюня 1863 года.

дающихся ученыхъ, среди которыхъ видное мѣсто занялъ Шлейденъ. Но замкнутая корпорація дерптскихъ профессоровъ встрѣтила назначеніе этого ученаго несочувственно.

«Здѣсь боятся,—писалъ Кейзерлингъ Бэру [1]),—какъ бы онъ (Шлейденъ) не былъ щукою, которая возмутитъ покой здѣшнихъ карасей, т. е. его пріѣздъ вызоветъ среди достопочтенныхъ карасей большое раздумье, и они бы покачивали многозначительно головою, если бы шея у нихъ была не такъ толста. Но мнѣ остается только радоваться, что карасямъ, ввѣреннымъ моему попеченію, придется выйти изъ ихъ обычной дремоты. Въ Ревелѣ столяръ, который дѣлаетъ стулья, не имѣетъ права дѣлать столовъ, а тотъ, кто дѣлаетъ столы, не можетъ дѣлать стульевъ,—а такъ какъ Шлейденъ помимо работъ по ботаникѣ писалъ и объ Шеллингѣ и лунѣ, то это вызываетъ здѣсь большое сомнѣніе относительно того, будетъ ли онъ тутъ пригоденъ. Профессорамъ приходится мириться съ неизбѣжнымъ, но они надѣются по крайней мѣрѣ устранить его отъ участія во всѣхъ совѣщаніяхъ и засѣданіяхъ».

Непріязненное отношеніе, какое встрѣтилъ въ Дерптѣ Шлейденъ, выразилось вскорѣ во всевозможныхъ интригахъ, и Кейзерлингъ уже въ началѣ учебнаго года писалъ, что «о лекціяхъ Шлейдена распространяютъ чрезвычайно много ложнаго [2]). «Дѣлается-ли это по непониманію или отъ недоброжелательства, рѣшить не берусь, говоритъ онъ, но весьма вѣроятно, что это вызвано и тою и другою причиною. Пока его чтенія не выходятъ изъ области самыхъ отвлеченныхъ теорій. Онъ только въ первой лекціи высказалъ свой взглядъ на роль естествоиспытателя. Вопроса о происхожденіи человѣка онъ не касался вовсе, тѣмъ не менѣе въ корреспонденціи изъ Дерпта, появившейся въ одной Аугсбургской газетѣ («Allgemeine Zeitung»), говорилось, что «приглашеніе Шлейдена было преступленіемъ въ глазахъ православныхъ» и «пасторы метали противъ него громы». Далѣе въ этой весьма нескладно написанной статьѣ говорилось, что «противъ Шлейдена старались возбудить крестьянъ, распространяя слухъ, что онъ пріѣхалъ ниспровергнуть религію». Но публика была на сторонѣ Шлейдена, также точно, какъ и правительство, которое произвело его черезъ нѣсколько чиновъ прямо въ тайные совѣтники» [3]).

Кейзерлингъ привлекъ въ Дерптъ изъ Петербурга также знаменитаго естествоиспытателя академика Бэра, который часто бывалъ у него въ домѣ и своимъ пытливымъ умомъ оживлялъ бесѣду и дер-

---

[1]) Къ нему же 10-го апрѣля 1863 г.

[2]) Письмо къ К. Бэру отъ 19-го ноября 1863 г.

[3]) Изъ письма Кейзерлинга къ дочери отъ 15-го августа 1864 г.

жалъ себя такъ просто, что присутствіе столь знаменитаго человѣка никого не стѣсняло.

Онъ былъ въ то время уже очень старъ и такъ какъ всѣ его дѣти были давно уже женаты или замужемъ, то онъ жилъ со своей незамужней сестрою, въ маленькомъ домикѣ за городомъ, возлѣ собора; такъ называлось мѣсто, гдѣ разбитъ паркъ вокругъ развалинъ бывшаго епископскаго собора. Тамъ находилась обсерваторія, университетская клиника и множество дачъ. Бэръ скончался въ Дерптѣ, и памятникъ, воздвигнутый ему послѣ его смерти, стоитъ нынѣ въ тѣнистой аллеѣ этого парка.

Въ Дерптѣ семейство Кейзерлинга встрѣтило стараго друга ихъ дома, доктора Георга Зейдлица, который удалился туда на покой и пріобрѣлъ себѣ въ окрестностяхъ Дерпта имѣніе. Это былъ старый знакомый Канкриныхъ, его связывали съ Кейзерлингами узы самой искренней дружбы.

«Его голова, обрамленная серебристыми волосами, была поразительно красива; черты его лица были рѣзкія, а изъ-подъ густыхъ бровей свѣтились полные огня голубые глаза; онъ былъ большой оригиналъ. Такъ, напр., онъ до того не любилъ все искусственное, что не терпѣлъ въ своемъ саду куртинъ; кусты, деревья и цвѣты росли у него привольно на травѣ. У него былъ свѣтлый, очень саркастическій умъ. Въ молодости его соединяли узы самой нѣжной дружбы съ Жуковскимъ, біографію котораго онъ впослѣдствіи написалъ, изобразивъ поэтичную и безнадежную любовь поэта къ Маріи Мойеръ съ такою нѣжностью, какой никто не могъ ожидать отъ этого насмѣшливаго человѣка. Онъ до конца жизни былъ бодръ и не терялъ любви къ умственному труду».

Среди представителей науки, въ кругу которыхъ Кейзерлингъ вращался въ Дерптѣ, назовемъ профессора Миндинга, астронома Медлера и другихъ. Въ домѣ профессора Медлера, большаго оригинала, который всегда виталъ въ надзвѣздномъ мірѣ, собиралось избранное общество. Онъ имѣлъ обыкновеніе за столомъ и во время разговора чертить рукою круги по столу. Его разсѣянность вошла въ поговорку: онъ не могъ безъ жены найти шляпы, палки, чуть ни самого себя. Она помогала ему даже въ его астрономическихъ вычисленіяхъ. Бывали дни, когда онъ совершенно не могъ оторваться отъ своихъ мыслей и спуститься на землю, тогда онъ не существовалъ для обыкновенныхъ смертныхъ.

Но когда Медлеръ отрѣшался отъ небесъ и спускался на землю, то онъ бывалъ очень любезенъ и остроуменъ, произносилъ юмористическія застольныя рѣчи и могъ поддержать любой разговоръ. Его помощникъ, профессоръ Кнаузенъ, датскій уроженецъ, страдалъ припадками безпричиннаго смѣха; иногда случалось, что онъ разражался ночью гром-

кимъ хохотомъ. Разсказывали, что онъ представлялся однажды датскому королю и, взглянувъ на монарха, разразился такимъ гомерическимъ хохотомъ, что не могъ отвѣтить ни слова на его милостивую рѣчь. Когда же его спросили впослѣдствіи о причинѣ столь неумѣстной веселости, то онъ отвѣчалъ, что онъ всегда представлялъ себѣ монарха въ образѣ карточнаго короля и что онъ былъ такъ пораженъ, увидавъ его безъ скипетра и короны, одѣтаго, какъ всѣ смертные, что не могъ удержаться отъ смѣха».

Вскорѣ, по пріѣздѣ своемъ въ Дерптъ, Кейзерлингъ приступилъ къ выработкѣ новаго университетскаго устава, который былъ высочайше утвержденъ въ 1864 г. и на много лѣтъ обезпечивалъ Дерптскому университету самостоятельное существованіе.

Въ февралѣ мѣсяцѣ этого года онъ отправился съ готовымъ уставомъ въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ представить его на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Время было тяжелое, смутное, только-что окончилось возстаніе въ Польшѣ, и государь почти никого не принималъ. Однако Кейзерлингъ былъ приглашенъ во дворецъ къ обѣду.

«Кромѣ ихъ величествъ за столомъ были только наслѣдникъ и великій князь Александръ [1]).

Говорили о Шлейденѣ и смѣялись надъ сообщеніями, появившимися о немъ въ эстляндской газетѣ «Pernausche Postbote» записалъ Кейзерлингъ. Послѣ обѣда было засѣданіе въ Совѣтѣ министровъ, гдѣ обсуждались различные пункты университетскаго устава.

«Главный вопросъ былъ все-таки денежный, говоритъ Кейзерлингъ. Генералъ Чевкинъ хотѣлъ урѣзать насъ на 20.000 р. ежегодно; затѣмъ, онъ соглашался сначала дать намъ только половину этой суммы, а потомъ три четверти. Но такъ какъ онъ отнесся къ университету уже черезчуръ недоброжелательно, то министръ не согласился съ нимъ ни по одному пункту».

Не смотря на то, что дѣятельность Кейзерлинга по управленію имъ учебнымъ округомъ была весьма плодотворна, ему не долго пришлось посвятить свои труды Дерптскому университету и балтійскимъ школамъ. Вызванныя польскимъ возстаніемъ новыя вѣянія, клонившіяся къ поднятію русскаго національнаго самосознанія и къ обрусѣнію нашихъ окраинъ, сдѣлали для Кейзерлинга невозможнымъ дальнѣйшую дѣятельность въ званіи попечителя, такъ какъ онъ не сочувствовалъ многимъ начинаніямъ, выразителемъ которыхъ явились «Московскія Вѣдомости» Каткова и единомысленные съ нимъ люди.

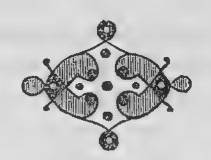
Между прочимъ онъ энергично возсталъ противъ требованія, чтобы

---

[1]) Впослѣдствіи императоръ Александръ III.

преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ велось въ Дерптскомъ округѣ на русскомъ языкѣ, и противъ многихъ другихъ нововведеній въ учебномъ дѣлѣ. Уже въ 1864 г. Ю. Самаринъ, состоявшій при Прибалтійскомъ генералъ-губернаторѣ Е. А. Головинѣ, въ извѣстныхъ своихъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ разъясненію положенія дѣлъ въ прибалтійскомъ краѣ, указывая на необходимость освободить его отъ преобладающаго нѣмецкаго вліянія, высказалъ мысль о замѣнѣ Кейзерлинга другимъ лицомъ, и онъ самъ чувствовалъ, что удаленіе его изъ Дерпта составляло только вопросъ времени.

Когда, 15-го августа 1869 г., было получено предписаніе эстляндскаго губернатора о томъ, чтобы учителя-лютеране являлись въ царскіе дни на молебствіе въ православную церковь, при чемъ губернаторъ ссылался на приказъ генералъ-губернатора Суворова, послѣдовавшій въ 1853 г., но до тѣхъ поръ не исполнявшійся, то Кейзерлингъ немедленно подалъ въ отставку и 23-го октября былъ уволенъ отъ должности попечителя. Навсегда оставивъ государственную службу, онъ поселился въ деревнѣ, гдѣ прожилъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1891 г., посвятивъ себя занятіямъ наукою, воспитанію дѣтей и службѣ по выборамъ мѣстнаго дворянства.

Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго [1]).

I. Письма князя А. И. Одоевскаго [2]).

1.

2-го октября 1821 г.

Мы не въ Витебскѣ, но—въ Велижѣ! [3]) въ Велижѣ, гдѣ кромѣ жидовъ, жидовъ и жидовъ еще никого не видалъ я изъ числа обывателей сего многолюднаго и прелестнаго города, построеннаго на берегахъ Западной Двины и Велижа, на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ саженъ. Не пугайся, Волдемаръ! я почти въ темницѣ, и въ темницѣ, загаженной всею возможною жидовскою неопрятностью; но я веселъ— столько, сколько могу быть веселымъ безъ тебя, безъ Волдемара Львова [4]), безъ Тенегина въ ожиданіи роковой минуты, когда должно будетъ

---

[1]) Помѣщаемыя здѣсь письма разныхъ лицъ къ князю Владиміру Ѳедоровичу Одоевскому печатаются съ подлинниковъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[2]) Поэтъ и декабристъ князь Александръ Ивановичъ Одоевскій (р.1802 † 1839) былъ на годъ старше своего двоюроднаго брата князя В. Ѳ. Одоевскаго. (Въ письмѣ отъ 22-го марта 1822 года князь А. И. Одоевскій писалъ князю В. Ѳ. Одоевскому, между прочимъ, слѣдующее: „Въ мои лѣта—т. е. будучи годомъ старѣе осмнадцатилѣтняго вѣтреннаго Володи — обдумываешь все, что ни дѣлаешь).

[3]) Князь А. И. Одоевскій былъ въ то время юнкеромъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка. Конный полкъ вмѣстѣ съ другими полками гвардіи выступилъ на маневры въ Велижъ еще въ сентябрѣ 1821 года и вернулся изъ „велижскаго похода“ въ Петербургъ лишь въ концѣ мая 1822 года (см. Анненковъ, Исторія л.-гв. Коннаго полка, ч. I, Спб. 1849, стр. 262—264).

[4]) Вѣроятно, князь Владиміръ Владиміровичъ († 1856), литераторъ, перу котораго принадлежитъ нѣсколько повѣстей и сказокъ; его отецъ, князь Владиміръ Семеновичъ Львовъ, былъ крестнымъ отцомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго.

*

разлучиться даже и съ первымъ моимъ другомъ послѣ дражайшей, безцѣнной маменьки [1]), втораго моего Бога.

Я веселъ по совсѣмъ другой причинѣ, нежели мой Жанъ-Жакъ [2]) бывалъ веселымъ. Онъ радовался—свободѣ, а я—неволѣ. Я надѣлъ бы на себя не только холстъ, кирассу, но даже—вериги, для того только, чтобъ посмотрѣть въ зеркало, какую я дѣлаю рожу: ибо—le génie aime les entraves [3]). Я не почитаю себя геніемъ, въ этомъ ты увѣренъ, но признаюсь, что духъ мой имѣетъ что-то общее avec le génie [4]). Я люблю побѣждать себя, люблю покоряться, ибо знаю, что испытанія ожидаютъ меня въ жизни сей, испытанія, которыя, вѣрно, будутъ требовать еще бо́льшаго напряженія моего духа, нежели все, что ни случилось со мною до сихъ поръ.—Ахъ!—я забылъ въ эту минуту, что я лишился маменьки и что я еще наслаждаюсь жизнію. Конечно, ужъ это одно испытаніе доказываетъ нѣкоторую твердость, или разслабленіе моего воображенія, которое не въ силахъ представить мнѣ всего моего злосчастія.—Я слабъ, слабѣе, нежели самый слабый младенецъ, и потому кажусь твердымъ. Я перенесъ все—отъ слабости! Я не знаю, что я пишу—всѣ мои чувства въ волненіи, а мысли въ разстройствѣ. Прощай. Алекс(андръ) Одоевской.

2.

Велижъ, 15-го октября 1821 г.

Можетъ быть, прочелъ ты до конца послѣдній мой вздоръ и можетъ быть подумалъ, что я не въ полномъ умѣ; все зависитъ отъ минуты, когда ты распечатывалъ письмо: стоило только быть хладнокровнымъ, чтобы почесть меня сумасшедшимъ. И такъ, едва-ли уже не сбираешься ты описать въ элегіи несчастіе молодаго человѣка, который по крайней мѣрѣ чѣмъ-нибудь похожъ на Торквато [5]).

Называй меня полуумнымъ, сумасшедшимъ: я не буду оправдываться; не буду отдавать тебѣ отчета ни въ чувствованіяхъ, ни въ мысляхъ, ибо только хладнокровный человѣкъ можетъ слѣдовать за связью мыслей своихъ. Я упустилъ изъ рукъ нить Аріадны и бродилъ въ лавиринтѣ: это худо, весьма худо, признаюсь въ томъ откровенно; но умъ можетъ-ли быть въ вѣчномъ согласіи съ сердцемъ?

---

[1]) Отецъ князя А. И. Одоевскаго, генералъ-маіоръ князь Иванъ Сергѣевичъ († 1839), былъ женатъ первымъ бракомъ на княжнѣ Прасковьѣ Александровнѣ Одоевской.

[2]) Руссо.

[3]) Геній любитъ препоны.

[4]) Съ геніемъ.

[5]) Торквато Тассо.

И если ты за то сочелъ безумнымъ брата,
Что сердце ссорится съ умомъ,
То вѣрно бы пришлось и самаго Сократа—
Врасплохъ—отправить въ желтый домъ.

Разсудокъ, который привыкъ все класть на вѣсы свои, не можетъ взвѣшивать чувствованій: итакъ, разстройство мое должно быть для тебя непонятнымъ, если ты читалъ письмо съ хладнокровіемъ стоика, но ты не стоикъ, и это спасаетъ меня.

Причиною разстройства моего духа были грусть и скука, хотя нигдѣ нельзя пріятнѣе провести время, какъ въ обществѣ новыхъ моихъ товарищей: но минувшее и будущее сильнѣе дѣйствуетъ мгновенія настоящаго, слишкомъ быстраго для наслажденія души.

Я упомянулъ о новыхъ моихъ сотоварищахъ; ты, вѣрно, хочешь познакомиться съ ними; вотъ они: графъ Комаровской [1], давнишній мой другъ, любезный молодой человѣкъ, весьма, весьма ученый, съ утонченнымъ, даже строгимъ вкусомъ; Ринкевичъ [2], столь же сладострастный, какъ и ты, и столь же любви достойный: образованный и одаренный изящною чувствительностью; князь Долгорукой [3], Донауровъ [4], Лужинъ [5], хорошо учились и весьма обходительные молодые люди. Съ ними бесѣдую, съ ними раздѣляю часто веселый досугъ;

Иль сбросивъ бремя свѣтскихъ узъ,
Въ крылатые часы отдохновенья,
Съ безпечностью любимца музъ,
Питаю огнь воображенья
Мечтами лестными, цвѣтами заблужденья.
Мечтаю иногда, что я поэтъ,
И лавра требую за плодъ забавы,
И дерзостнымъ орломъ лечу, куда зоветъ
Упрямая богиня славы:
Безъ заблужденья—счастья нѣтъ.
За мотылькомъ бѣжитъ дитя во слѣдъ,
А я душой парю за призракомъ волшебнымъ,
Но вдругъ существенность жезломъ враж(д)ебнымъ
Разрушила мечты—и я ужъ не поэтъ!

---

[1]) Графъ Егоръ Евграфовичъ Комаровскій, въ 1832 г. вышедшій въ отставку ротмистромъ.

[2]) Александръ Ефимовичъ Ренкевичъ, впослѣдствіи прикосновенный къ дѣлу декабристовъ и въ 1826 году переведенный изъ корнетовъ л.-гв. Коннаго полка въ Бакинскій гарнизонный батальонъ прапорщикомъ.

[3]) Князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ († 1868), бывшій впослѣдствіи шефомъ жандармовъ и военнымъ министромъ.

[4]) Александръ Михайловичъ Донауровъ († 1823, на девятнадцатомъ году отъ роду).

[5]) Иванъ Дмитріевичъ Лужинъ († 1868), впослѣдствіи московскій оберъ-полицiймейстеръ и почетный опекунъ.

Я не поэтъ!—и тщетныя желанья
Духъ юный отягчили мой!
Надежда робкая и грустны вспоминанья
Гостьми нежданными явились предо мной [1]).

Я вспомнилъ о могилѣ, которая сокрываетъ въ себѣ мое счастіе [2]), о тебѣ, о разлукѣ съ дражайшимъ папенькой—и я не могу ужъ болѣе писать. Прощай.

Твой другъ и братъ Александръ Одоевской.

3.

С.-Петербургъ, 23-го января 1823 г.

Мой милой другъ и братъ Володя.

Ты очень лѣнивъ, даже непростительно лѣнивъ. Тебѣ, вѣрно, пріятно такъ долго играть со мною въ молчанку, но это только тебѣ одному пріятно! Хоть бы подумалъ о ближнемъ своемъ. О, себялюбіе и проч.! Вотъ благопріятный случай написать длинную диссертацію объ этомъ общемъ свойствѣ людей XIX-го вѣка; но я не учился у Давыдова [3]) и больше чувствую, нежели говорю. А ты не говоришь, и можетъ быть... Не сердись, Володя, за точки—ей, ей, вырвалось!

Ахъ! другъ мой, мой милой Володя! Зачѣмъ ты не пишешь ко мнѣ? Ты цѣлый день сидишь у своего столика, чернильница предъ тобою, и ты никогда не выпускаешь пера изъ рукъ. То философствуешь для журналовъ, то для дѣвицъ! Что бы стоило тебѣ промарать двѣ строки и надписать: къ брату Одоевскому. Не ты-ли самъ бранилъ меня за мое молчаніе, хотя оно было невольное? Я пишу къ тебѣ, когда только могу. Рѣдко, рѣдко бываетъ перо въ рукахъ у меня: тяжелый палашъ замѣняетъ его, и съ тѣхъ поръ, какъ я въ Петербургѣ, едва ли обидѣлъ я одно гусиное крыло—и то ради папеньки и ради тебя, мерзавецъ!

Ахъ, Володя, Володя! не забывай меня: по чести, мало людей на свѣтѣ, которые бы столь же чистосердечно тебя любили!

Но пора кончить мою элегію въ прозѣ! Кто поручится, что ты уже

---

[1]) Эти отрывки являются самыми ранними изъ извѣстныхъ доселѣ стихотвореній князя А. И. Одоевскаго. Первое стихотвореніе („Полночь"), помѣщенное въ печатныхъ изданіяхъ его сочиненій, относится къ 1826 году.

[2]) Т. е. мать князя А. И. Одоевскаго.

[3]) Профессоръ Московскаго университета Иванъ Ивановичъ Давыдовъ (р. 1794 † 1863) былъ въ то время также инспекторомъ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона (въ которомъ получилъ воспитаніе князь В. Ѳ. Одоевскій) и профессоромъ въ немъ логики и исторіи философіи.

не разсердился на меня? Можетъ быть, ты перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались. Все измѣняется! Но дай Богъ, чтобъ долго не измѣнилось сердце моего Вольдемара. Пора кончить,—а все то же говорю! Для перемѣны вотъ новости—врядъ-ли для тебя не старыя. У насъ въ Петербургѣ было торжественное собраніе въ Россійской Академіи [1]). Карамзинъ читалъ отрывки изъ 10-го тома своей Исторіи и мастерски описалъ характеръ Годунова—его происки, его властолюбіе: изображеніе, можетъ быть, краснорѣчивѣйшее во всей нашей словесности. Потомъ Гнѣдичъ прокричалъ экзаметры Жуковскаго [2]) и свинцовые александрійскіе стихи Воейкова [3]); Шаховской [4]) пропѣлъ двѣ сцены изъ своей комедіи—Аристофанъ [5]), а мой наставникъ, секретарь Академіи, Соколовъ [6]) прочелъ переводъ изъ Ливія, который мнѣ понравился,—можетъ быть, потому, что онъ мой учитель: нельзя всегда быть безпристрастнымъ—особливо, когда имѣешь сердце. Я могу это сказать, когда я о тебѣ думаю, Володя. Засвидѣтельствуй мое почтеніе любезной нашей кузинѣ княжнѣ Щербатовой [7]): ты часто бываешь съ нею.

Твой другъ и братъ Александръ Одоевской.

4.

С.-Петербургъ, 2-го марта 1823

Мой милой Володя.

Ты философъ хоть куда! Я читалъ, перечитывалъ твое письмо; и понялъ, сколько можно понять едва просвѣщенному корнету лейбъ-гвардіи Коннаго полка [8])—глубокомысленныя умозрѣнія непонятнаго Шеллинга [9]), одѣтыя во вкусѣ Давыдова [10]) любимѣйшимъ изъ

---

[1]) Торжественное собраніе Россійской Академіи происходило 14-го января 1823 года. (Свѣдѣнія о томъ, что читалось въ этомъ собраніи, помѣщены въ примѣчаніяхъ къ „Письмамъ Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву“, изд. Я. Гротомъ и П. Пекарскимъ, Спб. 1866, стр. 0155—0156).

[2]) Отрывки изъ второй пѣсни Вергиліевой Энеиды.

[3]) Отрывокъ изъ поэмы „Искусства и науки“ (эпизодъ о Ломоносовѣ).

[4]) Извѣстный драматургъ князь Александръ Александровичъ Шаховской.

[5]) Комедія эта была впослѣдствіи напечатана въ Москвѣ, въ 1828 году.

[6]) Непремѣнный секретарь Россійской Академіи Петръ Ивановичъ Соколовъ († 1835) читалъ изъ Тита Ливія разсказъ о взятіи Рима галлами.

[7]) Родная тетка князей Владимира Ѳедоровича и Александра Ивановича Одоевскихъ, княжна Прасковья Сергѣевна Одоевская была замужемъ за княземъ Александромъ Александровичемъ Щербатовымъ и имѣла отъ этого брака четырехъ дочерей.

[8]) Въ корнеты Коннаго полка князь А. И. Одоевскій былъ произведенъ 23-го февраля 1823 года.

[9]) Князь В. Ѳ. Одоевскій увлекался Шеллинговою философіею.

[10]) Ивана Ивановича (см. выше, стр. 374, прим. 3-е).

его учениковъ-мечтателей. Я читалъ, читалъ—и напряженный умъ мой не видѣлъ ни зги въ дедалѣ [1]) Шеллинговой философіи; но не менѣе того, мнѣ пріятно было, ничего не понимая, смотрѣть на буквы, начертанныя перомъ твоимъ! Такъ, милой другъ! разсудокъ мой, изъ почтенія къ Шеллингу, молчалъ, но за то сердце говорило. Я былъ доволенъ уже тѣмъ, что письмо отъ тебя, и не любопытствовалъ нимало о истинномъ содержаніи онаго. Вотъ какъ я люблю тебя, Володя мой!

Впрочемъ, (изъ того, что я понялъ) я замѣтилъ, что ты не только философъ на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ, ибо первое правило человѣческой премудрости быть счастливымъ, довольствуясь малымъ. Ну, не мудрецъ-ли ты, когда ты довольствуешься одними словами, а что касается до смысла, то, по добротѣ своего сердца, просишь у Шеллинга—едва, едва только малую толику? Ты, право, философъ на самомъ дѣлѣ! Желаю тебѣ дальнѣйшихъ успѣховъ въ практическомъ любомудріи. Мой жребій теперь, мое дѣло быть весьма довольнымъ новымъ состояніемъ своимъ и обстоятельствами. И я философъ!—я смотрю на свои эполеты, и вся охота къ опроверженію твоихъ сужденій исчезла у меня. Мнѣ, право, не до того. Вѣрю всему, что ты пишешь; вѣрю честному твоему слову, а самъ беру шляпу съ бѣлымъ султаномъ и спѣшу—на Невской проспектъ. Твой вѣрной другъ Александръ Одоевской.

5.

С.-Петербургъ, 23-го декабря 1823.

Если бъ я не получилъ твоего письма, я все молчалъ бы, да и молчалъ—не отъ лѣни, но отъ худой памяти; забылъ, гдѣ ты живешь. Теперь, мой милой Володя, ты можешь представить себѣ удовольствіе Александра, когда онъ распечатывалъ письмо своего друга. Наконецъ есть способъ начать нашу переписку; она нужна моему сердцу. Ты знаешь, что я не Стерновой секты [2]); вѣрь моимъ словамъ: я говорю, что чувствую.

Но къ чему сказалъ я это? Володя и Александръ слишкомъ знаютъ другъ друга. Я болтливъ—по крайней мѣрѣ не отъ старости;—но вотъ доказательство, какъ я страшусь общаго порока сентиментальности! Оправдываюсь въ томъ, въ чемъ, вѣрно, ты никогда не подозрѣвалъ меня.

---

[1]) Т. е. въ лабиринтѣ.

[2]) Т. е. не сентименталенъ. Лаврентій Стернъ (р. 1713 † 1768), англійскій писатель, одинъ изъ родоначальниковъ сентиментализма въ литературѣ.

Мой другъ! я теперь оплакиваю смерть любезнаго своего собрата и пріятеля, Донаурова [1]); онъ умеръ на 19-мъ году и не сдержалъ обѣщаній, которыя за него давали—умъ его и сердце. Ахъ! думалъ-ли я, когда я проводилъ время съ нимъ въ Велижѣ—думалъ-ли я, что придется намъ разстаться съ товарищемъ, достойнымъ общей нашей пріязни? Грустно имѣть друзей!—невольно навернулась слеза, когда я увидѣлъ своего любезнаго собрата,—надежду, любовь всего семейства своего—въ гробу, безъ чувства, безъ этой искры, которая столь драгоцѣнна была его друзьямъ, его матери [2]). Радость—мгновенна; но горесть возбуждаетъ одно воспоминаніе за другимъ: я невольно вспомнилъ все, что я потерялъ въ этой жизни—я вспомнилъ ту, которая была для меня матерью, наставникомъ, другомъ, божествомъ моимъ. Я лишился ея, когда сердце уже могло вполнѣ чувствовать ея потерю;—вотъ, что судьба опредѣлила мнѣ въ самыя радостныя минуты зари нашей жизни [3]). Я помню, когда я увидѣлъ,—но, нѣтъ! досказать-ли?—я увидѣлъ, какъ опускали гробъ ея въ землю—ахъ! холодъ разлился по жиламъ. Мой другъ! Это такое чувство, съ которымъ ничего не можешь сравнить. Боже мой!—разлучиться навѣки—и съ кѣмъ?—Будь меня счастливѣй! Твой вѣрный Александръ Одоевской.

6.

3-го іюня (1825).

Милый Володя. Виль... [4]) твой въ чрезвычайномъ былъ безпокойствѣ. Онъ получилъ твое письмо, гдѣ ты называешь Бул.... [5]) твоимъ церемоніймейстеромъ—разсердился, пришелъ въ отчаяніе—хотѣлъ непремѣнно предложить Ѳаддеусу—нѣчто; онъ такъ былъ взбѣшенъ предательствомъ, что наговорилъ онъ ему съ три пропасти... Видишь, въ чемъ дѣло: онъ отдалъ твою «Мнемозину» [6]) Гречу [7]), а тотъ показалъ

---

[1]) См. выше, стр. 373, прим. 4-е.

[2]) Отецъ А. М. Донаурова, сенаторъ Михаилъ Ивановичъ Донауровъ († 1817) былъ женатъ на Марьѣ Ѳедотовнѣ Веригиной (р. 1774 † 1848).

[3]) Памяти своей горячо любимой матери князь А. И. Одоевскій посвятилъ стихотвореніе „Къ отлетѣвшей", написанное въ 1828 году (см. Сочиненія князя А. И. Одоевскаго, съ примѣчаніями, составленными М. Н. Мазаевымъ, Спб. 1893, стр. 5—6).

[4]) Т. е. Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ.

[5]) Т. е. Булгарина, Ѳаддея Венедиктовича.

[6]) Альманахъ, издававшійся въ 1824 и 1825 г.г. княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и В. К. Кюхельбекеромъ.

[7]) Въ 1825 году часть лѣта (до конца августа) Кюхельбекеръ жилъ даже на одной дачѣ съ Н. И. Гречемъ (см. „Русскую Старину" 1875 г., т. XIII, стр. 346).

Булгарину. Впрочемъ, тотъ божится, что словъ твоихъ не списывалъ. Наконецъ буря утихла. Я увѣрилъ Вильг... твоего, что ты перенесешь это мелочное неудовольствіе и будешь доволенъ тѣмъ, что за тебя сдѣлалъ твой Виль... Больше ничего нельзя сдѣлать: онъ такъ за тебя вступился, что чудо. Прощай.

II. Письма В. К. Кюхельбекера [1].

Закупъ [2], марта 23-го (1825).

Получилъ я твое письмо отъ 16. Единственное, ибо никакихъ другихъ не получалъ.—Твоя статья [3]) уже напечатана: итакъ я долженъ быть ею доволенъ; дѣлать нечего: но Пушкинъ очень правъ, что назвалъ задорнымъ цехъ,

О которомъ не сужу,
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу [4]).

Ты все сдѣлалъ, что я отъ тебя ожидалъ: и въ заключеніе ты порядкомъ себя похвалилъ, а другихъ пожурилъ, ты былъ бы не Одоевскій, если бы того не сдѣлалъ!

Сдѣлай милость послѣднюю, о которой тебя прошу: вышли исправно экземпляры, какъ не высланные еще по сю пору третьей, такъ и четвертой части [5]).—Касательно третьей я уже къ тебѣ писалъ: но на всякій случай повторю, кто еще не получилъ ее: во 1-хъ, въ село Бѣльково Духовскаго уѣзда Смоленской губерніи Софья Васильевна Гринева; во 2-хъ, городничій города Рославля, полковникъ Сергѣй Семеновичъ Веселовской; въ 3-хъ, Владиміръ Андреевичъ Глинка въ Константиноградѣ, въ Полтавской губерніи.

Не знаю, откуда вы взяли съ Эристовымъ [6]), что буду въ Москву: я, признаюсь, не намѣренъ! На Ѳоминой недѣлѣ я ѣду въ С.-Петер-

---

[1]) Въ Приложеніяхъ къ „Отчету Императорской Публичной Библіотеки за 1893 годъ", стр. 69—73, было напечатано письмо Кюхельбекера къ князю В. Ѳ. Одоевскому, относящееся къ позднѣйшему времени (1845 г.).

[2]) Имѣніе сестры Кюхельбекера, Юстины Карловны Глинки, въ Духовщинскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи.

[3]) „Нѣсколько словъ о Мнемозинѣ самихъ Издателей",—статья, которою заключилась IV-я и послѣдняя часть „Мнемозины" (Москва. 1825, стр. 230—236), альманаха, издававшагося въ 1824—25 гг. княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и Кюхельбекеромъ.

[4]) Ср. „Евгеній Онѣгинъ", глава первая, строфа XLIII.

[5]) „Мнемозины".

[6]) Вѣроятно, съ княземъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Эристовымъ (р. 1797

бургъ. Если бы ты, душа, могъ мнѣ выслать остальныя мои деньги туда въ канцелярію Гвардейскаго экипажа на имя моего брата [1]), ты бы меня очень обязалъ: мнѣ деньги тамъ очень нужны.—Буде не можешь всѣхъ выслать, постарайся, какъ-нибудь, переслать мнѣ хотя сотни двѣ.

Я здѣсь занялся опять греческимъ языкомъ и брежу Эсхиломъ; принялся переводить его Агамемнона размѣромъ подлинника—сенаріями; хотѣлъ, было, доставить тебѣ въ «Телеграфъ» [2]) отрывочекъ, да сердитъ: я по сю пору не получилъ еще ни одного номера;—исправность примѣрная!—Кромѣ того написалъ я двѣ главы романа, актъ трагедіи [3]), да статью большую для Селивановскаго [4]); я дѣятеленъ, здоровъ и веселъ!—Прости! да хранятъ тебя свѣтлые боги вдохновенья, которыхъ мой Эсхилъ называетъ:

Λαμπροῦς δυνάστης, ἐμπρεπόντας αἴθερι [5]).

Любезному, почтенному Степану Никитичу [6]) и всему семейству его мой усердный поклонъ. Вильгельмъ.

Эристова извѣщаетъ Кюхельбекеръ, что онъ надѣется его обнять если и не въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ въ Камчаткѣ или въ Японіи: ибо мы оба вездѣ успѣемъ побывать.

---

† 1858), лицейскимъ товарищемъ Кюхельбекера, писателемъ, впослѣдствіи сенаторомъ.

[1]) Михаила Карловича († 1857), капитанъ-лейтенанта Гвардейскаго экипажа, тоже декабриста.

[2]) Въ „Московскій Телеграфъ", издававшійся въ Москвѣ съ 1825 г. Н. А. Полевымъ; князь Одоевскій принималъ участіе въ этомъ журналѣ.

[3]) Аргивяне, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ съ хорами. Изъ нея были напечатаны только отрывки: прологъ съ хорами въ „Мнемозинѣ" 1824 г., ч. II, стр. 1—28 и два хора въ „Трудахъ Вольнаго Общества любителей россійской словесности", ч. XXX, стр. 301—302, и ч. XXXI, стр. 101—105. Полный списокъ этой трагедіи Кюхельбекера сохранился въ бумагахъ В. А. Жуковскаго (см. „Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1884 годъ", стр. 46—47).

[4]) Вѣроятно, какую-либо статью для печатавшагося тогда московскимъ книгопродавцемъ и типографомъ Семеномъ Алексѣевичемъ Селивановскимъ († 1835) энциклопедическаго словаря; какъ извѣстно, словарь этотъ не былъ выпущенъ въ свѣтъ (объ этомъ словарѣ см. статью И. Остроглазова въ „Русскомъ Архивѣ" 1890 г., книга третья, стр. 329—348).

[5]) Этотъ стихъ изъ Эсхилова „Агамемнона" (ст. 6) приведенъ Кюхельбекеромъ съ ошибками. Читается онъ такъ:

Λαμπροῦς δυνάστας, ἐμπρέποντας αἰθέρι,

т. е. блестящія силы, свѣтящіяся въ небесной выси.

[6]) Бѣгичеву († 1857), ближайшему другу А. С. Грибоѣдова.

2.

5-го апрѣля (1825).

Любезный, добрый другъ.

Ты на меня сердишься; сдѣлай милость, не сердись! Конь, и о четырехъ копытахъ, спотыкается... О подписчицѣ же нашей, которая подобно Геленѣ зажгла между нами войну, скажу, что она подписалась прошлаго году у самого меня, когда я былъ въ здѣшнихъ мѣстахъ: ее зовутъ не Бѣльковою, но Гриневою, какъ то я тебѣ уже два раза писалъ; живетъ же она въ Бѣльковѣ, здѣсь, въ Духовскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи. Имена прочихъ подписчиковъ (и ихъ адреса), не получившихъ 3-ей части, я къ тебѣ прислалъ. Изъ письма Баратынскаго [1]) вижу, что и онъ получилъ только первую часть: перешли прочія на имя купца Слёнина [2]) въ Питеръ, а не къ Гречу. Пушкинъ получилъ-ли всѣ части? Справься, душа! Сдѣлай милость.

О твоихъ непріятностяхъ сердечно, душевно жалѣю: тѣмъ болѣе, что я тебя самъ въ эту пору огорчалъ. За деньги тебѣ очень обязанъ: онѣ пришли какъ нельзя болѣе кстати. Теперь мы à peu près квиты.

Господина Онѣгина [3]) (иначе же нельзя его назвать) читалъ: есть мѣста живыя, блистательныя: но ужели это поэзія? Разговоръ съ книгопродавцемъ [4]) въ моихъ глазахъ не въ примѣръ выше всего остальнаго Матушка [5]) меня за тебя крѣпко журила: и есть за что! Она тебя заочно любитъ и, будучи большая лѣкарка-самоучка, очень жалѣла, что не могла полѣчить тебя.

При семъ препровождаю къ тебѣ прологъ Агамемнона Эсхилова: сотвори съ нимъ, что разсудишь за благо. Если еще участвуешь въ «Телеграфѣ», отпечатай его въ ономъ. Что «Телеграфъ»? Ѣдетъ-ли? A propos, прошу тебя, буде примите мой прологъ [6]), —быть корректоромъ онаго, ибо—soit dit entre nous [7])—не очень вѣрю филологическимъ знаніямъ господина Полеваго. Если захочешь прибавить къ моимъ замѣчаніямъ нѣкоторыя свои, напр.: объ устроеніи греческой сцены (о чемъ можешь прочесть въ Шлегелевыхъ Dramatische Vorlesungen [8]) или объ

---

[1]) Поэта Евгенія Абрамовича.

[2]) Извѣстный петербургскій книгопродавецъ-издатель Иванъ Васильевичъ Слёнинъ († 1836).

[3]) „Евгеній Онѣгинъ“ Пушкина вышелъ въ свѣтъ въ 1825 году.

[4]) Т. е. „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ Пушкина.

[5]) Юстина Яковлевна Кюхельбекеръ, рожденная Ломенъ (р. 1757†1841).

[6]) Прологъ „Агамемнона“ не появлялся въ „Московскомъ Телеграфѣ“.

[7]) Будь сказано между нами.

[8]) Сочиненіе знаменитаго нѣмецкаго ученаго и поэта Августа-Вильгельма Шлегеля (р. 1767 † 1845).

единствѣ времени, какъ греки разумѣли оное, очень буду тебѣ обязанъ. Какой Давыдовъ въ Петербургѣ? Иванъ Ивановичъ [1]) что-ли? Прости, любезный, не поминай насъ лихомъ.—Пиши ко мнѣ въ Питеръ, въ казармы гвардейскаго штаба. Ѣду!—Прости. В. К.

Vorlesungen Герингъ можетъ доставить тебѣ.

Четвертый актъ моей трагедіи [2]) готовъ: берегъ! берегъ!

3.

(С. Закупъ, апрѣль—май 1825).

Любезный другъ! Ты спрашиваешь, что я дѣлаю здѣсь [3]): читаю, ѣмъ, пью, много; очень много сплю, монашествую и передумываю 2 актъ моихъ «Аргивянъ» [4]), здѣсь написанный, но требующій большихъ поправокъ.

Пришли мнѣ Шихматова [5]): 1) Петра Великаго [6]); 2) Освобожденную Россію [7]); 3) Ночь на размышленіе [8]); 4) Двѣ его оды на 1812 годъ и на смерть Кутузова; 5) буде можешь, оду на освященіе Казанскаго собора и 6) забытую мною въ моихъ бумагахъ, сложенныхъ въ коробъ, Эпистолу къ юному другу. Пришли, сдѣлай милость, непремѣнно: одна изъ главныхъ причинъ, побудившихъ меня сдѣлаться журналистомъ—желаніе отдать справедливость этому человѣку [9]); а съ послѣднимъ № «Мнемозины» мое журнальное поприще—надѣюсь на Господа!—навсегда кончено: ибо боюсь посредственности, къ которой прямой трактъ лежитъ черезъ область журнальныхъ мнѣній, преній и рвеній. Вашъ всепокорный Кюхельбекеръ [10]).

---

[1]) См. выше, стр. 374, прим. 3-е.

[2]) См. выше, стр. 379, прим. 3-е.

[3]) Т. е. въ деревнѣ сестры, селѣ Закупъ.

[4]) См. выше, стр. 379, прим. 3-е.

[5]) Сочиненія князя Сергѣя Александровича Ширинскаго-Шихматова (въ монашествѣ Аникиты) (р. 1783 † 1837), ревностнаго послѣдователя А. С. Шишкова.

[6]) Петръ Великій. Лирическая пѣснь (Спб. 1810).

[7]) Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, или Спасенная Россія (Спб. 1807).

[8]) Это стихотвореніе вышло въ свѣтъ въ 1814 году.

[9]) Въ „Сынѣ Отечества“ 1825 г. (ч. 102-я, № XV, стр. 257—276, и № XVI, стр. 357—386) Кюхельбекеръ и помѣстилъ свой сочувственный разборъ поэмы князя Ширинскаго-Шихматова „Петръ Великій“.

[10]) Письмо имѣетъ слѣдующій адресъ: „Его сіятельству князю Владиміру Ѳеодоровичу Одоевскому, въ Москвѣ, на Тверской, въ Газетномъ переулкѣ, въ домѣ кн. Петра Ивановича Одоевскаго“.

4.

(С.-Петербургъ, сентябрь—октябрь 1825 г.)

Любезный другъ Владиміръ Ѳеодоровичъ.

Братъ твой [1]) вручитъ тебѣ это письмо: онъ на словахъ пополнитъ тебѣ то, что время не позволяетъ мнѣ тебѣ написать или что напишу не довольно вразумительно, не довольно ясно, не довольно убѣдительно. Я къ князю Александру Ивановичу имѣю полную, безусловную довѣренность; итакъ все, что касается до меня, ты ему выскажи, какъ будто бы ты говорилъ съ самимъ со мною, безъ всякаго посторонняго свидѣтеля.—Во 1-хъ, прошу тебя (безъ всякой ложной деликатности, которая можетъ меня только оскорбить) сказать князю, что я тебѣ долженъ— рубль въ рубль, копейка въ копейку. Если бы ты былъ самъ богатъ, если бы не нуждался, какъ то, я знаю, съ тобою есть, и было и, можетъ быть, еще будетъ, и тогда бы, мой другъ, я не согласился быть твоимъ должникомъ безъ собственнаго моего согласія.—Теперь дѣлать нѣчего: но будь искренъ и вспомни, въ какія мы съ тобою впали хлопоты и непріятности—отъ того, что не далъ ты мнѣ разглядѣть въ настоящемъ видѣ общаго намъ дѣла [2]). Ты знаешь, что я никакой тираніи не терплю: особенно же такой, которая отъ меня требуетъ слѣпоты. Но объ этомъ довольно: пишу къ тебѣ въ послѣдній разъ, если ты не исполнишь моего требованія.—2. Объ тебѣ, мой другъ, объ самомъ: вырвись, ради Бога, изъ этой гнилой, вонючей Москвы, гдѣ ты душою и тѣломъ раскиснешь!—Твое-ли дѣло служить предметомъ удивленія Полевому и подобнымъ филинамъ? Чтò за радость щеголять молодыми, незрѣлыми, неулегшимися еще познаніями передъ совершенными невѣжами? Учись; погляди на бѣлый свѣтъ; узнай людей истинно просвѣщенныхъ, каковъ, напр., тотъ, который подастъ тебѣ это письмо [3]). Посмотри, какая разница!

Я желалъ бы быть волшебникомъ, чтобъ тебя махомъ вырвать изъ кругу, въ которомъ находишься и котораго я хуже для тебя вообразить не могу; вспомни, чего отъ тебя ожидаютъ истинные друзья твои. Извини, братъ, что пишу къ тебѣ, можетъ быть, и жестко: хочу тебя разбудить; ты спишь не въ безопасномъ мѣстѣ: конечно, падать и падать—розы! но понижаться непримѣтно—все-таки падать.—Я думалъ

---

[1]) Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій (см. выше, стр. 371, прим. 3-е). Съ октября 1825 года Кюхельбекеръ жилъ на одной съ нимъ квартирѣ (см. „Русскую Старину" 1875 г., т. XIII, стр. 347).

[2]) Рѣчь идетъ о денежныхъ расчетахъ по изданію „Мнемозины".

[3]) Т. е. князь А. И. Одоевскій.

написать къ тебѣ цѣлую диссертацію: у меня накопилось; ты часто былъ для меня предметомъ размышленія горькаго, предметомъ разговоровъ съ твоимъ братомъ. Ввѣрься ему: это человѣкъ, который для тебя все сдѣлаетъ. Онъ и лучше тебѣ доскажетъ то, что не умѣю выразить, какъ бы хотѣлъ: желалъ бы я вмѣстѣ и сильно потрясти тебя, и не огорчить; задача трудная.—Теперь тарабара о разныхъ вещахъ! Ты не отвѣчаешь на письма А. А. Филиппова [1]); это, мой другъ, не хорошо; тѣмъ болѣе, что онъ тебѣ обязанъ.—Ты меня не увѣдомилъ, взялъ-ли ты мою парижскую лекцію [2]) у Елагина [3]): если взялъ, отдай Александру [4]).—Посылается вамъ наша комедь [5]): прошу замолвить объ ней слова два въ «Телеграфѣ», буде можно [6]). Что мой разборъ Іоанны [7])? Возврати мнѣ его; онъ мнѣ нуженъ. Прощай, любезный! Цѣлую, обнимаю тебя: не сердись на меня, да послушай; а если иначе нельзя, разсердись, да

---

[1]) Алексѣй Алексѣевичъ Филипповъ долгое время служилъ потомъ на Кавказѣ; въ концѣ тридцатыхъ годовъ онъ былъ въ Тифлисѣ губернскимъ прокуроромъ, а въ началѣ 1840-хъ годовъ тамъ же товарищемъ предсѣдателя Палаты уголовнаго и гражданскаго суда.

[2]) Въ 1820 и 1821 гг. Кюхельбекеръ путешествовалъ за границею, въ качествѣ секретаря при оберъ-камергерѣ Александрѣ Львовичѣ Нарышкинѣ. Во время пребыванія въ Парижѣ въ 1821 году Кюхельбекеръ началъ читать въ „Атенеѣ" (Athénée Royal) лекціи (по-французски) о славянскихъ литературахъ и славянскомъ языкѣ. Послѣ одной лекціи, въ которой Кюхельбекеръ говорилъ о вліяніи на родное слово вольнаго Новгорода и его вѣча, Кюхельбекеръ получилъ, чрезъ русское посольство, приказаніе прекратить чтеніе лекцій и вернуться въ Россію (см. „Русскую Старину" 1875 г., т. XIII, стр. 342).

[3]) Вѣроятно, у Алексѣя Андреевича Елагина († 1846), мужа извѣстной Авдотьи Петровны Елагиной (въ первомъ бракѣ Кирѣевской), рожд. Юшковой, вотчима славянофиловъ Ивана и Петра Васильевичей Кирѣевскихъ. А. А. Елагинъ былъ ревностнымъ поклонникомъ Шеллинга (см. Полн. собраніе сочиненій Ивана Васильевича Кирѣевскаго, т. I, М. 1861, Матеріалы для біографіи И. В. Кирѣевскаго, стр. 7).

[4]) Т. е. князю А. И. Одоевскому.

[5]) Шекспировы духи. Драматическая шутка въ двухъ дѣйствіяхъ (Спб. 1825).

[6]) Въ № XXII „Московскаго Телеграфа" (ноябрь), стр. 197—200, былъ помѣщенъ отзывъ объ этомъ произведеніи Кюхельбекера, отзывъ въ общемъ благосклонный („вся пьеса вообще наполнена какою-то непритворною веселостью: стихи, несмотря на нѣкоторыя негладкости, очень хороши"). А вотъ что писалъ Пушкинъ П. А. Плетневу о томъ же произведеніи: „Кюхельбекера Духи—дрянь. Стиховъ хорошихъ очень мало; вымысла нѣтъ никакого; предисловіе одно порядочно" (см. Сочиненія А. С. Пушкина, редакція П. А. Ефремова, т. VII, Спб. 1903, стр. 238).

[7]) Вѣроятно, разборъ „Орлеанской Дѣвы" Шиллера въ переводѣ Жуковскаго, появившемся въ 3-мъ изданіи „Стихотвореній" Жуковскаго, вышедшемъ въ 1824 году.

послушай. Изъ всѣхъ твоихъ знакомыхъ поклонъ одному Титову [1]). Прости! Твой Вильгельмъ.

Живу я въ домѣ Булатовой, въ Почтамской, на углу, противу Исаакіевской церкви.

A propos—не купитъ-ли Селиван(ов)скій [2]) десятка два-три моей комедіи?

III. Письма И. И. Дмитріева.

1.

Москва, января 14-го дня 1827 г.

Милостивый государь мой князь Владиміръ Ѳедоровичь.

На-дняхъ я имѣлъ удовольствіе получить при рапортѣ вашего бурмистра села Никольскаго Абросима Шорина ящикъ съ костромскимъ табакомъ. Этотъ знакъ вашей пріязни и памяти обо мнѣ обрадовалъ меня не меньше альманаковъ, которыми я по благосклонности ко мнѣ нѣкоторыхъ издателей забавляю скудный остатокъ вялой жизни.

Примите же отъ меня искреннюю благодарность, а съ нею вмѣстѣ и усердное привѣтствіе съ благополучнымъ достиженіемъ новаго года. Желаю вамъ отъ всего сердца въ продолженіи онаго и впредь возможныхъ благъ, условныхъ и настоящихъ, пуще же всего домашняго постояннаго счастія.

Прошу васъ, наконецъ, засвидѣтельствовать милостивой государынѣ Ольгѣ Степановнѣ [3]) душевное мое почтеніе, съ коимъ навсегда и къ вамъ имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою И. Дмитріевъ.

2.

Москва, 21-го февраля 1827 г.

Какъ я порадованъ былъ вашимъ письмомъ, почтеннѣйшій князь Владиміръ Ѳедоровичь! Удовольствіе мое смущено было только извѣ-

---

[1]) Владиміру Павловичу († 1891), товарищу князя В. Ѳ. Одоевскаго по Московскому университетскому благородному пансіону. Впослѣдствіи В. П. Титовъ былъ посланникомъ въ Константинополѣ и Штутгардѣ и членомъ Государственнаго Совѣта.

[2]) См. выше, стр. 379, прим. 4-е.

[3]) Князь В. Ѳ. Одоевскій былъ съ 1826 года женатъ на Ольгѣ Степановнѣ Ланской (р. 1797 † 1872).

стіемъ о бывшей растройкѣ вашего здоровья; но, слава Богу, что оно пришло въ прежній порядокъ. Наслаждайтесь, любезный князь, домашнимъ счастьемъ, вашею молодостью; посвящайте всѣ минуты ея любви и дружбѣ, добру и умственнымъ способностямъ, коими надѣлила васъ благодѣтельная природа.

Варвара Ивановна [1]) не съ полною точностью передала вамъ слова мои: я только желалъ, чтобъ вы поддерживали журналъ Полеваго [2]) вашими сочиненіями. Ревнуя искренно по славѣ нашей литтературы, и при томъ уже на порогѣ жизни, я не могу быть никакой партіи. Напротивъ того, всѣмъ нашимъ издателямъ и авторамъ, поэтамъ и прозаикамъ, классикамъ и романтикамъ, желаю отъ всей души наравнѣ: ума, таланта, возможнаго просвѣщенія, вѣрнаго вкуса, патріотизма, и, наконецъ, при доброй совѣсти христіанскаго духа кротости и смиренія.

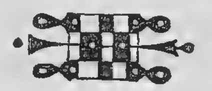
Погодина журналъ [3]) преимуществуетъ предъ «Телеграфомъ» въ правильности и чистотѣ языка, но за то «Телеграфъ» разнообразнѣе, свѣжѣе, занимательнѣе и болѣ похожъ на европейскіе журналы. Впрочемъ я люблю и уважаю обоихъ издателей.

Вотъ моя исповѣдь. Заключаю увѣреньемъ васъ, любезный князь, въ сердечномъ почтеніи и привязанности, съ коими навсегда къ вамъ пребудетъ, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Позвольте, милостивая государыня княгиня Ольга Степановна, принести вашему сіятельству живѣйшую благодарность за обязательное ваше приписаніе. Чувствуя въ полной мѣрѣ всю цѣну этой чести, препоручаю себя въ ваше милостивое ко мнѣ благорасположеніе и покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ чувствахъ совершеннаго почтенія и преданности, которыя навсегда къ вамъ сохранитъ, милостивая государыня, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ланская, рожденная княжна Одоевская († 1844), жена Сергѣя Степановича Ланского (р. 1787 † 1862, впослѣдствіи министра внутреннихъ дѣлъ и, съ 1861 г., графа), шурина князя В. Ѳ. Одоевскаго.

[2]) „Московскій Телеграфъ".

[3]) „Московскій Вѣстникъ", издававшійся М. П. Погодинымъ, подъ покровительствомъ Пушкина, сталъ выходить съ 1827 года.

Высочайшая благодарность объ успѣшномъ окончаніи студентовъ перваго курса въ Петербургской духовной академіи.

I.

Рескриптъ митрополиту Амвросію.

27-го августа 1814 г.

Преосвященный митрополитъ Амвросій. Разсмотрѣвъ докладъ Коммиссіи духовныхъ училищъ объ окончаніи перваго курса ново-образованной Санктпетербургской академіи, остаюсь увѣреннымъ, что сей вертоградъ наукъ дастъ въ свое время плоды обильные, поколику пріялъ сѣмена благія и расцвѣлъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ искусныхъ смотрителей.

Слава и благодареніе Всевышнему, тако благословившему намѣренія мои доставить церкви достойныхъ пастырей! Я имѣю особенное удовольствіе изъявить при семъ случаѣ признательность вашему высокопреосвященству, зная, съ какимъ усердіемъ споспѣшествовали къ утвержденію юношества во благихъ началахъ, и къ достиженію цѣли, предположенной въ новомъ образованіи духовныхъ училищъ. Подвиги ваши всегда равно знаменуютъ отличное служеніе и ревность о благѣ общемъ.

Будьте увѣрены въ моемъ непремѣняемомъ къ вамъ уваженіи. Пребываю навсегда благосклонный.

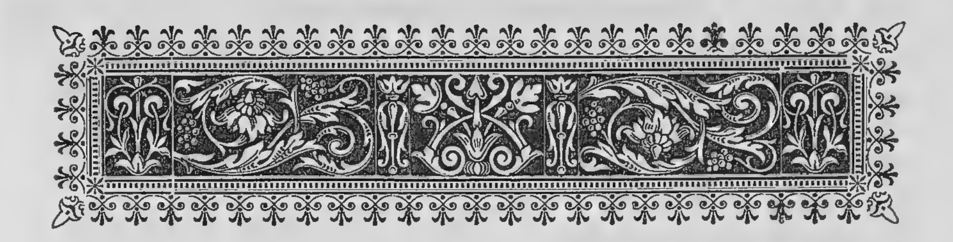
II.

Рескриптъ архимандриту Филарету (впослѣдствіи митрополиту московскому).

27-го августа 1814 г.

Отецъ архимандритъ Филаретъ, Санктпетербургской духовной академіи ректоръ. Донесеніе объ успѣшномъ окончаніи перваго академическаго курса обратило мое вниманіе на отличные труды ваши и способность къ образованію юношества. Начальство отдаетъ вамъ справедливость, ввѣряя опытности вашей успѣхъ втораго курса. Богъ да подкрѣпитъ силы ваши къ перенесенію трудовъ на новомъ поприщѣ! По благимъ расположеніямъ души вашей, надѣюсь, что питомцы, призванные на служеніе церкви, научатся отъ васъ ходить въ заповѣдяхъ Божіихъ и просвѣтятся внутренно истиннымъ свѣтомъ Евангельскаго ученія. Пребываю вамъ благосклонный.

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.

III [1]).

С ъ пріѣздомъ Перепелкина, въ домѣ Александры Андреевны всѣ оживились. Произошло это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ самъ своею личностью произвелъ на всѣхъ такое хорошее впечатлѣніе, что даже постоянно угрюмая и молчаливая, фрейлейнъ Амалія постоянно всѣмъ твердила: «карошъ, карошъ»! Чтеніемъ же его, произведеннымъ въ видѣ перваго опыта, тотчасъ послѣ обѣда въ присутствіи еще не уѣхавшаго Степана Ивановича, не только всѣ были удовлетворены, но оно даже превзошло ожиданія хозяйки, и она шепнула земской власти, что не забудетъ его услуги, потому что, по ея мнѣнію, дебютантъ читаетъ еще лучше, чѣмъ прежній, отказавшійся, семинаристъ.

— Этакъ проще какъ-то, знаете-ли, безъ разсчета на эффектъ,— проговорила она почти вслухъ по окончаніи чтенія.

Во-вторыхъ, начались серьезныя приготовленія къ отъѣзду, которыя всѣхъ заняли. Сборовъ было не мало. Еще задолго раньше, на домашнемъ совѣтѣ рѣшено было ѣхать на своихъ лошадяхъ, въ трехъ экипажахъ. Маршрутъ нѣсколько разъ измѣнялся, въ виду мнимыхъ или дѣйствительныхъ опасностей, о которыхъ сообщалось знакомыми въ видѣ слуховъ, циркулировавшихъ между людьми бывалыми. Степану Ивановичу поручено было провѣрить эти слухи и, соображаясь съ ними, составить подробный маршрутъ кратчайшаго и безопаснѣйшаго пути,

[1]) См. „Русскую Старину", январь 1904 г.

съ обстоятельнымъ росписаніемъ остановокъ для удовлетворенія потребностей людей и лошадей. Степанъ Ивановичъ приложилъ все стараніе, чтобъ исполнить это порученіе самымъ тщательнымъ и добросовѣстнымъ образомъ, въ надеждѣ, разумѣется, на приличный гонораръ, въ чемъ онъ и не ошибся.

Отъѣзжая теперь въ свою резиденцію,—какъ выразился, весело настроенный счастливымъ дебютомъ Перепелкина, Степанъ Ивановичъ,—онъ обѣщалъ привезти лично, дополненный и перебѣленный, въ трехъ экземплярахъ, маршрутъ, рано утромъ 22-го іюня, т. е. въ день, окончательно назначенный для выѣзда изъ Разбѣжнаго. Также весело настроенная случайнымъ пріобрѣтеніемъ въ лицѣ Перепелкина хорошаго чтеца, что̀ составляло, по ея словамъ, существенно важный вопросъ въ тысяче-верстномъ путешествіи на долгихъ,—равно какъ и надежнаго спутника для безопасности въ дорогѣ, хотя при ней было, кромѣ Клодочки, фрейлейнъ Амаліи, три здоровенныхъ кучера, два форрейтора, два лакея, два повара и три горничныхъ,—Александра Андреевна предложила своему новому лектору 200 рублей на экипировку, не въ счетъ жалованья, котораго назначено 30 рублей въ мѣсяцъ на полномъ ея содержаніи. Онъ долженъ былъ съѣздить съ приказчикомъ въ губернскій городъ, заказать тамъ себѣ платье и исполнить много порученій какъ ея, такъ и Клодочки и фрейлейнъ Амаліи. Все это надо было покончить въ три дня и возвратиться непремѣнно, по крайней мѣрѣ, къ вечеру 21-го іюня.

Прибывъ въ городъ, Перепелкинъ разнесъ и развезъ тотчасъ же по магазинамъ заказы дамъ, заказалъ себѣ платья на 90 рублей, послалъ по почтѣ отцу сто рублей и затѣмъ, запершись въ своемъ номерѣ въ гостиницѣ, съ величайшимъ нетерпѣніемъ пожиралъ статьи Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ запискахъ», которыми онъ запасся изъ библіотеки помѣщицы.

Удивительный переворотъ совершался въ его понятіяхъ и мысляхъ послѣ каждой статьи. Онъ часто вскакивалъ съ дивана, на которомъ читалъ лежа, ходилъ большими шагами по комнатѣ и все твердилъ:

— Вотъ голова! вотъ душа!.. А мы-то, мы-то? Вотъ дураки! вотъ простофили! Все афтоніанскими хріями пробавлялись, да громогласно декламировали:

Ступитъ на горы—горы трещатъ;
Ляжетъ на воды—воды кипятъ;
Граду коснется—градъ упадетъ;
Башни рукою за облакъ кидаетъ.

И въ первый разъ ему приходитъ на мысль, что такими криками можно изображать только какого-нибудь Илью Муромца, а не историческую личность.

Его увлеченія Бѣлинскимъ могли бы стоить ему значительнаго охлажденія со стороны дамъ села Разбѣжнаго, если бы не поправилъ дѣла мосье Рагу, очень юркій французъ, содержатель лучшаго моднаго магазина въ городѣ. Онъ лично разъискалъ Перепелкина, сильно постучался къ нему въ дверь и патетически объяснилъ ему, что такъ небрежно относиться къ порученіямъ особъ прекраснаго пола нельзя, не рискуя подвергнуться ихъ сильному гнѣву, а весьма нерѣдко даже и навсегда потерять ихъ уваженіе къ себѣ. Дѣло въ томъ, что въ запискѣ, оставленной для мосье Рагу, оказались предметы не его спеціальности, что̀ и подтвердилось по сличеніи съ подлинными записками барынь. Перепелкинъ не могъ не сознать всей опасности неловкаго положенія, въ которое былъ бы поставленъ, не исполнивши даннаго ему порученія, какъ слѣдуетъ, а потому тотчасъ же, для провѣрки, отправился по магазинамъ съ собственноручными документами обитательницъ села Разбѣжнаго.

Къ вечеру 20-го іюня Перепелкинъ и приказчикъ окончательно справились со всѣми дѣлами и немедленно отправились въ путь. Дорогой еще больше оцѣнилъ Перепелкинъ услугу, оказанную ему юркимъ французикомъ Рагу,—хотя, конечно, больше въ своихъ личныхъ интересахъ—когда простодушный приказчикъ выразилъ свои опасенія: «потрафятъ-ли они во всемъ на барыню? Она-де очень горячая и не скоро отходитъ. Старая барыня, т. е. фрейлейнъ Амалія, такая же. Вотъ, молодая-де барышня та ничего.. только засмѣется, когда на нее не потрафишь».

Но опасенія приказчика и запуганнаго его словами Перепелкина оказались напрасными. Всѣ остались довольны какъ нельзя больше и своевременнымъ возвращеніемъ ихъ изъ города, и точнымъ исполненіемъ возложенныхъ на нихъ порученій.

Въ это время приготовленія къ отъѣзду были въ полномъ разгарѣ. На дворѣ мылись огромные экипажи, и чистилась сбруя. Въ комнатѣ, примыкавшей къ столовой, сортировали багажъ, перенумерованный и имѣвшій особыя отмѣты для болѣе удобной укладки по разнымъ экипажамъ. Здѣсь теперь суетилось и съ озабоченнымъ видомъ дѣлало распоряженія новое лицо, котораго Перепелкинъ еще не встрѣчалъ и не видалъ. Это былъ управляющій всѣми имѣніями генеральши Бланквистъ, расположенными въ двухъ смежныхъ губерніяхъ, родомъ латышъ, умный и честный человѣкъ, по фамиліи Лампіусъ. Ни въ одномъ изъ десяти имѣній онъ не имѣлъ постояннаго пребыванія, но наѣздомъ посѣщалъ часто каждое изъ нихъ, оставаясь иногда подолгу тамъ, гдѣ требовалось его присутствіе. Это тѣмъ удобнѣе было дѣлать для него, что онъ былъ одинокій человѣкъ. Въ настоящее время его вызвали въ Разбѣжное на время отсутствія госпожи. Перепелкинъ засталъ его въ глубо-

комъ раздумьи расхаживающимъ между грудами чемодановъ, ящиковъ, коробокъ и проч.

— Нѣтъ, въ три экипажа, пожалуй, все это не войдетъ. Стѣснитъ,— разсуждалъ онъ самъ съ собою,—а куда же приткнуть повара и кухню?— съ ужасомъ въ лицѣ и разставивъ руки, сказалъ онъ, наконецъ, какъ-бы обращаясь къ Перепелкину.

— Я не могу понять,—замѣтилъ послѣдній:—какая цѣль двѣ недѣли по жарѣ тащиться на долгихъ, когда на почтовыхъ можно доѣхать безъ хлопотъ дней въ 5—6?

— Въ такомъ случаѣ и вы остались бы, вѣроятно, за штатомъ!— рѣзко сорвалось съ языка управляющаго. У богатыхъ людей свои нравы и обычаи,—продолжалъ онъ съ добродушной улыбкой:—да при томъ же гдѣ набрать лошадей на станціяхъ для такого обоза, не пріостановивъ движеніе по тракту? Поѣдутъ большею частію проселками. А протащитесь вы, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, я думаю, никакъ не менѣе трехъ недѣль. Да, вотъ, кстати: я совѣтую вамъ имѣть при себѣ въ карманѣ вотъ эту бумажку,—сказалъ онъ, подавая четко написанный реестрикъ разнообразнаго багажа—спасибо скажете мнѣ послѣ. Прислуга неграмотна, по значкамъ будутъ разбирать и перепутаютъ. Вотъ вы и выручите всѣхъ изъ бѣды. Такіе же экземплярчики будутъ у барыни и у камердинера, но они или потеряютъ ихъ, или не найдутъ во̀-время.

Осложненіе обязанностей, связанныхъ съ полученіемъ реестрика, привело въ раздумье неопытнаго юношу: какъ, дескать, опредѣлятся отношенія къ нему странствующаго персонала, если сверхъ спеціальнаго назначенія будетъ возложена на него еще руководящая роль по другимъ частямъ? Это раздумье привело къ мрачнымъ мыслямъ, усилившись отъ одного обстоятельства, котораго онъ никакъ не могъ себѣ разрѣшить. За ужиномъ оказалось четыре прибора. Гдѣ же ужинаетъ почтенный Лампіусъ? Неужели его, кандидата Дерптскаго университета, золотаго человѣка и умницу, по словамъ самой госпожи, не удостоиваютъ сажать съ собой за столъ только потому, что онъ управляющій. Да еще какой управляющій! Въ семь лѣтъ,—говорила Александра Андреевна,—онъ привелъ совершенно разстроенныя ея имѣнія въ такое цвѣтущее состояніе, что ихъ и узнать нельзя и что возбуждаетъ къ ней зависть у всѣхъ сосѣдей по разнымъ ея имѣніямъ. Любимъ крестьянами. Даже приказчиковъ умѣлъ выбрать въ каждомъ имѣніи такихъ, которые оказались и толковыми и честными.

Въ первый разъ въ жизни пришлось Перепелкину задумываться надъ значеніемъ общественнаго положенія человѣка. Какія же преимущества имѣетъ невѣжественный чиновникъ предъ образованнымъ управ-

ляющимъ?—все время разсуждалъ онъ за ужиномъ и даже ночью,у себя въ комнатѣ. Вотъ же Степанъ Ивановичъ пользуется нѣкоторымъ вниманіемъ, даже нѣкоторою фамиліарностью отношеній со стороны генеральши. Эти мысли долго не давали уснуть Перепелкину.

На другой день, рано утромъ, онъ былъ уже на ногахъ и отправился въ садъ. Проходя черезъ дворъ и зная, что отъѣздъ назначенъ въ 12 часовъ дня, онъ былъ пораженъ удивленіемъ, при видѣ заложенныхъ экипажей, съ возсѣдающими на нихъ кучерами и форрейторами. Оказалось, что это дѣлается для проминки лошадей и въ видѣ репетиціи. Чрезъ полчаса лошади стояли уже на дворѣ отложенныя. Старшій кучеръ Ефремъ, о необыкновенной силѣ котораго много было говорено вчера за ужиномъ, тихо, но внушительно толковалъ что-то другимъ кучерамъ и форрейторамъ, которые, повидимому, внимательно слушая его, изрѣдка приговаривали: «знамо дѣло... чего ужъ!.. вѣстимо... какъ есть тутака»! Со стороны же Ефрема только и слышались: «логъ перелогъ, сдержи, не распускай, натяни, выравнивай, труськомъ, въ ногу», которыя онъ съ особенною выразительностію произносилъ.

Но наставленія свои энергичный Ефремъ заключилъ здоровенной затрещиной, неизвѣстно за что отпущенной малому лѣтъ 16, очевидно, форрейтору. Протеста ни откуда не послѣдовало, и всѣ разошлись мирно. Только малый, вытерши съ лица кровь, побѣжавшую изъ носа, далеко отшвырнулъ сапогомъ ласкавшуюся, какъ бы изъ жалости къ нему, собаченку и, увидѣвъ, оглянувшись назадъ, что компанія уже окончательно разбрелась по людскимъ, а на господскомъ крыльцѣ никого не видать, дважды жестоко вытянулъ по спинѣ кнутомъ бураго коня, съ большимъ наслажденіемъ чесавшаго себѣ шею объ изгородь сада, гдѣ всѣ лошади привязаны были послѣ проминки.

Было около 8 часовъ утра. Въ барскомъ домѣ всѣ еще спали безмятежно. На второмъ крыльцѣ, выходящемъ въ садъ, показался управляющій и, увидѣвъ въ бесѣдкѣ Перепелкина, кивнулъ ему головой и направлялся къ нему.

— Рано же вы встаете,—сказалъ онъ, подавая руку Перепелкину. А я, противъ обыкновенія, сегодня заспался послѣ глупой вчерашней возни съ багажемъ.

— Да, я почти всю ночь не спалъ и, откровенно говоря,—изъ-за васъ...

— Изъ-за ме-е-ня?—протянулъ Лампіусъ,—съ изумленіемъ выпучивъ умные сѣрые глаза на Перепелкина.

— Я все ломалъ голову надъ вопросомъ: неужели же васъ, повидимому, очень цѣнимаго и уважаемаго человѣка, не удостоиваютъ сажать съ собою за столъ, между тѣмъ какъ становой...

— Только-то?—перебилъ съ добродушной улыбкой Лампіусъ, дружески трепя Перепелкина по плечу.

— Видите-ли,—сказалъ онъ немного погодя: сойтись съ русскими барами даже на короткую ногу, хотя бы и управляющему (разумѣется, образованному) не особенно трудно,—было бы только охоты; но надо знать, что, по-моему, нѣтъ въ свѣтѣ народа, который бы такъ жестоко и нагло способенъ былъ оскорблять человѣка, пользуясь неравенствомъ положеній, какъ русскіе, и при томъ нерѣдко безъ всякой злости, въ самой добродушной фамиліарной формѣ. Поэтому я дѣйствую согласно русской пословицѣ: «знай, сверчокъ, свой шестокъ!» и никогда не отступаю отъ этого правила. Съ приказчикомъ объясняются въ передней. Я могу себѣ позволить, при докладахъ, два-три шага отъ передней, но не болѣе и ужъ дальше не сдаюсь ни на какія сантиментальности искреннія или притворныя. Уважающій себя человѣкъ никогда никому не позволитъ себя третировать такъ, какъ не рѣдко третируютъ бары маленькихъ людей за ихъ заигрыванія съ ними. Я это говорю вообще, а не примѣнительно къ себѣ. На свое положеніе, опредѣлившееся вполнѣ согласно съ моими видами, я пожаловаться не могу. Я поступилъ на полторы тысячи рублей, а теперь съ наградными получаю до пяти тысячъ въ годъ. Къ дѣлу я привязался такъ, что забылъ уже и думать о профессурѣ, къ которой когда-то горячо стремился.

— А скуки не испытываете, или тягостнаго утомленія отъ этихъ перекочевокъ изъ деревни въ деревню? — полюбопытствовалъ Перепелкинъ.

— Помилуйте, когда тутъ скучать! Много у меня дѣла по прямымъ моимъ обязанностямъ,—теоретическаго, изучаемаго мною по лучшимъ руководствамъ, и практическаго, всегда исполняемаго на моихъ глазахъ, подъ моимъ руководствомъ, а иногда при личномъ моемъ участіи: въ боронованіи, сѣяніи, сортировкѣ зерна, уборкѣ и мочкѣ льна, конопли и проч. Иначе никакой возможности не было бы отучить отъ патріархальныхъ пріемовъ, гдѣ совершенно непроизводительно затрачивается масса силъ, труда и добра.

Перепелкинъ весь обратился въ слухъ и вниманіе, даже до того, что удержался отъ кашля, къ чему чувствовалъ побужденіе.

— При томъ же я считаю прямымъ долгомъ входить въ положеніе крестьянъ и наблюдать за ихъ образомъ жизни,—продолжалъ Лампіусъ, поощренный вниманіемъ къ нему незнакомца: вамъ всѣ скажутъ, что теперь во всѣхъ, управляемыхъ мною, деревняхъ меньше стало пьянства, меньше грязи, вони и тѣсноты въ избахъ, нѣтъ порки, производившейся зачастую самодурами-приказчиками, меньше колотитъ мужикъ бабу, а баба—оборванныхъ и голодныхъ ребятишекъ. Да и ребятишки меньше ревутъ, потому что прибавилось сытости и тепла.

Вотъ только не удается мнѣ развить грамотность: батюшки и дьякона не только не помогаютъ, но даже, большею частью, противъ этого.

Пылкій юноша, все время смотрѣвшій чуть не съ благоговѣніемъ на некрасивое, но доброе, оживленное чувствомъ и умомъ лицо Лампіуса, не вытерпѣлъ и съ жаромъ бросился цѣловать его, приговаривая со слезами на глазахъ:

— Я такого умнаго, честнаго и до самоотверженности добраго человѣка никогда въ жизни еще не встрѣчалъ. Боже мой, какъ я завидую вамъ! И какъ бы я былъ радъ и счастливъ, найдя такую дѣятельность, которая заняла бы всѣ силы моей души и была бы въ такой же степени плодотворна, какъ ваша!

— Ну, молодой человѣкъ, вы преувеличенно взглянули на мою дѣятельность! Я же не въ мѣру разболтался: давно, признаться, не видался съ интеллигентными людьми. Полезнымъ, я вамъ скажу, можно быть вездѣ. Участливымъ къ людямъ сдѣлали меня собственное мое несчастіе, или, правильнѣе сказать, несчастіе, совершенно неожиданно обрушившееся на моего отца и причинившее невыразимое горе и страданія всему нашему семейству.

— Какъ такъ?

— Я сдавалъ послѣдній экзаменъ въ Дерптскомъ университетѣ, когда было получено письмо отъ матери, что отецъ мой заключенъ въ тюрьму и чтобы я немедленно поспѣшилъ, но не на мызу, которую мы 12 лѣтъ арендовали, а въ Ревель, къ теткѣ, родной сестрѣ моего отца, куда перебралось наше семейство. Трудно представить весь ужасъ, который овладѣлъ мною при видѣ этого семейства, еще недавно жившаго въ довольствѣ и просторѣ, теперь же тѣснившагося въ сыромъ подвалѣ со всѣми признаками крайней нищеты, съ осунувшимися лицами и воспаленными отъ слезъ глазами. Полчаса рыданія душили всѣхъ, и я не могъ узнать причины этой перемѣны. Наконецъ, дѣло объяснилось. За мѣсяцъ назадъ отъ барона В., владѣльца арендуемой нами мызы, былъ полученъ приказъ немедленно сдать мызу новому арендатору. Отецъ заупрямился, такъ какъ срокъ заарендованія не кончился, и подалъ прошеніе въ судъ. Дня черезъ два отецъ былъ заарестованъ, семейство выгнано вонъ, въ чемъ было, все имущество конфисковано и впослѣдствіи продано съ молотка по иску барона, завинившаго отца въ самовольныхъ якобы порубкахъ владѣльческаго лѣса, и когда нашлись лжесвидѣтели, подтвердившіе эту кляузу, отецъ былъ посаженъ въ острогъ. Свиданіе наше было ужасное. Онъ такъ зарыдалъ, что я лишился чувствъ и обезумѣлъ. Человѣкъ въ порѣ лѣтъ — ему было не болѣе 45 — атлетическаго сложенія, опустился и осунулся до неузнаваемости, а волоса, въ которыхъ раньше не пробивалось ни одной сѣдинки, сдѣлались теперь какъ лунь бѣлые.

Онъ велѣлъ мнѣ немедленно отправиться въ Ригу и умолять главнаго начальника края разслѣдовать это дѣло. Но это была напрасная потеря времени и истощеніе послѣднихъ средствъ, добытыхъ чрезъ продажу кой-какихъ золотыхъ вещей матери и сестеръ. Я пороги обилъ у этого начальника, бросался на колѣни и слезами обливалъ его ноги, но все только слышалъ одни слова: «Вы слишкомъ нетерпѣливы, молодой человѣкъ! все будетъ сдѣлано своевременно и по закону». Однажды дежурный чиновникъ, тронутый неутѣшнымъ моимъ горемъ, сказалъ мнѣ: «Да вы напрасно стараетесь разжалобить этого бездушнаго колпака: онъ изъ кожи лѣзетъ, какъ бы угодить нѣмцамъ, которые помыкаютъ имъ какъ тряпкой, а тутъ еще касается дѣло всемогущаго барона—такъ можно-ли ожидать добра! Ужъ если хотите добиться, то подайте прошеніе на высочайшее имя». Я такъ и сдѣлалъ. Черезъ три года отецъ былъ оправданъ въ взведенной на него клеветѣ насчетъ порубки лѣса, но искъ нашъ о возмѣщеніи убытковъ за имущество, беззаконно конфискованное и проданное съ молотка, до сихъ поръ остается не разрѣшеннымъ. Тѣмъ временемъ отецъ, сидя въ тюрьмѣ, сошелъ съ ума и умеръ отъ воспаленія мозга. Семья, насъ было 10 душъ, я старшій—частію разбрелась—кто въ услуженіе, кто въ ученье къ мастерамъ, а часть малолѣтнихъ съ матерью остались на моихъ рукахъ. И больше года пришлось намъ пить горькую чашу, пока я случайно не попалъ на это мѣсто.

— Знаете-ли,—сказалъ нервно Перепелкинъ: вашъ разсказъ произвелъ на меня такое дѣйствіе, что я собственными руками, безъ малѣйшаго состраданія, разорвалъ бы на мелкія части и мерзавца-барона и того проклятаго колпака, который, ради популярности у нѣмцевъ, оставался глухъ къ такимъ вопіющимъ злодѣйскимъ неправдамъ.

— Ого, какой вы! Молоды еще очень, упрыгаетесь,—сказалъ Лампіусъ и пошелъ навстрѣчу Степану Ивановичу, который, расправляя свои огромные щетинистые усы, молодцовато выступалъ по главной аллеѣ.

— Ну, видно, мнѣ съ барынями не видаться сегодня,—говорилъ онъ издали: если онѣ не встанутъ къ 10 часамъ, то я удеру на слѣдствіе въ Лысково, а завтра, часовъ въ семь утра, я буду въ Трусихѣ, гдѣ имъ назначенъ сегодня ночлегъ.

— Не безпокойтесь, онѣ встаютъ,—возразилъ Лампіусъ, указывая на сторожа, который открывалъ ставни въ спальняхъ. А что такое случилось въ Лысковѣ?—полюбопытствовалъ онъ.

— Суриковъ опять засѣкъ двоихъ—мельника и мельничиху.

— Что жъ, и это сойдетъ?

— Я думаю. Внушено не очень раздувать исторію и поменьше довѣрять показаніямъ крестьянъ.

Въ это время по двору прошелъ причтъ въ полномъ штатѣ: священникъ, дьяконъ, дьячекъ и пономарь. Вступивъ на парадное крыльцо, они обнажили головы и стали охорашиваться, отираться и расчесывать волосы на головѣ и бородѣ, затѣмъ высморкались, откашлялись и, внимательно осмотрѣвъ другъ друга, прошли въ комнаты, подъ предводительствомъ толстаго красноносаго батюшки.

Черезъ полчаса дверь изъ залы въ садъ отворилась, и на террасу плавно выступила генеральша, въ сопровожденіи барышень и батюшки, что-то повѣствовавшаго, сильно ударяя на букву о.

Степанъ Ивановичъ, какъ только замѣтилъ, что въ его сторону обратился взоръ ея превосходительства, тотчасъ издали вытянулся въ струнку и по военному отдалъ честь, приложивъ руку къ фуражкѣ. Лампіусъ и Перепелкинъ, снявъ фуражки, почтительно поклонились.

Всѣ трое молча приблизились къ террасѣ на нѣсколько шаговъ и остановились. Очевидно, здѣсь строго соблюдался этикетъ, или же все дѣлалось согласно съ настроеніемъ госпожи, которое, повидимому, не было такъ игриво, какъ въ первое представленіе Перепелкина, когда Степанъ Ивановичъ позволилъ себѣ развернуться до развязности чисто военнаго человѣка.

Между тѣмъ батюшка все повѣствовалъ въ носъ, сильно растягивая слова и нестерпимо ударяя на о.

Степанъ Ивановичъ досталъ изъ портфеля и держалъ наготовѣ прекрасно перебѣленный, на отличной бумагѣ, маршрутъ въ трехъ экземплярахъ. Генеральша замѣтила это и кивнула ему головой. Онъ стремительно поднялся на террасу и съ ловкостью гусара вручилъ ей плодъ кропотливаго своего труда.

— Благодарю. Тамъ сдѣлано распоряженіе....сказала она, очевидно намекая на что-либо посущественнѣе словесной благодарности.

Степанъ Ивановичъ расшаркался, но не дерзнулъ уже поцѣловать ручку благодѣтельницы, какъ въ первый разъ, за телку.

Затѣмъ генеральша обратилась къ Лампіусу и Перепелкину и оффиціальнымъ тономъ поручила—первому распорядиться, чтобы отъѣзжающіе люди сейчасъ собрались на молебенъ и потомъ немедленно занялись укладкой вещей, а второму—послѣ молебна разобрать привезенную почту и озаботиться упаковкой отобранныхъ ею книгъ въ чемоданъ, который и имѣть подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ.

— Я еще попрошу васъ, Савва Петровичъ... такъ, кажется, васъ зовутъ?—обратилась къ Перепелкину Александра Андреевна.

— Саввичъ,—отвѣчалъ онъ, по обыкновенію, краснѣя, какъ піонъ.

— Виновата! Такъ, вотъ, я васъ попрошу, Савва Саввичъ, изъ лю-

безности къ намъ, дамамъ, принять на себя обязанность наблюдать за людьми, чтобъ они на остановкахъ не напивались, особенно поваръ. Онъ мастеръ своего дѣла, но не дуракъ и выпить. Эдуардъ Ивановичъ—имя Лампіуса—сообщитъ вамъ краткую характеристику всѣхъ отъѣзжающихъ, чтобы вы знали, съ кѣмъ вамъ предстоитъ имѣть дѣло.

Нанялся, что продался, подумалось Перепелкину, и въ словахъ Александры Андреевны, повидимому, ничего особеннаго не заключавшихъ въ себѣ, прозвучала для него нотка, вызвавшая легкую горечь въ душѣ.

— Вотъ ваша команда,—шепнулъ ему Лампіусъ, когда всѣ собрались на молебенъ.

Впереди всѣхъ стояли: главный кучеръ Ефремъ и очень благообразнаго вида, съ густыми бакенбардами, человѣкъ, скорѣе похожій на совѣтника или предсѣдателя палаты, чѣмъ на двороваго. Одѣтъ онъ былъ просто, но очень прилично, а на осмысленномъ его лицѣ можно было прочесть своеобразное выраженіе собственнаго достоинства.

— Да неужели же это поваръ?—удивлялся Перепелкинъ.

— Онъ самый и есть. А вы подумали—профессоръ какой? Хотя, правду сказать, по своей спеціальности онъ, дѣйствительно, не уступитъ никакому профессору. На образованіе его кулинарнаго таланта потрачены тысячи, и вышло чудо, за которымъ шлютъ къ Александрѣ Андреевнѣ гонцовъ изъ губернскаго города во время проѣзда высокопоставленныхъ особъ. Я вамъ совѣтую, не смотря ни на кого и ни на что, относиться къ нему какъ можно мягче, теплѣе и, такъ сказать, сердечнѣе: тогда пойдетъ все какъ по маслу, въ противномъ случаѣ, не оберетесь бѣдъ. Зовутъ его Михей Терентьичъ. Такъ вы и обращайтесь къ нему и не стѣсняйте его въ поклоненіяхъ Бахусу, хотя бы они были и очень усердны. Поваренокъ, ему сопутствующій — вонъ тотъ, что сзади его стоитъ—знаетъ, какъ въ этихъ случаяхъ поступать съ нимъ. Онъ дастъ ему выспаться и, приготовивъ весь матеріалъ и инструменты, разбудитъ его за полчаса до стола, и все у него отлично поспѣетъ. А если ужъ онъ клюкнетъ такъ, что его и добудиться нельзя будетъ, тогда онъ выльетъ ему на голову ведро воды, и онъ очнется, какъ трезвый.

— Ну, а если застудитъ голову?

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, не сантиментальничайте: изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее. Если обѣдъ будетъ дурной, то его велятъ выпороть, а онъ—я его хорошо понимаю—въ такомъ случаѣ убьетъ кого-нибудь и самъ повѣсится. Вотъ каковъ этотъ Михей Терентьичъ.

Начался молебенъ.

Дамы опустились на колѣни. Фрейлейнъ Амалія вынула изъ ридикюля крошечный, въ изящномъ переплетѣ, молитвенникъ и погрузилась въ него. Александра Андреевна далеко была впереди другихъ, полузакрытая геранью, и трудно было уловить, чѣмъ еще другимъ, кромѣ колѣнопреклоненія, выражалась ея религіозность. Клодочка разсѣянно посматривала то въ окна, то на публику, особенно на причтъ.

Послѣдній, при всемъ внѣшнемъ благообразіи, не отличался стройнымъ ансамблемъ въ священнослуженіи и едва-ли могъ вызвать особенное религіозное настроеніе. Батюшка очень непріятно гнусилъ и сильно билъ на о. Діаконъ разбитымъ голосомъ порывался вытянуть высокія ноты и постоянно обрывался. Дьячокъ такъ читалъ молитвы, что ни одного слова нельзя было уловить при всевозможномъ напряженіи слуха. Пономарь поминутно икалъ. Совокупное же пѣніе всѣхъ ихъ дотого было негармонично, что Клодочка едва сдерживала улыбку, а на серьезномъ лицѣ Лампіуса выражалось нѣчто въ родѣ жестокаго страданія. Усерднѣе всѣхъ, повидимому, молился Ефремъ. Онъ истово крестился, вздыхалъ и часто клалъ земные поклоны. Да еще, въ углу, поодаль отъ другихъ, стояла на колѣняхъ сморщенная старушонка, вся въ черномъ и въ слезахъ. Это была дворовая, которую всѣ, начиная съ госпожи, величали Арефьевной. Она выняньчила, принятую въ домъ генеральши, десятимѣсячную сиротку Клодочку и такъ привязала ее къ себѣ и сама къ ней привязалась, что между ними установилось нѣчто родственное, что̀ и было причиной особыхъ къ ней отношеній со стороны самой госпожи, а за нею и всѣхъ другихъ. Стоя на колѣняхъ, она тоже часто клала поклоны и подолгу не отрывала головы отъ пола. На ея кроткомъ старческомъ лицѣ, сохранившемъ слѣды красоты, выражалось столько непритворнаго сердечнаго умиленія и благоговѣнія, что разсѣянной Клодочкѣ стоило только случайно остановиться на ней взоромъ, чтобъ въ ту жъ минуту сосредоточиться на одномъ чувствѣ и, хоть подъ конецъ молебна, поусердствовать Богу.

Степанъ Ивановичъ имѣлъ озабоченный видъ и обнаруживалъ повременамъ сильное нетерпѣніе, часто поглядывая то на стѣнные часы, то на свои карманные.

Профессоръ кулинарнаго искусства все время стоялъ потупившись, ни разу ни на кого и ни на что не взглянулъ и, кажется, далекъ былъ мыслями отъ всего происходившаго. Онъ ни разу не перекрестился, даже когда подходилъ къ кресту. Между тѣмъ, по выраженію его интеллигентнаго лица, нельзя было не замѣтить, что въ его головѣ работала какая-то мысль.

Пріявъ мзду, духовные чинно удалились съ благопожеланіями отъѣзжающимъ.

Начался суетливый процессъ выноски и укладки вещей. Лицо ге-

неральши было очень серьезно и выражало не то тоску, не то заботу. Степанъ Ивановичъ съ нѣкоторою робостью заявилъ ей о необходимости скакать ему сейчасъ въ Лысково, на слѣдствіе, и о намѣреніи его поспѣть завтра, къ восьми часамъ утра, въ Трусиху, чтобы освѣдомиться, не потребуется-ли какой услуги съ его стороны.

— Пожалуйста,—сказала только Александра Андреевна и, кивнувъ ему головой, направилась въ садъ.

Перепелкинъ вышелъ на дворъ, чтобъ посмотрѣть, куда пристроятъ ввѣренный его попеченію чемоданчикъ съ книгами. Тамъ все укладывалось по росписанію, сдѣланному Лампіусомъ, и подъ его личнымъ наблюденіемъ.

— А, вѣдь, мои опасенія, что некуда будетъ пристроить поваровъ съ кухней, къ счастію, оказались напрасными: эти чудища, пожалуй, проглотятъ вдвое больше скарба, чѣмъ сколько его везутъ,—сказалъ весело Лампіусъ, обращаясь къ Перепелкину и указывая на три огромныхъ экипажа, вытянутые въ одну линію у главнаго крыльца. Впереди стояла громадныхъ размѣровъ карета, подъ шестерикъ, цугомъ; далѣе такихъ же размѣровъ дормезъ, тоже подъ шестерикъ, цугомъ; наконецъ, меньшихъ размѣровъ, но очень глубокій дормезъ, подъ четверикъ.

Въ первомъ экипажѣ помѣщаются Александра Андреевна, Клодочка и горничная, которая на время чтенія дорогой мѣняется мѣстомъ съ Перепелкинымъ.

Второй экипажъ, т. е. большой дормезъ, занимаютъ: фрейлейнъ Амалія, Перепелкинъ и вторая горничная. Третій занятъ камердинеромъ и двумя поварами. Здѣсь долженъ былъ помѣщаться и лакей въ ненастную погоду, а въ хорошую — съ главнымъ кучеромъ на козлахъ экипажа генеральши.

У послѣдняго экипажа теперь возились повара съ посудой. Тутъ же стояла среднихъ лѣтъ женщина, мать поваренка, и все причитывала наставленія послѣднему:

— А ты, Павлуша, угождай Терентьичу, да старайся перенять дѣло. А ужъ вы, Терентьичъ, будьте милостивы, не оставьте малаго. Барыня сказала, что коли перейметъ дѣло-то Павлуха, то женитъ его на Стешкѣ Спиридоновой.

— Такъ я тебѣ и женился на корявой сорокѣ!—пробурчалъ Павлуша.

Терентьичъ ничего не говорилъ и, управившись со всѣми предметами своей профессіи, старался теперь удобнѣе пристроить кубышку, очевидно, съ запретнымъ зельемъ. Отъ Лампіуса не ускользнуло это обстоятельство. Онъ велѣлъ закладывать третій экипажъ, названный поварскимъ, и, подойдя къ Терентьичу, сказалъ:

— Ты если хочешь, Терентьичъ, промочить горлышко, то дѣлай это сейчасъ, чтобъ выспаться до пріѣзда въ Трусиху—всего одинъ большой перегонъ,—гдѣ назначенъ, по росписанію, обѣдъ и ночлегъ. Экипажъ поварской сейчасъ пойдетъ и всегда будетъ уходить часомъ раньше другихъ предъ приготовленіемъ обѣда. Да еще вотъ о чемъ я хотѣлъ попросить тебя, Михей Терентьичъ: не надѣлай ты бѣдъ этому молодому человѣку, — указалъ Лампіусъ на Перепелкина — тебя вѣдь подъ его надзоръ отдала генеральша.

Терентьичъ, молча, пристально взглянувъ на Перепелкина, вынулъ изъ экипажа кубышку съ запретнымъ, припряталъ въ карманъ и, еще разъ бросивъ взглядъ на своего ментора, направился въ кухню. Минутъ черезъ пять, когда лакеи пронесли завтракъ въ столовую, Терентьичъ вышелъ съ подушкой въ рукахъ, бросилъ ее въ уголъ экипажа и завалился спать.

— Да съ нимъ, кажется, не трудно справляться,—замѣтилъ Перепелкинъ.

— Да, если вы будете держаться моего совѣта и не допустите Александры Андреевны или еще хуже—старой дѣвы, Амаліи, объясняться съ нимъ, когда у него хмѣль не совсѣмъ вышелъ изъ головы. Онѣ не понимаютъ, что это натура гордая и вмѣстѣ съ тѣмъ очень деликатная; даже посмѣялись, когда я имъ такъ охарактеризовалъ его. А между тѣмъ это такъ. Не будь вотъ здѣсь той благообразной старушки, что зовутъ Арефьевной, да Клавдіи Дмитріевны, въ этомъ домѣ давно бы произошла драма съ трагическимъ финаломъ. Былъ такой случай, разумѣется, въ отсутствіе мое. Три года тому назадъ, этотъ Терентьичъ, уже прославившійся на всю губернію своимъ искусствомъ, особенно въ приготовленіи постныхъ блюдъ, сталъ не потрафлять, какъ говорятъ здѣсь, на Амалію Ѳедоровну—между нами будь сказано, дуру и ханжу—да не только не потрафлять, а таки просто портить ея любимыя кушанья съ приправой грибовъ. Его потребовали въ горницу для объясненій, нашумѣли и пригрозили подвергнуть тѣлесному наказанію, буде не исправится. Онъ запилъ и на другой день перепортилъ всѣ блюда. Приказчикъ потребовалъ его въ контору, на расправу. Онъ немедленно явился и, увидѣвъ приготовленія къ наказанію его, вынулъ изъ подъ фартука поварской ножъ и неистово закричалъ, что перерѣжетъ всѣхъ, кто только бросится на него. Доложили барынѣ. Та по горячности расходилась такъ, что съ ней сдѣлалось дурно. Велѣла собрать больше людей, вырвать ножъ и немилосердно отпороть, а потомъ нѣсколько дней продержать въ кандалахъ. Все это легко было только сказать, но не исполнить. Онъ прижался въ уголъ и, размахивая ножемъ, никого не подпускалъ къ себѣ. Кузнецъ Гаврило, человѣкъ ловкій и сильный, схватилъ было, его за правую руку, въ которой былъ ножъ, но Те-

рентьичъ лѣвой рукой такого тумака далъ ему въ физіономію, что скулу свернулъ ему на сторону, и онъ повалился, какъ снопъ. Опять докладываютъ. Тамъ неистовствуютъ до истерики.

— Ma tante,—вдругъ говоритъ расходившейся барынѣ Клавдія Дмитріевна: я все улажу, только ты прости его на этотъ разъ. Я даю тебѣ слово, что впередъ онъ будетъ исправенъ». Та кивнула ей головой; Арефьевна, узнавъ въ чемъ дѣло, испугалась за свою любимицу и хотѣла, было, воспротивиться ея намѣренію идти одной въ контору, но та быстро порхнула чрезъ всѣ комнаты и внезапно очутилась лицомъ къ лицу съ Терентьичемъ.

— Что вы обступили его, какъ будто дикаго звѣря какого?—сказала она толпѣ, подавшейся назадъ, чтобъ дать ей дорогу. Брось, голубчикъ, ножъ,—обратилась она своимъ симпатичнымъ голосомъ къ изумленному Терентьичу: я боюсь его!

Тотъ безпрекословно далеко отбросилъ ножъ отъ себя.

— Видите-ли,—замѣтила она толпѣ: развѣ злой человѣкъ можетъ такъ скоро успокоиться?—Вотъ что, Терентьичъ: я тебѣ выпросила на этотъ разъ полное прощеніе, но дала слово тетѣ, что впередъ ты всегда будешь исправенъ.

— Голубушка, барышня,—сказалъ онъ такимъ растроганнымъ голосомъ, что у добрѣйшей и снисходительнѣйшей Клодочки и глаза наполнились слезами:—пусть же и намъ, злосчастнымъ рабамъ, оказываютъ хоть маленькую справедливость. Зачѣмъ барышня Бланка—такъ звали дворовые фрейлейнъ Амалію—велѣла отобрать у меня книги?

— Какія книги?

— Какъ же! «Парашу-сибирячку», «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», два пѣсенника.

— Да я не понимаю, когда и за что отобрали книги,—я объ этомъ ничего не слыхала.

— На прошлой недѣлѣ горничная Аннушка пришла и говоритъ: Бланка говоритъ, что ты только книжки читаешь, а дѣломъ не занимаешься, оттого-де и кушанья портишь. Велѣла, говоритъ, книжки отобрать. Я ничего не сказалъ. Она собрала и унесла ихъ.

— Ну, голубчикъ, я все устрою: и твои книжки тебѣ возвратятъ, и другихъ дамъ, только будь исправенъ.

Съ тѣхъ поръ всякія недоразумѣнія между кухней и горницей устраняются Арефьевной, которая всегда дѣйствуетъ отъ имени всѣми любимой барышни.

— Чудная эта дѣвушка,—сказалъ Лампіусъ въ заключеніе: если бы дано ей было солидное образованіе, или, по крайней мѣрѣ, позаботился бы кто дать серьезное направленіе ея мыслямъ, то изъ нея вышло бы

нѣчто въ родѣ совершенства, не смотря на странный и, повидимому, неодолимый недостатокъ въ выговорѣ.

Широкой жизненной волной со всѣхъ сторонъ охватило Перепелкина, юношу совершенно неопытнаго, все время пока возившагося усердно только съ книжками, преимущественно учебниками, и никогда не останавливавшагося мыслью, по крайней мѣрѣ надолго, на многихъ житейскихъ вопросахъ, до выводовъ о которыхъ уже додумались его товарищи постарше возрастомъ. Теперь у него голова была полна самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, но не было еще времени разобраться съ ними. Съ момента приключенія съ нимъ въ бурсѣ столько пронеслось предъ нимъ новыхъ и совершенно неожиданныхъ явленій, что мысль не успѣла пока выработать никакого опредѣленнаго понятія о происшедшемъ и происходящемъ теперь предъ его глазами. Онъ случайно попалъ въ среду людей, совершенно чуждыхъ ему по состоянію, положенію, нравамъ, обычаямъ, а между тѣмъ какой подъемъ духа испытываетъ онъ теперь отъ неудержимаго натиска разнообразныхъ идей, поминутно вторгающихся въ его душу и кипятящихъ пылкое его чувство. Вотъ хоть бы эта скромная личность, Эдуардъ Ивановичъ Лампіусъ.

Нашелъ же человѣкъ себѣ дѣло, да еще какое великое и святое—очищать ближняго отъ моральной и матеріальной грязи! А эта сиротка, Клодочка, воспитанная и все время вращающаяся среди крѣпостниковъ, какое высокое чувство христіанской любви проявляетъ къ порабощенному ближнему! И какъ трудно судить о людяхъ по наружности,—упорно думаетъ Перепелкинъ.—Вонъ Бланка весь молебенъ простояла на колѣняхъ, углубившись въ молитвенникъ и ни на кого ни разу не взглянувъ, а между тѣмъ оказывается ехидной злючкой, готовой до каторги довести человѣка. Или кучеръ Ефремъ. Все крестился, вперивъ глаза на образъ, тяжко вздыхалъ, да поминутно стукался лбомъ объ полъ,—а не онъ-ли, за часъ передъ тѣмъ, окровянилъ физіономію малому и, по всей вѣроятности, за совершенные пустяки!

И что же главное въ выработкѣ человѣческихъ свойствъ—натурали, которой, можетъ быть, и не передѣлаешь, убѣжденія-ли, привитыя воспоминаніемъ, дрессировка-ли по завѣдомо опредѣленному шаблону, или совокупность случайныхъ вліяній среды, столь разнообразной по своимъ природнымъ и заимствованнымъ особенностямъ—ничего не поймешь. Не поможетъ тутъ и исторія, которой насъ учили въ бурсѣ. Что жъ тамъ? войны, да разныя дипломатическія тонкости, да изувѣрства какихъ-нибудь фанатиковъ, религіозныхъ, политическихъ, или просто сумасбродовъ да пройдохъ-сорванцовъ, или общая и безцвѣтная резюмировка сомнительныхъ фактовъ, изъ которой ничего не выжмешь въ поученіе себѣ и другимъ.

Понятно,—продолжалъ онъ все развивать свои мысли,—когда дѣйствуетъ человѣкъ подъ вліяніемъ страстей—это звѣрь со всѣми свойствами дикаго животнаго изъ породы свирѣпыхъ и, можетъ быть, ничего другаго не остается по отношенію къ субъекту такого рода, какъ только немедленно удовлетворить или обуздать его. Но, вѣдь, Бланка совершенная флегма: ѣстъ, спитъ, молитвы читаетъ, съ котятами возится, болонку чешетъ и въ то же время подкапывается подъ человѣка, мучаетъ его. Или хоть бы Степанъ Ивановичъ. Человѣкъ, повидимому, не злой, хорошій семьянинъ, какъ надо думать, набожный, и, кажется, не утратилъ еще способности чувствовать горечь собственной обиды,—а между тѣмъ поретъ себѣ преспокойно стараго и малаго, да совершенно хладнокровно плюетъ въ физіономію старухи, можетъ быть, матери, которая пришла къ начальству съ сыномъ разобраться по дѣламъ какого-нибудь щекотливаго свойства. Степанъ Ивановичъ имѣетъ, положимъ, оправданіе въ поговоркѣ: «своя рубаха ближе къ тѣлу», или въ томъ принципѣ, что всякъ часъ надо быть на чеку, потому что любая губернская свинья можетъ тебя съѣсть съ потрохами, когда только ей вздумается, даже не дожидаясь соизволенія Божія, вопреки народной поговоркѣ: «Богъ не допуститъ—свинья не съѣстъ». Но Бланка-то какъ? Вѣдь не угрожаетъ же ей подобная опасность ни откуда?

Нѣтъ, чувство справедливости не развито въ людяхъ. Вотъ о чемъ должны позаботиться пастыри церкви и педагоги,—заключаетъ свои размышленія Перепелкинъ. Это чувство справедливости съ этого времени становится его конькомъ, его idée fixe.

По поводу этого чувства, въ видѣ перваго дебюта, онъ выдерживаетъ серьезную полемику съ Александрой Андреевной, при участіи въ дебатѣ Клавдіи Дмитріевны.

Дорогой, въ каретѣ, было прочитано стихотвореніе Некрасова: «Въ дорогѣ». Въ полученной наканунѣ отъѣзда почтѣ нашелся и фельетонный разборъ его, который и пришлось читать почти вслѣдъ за стихотвореніемъ.

— Вы, кажется, не раздѣляете мнѣнія критика?—спросила Перепелкина Александра Андреевна.

— Да,—отвѣчалъ Перепелкинъ, конфузясь и краснѣя.

— То-то! и по интонаціи вашей можно замѣтить. Стихотвореніе вы прочли такъ эффектно, какъ будто давно уже вошли во вкусъ подобныхъ вещей, а фельетонъ какъ-то... какъ бы это сказать... ну, съ ужимками, нелюбовно.

— Войдти во вкусъ подобныхъ вещей давно я не могъ, потому что ничего подобнаго я никогда не читалъ; съ стихотвореніемъ же этимъ я познакомился только вчера вечеромъ и, признаюсь откровенно, оно произвело на меня сильное впечатлѣніе. Производитъ на меня впечатлѣніе

и фельетонная критика, но только другаго рода. Мнѣ такъ и представляется творецъ этой критики или человѣкомъ недалекимъ по смыслу, или безсердечнымъ педантомъ.

— Вотъ какъ вы!—перебила его генеральша.

Клодочка вспыхнула и стала про себя читать стихотвореніе.

Произошла продолжительная пауза, во время которой Александра Андреевна, слегка кусая губы, съ улыбкой и пытливо посматривала то на Перепелкина, то на Клодочку.

— Что жъ вамъ особенно нравится у Некрасова и не нравится у его критика?—спросила Александра Андреевна тономъ, не то чтобъ раздраженнымъ, какъ показалось Перепелкину, а, дѣйствительно, немного неспокойнымъ.

Перепелкинъ замялся.

— Ну, что жъ вы, Савва Петровичъ?

Перепелкинъ покраснѣлъ, но молчалъ.

— Не Петровичъ, а Саввичъ,—поправила Клодочка, тоже вспыхнувъ, какъ зарево.

— Ахъ, да! Саввичъ... теперь буду помнить,—сказала генеральша, какъ-то особенно улыбаясь.

Перепелкинъ молчалъ.

— Ну, такъ какъ же, Савва Пет..... то-бишь, Саввичъ?—поправилась она съ тою же улыбкою.

— Признаться, я затрудняюсь выразить откровенно мое мнѣніе, а скажу только, что поэтъ, отъ лица ямщика, разсказываетъ душу раздирающую исторію, а фельетонистъ, по глупости или изъ педантизма, придирается къ стихамъ, находя ихъ аляповатыми.

— А что жъ, развѣ это не правда? Вѣдь, это какая-то странная поэзія... мужицкая по содержанію и грубости стиха.

Перепелкинъ молчалъ.

Клодочка съ любопытствомъ посматривала то на Перепелкина, то на тетку.

— Ну, такъ какъ же, Савва Петр..... фу, какое трудное ваше имя! Савва Саввичъ?

— Во-первыхъ, стихъ, по-моему, не только не аляповатъ, но отличается особенной силой и вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣлу, т. е. содержанію; во-вторыхъ, стихи составляютъ только внѣшнюю форму, слѣдовательно, дѣло второстепенное, и какъ бы они ни были хороши сами по себѣ, но безъ содержанія, затрогивающаго умъ или чувство, всегда будутъ для всякаго мыслящаго человѣка пустымъ наборомъ словъ, какъ это иногда бываетъ и у знаменитыхъ писателей.

— Вотъ какъ! Ну, напримѣръ, у кого?

— Да, вотъ хоть бы у Державина, въ его превосходной одѣ «Богъ»:

Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ въ самомъ Ты основалъ.
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.

Вѣдь эти стихи, какъ бы они ни казались кому хороши, по своей структурѣ, все-таки безсодержательны, потому, что ничего не даютъ ни мысли, ни чувству.

— Вотъ какъ!—протянула Александра Андреевна: не даромъ нашъ владыка говоритъ, что Бѣлинскій развѣнчалъ Державина и своимъ свободомысліемъ, какъ онъ выражается, развратилъ юношество. Вы уже на этомъ пути, мосье Перепелкинъ,—сказала она, строго взглянувъ на Клодочку.

— Позвольте вамъ сказать,—быстро и энергично заговорилъ, задѣтый за живое, Перепелкинъ: что на путь разврата я не вступалъ и не вступлю, потому что поставилъ себѣ цѣлію самоусовершенствованіе, слѣдовательно, стремленіе ко всему истинному, доброму, разумному и высоконравственному. Въ такихъ стремленіяхъ только и можно найти поддержку у людей, подобныхъ Бѣлинскому, который честною прямотою своихъ горячихъ убѣжденій, необыкновенною талантливостью и теплотою задушевнаго своего слова даетъ толчокъ мысли и чувству именно въ томъ направленіи, чтобы содѣйствовать возвышенію, а не развращенію человѣческой природы. Развращать могутъ только лицемѣры, ханжи, которые, подъ маской благочестія и святости, нерѣдко скрываютъ массу низкихъ страстей и пороковъ. Я привелъ безсодержательные стихи изъ Державина, не ради униженія его и не съ чужаго голоса, точно также и назвалъ его оду, откуда они взяты, превосходною, по собственному убѣжденію, потому что въ ней есть мѣста, оставляющія глубое впечатлѣніе въ душѣ, чего именно и требуется отъ истинной поэзіи.

— Вотъ какъ!—опять протянула госпожа Бланквистъ, вперивъ глаза на сильно раскраснѣвшуюся Клодочку.

Наступила пауза, продолжавшаяся минутъ пять, во время которой генеральша часто перемѣняла позы и казалась какъ будто раздраженной; Клодочка же съ робкимъ любопытствомъ посматривала то на нее, то еще чаще на Перепелкина.

— Я все думаю, — прервала, наконецъ, молчаніе Александра Андреевна:—что тутъ особенно трогательнаго въ этой выдуманной Некрасовымъ и навязываемой ямщику исторіи? Я представляю себѣ какую-нибудь замарашку Акульку, недурненькую лицомъ, которую бе-

рутъ въ горницу для забавы барышни, пріучаютъ ее къ кой-чему, даже грамотѣ, даже игрѣ на фортепьяно, чтобъ было съ кѣмъ играть барышнѣ въ четыре руки. И вотъ эта Акулька, прежняя замарашка, теперь умытая, разодѣтая, отшлифованная, или выдрессированная, уже начинаетъ задирать носъ и думать о себѣ Богъ знаетъ что. Никто, конечно, этого не замѣчаетъ, да не обращали, можетъ быть, даже и вниманія на нее, пока сохранялся строй жизни, къ которому всѣ привыкли; но вотъ обычный строй жизни быстро измѣняется: барышня, для забавы которой только и требовалась Акулька, выходитъ замужъ и уѣзжаетъ изъ имѣнія; старый баринъ, для котораго теперь, а можетъ быть и всегда безразлично было, существуетъ или не существуетъ на свѣтѣ Акулька, вскорѣ послѣ того умираетъ. Пріѣзжаетъ зять, лицо новое, который сразу видитъ ворону въ павлиньихъ перьяхъ, ну, конечно, общипываетъ ее, какъ и слѣдуетъ по законамъ божескимъ и человѣческимъ, тѣмъ болѣе, что эта ворона, очень ужъ зазнавшись, не только, можетъ быть, не попадала въ тонъ барина, какъ это требовалось ея положеніемъ, но даже задавала свой, по обычаю людей низкаго званія, когда они очутятся не на своемъ мѣстѣ.

Въ послѣднихъ словахъ, сказанныхъ какъ-то неспокойно, дѣйствительно чувствовалась нотка раздраженія, задѣвшая за живое Перепелкина. Но онъ промолчалъ. Клодочка, повидимому, тоже хотѣла что-то сказать на эту тему, но только пуще прежняго раскраснѣлась и не сводила глазъ съ Перепелкина, ожидая его реплики на слова тетки, но Перепелкинъ упорно молчалъ.

— Что жъ, я вѣрно охарактеризовала вамъ Акульку-замарашку?— сказала генеральша, смѣясь, очевидно, довольная своими послѣдними словами.

— Нѣтъ, невѣрно. Я представляю себѣ, что эта замарашка-Акулька, оставаясь въ своей мужицкой средѣ и не выходя изъ сферы понятій этой среды, могла бы сдѣлаться почтенной Акулиной, быть хорошей женой добраго мужа и хорошей матерью своихъ дѣтей, слѣдовательно, по-своему быть счастливой и доставлять счастье другимъ; но насильно оторванная отъ своей среды для забавъ барышни, поднятая въ своихъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ до уровня людей образованныхъ, потомъ опять брошенная въ эту же среду, сдѣлавшуюся ей чуждой въ моральномъ отношеніи, да еще насильно выданная замужъ за нелюбимаго человѣка, вопреки сердечной склонности, которую уже она имѣла къ учителю,—эта злосчастная, не по своей винѣ, Акулька, естественно, должна была захирѣть, зачахнуть и умереть, засвидѣтельствовавъ лишній разъ о безсердечіи и душевной черствости людей высшаго званія, забывающихъ, что такъ поступать съ ближнимъ,

хотя бы это былъ и рабъ, несогласно съ ученіемъ Христа, да и вообще противно всяческимъ законамъ, божескимъ и человѣческимъ.

При послѣднихъ словахъ Перепелкина, произнесенныхъ, впрочемъ,—къ чести его надо сказать—тономъ совершенно спокойнымъ, безъ малѣйшаго задора, краска негодованія выступила на лицѣ генеральши. Чтобы скрыть ее, она быстро повернулась къ окну и засмотрѣлась на дорогу.

— Но вы забываете, Савва Саввичъ,—сказала наконецъ Клодочка, все время сочувственно смотрѣвшая на Перепелкина,—что этой мнимой Акулькѣ, воспитаніемъ ея и поднятіемъ чуть не до равенства съ господами, оказано великое и рѣдкое благодѣяніе, за которое ей и слѣдовало быть благодарной, а не подымать носъ и своевольничать, чѣмъ, очевидно, и вызвана катастрофа.

— Да откуда же это видно, что она подымала носъ и своевольничала—вѣдь это наши фантазіи? «Знать, она согрубила, аль стало тѣсно вмѣстѣ жить», эти предположенія ямщика, не даютъ повода думать ни о своеволіи, ни о заносчивости.

— Вотъ это именно есть: сочли неудобнымъ зазнавшуюся крѣпостную держать въ горницахъ, — говорила, безъ сомнѣнія, только для вида Клодочка.

— Такъ, въ такомъ случаѣ, лучше жъ было отдать ее замужъ за присватывавшагося къ ней учителя, а не подвергать ее нравственнымъ пыткамъ, насильно выдавъ ее замужъ за человѣка, съ которымъ, по степени ея умственнаго и нравственнаго развитія, ничего уже общаго у нея не могло быть.

— Сколько вамъ лѣтъ, мосье Перепелкинъ?—спросила Александра Андреевна, продолжая смотрѣть въ окно кареты.

— Мнѣ скоро будетъ 19 лѣтъ,—отвѣчалъ не безъ нѣкоторой гордости Перепелкинъ.

— Только-то! Значитъ, вы на годъ моложе Клодочки. Вотъ этою незрѣлостью и неопытностію и объясняются ваши опрометчивыя сужденія о дѣлѣ, для котораго требуется практическое пониманіе условій общественной жизни, а не теоретическое, часто ведущее людей неопытныхъ къ ложнымъ выводамъ.

Велѣно остановиться,

Это значило, что Перепелкинъ долженъ былъ пересѣсть во второй экипажъ.

Бланка очень обрадовалась этому перемѣщенію, которое, по ея мнѣнію, уже давно должно было состояться. Она полулежала въ дормезѣ, держа на рукахъ моську, противную для Перепелкина, и видомъ, и поминутною хрипотой, происходившей отъ одышки, вслѣдствіе ожирѣнія.

Освѣдомившись ломаннымъ языкомъ о томъ, что̀ новаго въ послѣдней почтѣ и что̀ вообще прочитано въ каретѣ, старая дѣва, очевидно, имѣла сильное желаніе разогнать свою скуку болтовней съ Перепелкинымъ, но предубѣжденный противъ нея и пренебрегши недавними наставленіями мосье Рагу: «быть всегда осторожнымъ съ дамами и никогда не манкировать вниманіемъ съ нимъ», онъ отвѣчалъ коротко, неохотно и даже сталъ притворяться дремлющимъ, чтобъ только отстала отъ него.

Но Бланка была не изъ такихъ особъ, которыя, разъ задумавъ что̀, скоро отказываются отъ своего намѣренія. Она кокетливо дотронулась рукой до Перепелкина и съ приторной нѣжностью сказала:

— Ви учи̑тъ мина каваритъ по-русска, а я васъ по-нѣмецка и французска.

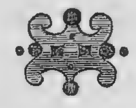
Маневръ этотъ возъимѣлъ свое дѣйствіе.

Перепелкину давно хотѣлось пріучиться къ пониманію разговорнаго языка французскаго и нѣмецкаго, которые онъ теоретически изучилъ въ бурсѣ весьма усердно.

И вотъ началось ломаніе трехъ языковъ, вызвавшее сосредоточенное вниманіе 2-й горничной, занимавшей мѣсто въ этомъ экипажѣ и удивившей Перепелкина своею переимчивостію, такъ какъ впослѣдствіи оказалось, что больше десятка словъ, выясненныхъ Бланкой въ этотъ разъ для Перепелкина, она усвоила съ полной правильной интонаціей.

Трехъ-язычная бесѣда велась такъ оживленно и съ такимъ интересомъ для Перепелкина, что предубѣжденіе его противъ Бланки, вызванное характеристикой ея Лампіусомъ, стало уступать мѣсто чувству благодарности за такое полезное для него времяпрепровожденіе, и ему даже досадно стало, когда горничная замѣтила, что въѣхали въ село Трусиху.

(Продолженіе слѣдуетъ).

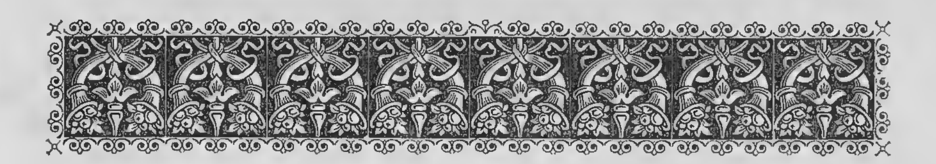
Мнѣніе Государственнаго Совѣта о мѣстѣ наказанія преступниковъ.

Высочайше утверждено 24-го января 1822 г.

Государственнаго Совѣта, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, разсматривано дѣло о наказаніяхъ за важнѣйшія преступленія.

Государственный Совѣтъ, уваживъ заключающееся въ семъ дѣлѣ обстоятельство, что одинъ преступникъ наказывается иногда въ разныхъ мѣстахъ и переводится съ мѣста на мѣсто безъ исцѣленія отъ ранъ, полагаетъ: 1) подтвердить повсемѣстно, чтобъ одинъ преступникъ былъ наказываемъ въ одномъ только мѣстѣ; 2) ежели кто учинитъ преступленія въ разныхъ уѣздахъ или городахъ, то начальники губерній должны назначать для наказанія преступника тотъ городъ, который многолюднѣе прочихъ; 3) наказанныхъ кнутомъ отправлять въ ссылку не прежде, какъ уже по совершенномъ ихъ излѣченіи и 4) изъ разныхъ злодѣевъ, участвовавшихъ вмѣстѣ во многихъ важныхъ преступленіяхъ, содѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ, опредѣлять, смотря по числу людей, каждому, или двумъ, или тремъ—особое мѣсто наказанія, т. е. многолюднѣйшее.

Московскій университетъ и князь П. В. Лопухинъ.

(Переписка кн. П. В. Лопухина съ М. М. Херасковымъ и И. П. Тургеневымъ)

17-го февраля 1799 года Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ писалъ кн. П. В. Лопухину: «Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, князь Петръ Васильевичъ! Покорнѣйшую приношу вашему сіятельству благодарность за милостивое и обязательное ко мнѣ писаніе. Принимая во всей цѣнѣ благосклоннѣйшее позволеніе представить вамъ способъ къ вящшему подтвержденію вашего ко мнѣ благорасположенія, отваживаюсь доложить вашему сіятельству о себѣ, и ласкаюсь надеждою, что просьбою моею васъ не обезпокою.

«Государю императору угодно было пожаловать меня тайнымъ совѣтникомъ и возвратить мнѣ старшинство, по которому я не только сравнялся со многими тайными совѣтниками, въ послѣдній разъ произведенными въ дѣйствительные тайные совѣтники, но и сталъ старѣе нѣкоторыхъ поступившихъ въ высшій чинъ, о чемъ уже вы извѣстны. Товарищи мои произведены, а я, считая себя также въ службѣ, остался. При томъ же и не удостоился, съ другой стороны, получить знака монаршей высочайшей милости по моему чину.

«Въ таковомъ будучи положеніи, еще разъ прибѣгаю къ покровительству вашего сіятельства и всеусерднѣйше прошу, уваживъ болѣе, нежели двадцатилѣтнее, пребываніе мое при университетѣ кураторомъ и вообще службу мою, исходатайствовать знакъ нѣкотораго отличія и милости монаршей. Сіе не можетъ быть оскорбительно моимъ товарищамъ, потому что я уже былъ кураторомъ, когда они были еще молодые люди. Но желаю и имъ вашего за нихъ предстательства, по ихъ достоинствамъ. Оказанное мнѣ заступленіе и покровительство подкрѣпитъ ослабѣвающую бодрость духа моего и подастъ мнѣ новыя силы къ прославленію мужей, отличныхъ добродѣтелями и достойныхъ жить въ

памяти людей вѣчно, каковъ есть вы; они умножили бы благодарность мою къ вашей особѣ, ежели бъ только могла уже умножена быть сердечная преданность и то высокое почтеніе, кое питаю въ душѣ моей къ особѣ вашего сіятельства.

«Вашего сіятельства, милостиваго государя, всепокорнѣйшій и послушнѣйшій слуга».

Къ этому письму авторомъ его сдѣлана приписка:

Сіяетъ кто душой, тому не есть излишны,
Сіятельствъ имена, чины и титлы пышны;
Исчезнетъ въ вѣчности и княжество и чинъ;
Но будетъ тамъ сіять дѣлами Лопухинъ.

М. Х.

10-го марта того же года князь П. В. Лопухинъ, препровождая къ Хераскову высочайшую грамоту на пожалованіе ему ордена Св. Анны 1-й степени, добавилъ, что онъ пріятною обязанностію поставляетъ принести искреннее поздравленіе съ сею высокомонаршею милостію и изъявить сердечное желаніе, дабы чаще имѣлъ случай приносить подобныя поздравленія.

Слѣдствіемъ этого пожалованія было одно письмо Хераскова государю, а другое князю Лопухину [1]).

«Всемилостивѣйшій государь императоръ!

«Удостоясь принять высочайшій вашего императорскаго величества рескриптъ и при немъ знаки ордена Святыя Анны первыя степени, осмѣливаюсь пасть къ освященнѣйшимъ стопамъ вашего императорскаго величества съ принесеніемъ живѣйшаго благодаренія. Послѣдніе дни жизни моей посвятятся въ прославленіе августѣйшаго вашего имени и въ ощущеніе высочайшихъ милостей и щедротъ».

Другое письмо на имя князя Петра Васильевича Лопухина:

«Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь! Удостоясь принять знакъ ордена Святыя Анны первой степени, при письмѣ вашей свѣтлости, и приписывая полученіе онаго милостивому вашему ходатайству, имѣю честь принести вамъ, милостивому государю, наичувствительнѣйшую благодарность. Смѣю удостовѣрить вашу свѣтлость, что никогда не забуду я вашего обязательнѣйшаго заступленіи и живо чувствовать буду во весь остатокъ дней моихъ милость вашу. При семъ приложенное на высочайшее имя благодарное письмо мое смѣю поручить благорасположенію вашей свѣтлости, и если нужно будетъ поднести оное, то всепокорнѣйше прошу оное исполнить.

«Съ истиннымъ высокопочитаніемъ, преданностію и величайшею признательностію имѣю честь быть».

---

[1]) Оба письма отъ 17-го марта.

P. S. «Осмѣливаемся всѣ вообще начальники университета всеусердно просить вашу свѣтлость о продолженіи вашего къ намъ и нашимъ подчиненнымъ покровительства. Мы несомнѣнно увѣрены, что вы благоволите быть предстателемъ у монаршаго трона за нашъ корпусъ, ибо по многимъ обстоятельствамъ потребенъ намъ надежный предстатель при лицѣ его императорскаго величества, который бы по дѣламъ нашимъ непосредственный имѣлъ доступъ ко всемилостивѣйшему государю и любя пользу, отъ наукъ проистекающую, ходатайствовалъ за нихъ и пекся объ ихъ благосостояніи, что уже вы и доказали по особливому вашему къ нимъ благорасположенію. И такъ, весь университетъ Московскій ободренъ будетъ и крайне обрадованъ, ежели удостоите воспріять на себя званіе его ходатая, къ которому бы универтетскіе кураторы въ нужныхъ случаяхъ могли имѣть прибѣжище и, получая отъ вашей свѣтлости надлежащія наставленія, единственно въ вашей протекціи со всѣмъ своимъ училищемъ состояли. На все сіе съ покорностію ожидаемъ вашего благосклоннаго отзыва».

23-го марта кн. Лопухинъ доложилъ государю благодарственное письмо Хераскова и 24-го числа отправилъ Михаилу Матвѣевичу два письма. Первымъ изъ этихъ писемъ князь сообщилъ, что его величество принялъ означенное письмо со всемилостивѣйшимъ благоволеніемъ, а во второмъ писалъ между прочимъ, что онъ всегда ставилъ и будетъ ставить себѣ честію исполнять всѣ порученія, какія относительно того сдѣлать ему будетъ угодно. Но что, въ то же время, онъ, князь Лопухинъ, считаетъ себя, довольно за сіе заплаченнымъ, если дѣйствія его въ пользу университета отнесутся къ его усердію, а не къ должности, коей на себя принять онъ и не ищетъ, и не можетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кн. Лопухинъ просилъ Хераскова удостовѣрить гг. кураторовъ въ «семъ постоянномъ его образѣ мыслей и въ истинной благодарности за довѣріе ихъ».

6-го апрѣля 1799 г. князь Лопухинъ получилъ отъ Хераскова новое письмо, отъ 31-го марта, слѣдующаго содержанія:

«Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь! Почтеннѣйшее писаніе вашей свѣтлости, изъ коего видно къ совершенному обрадованію всѣхъ чиновъ, составляющихъ университетъ, усматривается обѣщаваемое милостивое принятіе ваше споспѣшествовать пользѣ учащихъ и учащихся, налагаетъ на всѣхъ насъ пріятный долгъ благодарности, а на меня при томъ и свидѣтельствовать сію признательность съ чувствованіемъ радости и удовольствія, что симъ отъ лица всего университета и исполняю.

«Въ полномъ увѣреніи на милость вашей свѣтлости, не премину я при встрѣчающихся случаяхъ воспользоваться вашимъ дозволеніемъ и откровенно во всемъ касательно до наукъ къ вамъ относиться.

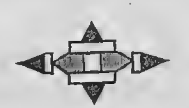
«При семъ случаѣ покорнѣйше прошу принять чувствительнѣйшую благодарность и за поднесеніе благодарительнаго письма моего государю императору. Вамъ, свѣтлѣйшій князь, долженъ я за новыя чувства радости моей о высочайшемъ ко мнѣ благоволеніи. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ, совершенною преданностію и признательностію имѣю честь быть».

Почти одновременно съ Херасковымъ, а именно 11-го марта 1799 г., къ князю Лопухину писалъ и директоръ Московскаго университета Иванъ Петровичъ Тургеневъ. «По искреннему»—говорилъ онъ—«желанію имѣть въ особѣ вашей свѣтлости предстателя Московскаго университета, и зная, что Михайла Матвѣевичъ Херасковъ принесъ къ вамъ просьбу о томъ, чтобъ вы вступиться изволили въ наше, искренно сказать, беззаступное состояніе. Ласкаюсь теперь пріятнѣйшею надеждою имѣть въ васъ милостиваго и прозорливаго ободрителя въ моихъ заботахъ. Смѣю увѣрить вашу свѣтлость, что ежели бъ вамъ угодно было взять на себя главное правленіе университета или, по крайней мѣрѣ, позволить адресоваться къ вамъ въ нуждахъ университетскихъ, то бы вдвое умножились мои старанія, мое усердіе о пользѣ какъ учащихъ, такъ и обучающагося и воспитываемаго здѣсь многочисленнаго юношества, которое требуетъ сильнаго покровителя, равно и учащіе ободрителя, который бы былъ въ состояніи возраждать и питать въ нихъ ревность и трудолюбіе, награждая добрыхъ и лишая лѣнивыхъ своей нѣжной и лестной для нихъ протекціи.

«Свѣтлѣйшій князь! не откажитесь быть истиннымъ и дѣйствительнымъ университету покровителемъ. Паче всего обрадуется моя склонность и рвеніе къ наукамъ, и я буду имѣть случай доказывать вашей свѣтлости ту искреннюю преданность, съ коею, равно какъ и съ истиннымъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть, свѣтлѣйшій князь, милостивый государь, вашей свѣтлости всепокорнѣйшій и обязаннѣйшій слуга».

Кн. Лопухинъ, письмомъ отъ 2-го апрѣля, благодаря за довѣріе, отвѣтилъ, что для него несравненно пріятнѣе, не налагая на себя званіемъ ходатая опредѣленной должности, стараться, сколько возможно, споспѣшествовать пользамъ университета изъ единаго усердія къ чести сего заведенія и изъ искренняго почитанія его къ лицамъ, онымъ управляющимъ.

Сообщилъ **Н. А. Мурзановъ.**

Отвѣтъ по поводу статьи: „Записки русскихъ женщинъ".

Съ чувствомъ искренняго соболѣзнованія прочелъ я «критическую» оцѣнку г. Бильбасова моего изданія «Записокъ» гр. В. Н. Головиной [1]): обнаруживъ много усердія и «отличной ревности» въ исправленіи корректурныхъ ошибокъ моего изданія, г. Бильбасовъ измѣняетъ флагу серьезнаго историка и совершаетъ рядъ историческихъ передержекъ, въ надеждѣ, вѣроятно, на то, что форма его «критики» побудитъ меня оставить ее безъ отвѣта, какъ сдѣлалъ это покойный Н. К. Шильдеръ [2]). Надѣвая на себя предъ читателями мантію жреца исторической истины, г. Бильбасовъ однако на столько погрѣшаетъ противъ этой истины, что я считаю своею обязанностію не оставлять читателей въ заблужденіи.

Прежде всего, г. Бильбасовъ обвиняетъ меня въ искаженіи текста «Записокъ» гр. В. Н. Головиной. Въ предисловіи къ «Запискамъ» мною подробно разсказана ихъ исторія [3]). Между прочимъ, было указано, что существуетъ нѣсколько списковъ съ «Souvenirs» Головиной и что переводъ ихъ былъ сдѣланъ мною по копіи съ одного изъ этихъ списковъ, бывшаго у меня въ рукахъ. Каждый, занимавшійся научной разработкой исторіи, знаетъ, что списки, воспроизводящіе какой-либо документъ, имѣютъ значеніе лишь по столько, по скольку они воспроизводятъ оригиналъ. Къ сожалѣнію, за 80-лѣтній промежутокъ времени, истекшій со времени смерти гр. В. Н. Головиной, ни въ печати, ни въ историческихъ кружкахъ не существовало свѣдѣній, гдѣ именно находится оригиналъ ея «Записокъ». Хотя отъ времени до времени во французской печати и появлялись отрывки изъ нихъ, но безъ имени

[1]) „Записки русскихъ женщинъ" („Русская Старина", 1904, I, 99).

[2]) Тамъ же, 1901, IV, 33—41, статью: „Иноземное преданіе объ императорѣ Александрѣ I".

[3]) „Записки графини В. Н. Головиной", Спб., 1900, I—XXI.

автора; мало того, казалось, не было надежды на то, что владѣльцы оригинала напечатали его цѣликомъ даже въ отдаленномъ будущемъ: маркизъ де-Барегаръ, печатая отрывокъ изъ «Souvenirs» Головиной въ «Revue d'histoire diplomatique» (1896, X, 360), объявилъ, что онъ связанъ предъ кѣмъ-то обѣщаніемъ не обнаруживать имени ихъ автора. Этотъ по меньшей мѣрѣ архаическій секретъ стѣснялъ лишь возможность пользоваться драгоцѣннымъ историческимъ матеріаломъ, столь необходимымъ для изученія эпохи Екатерины и Павла, а при отсутствіи оригинала провѣрить бо̀льшую или меньшую близость къ нему списка, конечно, не было возможно. Предоставляю читателямъ судить, на сколько могъ я соблюсти «безусловную точность перевода съ оригиналомъ», въ нарушеніи которой обвиняетъ меня г. Бильбасовъ, скрывая отъ читателей сказанное мною въ предисловіи. Мало того, въ моемъ предисловіи къ «Запискамъ» Головиной главною причиной появленія ихъ перевода было ясно указано мое желаніе вызвать къ жизни самый оригиналъ, пребывавшій въ таинственной неизвѣстности, такъ какъ каждый списокъ, и мой въ частности, естественно не можетъ имѣть полной научной достовѣрности. Ниже я скажу, почему я, вопреки этому правилу, вполнѣ довѣряю списку г. Бильбасова. Изъ его замѣчаній я однако съ удовольствіемъ узнаю, что копія со списка, бывшаго у меня въ рукахъ, весьма близка къ оригиналу: въ 269 страницахъ русскаго перевода «Souvenirs», за исключеніемъ мѣстъ, не напечатанныхъ по цензурнымъ условіямъ, не хватаетъ, по словамъ г. Бильбасова, одной стихотворной строчки:

«Que ton château sur toi renverse ses murailles»

и «третьяго французскаго стихотворенія», содержаніе котораго г. Бильбасовымъ не указано. Пропускъ мною этой строки и «третьяго стихотворенія» г. Бильбасовъ объясняетъ по-своему: плохимъ знаніемъ мною французскаго языка и тѣмъ, что я «утомленъ былъ трудностями перевода французскихъ стихотвореній», прибавляя, что приведенная стихотворная строчка—«дѣйствительно очень трудна». Смѣю увѣрить г. Бильбасова, что если бы указанная строчка дѣйствительно оказалась «очень трудною» для меня, какъ для него,—въ Петербургѣ, оказалось бы много знающихъ людей, къ которымъ я не затруднился бы обратиться за разрѣшеніемъ этой единственной трудности.

Остальныя два, три замѣчанія г. Бильбасова по тексту «Записокъ» свидѣтельствуютъ лишь объ ошибкахъ переписчика: «mission étrangère» вмѣсто правильнаго «missions etrangères» есть единственно важная и мѣняющая смыслъ текста. Что это была описка, доказываетъ переводъ въ единственномъ числѣ, а не во множественномъ, если бы слово это представляло трудность для переводчика, какъ, не замѣчая этого, увѣряетъ читателей г. Бильбасовъ. «Что это за иностранное

посольство»! восклицаетъ г. Бильбасовъ... «Въ подлинникѣ ни о какомъ иностранномъ посольствѣ не упоминается, и оно есть результатъ невѣжества переводчика, надѣющагося на безнаказанное извращеніе текста, еще не изданнаго и потому мало кому извѣстнаго [1]). Г. Шумигорскій, не имѣющій никакого понятія о безцѣнныхъ услугахъ, оказанныхъ иностранными миссіями христіанству и человѣчеству, обращаетъ миссіонеровъ въ посланниковъ»!

Эта прелестная по тону и самоувѣренности тирада г. Бильбасова выдаетъ его головой. Во-первыхъ, нельзя понять, какъ можно извращать текстъ еще не изданный и потому мало кому извѣстный, какъ неизвѣстенъ онъ былъ и переводчику. Г. Бильбасовъ настолько понимаетъ дѣло, что не станетъ ссылаться на разночтенія списковъ, которые безъ оригинала невсегда могутъ быть согласованы. Дѣло въ томъ, что у г. Бильбасова есть уже въ рукахъ копія съ оригинала «Souvenirs» гр. Головиной, и онъ, скрывая это отъ читателей, ломится въ открытую дверь, приберегая у себя за пазухой маленькій шансикъ на случай моихъ сомнѣній въ правильности его чтенія, а тѣмъ временемъ показывая силу критическаго своего ясновидѣнія [2]). Это умолчаніе г. Бильбасова даетъ мнѣ случай первому сообщить читателямъ, что французскій оригиналъ «Souvenirs» гр. Головиной находится въ Парижѣ во владѣніи потомка ея, графа Мнишка, который вмѣстѣ съ другимъ ея потомкомъ, гр. Лянскаронскимъ, и приготовляетъ его къ изданію, пользуясь при этомъ содѣйствіемъ графа Г. С. Строганова. Гр. Лянскаронскій, заботясь о возможной полнотѣ изданія, еще годъ тому назадъ обращался ко мнѣ за нѣкоторыми свѣдѣніями по изданію и за разрѣшеніемъ воспользоваться для него какъ примѣчаніями къ моему переводу «Записокъ», такъ и предисловіемъ къ нимъ, переведеннымъ для почтенныхъ издателей на французскій языкъ г. Пирлингомъ. Умалчивая обо всемъ этомъ, г. Бильбасовъ позволяетъ себѣ однако лишній разъ намекнуть на мою «небрежность»: «при серьезной работѣ,—говоритъ онъ,—всякій постарается основаться на подлинникѣ, который хотя съ трудомъ, но все же можетъ быть добытъ». Любопытно, однако, отмѣтить, что самъ г. Бильбасовъ написалъ первый томъ «Исторіи Екатерины II, основываясь лишь на изданіи Герцена: «Memoires de l'Impératrice Catherine II», хотя и сознавалъ, что «подлинность

[1]) Подчеркнуто нами. Е. Ш.

[2]) „Гдѣ бы однако ни былъ,—говоритъ онъ,—подлинникъ воспоминаній графини Головиной, онъ не придастъ г. Шумигорскому бо́льшаго знанія французскаго языка и не измѣнитъ его небрежнаго отношенія къ тексту. Зачѣмъ же г. Шумигорскому такъ желательно видѣть оригиналъ? Что онъ надѣется найти въ немъ, чего не было бы въ спискахъ?“

«Записокъ» можетъ быть научно обоснована лишь при непосредственномъ знакомствѣ съ рукописью» [1]). Мы не ставимъ, однако, этого въ вину г. Бильбасову, какъ никто не винилъ и Герцена, издавшаго «Записки» безъ сличенія ихъ съ недоступнымъ для него оригиналомъ. Готовящееся академическое изданіе «Записокъ» Екатерины и масса новыхъ матеріаловъ конечно заставятъ г. Бильбасова передѣлать какъ изданные имъ два тома его «Исторіи», такъ и послѣдующіе рукописные, если только они написаны.

Мы исчерпали въ сущности всѣ цѣнныя замѣчанія г. Бильбасова, потому что дальнѣйшія критическія его указанія возбуждаютъ только недоумѣніе, серьезно-ли говоритъ сей заслуженный историкъ или шутитъ съ читателями. Обращаясь къ этому переводу «Записокъ», онъ утверждаетъ прежде всего, что переводы на русскій языкъ русскихъ историческихъ мемуаровъ, писанныхъ на иностранныхъ языкахъ, совершенно излишни, такъ какъ «удовлетворяютъ только праздное любопытство, незнакомое съ иностранными языками... Г. Шумигорскій оказалъ бы услугу исторической наукѣ изданіемъ французскаго подлинника, съ котораго онъ переводилъ (!), безъ обнародованія никому ненужнаго перевода». Остается спросить г. Бильбасова, не считаетъ-ли онъ часть русскаго общества, «незнакомаго съ иностранными языками», за состоящую изъ такихъ людей, которые отнюдь не имѣютъ права интересоваться прошлымъ своей страны и народа? Или г. Бильбасовъ думаетъ, что для удовлетворенія «празднаго любопытства» этого «необразованнаго» стада нужны только переводы иностранныхъ авторовъ, преимущественно беллетристовъ? При этомъ историкъ Екатерининской эпохи для доказательства своей мысли даетъ завѣдомо ложную справку, что записки императрицы Екатерины II «изданы были безъ перевода на русскій языкъ». Издавшій ихъ А. И. Герценъ не считалъ русскаго общества, не имѣвшаго лингвистическихъ познаній, за быдло, и, почти одновременно съ появленіемъ французскаго изданія, «Записки» Екатерины появились и въ русскомъ переводѣ въ Лондонѣ [2]). Справка г. Бильбасова—завѣдомо ложная, потому что объ этомъ переводѣ упоминается въ трудахъ самого г. Бильбасова [3]).

Еще болѣе страннымъ является удивленіе г. Бильбасова, почему «Souvenirs» Головиной превратились въ моемъ переводѣ въ «Записки» Головиной. «Такое смѣшеніе воспоминаній, souvenirs, съ записками, memoires,—пишетъ г. Бильбасовъ,—могло произойти только

---

[1]) „Исторія Екатерины II", XII, ч. 2, 334.

[2]) „Записки императрицы Екатерины II". Изданіе Искандера. Переводъ съ французскаго. London. 1859.

[3]) „Исторія Екатерины II", XII, ч. 2, 333.

вслѣдствіе небрежнаго отношенія переводчика къ французскому языку, такъ какъ графиня В. Н. Головина, въ концѣ своихъ воспоминаній, категорически заявляетъ: «я пишу записки, а не воспоминанія». Уже эта цитата, сдѣланная по моему же переводу, должна была предостеречь критика. Если бы я издавалъ подлинникъ во французскомъ оригиналѣ, то, разумѣется, не счелъ бы себя въ правѣ—безъ оговорки, по крайней мѣрѣ, измѣнять заглавіе, данное Головиной своему труду только изъ скромности [1]. На самомъ же дѣлѣ, трудъ ея—есть именно «Записки», дающія въ строгомъ послѣдовательномъ разсказѣ широкую картину жизни высшаго общества ея эпохи, тѣмъ болѣе, что за Александровское время погодная запись событій въ «Запискахъ» отнюдь не носитъ характера «воспоминаній». Назвать трудъ Головиной въ русскомъ переводѣ «воспоминаніями» было бы именно свидѣтельствомъ «небрежнаго отношенія переводчика» къ родному, русскому языку, что̀, очевидно, не смутило бы г. Бильбасова, старающагося установить разницу въ терминологіи «записокъ» и «воспоминаній» тѣмъ, что, будто бы, въ «запискахъ» авторы съ должной полнотой сообщаютъ біографическія о себѣ подробности. Опровергать г. Бильбасова въ этомъ отношеніи, я считаю лишнимъ. Нѣсколькими страницами ниже, забывъ написанное, «жрецъ истины» самъ себя опровергаетъ, когда это ему нужно для нападенія на меня съ другой стороны. «Графиня Головина, говоритъ онъ, писала не записки, а воспоминанія; если она ни словомъ не вспомнила о своемъ переходѣ въ лоно католической церкви, то, конечно, имѣла на то свои основанія», т. е., по новому мнѣнію г. Бильбасова, біографическія данныя должны заключаться въ воспоминаніяхъ, а не запискахъ. Для полнаго его убѣжденія сошлемся также на его же собственную критическую статью обо мнѣ, озаглавленную: «Записки русскихъ женщинъ», и на примѣръ, для него непререкаемый, французскихъ издателей отрывковъ «Записокъ Головиной»: графа Фицтума «Catherine II d'après des memoires inédits» [2] и маркиза де-Борегара, называющаго трудъ Головиной: «Memoires d'une grande dame russe» [3].

Подчеркнувъ съ особымъ удовольствіемъ нѣсколько корректурныхъ и типографскихъ недосмотровъ въ моемъ переводѣ (въ родѣ: Брунзаль вм. Бруксаль, Mendon вм. Meudon), г. Бильбасовъ говоритъ затѣмъ о моихъ примѣчаніяхъ къ изданію. «Пока графиня Головина остается въ

---

[1] Въ моемъ „предисловіи“ было именно сказано: „Сама графиня была весьма скромнаго мнѣнія о своихъ „Запискахъ“ и не хотѣла дать имъ громкаго названія „мемуаровъ“ (XIX).

[2] Par le comte Vitzthum. Paris, 1890.

[3] „Revue d'histoire diplomatique“, X, 360.

Россіи, г. Шумигорскій снабжаетъ свой переводъ кое-какими примѣчаніями, но все же не лишними; съ переѣздомъ же Головиной за границу примѣчанія переводчика отпадаютъ совершенно, и даже Гуфеландъ, всемірно извѣстный авторъ «Макробіотики», удостоивается только отмѣтки: «Знаменитый врачъ того времени, р. 1762, ум. 1836». Какъ событія, такъ и лица проходятъ мимо г. Шумигорскаго совершенно безслѣдно, ничего не говоря ни уму, ни сердцу. Онъ ничѣмъ не интересуется, потому что ничего не знаетъ. Онъ небрежно переводитъ и оставляетъ безъ всякаго примѣчанія слѣдующее, напр., «воспоминаніе» гр. Головиной: «Въ Готѣ покойный герцогъ похороненъ, по его волѣ, въ его саду, безъ гроба, въ рубашкѣ. Его могила внутри выстлана газономъ и окружена плетнемъ, чтобы земля не коснулась его... Странныя свойства его души, своеобычная фантазія, тщеславіе, пренебрегающее истиной, которой онъ не признавалъ, даетъ представленіе о фиглярѣ, который своими фокусами не попадаетъ въ цѣль. Предметъ, который онъ хотѣлъ скрыть, открылся предъ глазами публики. Мнѣ досадно за герцога, который все же умеръ и съѣденъ червями». О комъ тутъ говорится? О чемъ тутъ идетъ рѣчь? Г. Шумигорскому, казалось бы, лучше, чѣмъ кому-либо извѣстно, что фигляровъ много на свѣтѣ, ими хоть прудъ пруди, и этого указанія никоимъ образомъ недостаточно для опредѣленія личности. Графиня Головина знала о комъ она вспоминала и о чемъ писала; переводчикъ же, г. Шумигорскій, и не догадывается, что этотъ, по словамъ гр. Головиной, фигляръ игралъ выдающуюся роль въ исторіи Германіи, его знала и высоко цѣнила Екатерина II; его уважалъ Фридрихъ II, и всѣ (sic) глубоко были опечалены, узнавъ, что 29-го марта 1804 г. умеръ герцогъ Саксенъ-Готскій Эрнстъ II. Мало того, Шумигорскій и не подозрѣваетъ, что предокъ этого «фигляра», герцогъ Эрнстъ I, переписывался съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и что русское посольство ѣздило отъ царя въ Готу. Если бы г. Шумигорскій обладалъ общимъ историческимъ образованіемъ, онъ прочелъ бы любопытныя данныя объ этомъ фиглярѣ гр. Головиной въ изслѣдованіи Трачевскаго: «Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II Фридриха II и Іосифа II».

Изъ всего этого словоизверженія г. Бильбасова я понялъ только одно, что до появленія его статьи я зналъ однимъ фигляромъ на свѣтѣ меньше. Для удовлетворенія «празднаго любопытства» русскихъ читателей я снабдилъ «Записки» Головиной, въ той ихъ части, гдѣ она касается исторіи Россіи, примѣчаніями, которыя самъ же мой критикъ признаетъ «не лишними», даже «скудными» [1]); о лицахъ же, съ которыми Голо-

---

[1]) Забавно, что нѣсколькими строками ниже г. Бильбасовъ укоряетъ меня за излишество въ примѣчаніяхъ, такъ какъ о дѣвицахъ Нарышкиныхъ я

вина сталкивалась за границей, я не считалъ нужнымъ дѣлать особыя примѣчанія безъ крайней необходимости, если они не имѣли отношенія къ Россіи, чтобы не увеличивать размѣровъ книги, хотя о всѣхъ этихъ, часто совершенно ничтожныхъ личностяхъ легко было имѣть свѣдѣнія даже изъ всевозможныхъ «Biographies», извѣстныхъ мнѣ, быть можетъ, не менѣе, чѣмъ г. Бильбасову. Г. Бильбасовъ обиженъ за Саксенъ-Готскаго герцога, что Головина назвала его фигляромъ, и ставитъ мнѣ въ вину, что я не вступилъ въ особомъ примѣчаніи въ полемику съ Головиной, чтобы оградить память герцога, котораго многіе уважали за его просвѣщенный духъ и «вольтерьянство», но многіе и порицали. То обстоятельство, что предокъ этого «фигляра» переписывался съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и что русское посольство ѣздило къ нему отъ царя въ Готу, отнюдь не имѣетъ значенія по отношенію къ самому «фигляру» и не могло заставить меня, измѣняя своему правилу, обѣлять его репутацію. При томъ, мало-ли о комъ современники, въ томъ числѣ Головина, могли создавать себѣ неправильныя представленія, и если бы я вздумалъ вступать съ Головиной въ полемику, то, быть можетъ, это многимъ показалось бы не только излишнимъ, но и неприличнымъ. Указаніе г. Бильбасова на сочиненіе Трачевскаго, являющееся въ его глазахъ авторитетнымъ, нѣсколько одностороннее: на стр. 179 этого труда г. Бильбасовъ нашелъ бы общую характеристику фюрстовъ, въ родѣ Эрнста, не совсѣмъ для нихъ лестную. Что касается до «общаго историческаго образованія», отсутствіе котораго предполагаетъ во мнѣ г. Бильбасовъ, то, хотя я и «не былъ въ Парижѣ», оно болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы предостеречь меня отъ ошибокъ, не корректурныхъ, а чисто историческихъ, встрѣчающихся въ трудахъ самого г. Бильбасова. Нашъ «жрецъ истины», мнящій себя единственнымъ на свѣтѣ спеціалистомъ по эпохѣ Екатерины, издавъ о ней въ двухъ томахъ массу не только «всероссійскихъ», но и заграничныхъ «сплетенъ» (пользуемся счастливымъ выраженіемъ самого Бильбасова),—не показываетъ твердости въ знаніи элементарныхъ историческихъ фактовъ и по этой эпохѣ. Такъ, по сообщенію «историка Екатерины II», другъ и союзникъ ея, императоръ германскій Іосифъ II былъ отцомъ своего преемника, императора Леопольда II [1]), тогда какъ по другимъ менѣе, вѣроятно, достовѣрнымъ,

---

упомянулъ, что одна изъ нихъ скончалась въ младенчествѣ, а другая—отъ чахотки. Историку екатерининскаго времени простительно не знать, что эти Нарышкины были дочери Александра I.

[1]) В. Бильбасовъ: „Историческія монографіи“, IV, 465. Чтобы г. Бильбасовъ не отрекся отъ сдѣланнаго имъ открытія, привожу его полностію. „2-го декабря 1789 года они (инсургенты) объявили Іосифа II лишеннымъ власти въ Нидерландахъ. Императоръ, уже больной, не вынесъ такого „оскорбленія“

но общепринятымъ по сіе время свѣдѣніямъ онъ былъ братомъ его. Не къ невѣжеству «жреца истины», а къ «ярому» его желанію осудить меня отношу я его удивленіе, что, говоря о крымскихъ татарахъ, я перевелъ не точное выраженіе Головиной: «nouvellement conquis» словами: «вновь присоединенные», а не «завоеванные», какъ учитъ меня г. Бильбасовъ: всякому, даже не учившемуся въ семинаріи, извѣстно, что Крымъ былъ «присоединенъ», а не «завоеванъ». О «завоеваніи» его мы, можетъ быть, узнаемъ только изъ будущихъ работъ г. Бильбасова.

Фельетонные и недобросовѣстные пріемы «критики» моего оппонента краснорѣчиво говорятъ, для чего собственно производитъ онъ сыскъ надъ русскимъ переводомъ «Записокъ» Головиной. Въ одномъ лишь мѣстѣ, въ заключительной части своей «критической» замѣтки онъ, какъ видно, задѣтъ за живое: какъ смѣлъ я въ предисловіи къ «Запискамъ» говорить о вліяніи на Головину іезуитовъ и объ обращеніи ея въ католичество? Полемическія красоты г. Бильбасова являются при этомъ въ полномъ блескѣ, такъ что невольно удивляешься, какъ только рѣшается онъ гласно требовать искаженія исторіи въ партійныхъ, хотя бы и іезуитскихъ цѣляхъ. Конечно, исторія совращенія русскихъ аристократокъ въ католичество, совершавшагося іезуитами въ концѣ XVIII въ началѣ XIX в. ad majorem Dei gloriam и для наполненія іезуитской кассы, очень печальна по своимъ подробностямъ и едва-ли, даже для г. Бильбасова, выставляетъ ихъ выгодно въ моральномъ смыслѣ; и изъ того не слѣдуетъ, что объ этомъ должно умалчивать. «Въ своихъ воспоминаніяхъ, говоритъ мой критикъ, графиня Головина ни словомъ не упоминаетъ о переходѣ своемъ въ латинство. Казалось бы, это должно было предостеречь переводчика. Графиня Головина писала не записки, а воспоминанія; если она ни словомъ не вспомнила о своемъ переходѣ въ лоно католической церкви, то, конечно, она имѣла на то свои основанія»о Вслѣдъ затѣмъ г. Бильбасовъ позволяетъ себѣ рядъ возмутительныхъ передержекъ на мой счетъ. «Она (Головина), говоритъ онъ, сознавала, что лишь немногіе способны понять «смутную тревогу чего-то жаждущей души, что большинству чужды, непонятны страдальческія исканія вѣчной истины, мученическія стремленія къ высокому, неземному идеалу, та духовная страстность, которая дается въ удѣлъ немногимъ, только избраннымъ и къ которой толпа всегда остается безучастною и нерѣдко относится съ злобнымъ осужденіемъ, забывъ божественный завѣтъ: «не судите да не судимы будете». Г. Шумигорскій не только судитъ, но и осуждаетъ». Эта чисто—іезуитская, сладкая пѣснь г. Бильбасова, какъ

п, 20-го февраля 1790 года, скончался. Леопольдъ II, наслѣдовавшій отцу, явился ярымъ его порицателемъ" (464—465).

увидитъ читатель, есть самое недобросовѣстное извращеніе моего мнѣнія о Головиной и о ея обращеніи и разсчитано только на то, что читателямъ, можетъ быть, незнакомо содержаніе моего предисловія. Вотъ выдержки изъ моего предисловія. «Графиня Головина выдѣлялась не только своею красотою, но и своимъ образованіемъ, умомъ и художественными дарованіями; мягкій и добрый характеръ, безупречная репутація, благородство въ мысляхъ и дѣйствіяхъ также рѣзко отличали гр. Головину отъ многихъ другихъ представительницъ высшаго общества ея времени. Но въ характерѣ Головиной были особенности, направившія ея дѣятельность по ложной дорогѣ: это было преобладаніе сердца надъ разсудкомъ, чрезмѣрная впечатлительность и, какъ ея послѣдствіе, восторженность чувствъ... Всѣми этими качествами Головина приближалась къ типу «прекраснодушныхъ» русскихъ женщинъ второй половины XVIII в., создававшихъ себѣ религію сердца и жаждавшихъ правды и чистой, нѣжной любви. Но сѣрая русская дѣйствительность того времени не представляла ни уму, ни сердцу, жаждавшему преклоненія, никакихъ отчетливо сложившихся дисциплинъ, въ русской жизни нужно было тогда разбираться, нужно было самому создавать себѣ какіе-либо интересы: до такой степени она была некультурна и безформенна. Къ такой работѣ неспособны были люди, которые природой и воспитаніемъ предназначены были къ жизни созерцательной; оттого, при первой крупной неудачѣ, при первой жизненной бурѣ, они стремились съ своими духовными запросами туда, гдѣ волновавшія ихъ идеи нашли уже себѣ ясное и полное отраженіе, отвѣчавшее ихъ чувствамъ, и такимъ образомъ могли содѣйствовать ихъ душевному успокоенію. Дисциплинами этими явились роялизмъ и католицизмъ, представители которыхъ, эмигранты и іезуиты, въ нашемъ офранцуженномъ обществѣ были своими людьми, находя себѣ въ немъ вторую Францію..Красотъ русскаго духа, прикрытыхъ внѣшнимъ русскимъ убожествомъ, не знали и не понимали; зато казалось вполнѣ понятнымъ воплощеніе монархической идеи въ рѣчахъ эмигрантовъ, и единеніе съ Богомъ въ сладкихъ, иногда торжественныхъ рѣчахъ іезуитовъ. Оттого болѣе воспріимчивыя, болѣе нервныя и, быть можетъ, болѣе даровитыя изъ русскихъ женщинъ высшаго общества и сдѣлались жертвами іезуитской пропаганды: онѣ слишкомъ заняты были внутреннею своею жизнію, и кристальная чистота ихъ духовнаго томленія послужила имъ лишь въ пагубу, оторвавъ ихъ отъ родной почвы. Графиня Головина была одной изъ первыхъ жертвъ, захваченныхъ іезуитами, а за ней и отчасти благодаря ея вліянію

послѣдовалъ рядъ другихъ прозелитокъ, въ томъ числѣ подруга ея, знаменитая впослѣдствіи г-жа Свѣчина; но и въ самомъ своемъ отпаденіи отъ родной вѣры онѣ явились яркимъ выраженіемъ русскаго народнаго духа, духа смиренія и самоотреченія».

Читатели сами могутъ оцѣнить теперь, какъ я «сужу» и какъ я «осуждаю» Головину и какого довѣрія заслуживаетъ г. Бильбасовъ, для котораго, очевидно, всѣ средства хороши, если достигаютъ цѣли, по іезуитскому правилу. Но я дѣйствительно «судилъ» и «осуждалъ»... Дѣятельность іезуитовъ въ Россіи, которые пользовались «кристальной чистотой духовнаго томленія» своихъ жертвъ, чтобы ихъ грабить и сдѣлать ихъ орудіемъ католической пропаганды. Это, конечно, не можетъ нравиться ни Бильбасову, ни его друзьямъ. Некрасивыя въ моральномъ смыслѣ дѣйствія членовъ ордена Іисуса въ Россіи, имѣвшія большое значеніе въ культурной жизни русскаго общества XVIII и начала XIX вѣка, нужно было, по его мнѣнію, скрыть, и г. Бильбасовъ скорбитъ, что я не умолчалъ объ обращеніи Головиной въ католичество іезуитами, хотя ея обращеніе было сигналомъ для прозелитизма многихъ другихъ русскихъ женщинъ, и домъ Головиной сдѣлался центромъ католической пропаганды въ Петербургѣ. Г. Бильбасовъ, въ недовольствѣ своемъ, не останавливается и предъ инсинуаціями въ «либеральномъ» духѣ. «Упомянувъ, говоритъ онъ, о «совращеніи русскихъ женщинъ высшаго общества», объ ихъ «отступничествѣ», г. Шумигорскій видитъ въ этомъ лишь «религіозную горячку» и отмѣчаетъ только, что онѣ «сами себя вычеркнули изъ списка русскихъ подданныхъ». Такое смѣшеніе вѣроисповѣднаго чувства съ вѣрноподданническимъ невольно напоминаетъ, что премудрость «не внидетъ въ душу злохудожну». Фраза, указанная г. Бильбасовымъ, дѣйствительно заключается въ моемъ предисловіи къ «Запискамъ», но носитъ совсѣмъ другой характеръ. Дѣло въ томъ, что прозелитки іезуитовъ, въ томъ числѣ Головина, подъ вліяніемъ духовныхъ своихъ отцовъ, переселялись обыкновенно за границу, состояніе свое тратили на указанныя іезуитами цѣли и дѣтей своихъ воспитывали въ полномъ незнаніи Россіи; дочерей онѣ обыкновенно выдавали замужъ за иностранцевъ. Связь этихъ прозелитокъ съ Россіей поддерживалась только исправнымъ полученіемъ доходовъ съ русскихъ имѣній, которыя, впрочемъ, не долго оставались въ ихъ владѣніи и продавались. Уже во второмъ поколѣніи потомство прозелитокъ были для Россіи «иностранцами» въ полномъ смыслѣ этого слова. Это послѣдствіе дѣятельности іезуитовъ и было отмѣчено мною въ предисловіи. «Мужья, — писалъ я, — въ большинствѣ случаевъ зараженные «вольтерьянствомъ», обыкновенно смотрѣли на религіозную горячку своихъ женъ

съ насмѣшливымъ равнодушіемъ, не замѣчая, что ихъ дѣти также становятся чужды своему отечеству. Такимъ образомъ много русскихъ аристократическихъ семействъ сами себя вычеркнули изъ списка русскихъ подданныхъ». То, что сказано было о «семействахъ», «фамиліяхъ» нашихъ прозелитокъ, г. Бильбасовъ относитъ къ нимъ самимъ, но стоитъ-ли ему останавливаться предъ такими пустяками?

Г. Бильбасовъ, желая какъ-либо подорвать сообщаемыя мною въ предисловіи свѣдѣнія объ іезуитахъ, говоритъ, между прочимъ, что мнѣ чуждо точное употребленіе слова «іезуитъ», какъ наименованіе членовъ общества Іисуса. «Г. Шумигорскому, говоритъ онъ, необходимо напомнить, что члены общества Іисуса, какъ католическаго ордена, всѣ суть католики, но далеко не всѣ католики суть члены общества Іисуса, суть іезуиты»; графъ Фаллу и шевелье д'Огардъ, которыхъ я называю іезуитами, не были, по указанію г. Бильбасова, членами ордена іезуитовъ. Мнѣ также приходится напомнить г. Бильбасову, что въ іезуитскомъ орденѣ, какъ должно быть ему извѣстно, кромѣ явныхъ, были и тайные члены, которые по своему общественному положенію не могли гласно объявить о принадлежности своей къ ордену и тѣмъ удобнѣе и легче содѣйствовали ему на поприщѣ общественной дѣятельности втихомолку, тайкомъ, что̀ и оговорено было въ предисловіи: «были,—писалъ я,—іезуиты скрытые, еще не обнаружившіе своихъ цѣлей и принадлежности къ обществу Іисуса», въ числѣ ихъ былъ іезуитъ д'Огардъ, «подъ личиною веселаго свѣтскаго болтуна умѣвшій вывѣдывать почву и заручиться расположеніемъ вліятельныхъ лицъ». «Честь распространенія католицизма среди русскаго общества,—говоритъ сама Свѣчина,—принадлежитъ шевалье д'Огарду» [1]). Тотъ же д'Огардъ способствовалъ расхищенію императорской публичной библіотеки въ Петербургѣ, по свидѣтельству Антоновскаго. Фаллу же былъ министромъ народнаго просвѣщенія во Франціи. «При немъ, говоритъ г. Бильбасовъ, изданъ былъ знаменитый законъ о свободѣ обученія (sur la liberté de l'enseignement, поясняетъ по-французски для бо̀льшаго, должно быть, впечатлѣнія г. Бильбасовъ) и, безъ сомнѣнія, для общества Іисуса было бы большою честію считать его въ числѣ своихъ членовъ, но онъ имъ никогда не былъ». Г. Бильбасовъ говоритъ это такъ увѣренно, что точные списки іезуитовъ, вѣроятно, ему извѣстны, но ему трудно вѣрить и въ данномъ случаѣ, такъ какъ и здѣсь онъ позволяетъ себѣ передержку въ надеждѣ на незнакомство съ дѣломъ русскихъ читателей, для удовлетворенія «празднаго любопытства» которыхъ написалъ онъ

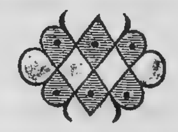
---

[1]) Falloux: „Madame Swetchine" etc., I, 30: „L'honneur de l'introduction du catholicisme parmi les Russes est dû au chevallier d'Augard".

статью о моихъ прегрѣшеніяхъ. Законъ о свободѣ обученія (sur la liberté de l'enseignement), изданный Фаллу и выдвигаемый въ его защиту противъ меня г. Бильбасовымъ, вовсе не былъ «либеральнымъ» актомъ французскаго правительства, на что̀, очевидно, желаетъ намекнуть г. Бильбасовъ, а изданъ былъ въ пользу религіозныхъ конгрегацій, въ томъ числѣ и ордена іезуитовъ, дѣятельность которыхъ на поприщѣ воспитанія и обученія стѣснена была ранѣе господствомъ антиклерикальныхъ тенденцій въ законодательствѣ. Вотъ на какой свободѣ (la liberté) уловляетъ читателей нашъ жрецъ истины! Стоитъ прочитать самого Фаллу, описавшаго пребываніе Свѣчиной въ католичествѣ, чтобы увидѣть, насколько сочувствовалъ онъ іезуитамъ и ихъ дѣятельности [1]).

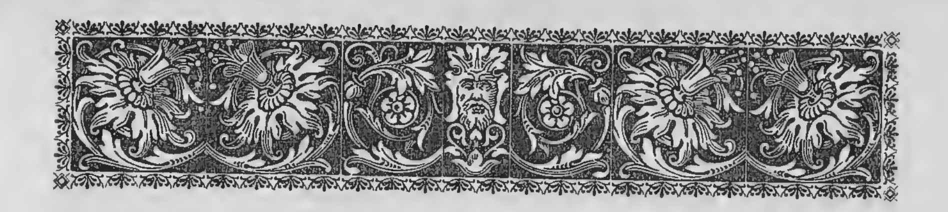
Но довольно! Закончимъ нашъ отвѣтъ «историку Екатерины II» отвѣтомъ великой государыни ея журнальному противнику: «Отдавая его публикѣ на судъ, мы совѣтуемъ ему лѣчиться, дабы черные пары и желчь не оказывались даже и на бумагѣ, до которой онъ дотрогивается».

Евгеній Шумигорскій.

---

[1]) Г. Бильбасовъ утверждаетъ при этомъ, что цитаты изъ изданія Фаллу заимствую «всегда» изъ др. авторовъ. Это утвержденіе свидѣтельствуетъ или о плохомъ знакомствѣ его съ русской исторической литературой, или о новой, сознательной его инсинуаціи. Между тѣмъ, самъ онъ цитуетъ «Vie de m-me Swetchine»; на самомъ же дѣлѣ изданіе Фаллу носитъ слѣдующее заглавіе: «Madame Swetchicn. Sa vie et ses oeuvres».

Письма С. П. Шевырева — К. С. Сербиновичу и князю П. А. Ширинскому-Шихматову.

1.

Письмо С. Шевырева—Конст. Степ. Сербиновичу.

26-го апрѣля 1850 г. Москва.

Примите, ваше превосходительство, мою новую книгу: «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь», съ тѣмъ же дружелюбнымъ вниманіемъ, съ какимъ принимали вы прежніе труды мои. Надѣюсь, что журналъ вашъ [1]), мнѣніе котораго для меня всегда лестно, скажетъ слово и объ этой книгѣ, одушевленной стремленіемъ узнавать наше отечество и любовью къ нему.

Въ іюльской книжкѣ вашего журнала сказано было, что я не нашелъ надобности обращаться къ греческому подлиннику, разбирая переводъ «Одиссеи» В. А. Жуковскаго. Надобность эту я признаю совершенно въ будущемъ окончаніи моего разбора. Естественно и кажется приличнѣе сначала указать на красоты и достоинства перевода, нежели на недостатки. Главная мысль того разбора, который встрѣтилъ сильное сочувствіе въ вашемъ журналѣ, взята изъ примѣчаній къ моимъ же лекціямъ Исторіи словесности [2]), но безъ упоминанія объ источникѣ, откуда взята она по обычаю времени. Но прибавлю къ тому, что она доведена до крайности, какъ всегда поступаютъ заимствователи. Я еще надѣюсь докончить свой трудъ надъ «Одиссеей» Жу-

---

[1]) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, редакторомъ котораго былъ К. С. Сербиновичъ.

[2]) 1-й выпускъ; во 2-й лекціи 21 и 22 прим.

ковскаго и сказать свое мнѣніе о напечатанныхъ разборахъ. Журналы петербургскіе спѣшатъ болѣе обнаружить недостатки перевода и свои познанія въ греческомъ языкѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ обнаруживаютъ свое безвкусіе, выставляя даже образчики новыхъ опытовъ перевода чуждыхъ всякаго достоинства, и съ тѣмъ вмѣстѣ объявляли требованія, неразумныя относительно народности языка, которыя «Библіотека для чтенія» довела до уродливой крайности.

Приношу вамъ мое душевное поздравленіе съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова и желаю вамъ благъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Съ чувствами искренняго уваженія и постоянной преданности имѣю честь быть и проч.

2.

Письмо С. Шевырева—князю П. А. Ширинскому-Шихматову.

14-го ноября 1851 г. Москва.

По приказанію вашего сіятельства, имѣю честь препроводить къ вамъ мои двѣ первыя вступительныя лекціи въ педагогію, равно и третью о цѣли воспитанія, которую я имѣлъ счастіе читать въ присутствіи вашемъ. Если онѣ заслужатъ благосклонное вниманіе и одобреніе ваше, то мнѣ лестно будетъ видѣть ихъ напечатанными въ Журналѣ министерства. Прошу покорнѣйше ваше сіятельство великодушно извинить меня въ томъ, что замедлилъ доставленіемъ: причиною была многосложность моихъ занятій.

Съ живѣйшимъ и радостнымъ чувствомъ благоговѣйной преданности принялъ я отъ его превосходительства г. попечителя бриллiантовый перстень, пожалованный мнѣ государынею императрицею за мою книгу: «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь». Благодарно и глубоко чувствую, что ходатайству вашему я обязанъ этимъ всемилостивѣйшимъ знакомъ высочайшаго ея императорскаго величества вниманія къ труду моему.

Новое дѣло по каѳедрѣ педагогіи, на меня возложенное волею непосредственнаго моего начальника, съ обѣщаніемъ мнѣ полнаго оклада жалованья, поглощаетъ у меня силы, труды и все мое свободное время. Примѣрные уроки съ учениками уѣздныхъ училищъ, съ разрѣшенія вашего сіятельства, устроены и идутъ успѣшно. Работаю подкрѣпленный до сихъ поръ однимъ чувствомъ пользы, какую могу принести ввѣренному мнѣ юношеству. Позвольте мнѣ надѣяться, ваше сіятельство, что вы благоволите, согласно обѣщанію вашему, неукоснительно подкрѣпить меня въ этихъ новыхъ трудахъ и новыми средствами, въ ко-

торыхъ нуждаюсь я не только для воспитанія собственныхъ дѣтей моихъ, но и для самой каѳедры.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и совершенной преданности имѣю честь быть [1]) и проч.

3.

Письмо С. Шевырева—Конст. Степ. Сербиновичу.

10-го февраля 1852 г. Москва.

Письмо вашего превосходительства я имѣлъ честь получить нѣсколько дней тому назадъ, а сегодня пришли оттиски моихъ лекцій. Примите за все чувства моей сердечной признательности. Ваше доброе слово о трудахъ моихъ для меня очень, очень утѣшительно. Ваша усердная заботливость объ исправности текста обязываетъ двоякою благодарностію. Перемѣну, совершенную княземъ Плат. Александр. [2]), пріемлю покорно, но позволю сказать одно. Слово: народъ при демократической заразѣ Запада сдѣлалось у насъ какъ-то страшно. Но я привыкъ при эпитетѣ—русскій народъ—чувствовать какое-то спокойствіе не только у себя въ отечествѣ, но даже и во всей Европѣ, потому что съ именемъ русскаго народа соединяю нераздѣльныя два понятія о безусловной покорности церкви и о такой же преданности и послушаніи государю. Что касается до другихъ народовъ, правда, что они запятнали себя—какимъ-то ужаснымъ, чудовищнымъ стремленіемъ къ народовластію, и потому можно бы было замѣнить ихъ государствами. Но во всякомъ случаѣ, невозможно же удалить ихъ отъ участія въ нашемъ воспитаніи съ тѣхъ поръ, какъ самодержавная воля Петра Великаго насъ связала съ ними. Можемъ ли мы въ наукѣ и даже въ обществѣ сдѣлать хотя шагъ безъ этого вліянія?—Желательно бы мнѣ было въ слѣдующей лекціи удержать этихъ дѣятелей, но съ тѣми измѣненіями, которыя я имѣлъ честь объяснить вамъ.

Къ письму я присоединяю тѣ измѣненія, какія, согласно совѣтамъ вашимъ и замѣчаніямъ, я счелъ за нужное сдѣлать. Я удалилъ отъ себя вопросъ богословскій и, не разсуждая о составныхъ частяхъ существа человѣческаго, принимаю тѣло, душу и духъ только, какъ данныя для воспитанія.

Часть антропологическая у меня разработана довольно подробно;

---

[1]) На письмѣ написано карандашемъ рукою Ширинскаго-Шихматова: «На разсмотрѣніе К. С. Сербиновича съ тѣмъ, чтобы онъ доложилъ мнѣ о содержаніи этихъ лекцій и о пользѣ напечатанія оныхъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія».

[2]) Ширинскимъ-Шихматовымъ.

теперь тружусь надъ историческою, которая мнѣ знакомѣе; затѣмъ послѣдуетъ практическая. Два года труда, надѣюсь, дадутъ мнѣ возможность представить науку въ достаточной полнотѣ. Желалъ бы, признаюсь искренно, бо́льшей поддержки отъ моихъ начальниковъ. Одна библіотека по этому предмету мнѣ стоитъ въ нынѣшнемъ году болѣе трехсотъ р. серебромъ. Кромѣ того, я оставилъ на время всѣ прочіе труды и разстроилъ свои финансы. Г. попечитель обѣщалъ мнѣ исходатайствовать полный окладъ. Г. министръ благосклонно подтвердилъ обѣщаніе. Надѣюсь на ихъ общее слово. А между тѣмъ дѣти ростутъ и требуютъ средствъ для воспитанія. Плодъ новыхъ трудовъ я назначилъ для этой цѣли—и до сихъ поръ живу только надеждою. Между тѣмъ у меня на совѣсти продолженіе прежняго труда—Исторіи русской словесности. На все бы достало и силъ и бодрости духа, если бы было ободреніе, если бы силы подкрѣпляемы были помощію. Молитва, чувство долга, польза юношей—вотъ, что подкрѣпляетъ, вотъ, что даетъ силы, а безъ этого, право бы, изнемогъ. Ваше доброе желаніе въ концѣ письма я принялъ съ теплымъ чувствомъ благодарности. Сочувствіе, какъ ваше, сладко и живительно сердцу.

Примите чувства моего глубочайшаго уваженія и душевной преданности, съ которыми имѣю честь быть и проч.

4.

Письмо С. Шевырева—Конст. Степ. Сербиновичу

11-го марта 1852 г. Москва.

Примите, ваше превосходительство, мою искреннюю благодарность за присылку корректуры моей лекціи и за ваше обязательное письмо. Извините, что опоздалъ отвѣтомъ; но виноватъ не я. Только вчера отдали мнѣ письмо ваше въ правленіи. Въ другой разъ прошу васъ покорнѣйше адресовать ко мнѣ прямо, въ домъ мой, и съ этою цѣлію прилагаю адресъ.

Относительно перемѣнъ покоряюсь имъ, тѣмъ болѣе, что въ сущности остаются тѣ же мысли.

«Не безъ участія иноземнаго» будетъ двусмысленно: подумаютъ языка согласно со смысломъ предъидущаго, а потому если нельзя поставить: «не безъ участія иныхъ государствъ въ томъ» и проч., то уже переставить слова: «не безъ иноземнаго участія», хотя иноземное участіе, признаюсь, по-русски будетъ не хорошо.

Что касается до заключенія, то да остается такъ, какъ поправлено. Остерегаюсь слова: одухотворенный, хотя признаю въ немъ правильность

мысли, остерегаюсь потому, что не встрѣчаю его ни въ свяш. писаніи, ни въ переводахъ отцовъ. Желалъ бы такъ поставить: душа въ ея духовномъ возрожденіи — храмъ Божественнаго Духа, а впрочемъ все предоставляю вамъ и вашему благоусмотрѣнію.

Какъ только улучу досугъ, по окончаніи академическаго года, постараюсь обработать еще нѣкоторыя лекціи и доставить вамъ.

Примите мою душевную благодарность за участіе ваше въ дѣлѣ, которое касается моихъ личныхъ интересовъ. Надѣюсь, что князь Платонъ Александровичъ сдержитъ свое слово. Думаю, что и попечитель уже послалъ представленіе, какъ обѣщалъ мнѣ. Ожидаю счастливаго исхода дѣлу и полагаюсь на ихъ общія обѣщанія.

Потеря Гоголя вдвойнѣ для меня чувствительна. Кромѣ общей, я въ немъ оплакиваю и личную потерю, ибо онъ былъ мнѣ близокъ. Увы! сожженіе всѣхъ послѣднихъ слѣдовъ его литературной дѣятельности оказывается вѣрнымъ. Въ «Москвитянинѣ» вы прочтете подробности. По истеченіи шести недѣль, узнаемъ всю правду. Семь главъ втораго тома онъ мнѣ читалъ: это утрата, долго незамѣнимая въ нашей словесности.

Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ моею покорнѣйшею просьбою. Поступленіе въ продажу изданныхъ нами публичныхъ лекцій зависитъ отъ разрѣшенія г. министра на напечатаніе послѣдней заключительной страницы, которое профессоръ Рулье послѣ завтра отправитъ черезъ наше начальство въ Петербургъ. Я увѣренъ, что князь Платонъ Александровичъ не замедлитъ своимъ разрѣшеніемъ; но случаются замедленія въ канцеляріи касательно отправки. Покорнѣйшая просьба моя и моихъ товарищей къ вамъ состоитъ въ томъ, чтобы вы благоволили содѣйствіемъ вашимъ ускорить отсылку желаннаго разрѣшенія, какъ только оно дано будетъ министромъ. Замедленіе въ продажѣ лекцій вводитъ насъ въ большіе убытки. Требованія книгопродавцевъ безпрерывныя; но мы строго и нерушимо исполняемъ приказаніе начальства.

Съ чувствами искренняго уваженія, душевной преданности и признательности къ вашему участію, имѣю честь быть и проч.

5.

Письмо С. Шевырева—Конст. Степ. Сербиновичу.

10-го іюня 1852 г. Москва.

Позвольте мнѣ, во-первыхъ, принести вашему превосходительству искреннюю благодарность за оттиски моихъ лекцій изъ педагогіи, за столь исправное и заботливое ихъ напечатаніе и за экземпляръ драго-

цѣннаго письма о послѣднихъ дняхъ жизни незабвеннаго В. А. Жуковскаго; во-вторыхъ, извиниться и оправдаться передъ вами въ томъ, почему я до сихъ поръ не могъ исполнить даннаго мною обѣщанія о присылкѣ продолженія педагогическихъ чтеній.

Лишь только я заключилъ послѣднюю лекцію истекшаго академическаго года, какъ въ тотъ же самый день напала на меня лихорадка, та же самая, которую я испыталъ осенью прошлаго года, при началѣ академическаго года. Я долженъ былъ выдержать три пароксизма. Недѣля отдыха между концомъ лекцій и началомъ экзаменовъ пошла у меня на болѣзнь. Не успѣлъ оправиться, какъ начались экзамены, страдная пора университетскихъ декановъ. Своихъ экзаменовъ 7. Чтеніе кандидатскихъ диссертацій и студенческихъ работъ за годъ отнимало свободное время, а силъ было и безъ того немного. Изнеможеніе отъ трудовъ было причиною того, что лихорадка опять возвратилась и задала еще 2 пароксизма. Извините великодушно, что васъ занимаю такими подробностями, но позволяю себѣ ихъ только съ цѣлью оправдаться.

Въ это же самое время выздоровленія и экзаменовъ свободные часы долженъ я былъ посвятить разбору бумагъ, оставшихся послѣ покойнаго Н. В. Гоголя. Нашлись: весьма замѣчательная его внутренняя автобіографія; какъ автора: дополненіе къ его перепискѣ съ друзьями; размышленія о Божественной литургіи, теплыя, чистыя, умилительныя, обнаруживающія его христіанскій духъ и его преданность церкви и государю; пять черновыхъ тетрадей 2-го тома «Мертвыхъ Душъ», забытыя имъ, вѣроятно,—печальный остатокъ, уцѣлѣвшій нечаянно отъ ауто-дафе́. Все это требуетъ разбора, редакціи, переписки. Могу сдѣлать это только я самъ.—Жду свободныхъ совершенно минутъ для этого дѣла.

Изнемогъ я отъ всѣхъ трудовъ прошлаго академическаго года. Педагогія досталась мнѣ не даромъ. Я поставилъ новую каѳедру. Работалъ съ усердіемъ самъ. Одушевлялъ студентовъ къ труду. Еще годъ работы—и наука была бы поставлена въ той полнотѣ, какъ я предполагалъ ее. Но не знаю, смогу-ли это сдѣлать. Обѣщанія моихъ начальниковъ до сихъ поръ не исполняются. Заботясь о воспитаніи другихъ, самъ нуждаюсь въ средствахъ для воспитанія моихъ дѣтей и долженъ о нихъ позаботиться. Можетъ быть, труды мои не достойны поощренія. Въ такомъ случаѣ, лучше обратить ихъ на другое.

Мнѣ нуженъ отдыхъ. Надобно освѣжить и укрѣпить силы. Хочется согласить отдыхъ съ дѣломъ по сердцу: навѣстить печальное семейство Н. В. Гоголя. Собираюсь въ Полтаву. Средствъ не было. Но кстати получилъ на-дняхъ изъ департамента требованіе 200 экз. «Поѣздки» [1])

[1]) Поѣздки въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

и обѣщаніе 400 р. сер. денегъ. Душевно благодарю князя П. А. [1]) за то, что онъ вспомнилъ свое обѣщаніе и даетъ мнѣ средство къ совершенію задуманнаго дѣла. Но вотъ и къ вамъ моя покорнѣйшая просьба. Сдѣлайте милость, по доброму расположенію вашему ко мнѣ, поторопите изъ департамента высылку ко мнѣ денегъ. Въ бумагѣ обѣщаютъ прислать ихъ тотчасъ по полученіи экземпляровъ. Они отправляются сегодня по желѣзной дорогѣ. Собираюсь ѣхать въ концѣ іюня. Хорошо бы было получить мнѣ деньги до отъѣзда. Обѣщаніе, мною вамъ данное, во всякомъ случаѣ будетъ исполнено, хотя и позднѣе.

Примите чувства моего глубочайшаго уваженія и искренней преданности, съ которыми честь имѣю быть и проч.

6.

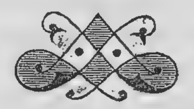
Письмо С. Шевырева—К. С. Сербиновичу.

12-го марта 1856 г. Москва.

Примите, ваше превосходительство, выраженіе моей глубочайшей признательности за драгоцѣнный даръ вашъ—экземпляръ извлеченія изъ вашего отчета по вѣдомству духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія. Гостинецъ этотъ былъ для меня тѣмъ пріятнѣе, что напомнилъ мнѣ благосклонное ко мнѣ расположеніе покойнаго графа Николая Александровича. Чтеніе отчета было для меня по-прежнему назидательно и утѣшительно: доброе насажденіе, какъ видно, преуспѣваетъ. Желаю душевно, чтобы Богъ послалъ вамъ силъ для продолженія дѣла, которое Ему угодно.

Мы въ Москвѣ провели недѣлю историческую, встрѣчая и угощая черноморскихъ защитниковъ Севастополя. Описаніе этихъ праздниковъ выйдетъ особою книжкою, которую я постараюсь вамъ доставить.

Съ чувствами глубочайшаго почтенія и душевной преданности имѣю честь быть и проч.

---

[1]) Князя Платона Александровича Ширинскаго-Шихматова.

О перевезеніи тѣла кн. Понятовскаго въ Варшаву.

I.

Отношеніе графа Аракчеева генералъ-губернатору герцогства Варшавскаго Ланскому.

9-го декабря 1813 г., № 30, Франкфуртъ-на-Майнѣ.

По всеподданнѣйшему докладу моему доставленнаго при отношеніи вашего высокопревосходительства, отъ 29-го октября № 13, прошенія президента города Варшавы Венгржецкаго, о позволеніи привезти въ Варшаву тѣло князя Понятовскаго, для приличнаго погребенія, его императорское величество высочайше повелѣть изволилъ сообщить вамъ, что желаніе сіе безъ цѣли; ибо не вмѣстно воздавать почести человѣку, бывшему единственною причиною всѣхъ золъ, коимъ подверглись области, составляющія герцогство. Благомыслящіе поляки сами согласятся, что есть-ли бы не было князя Понятовскаго, мечтанія коего привлекли на свою сторону легковѣрные умы, то жители не испытали бы на себѣ участи, распространившей повсемѣстно бѣдность и разореніе между ими.

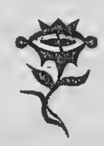
Сообщая вашему высокопревосходительству сію высочайшую волю, для объявленія оной президенту Венгржецкому, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

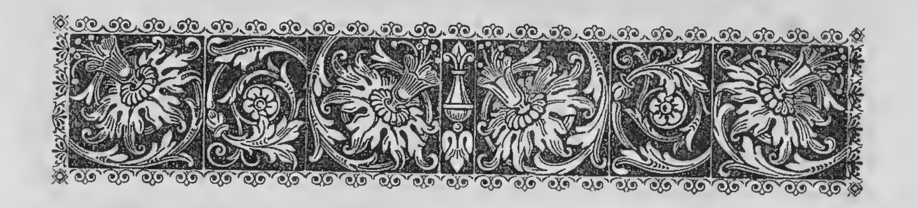
II.

Высочайшее повелѣніе саксонскому генералъ-губернатору, г. генералъ-адъютанту князю Рѣпнину.

12-го мая 1814 г. № 10. Парижъ.

Тѣло покойнаго князя Понятовскаго, командовавшаго польскою арміею, преданное землѣ послѣ Лейпцигской битвы, повелѣваю отдать польскимъ войскамъ, возвращающимся изъ Франціи въ свое отечество для погребенія онаго съ приличною почестію въ Варшавѣ.

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

XIX [1]).

Дѣятельность главнаго управленія цензуры.—Сборникъ русскихъ пословицъ В. И. Даля.—Вопросъ объ изданіи сочиненій Н. В. Гоголя.—Такса для извозчиковъ.—Лѣтопись полковника Грабянки.—Патріотическія стихотворенія во время Восточной войны.

Обращаясь къ собственной, непосредственной дѣятельности главнаго управленія цензуры и самого министра Норова, слѣдуетъ замѣтить, что въ теченіе всего этого періода продолжалась дѣятельность учрежденныхъ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ, просматривавшихъ книги и журналы. Какъ и въ предыдущій періодъ, они не переставали подавать министру обширные и многочисленные рапорты обо всемъ противуцензурномъ, найденномъ ими въ произведеніяхъ печати, предупреждая и сокращая тѣмъ замѣчанія Комитета 2-го апрѣля, такъ что и во время министерства Норова если не всѣ, то большинство замѣчаній и взысканій по цензурному вѣдомству со стороны министра совершились вслѣдствіе указаній этихъ чиновниковъ.

Въ концѣ 1853 года академики: протоіерей Кочетовъ и Востоковъ дали неблагопріятный отзывъ о Сборникѣ русскихъ пословицъ, состав-

[1]) См. „Русскую Старину" январь 1904 г.

ленномъ Далемъ. Изъ нихъ первый говорилъ, что трудъ Даля есть трудъ огромный, но чуждый выбора и порядка; въ немъ есть мѣста, способныя оскорбить религіозное чувство читателей; есть изреченія, опасныя для нравственности народной; есть, наконецъ, мѣста, возбуждающія сомнѣніе и недовѣріе къ точности ихъ изложенія. Вообще о достоинствѣ сборника Даля можно отозваться пословицею: «въ немъ бочка меду, да ложка дегтю; куль муки, да щепотка мышьяку». Въ заключеніе же пространнаго своего разбора, Кочетовъ говорилъ, что трудъ Даля достоинъ признательности; недостатокъ разборчивости его, при помѣщеніи матеріаловъ въ свой сборникъ, достоинъ сожалѣнія. Можно пожелать, чтобы Даль, для чести своей и для пользы народной, тщательно вновь пересмотрѣлъ свой сборникъ, разсортировалъ всѣ его матеріалы, расположилъ ихъ въ систематическомъ порядкѣ, и издалъ по матеріямъ, во многихъ книгахъ и книжкахъ, подъ приличными заглавіями. Академія же наукъ въ настоящемъ видѣ этого сборника издать не имѣетъ ни возможности, ни приличія, ни даже безопасности. Академикъ Востоковъ съ своей стороны изложилъ, что Далемъ помѣщены въ его сборникѣ не только пословицы, но и поговорки, загадки, клятвы, примѣты и даже разные обороты словъ, употребляемые въ рѣчи народной, напримѣръ «Отгадай, въ которомъ ухѣ звенитъ; прокричать уши; съ позволенія сказать; не вѣдь что; вотъ еще!, ночь на дворѣ, зги не видать; ни свѣтъ ни заря». Нѣкоторыя пословицы, по мнѣнію Даля, имѣютъ историческое значеніе (напримѣръ «Ананьинъ внукъ ѣдетъ изъ Великихъ Лукъ»,—«лиса Патрикѣевна»)—что ничѣмъ доказано быть не можетъ. Далѣе Востоковъ полагалъ, что не прилично помѣщать, въ числѣ пословицъ, изреченія Св. Писанія (напримѣръ «Ищай обрящетъ а толкущему отверзется; ищите и обрящете, толцыте и отверзется; Азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавидитъ васъ міръ; помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его; блаженъ человѣкъ, иже и скоты милуетъ»); неприличными также находилъ онъ поговорки: «Бултыхъ яко прославился» (семинарская) и: «Не дивья Богородица, коли сынъ Христосъ». Слѣдующія поговорки не пахнутъ русскимъ: «Египетъ богатъ пшеномъ, Италія виномъ», «въ углу палка стоитъ, оттого на дворѣ дождь», «онъ не въ своей тарелкѣ». Сверхъ того Даль разсудилъ включить въ число пословицъ выписки изъ русскихъ писателей новѣйшаго времени (изреченія Суворова: «Служить такъ не картавить, а картавить такъ не служить; политика—тухлое яйцо, неосторожно разобьешь, такъ одна только вонь; пуля дура, штыкъ молодецъ; пукля не пуля, коса не тесакъ»; Крылова: «А ларчикъ просто открывался»; Грибоѣдова: «Служить бы радъ, прислуживаться тошно»; Измайлова: «Павлушка мѣдный лобъ»—(намекъ на Павла Свиньина). «Этотъ

сборникъ, писалъ еще Востоковъ, расположенъ не по азбучному порядку, какъ прежніе таковые сборники, а по матеріямъ. Нѣкоторыя пословицы помѣщены по нѣскольку разъ въ разныхъ мѣстахъ, потому что онѣ принадлежатъ по значенію своему, къ тому и другому отдѣлу, и даже въ одномъ отдѣлѣ встрѣчаются повторенія одной и той же пословицы, что́ произошло отъ недосмотра. Вообще собирателю надлежало бы пересмотрѣть и тщательнѣе обработать свой трудъ, который конечно содержитъ въ себѣ весьма много хорошаго».

Представляя 6-го ноября 1853 года эти мнѣнія великому князю Константину Николаевичу, по инициативѣ котораго и возникло дѣло о напечатаніи труда Даля на счетъ Академіи наукъ, Норовъ присовокупилъ, что, основываясь на отзывахъ двухъ академиковъ, цензурнаго комитета и петербургскаго попечителя, онъ, съ своей стороны, полагалъ бы полезнымъ, если бы Даль счелъ возможнымъ сдѣлать въ своемъ важномъ собраніи измѣненія и исправленія, соотвѣтствующія цензурнымъ требованіямъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ писалъ вслѣдъ затѣмъ Норову, 17-го декабря 1853 года: «Желая извлечь изъ огромнаго труда Даля всевозможную пользу, я передалъ оный статсъ-секретарю барону Корфу, который, по разсмотрѣніи онаго, увѣдомилъ меня, что главное достоинство этого сборника заключается именно въ полнотѣ его; что онъ составляетъ «драгоцѣнный небывалый запасъ къ изученію отечественнаго слова, отечественной жизни, народной мудрости и, вмѣстѣ, народныхъ предразсудковъ и суевѣрій»; что сборникъ этотъ, оставаясь въ одномъ рукописномъ экземплярѣ, легко можетъ быть утраченъ, а посему было бы весьма полезно напечатать его, не для обращенія въ народѣ, но въ видѣ манускрипта, въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, безъ всякихъ однако же пропусковъ, для храненія въ главныхъ библіотекахъ и сообщенія извѣстнымъ ученымъ».

На это Норовъ отвѣчалъ великому князю, 19-го декабря 1853 года, что онъ не находитъ препятствія войти съ докладомъ къ государю о дозволеніи напечатать въ видѣ манускрипта, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, собраніе пословицъ Даля, и раздѣляетъ мнѣніе барона Корфа, но только не во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣкоторое число вредныхъ пословицъ раскольниковъ или же оскорбительныхъ для святыни, и опасныхъ въ видахъ правительственныхъ, онъ, Норовъ, полагаетъ, во всякомъ случаѣ, подлежащими исключенію. Собственно для пользы любопытнаго труда Даля, какъ въ большомъ его объемѣ, напечатанномъ для немногихъ, такъ и въ случаѣ изданія онаго сообразно съ правилами цензуры, онъ полагалъ бы необходимымъ принять въ соображеніе мнѣніе академика протоіерея Кочетова, глубоко обдуманное во всѣхъ отношеніяхъ.

*

Въ письмѣ же на имя великаго князя Константина Николаевича Даль писалъ: «Отзывы о моемъ сборникѣ, въ двухъ словахъ, заключаются въ томъ: 1) что онъ составленъ небрежно, 2) что онъ не можетъ быть напечатанъ. Въ самомъ посвященіи вашему высочеству я сказалъ: «Это трудъ для меня непосильный, потребовавшій нѣсколькихъ лѣтъ, и при всемъ томъ не доведенный до должнаго порядка и оконченности». Можетъ быть, недостатокъ этотъ въ отзывахъ не совсѣмъ справедливо названъ небрежностью. Вѣкъ мой на исходѣ, досугу отъ служебныхъ занятій остается мало, немочи одолѣваютъ; я сдѣлалъ, что смогъ; пусть за мною потрудятся другіе, имъ уже будетъ полегче. Опровергать за симъ въ частности тѣ изъ критическихъ замѣчаній, которыя мнѣ кажутся неосновательными, было бы излишнимъ и неумѣстнымъ. Скажу только, что точка зрѣнія и самыя убѣжденія бываютъ неодинаковы. Такъ, напримѣръ, можно взять два огромные тома и, перелистывая ихъ, отыскивать то, что можетъ дать предлогъ и поводъ къ порицанію; и можно взять эти же томы и сказать: вотъ огромный, небывалый запасъ для изученія русскаго языка, народной мудрости и суемудрія. Это не сочиненіе, и собиратель не отвѣчаетъ за то, что ему далось; въ порядкѣ расположенія можно бы еще сдѣлать много улучшеній, но это вообще трудъ, которому нѣтъ конца, каждый можетъ пополнять, исправлять и располагать по готовому, какъ ему угодно, благо запасъ собранъ и сохраненъ. Съ сущностью отзывовъ цензуры и Академіи я согласенъ: пословицы не расположены окончательно въ смысловомъ порядкѣ и печатать сборника не слѣдуетъ; но я не вижу, какимъ образомъ можно вмѣнить человѣку въ преступленіе, что онъ собралъ и записалъ сколько могъ собрать различныхъ народнымъ изреченій, въ какомъ бы то ни было порядкѣ. А между тѣмъ, отзывы эти отзываются какими-то приговорами преступнику».—Вслѣдъ за тѣмъ, великій князь Константинъ Николаевичъ 12-го января 1854 г. написалъ Норову, что полагаетъ оставить до времени предположеніе о напечатаніи собранія пословицъ Даля, и потому проситъ возвратить ему рукопись. На томъ дѣло и кончилось.

Съ декабря 1853 года началось въ главномъ управленіи цензуры дѣло о напечатаніи новаго дополненнаго изданія полнаго собранія сочиненій Гоголя и продолжалось болѣе $1^1/_2$ года. До рѣшенія настоящаго дѣла, великій князь Константинъ Николаевичъ писалъ, 29-го января 1855 года, Норову: «Я узналъ на-дняхъ, что въ главное управленіе цензуры поступило на разсмотрѣніе полное собраніе сочиненій Гоголя, которое предполагается издать въ пользу его семейства, при чемъ, сверхъ сочиненій уже напечатанныхъ и которыя полагается напечатать вновь, есть и вовсе неизданныя. Въ то же время до свѣдѣнія моего

дошло, будто есть цензоры, которые затрудняются пропустить нѣкоторыя мѣста, напечатанныя въ первомъ изданіи его сочиненій, и не соглашаются на изданіе нѣкоторыхъ еще не напечатанныхъ рукописей. Обстоятельства эти побуждаютъ меня обратить вниманіе ваше на то, что пропуски въ новомъ изданіи тѣхъ мѣстъ, которыя уже были однажды напечатаны, только обратятъ на нихъ всеобщее вниманіе, а при томъ всѣмъ извѣстныя личныя свойства Гоголя, его теплая вѣра, его любовь къ Россіи и преданность престолу служатъ, кажется, ручательствомъ благонамѣренности всего, что онъ писалъ, и изъемлютъ отъ мелочной разборчивости цензоровъ. Посему я просилъ бы васъ обратить на эти обстоятельства вниманіе главнаго управленія цензуры и пригласить оное имѣть ихъ въ виду при разборѣ помянутыхъ сочиненій. Я тѣмъ болѣе желалъ бы, чтобы они были скорѣе напечатаны, что даже въ моей библіотекѣ нѣтъ полнаго собранія сочиненій Гоголя, которыя уже не находятся въ продажѣ. Прошу васъ вѣрить, что я буду искренно благодаренъ за ваше просвѣщенное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ».

Одновременно съ тѣмъ, членъ главнаго управленія цензуры, Дубельтъ, подалъ 31-го января особое по настоящему предмету мнѣніе, гдѣ, послѣ изложенія замѣчаній цензоровъ и Московскаго цензурнаго комитета, а также и мнѣнія московскаго попечителя, ходатайствовавшаго о напечатаніи сочиненій Гоголя вполнѣ и безъ малѣйшихъ измѣненій, продолжалъ далѣе: «Гоголь, какъ сатирическій писатель, въ сочиненіяхъ своихъ выводитъ такихъ людей, которые смѣшны и забавны. Какъ забавное и смѣшное особенно находится въ низшихъ классахъ народа, въ людяхъ, подверженныхъ слабостямъ и порокамъ, то и онъ представляетъ сцены, не всегда строго нравственныя, и людей, которые выражаются не совсѣмъ пристойно, судятъ ошибочно или невыгодно о помѣщикахъ, о дворянствѣ, о военныхъ и гражданскихъ чиновникахъ. Но общее направленіе у него всегда нравственное, неприличное, и дурное изображено такъ, что невольно чувствуетея отвращеніе, или возбуждаетъ одинъ невинный смѣхъ, а доброе и истинное надъ всѣмъ господствуетъ. Нѣкоторыя мѣста въ его сочиненіяхъ дѣйствительно кажутся рѣзкими и какъ бы сомнительными, но только въ такомъ случаѣ, если оторвать ихъ отъ цѣлаго разсказа, не обращая вниманія, кѣмъ и по какому случаю что сказано. Эти-то мѣста всѣ, безъ исключенія, отмѣчены цензорами. Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ нихъ.

Дьячекъ, разсказывая о дѣйствіяхъ лукаваго, прибавилъ: «Чтобы ему, собачьему сыну, приснился крестъ святой!»

Въ разсказѣ того же дьячка находится: «чортъ съ тобою! давай креститься!»

Казакъ Данило говоритъ про другаго трезваго казака: «горѣлки даже не пьетъ! Экая пропасть! Мнѣ кажется, что онъ и въ Господа Христа не вѣруетъ!»... «Кто—я, сказалъ бурсакъ, я святой жизни? Богъ съ вами, панъ, что вы это говорите! да я, хоть оно и не пристойно сказать, ходилъ къ булочницѣ противъ самаго страстнаго четверга!»

Кіевскій семинаристъ-философъ говоритъ: «Эхъ жаль, что во храмѣ Божіемъ не можно люльки выкурить!»

Въ комедіи Игроки сваха Ѳекла говоритъ: «Да, на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь, да перекрестишься!»

Та же Ѳекла, доказывая преимущество русскаго языка передъ иностранными, прибавила: «Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь, рѣчь извѣстно какая: всѣ святые говорили по-русски!»

При видѣ князя Потемкина: «это царь? спросилъ кузнецъ Вакула одного изъ запорожцевъ.—Куда тебѣ царь! Это самъ Потемкинъ, отвѣчалъ тотъ».

«Какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ, садики, для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить».

Помѣщикъ Пѣтухъ съ своими крестьянами бредилъ въ озерѣ рыбу. Увидя проѣзжающаго Чичикова, онъ вышелъ на берегъ голый и просилъ путешественника къ себѣ обѣдать, «держа одну руку надъ глазами козырькомъ, въ защиту отъ солнца, другую же пониже, на манеръ Венеры медицейской».—За обѣдомъ, безпрестанно подчуя Чичикова и услышавъ возраженіе, что у него мѣста не осталось въ желудкѣ для новаго куска, Пѣтухъ сказалъ: «Да вѣдь и въ церкви не было мѣста. Взошелъ городничій, нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій».

«Если бы проѣзжалъ сорочинскій засѣдатель съ дьявольски сплетенною плетью, которою имѣетъ онъ обыкновеніе подгонять своего ямщика».

«Казакъ Вакула три раза ударилъ чорта хворостиной, и бѣдный чортъ припустилъ бѣжать, какъ мужикъ, котораго только-что выпоролъ засѣдатель».

«Пискаревъ, пріѣхавъ на балъ, въ Петербургѣ, въ тѣснотѣ не смѣлъ попятиться назадъ, опасаясь толкнуть какимъ-нибудь образомъ какого-нибудь тайнаго совѣтника».

Въ Запискахъ сумасшедшаго, въ одномъ мѣстѣ отмѣчено»: «я не понимаю выгодъ служить въ департаментѣ: никакихъ совершенно ресурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи, гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ, смотришь, иной прижался въ

самомъ уголку и пописываетъ. Фрачишка на немъ гадкій, рожа такая что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую онъ дачу нанимаетъ! Фарфоровой вызолоченной чашки и не неси къ нему: это, говоритъ, докторскій подарокъ, а ему давай пару рыжаковъ, или дрожки, или бобра рублей въ триста. Съ виду такой тихонькой, говоритъ такъ деликатно: одолжите ножичка починить перышко, а тамъ обчиститъ такъ, что только одну рубашку оставитъ на просителѣ».

«П... пѣхотный полкъ былъ совсѣмъ не такого сорта, къ какому принадлежатъ многіе пѣхотные полки; онъ былъ на такой ногѣ, что не уступалъ инымъ и кавалерійскимъ. Большая часть офицеровъ пила выморозки и умѣла таскать жидовъ за пейсики не хуже гусаровъ...; чтобы еще болѣе показать образованность П... пѣхотнаго полка, мы прибавимъ, что двое изъ офицеровъ были страшные игроки въ банкъ и проигрывали мундиръ, фуражку, шинель, темлякъ и даже исподнее платье, чего не вездѣ и между кавалеристами можно сыскать».

«Не было никого исправнѣе Ивана Өедоровича (въ томъ же полку) за то, въ скоромъ времени, спустя одиннадцать лѣтъ послѣ полученія прапорщичьяго чина, произведенъ онъ былъ въ поручики».

«Уже такъ Провидѣніе устроило, что гдѣ офицеры, тамъ и трубки».

«Здѣсь выписаны наиболѣе рѣзкія мѣста; цензоры же отмѣтили еще множество другихъ, которыя, даже взятыя отдѣльно, не представляютъ ничего сомнительнаго. Всякое упоминаніе о Богѣ, о святомъ, о небесномъ и тому подобное останавливало ихъ, коль скоро эти упоминанія соединяются съ чѣмъ-либо житейскимъ.

Сверхъ того, цензоры обращаютъ особенное вниманіе, въ Мертвыхъ душахъ, на полковника Кошкарева, который въ помѣстьѣ своемъ учредилъ разныя коммиссіи и завелъ огромное письменное дѣлопроизводство по сельскому управленію, и на доносы губернскихъ чиновниковъ другъ на друга, затѣянные съ цѣлью освободить отъ отвѣтственности Чичикова, также на положеніе мѣстнаго генералъ-губернатора, который не видѣлъ средствъ унять чиновниковъ и собирался уѣхать въ С.-Петербургъ, жаловаться на нихъ государю. Но поступки Кошкарева представлены, какъ дѣйствія сумасборнаго помѣщика, и примѣнять ихъ къ государственному управленію было бы слишкомъ насильственнымъ примѣненіемъ, а при описаніи чиновничьихъ интригъ въ губерніи выставлена въ яркомъ и прекрасномъ видѣ заботливость генералъ-губернатора о прекращеніи зла и его твердая справедливость.

«Ежели,—продолжалъ Дубельтъ,—вышеприведенныя изъ сочиненія Гоголя, и имъ подобныя мѣста, въ сущности безвредныя, запрещать, то цензура впадетъ въ тѣ же ошибки, въ которыя впали цензоры, помнится, лѣтъ 20 тому назадъ, судившіе какъ ниже слѣдуетъ.

Въ сочиненіяхъ было сказано:	Цензоръ написалъ:
Улыбку устъ твоихъ Небесную ловить.	Женщина не достойна того, чтобы ея улыбку называть небесною.
Ты поняла, чего душа моя желала.	Запретить, ибо дѣло идетъ о душѣ.
Одинъ твой нѣжный взглядъ Дороже мнѣ вниманья всей вселенной.	Запретить, ибо во вселенной есть высшія власти, которыя должны намъ быть дороже взгляда женщины.
О какъ бы я желалъ Въ тиши и близъ тебя къ блаженству пріучиться.	Запретить, ибо къ блаженству пріучаться должно, не близъ женщины, а близъ Евангелія.

«По уваженію же того, что сочиненія Гоголя въ общемъ направленіи вполнѣ благонамѣренны, что исключеніе изъ новаго изданія нѣкоторыхъ мѣстъ, помѣщенныхъ въ прежнемъ, заставитъ почитателей автора пріискивать выпущенныя мѣста по первому изданію, а это придастъ видъ преступнаго и тому, въ чемъ не было и нѣтъ ничего преступнаго; что съ тѣмъ вмѣстѣ упадетъ достоинство новаго изданія, и наслѣдники Гоголя не получатъ тѣхъ выгодъ, которыя пріобрѣтены для нихъ литературными заслугами умершаго ихъ родственника,—я полагаю справедливымъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія 14-го августа 1851 г., исходатайствовать разрѣшенія на напечатаніе какъ прежде изданныхъ четырехъ томовъ сочиненій Гоголя, такъ и представленныхъ въ рукописи посмертныхъ его трудовъ, безъ всякихъ исключеній и измѣненій».

Съ этимъ мнѣніемъ согласился членъ главнаго управленія, Пршецлавскій, но окончательное рѣшеніе дѣла послѣдовало лишь въ слѣдующее царствованіе. Главное управленіе постановило (6-го мая 1855 г.) испросить высочайшее разрѣшеніе на напечатаніе полнаго собранія сочиненій Гоголя безъ измѣненій, и на докладѣ о томъ 15-го мая 1855 года послѣдовала высочайшая резолюція: «Согласенъ».

12-го декабря 1853 года Норовъ вошелъ съ докладомъ, въ которомъ изъяснилъ, что въ фельетонѣ № 227 «Сѣверной Пчелы» напечатано между прочимъ: «Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ исполненія предписанія о введеніи таксы или опредѣленной цѣны за поѣздки извощикамъ. Я разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. У нихъ противъ

таксы есть магическое слово: «занять». А каждому вольно дарить свои деньги. Однако же увидимъ, что-то будетъ. Ничего нѣтъ мудренѣе, какъ справиться съ извощиками, которые какъ птицы летаютъ по городу. Не даромъ существуетъ французская пословица: «тотъ имѣетъ лучшую прислугу, кто служитъ самъ себѣ». Принимая во вниманіе, что эти строки содержатъ въ себѣ хотя и косвенное, но вовсе неумѣстное сужденіе о новой правительственной мѣрѣ касательно таксы для здѣшнихъ извощиковъ; что эти сужденія могутъ быть истолкованы въ смыслѣ, подстрекающемъ къ уклоненію отъ обязанности повиноваться распоряженіямъ начальства; и что они прямо противны цензурному уставу, коимъ воспрещены вообще сужденія о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ, онъ, Норовъ, долгомъ считалъ испрашивать высочайшее соизволеніе на сдѣланіе, отъ высочайшаго имени, строгаго выговора, за напечатаніе той статьи, какъ автору ея, Булгарину, такъ и цензору Бекетову.

На это послѣдовала, 13-го декабря, высочайшая резолюція: «Согласенъ».

Въ ноябрѣ 1853 года кіевскій попечитель представлялъ главному управленію цензуры о разногласіи, происшедшемъ между Кіевскимъ цензурнымъ комитетомъ и предсѣдателемъ временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ (въ Кіевѣ). Эта коммиссія приготовила къ изданію Лѣтопись полковника Грабянки, содержащую въ себѣ, главнымъ образомъ, подробный разсказъ о гетманствѣ Богдана Хмѣльницкаго; цензоръ Мацкевичъ требовалъ исключенія оттуда нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ высказывалось слишкомъ явное пристрастіе къ малороссійской національности; предсѣдатель же коммиссіи Судіенко полагалъ, что подвиги Хмѣльницкаго на защиту православія и русской народности такъ велики, что похвалы, усвоенныя, въ предисловіи, его личности, не могутъ быть излишни. Разсматривая это дѣло, главное управленіе приняло, преимущественно, въ основаніе: 1) Секретное высочайшее повелѣніе, прежде объявленное графу Уварову, о наблюденіи за тѣмъ, чтобы писатели разсуждали сколь возможно осторожнѣе тамъ, гдѣ дѣло идетъ о народности или языкѣ Малороссіи и другихъ подвластныхъ Россіи земель, не давая любви къ родинѣ перевѣса надъ любовью къ отечеству, т. е. имперіи, изгоняя все, что можетъ вредить послѣдней любви, особенно о прежнемъ будто бы необыкновенно счастливомъ положеніи подвластныхъ племенъ, и чтобы цензоры обращали строжайшее вниманіе, въ этомъ отношеніи, на кіевскія и харьковскія періодическія изданія; 2) конфиденціальное отношеніе отъ 17-го октября 1853 г. министра народнаго просвѣщенія (вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, по докладу Комитета 2-го апрѣля), коимъ

онъ поручилъ кіевскому попечителю сдѣлать строгій выговоръ цензору Тулубу, за одобреніе къ печати въ № 38 «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» малороссійскихъ историческихъ пословицъ и поговорокъ, признанныхъ «могущими способствовать къ поддержанію вражды между малороссами и великороссами». На основаніи этого, главное управленіе 28-го августа 1854 года положило изъ Лѣтописи Грабянки исключить слѣдующія мѣста: 1) на стр. VI слова: «въ исторіи своей родины Грабянка видѣлъ одно славное въ прошедшей ея жизни, и свой трудъ посвятилъ этому времени, не сказавъ ни слова о современной ему эпохѣ»; 2) на стр. VII вмѣсто словъ: и наконецъ поставить: надъ поляками, а послѣ словъ: его предшественниковъ прибавить: и наконецъ присоединеніе Малороссіи къ единовѣрной державѣ царя Алексѣя Михайловича», 3) послѣ словъ: О постепенномъ притѣсненіи казаковъ прибавить: поляками; 4) сдѣлать большіе выпуски на стр. 193 и 195—197. Сверхъ того, на стр. XIV предисловія, напечатано: «Сказаніе заключается трогательнымъ описаніемъ послѣднихъ дней жизни Хмѣльницкаго, созванія рады для избранія новаго гетмана, смерти его и погребенія, описаніемъ, живо напоминающимъ намъ прекрасную думу подобнаго содержанія. Остановивъ свое вниманіе на послѣднихъ семи словахъ, и не имѣя въ виду, о какой именно думѣ здѣсь упоминается, и дозволена-ли она къ печати, главное управленіе опредѣлило: окончательное рѣшеніе о дозволительности этихъ словъ предоставить кіевскому попечителю.

8-го февраля 1854 года Норовъ вошелъ съ докладомъ (собственноручно имъ самимъ составленнымъ), гдѣ говорилъ: «По случаю настоящихъ событій, въ цензуру представляется множество различныхъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ, съ изъясненіемъ патріотическихъ чувствованій. Всѣ они съ большею или меньшею силою, съ большимъ или меньшимъ искусствомъ выражаютъ троякое направленіе умовъ: глубокую преданность престолу и вѣрѣ, чувство національной гордости готовое на всякую борьбу съ врагами и пожертвованія, и порывы негодованія противъ посягательства чуждыхъ народовъ на величіе и благоденствіе Россіи. Уважая столь возвышенныя и прекрасныя начала, и имѣя въ виду настоящую потребность общества въ ихъ обнаруженіи, цензура обязана благопріятствовать распространенію ихъ посредствомъ печатанія, но для сего нужны ей наставленія, до какихъ предѣловъ можетъ быть допущено изъясненіе подобныхъ чувствованій».

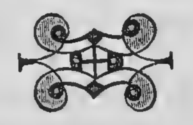
На этомъ докладѣ написано рукою министра: «Государь императоръ высочайше разрѣшилъ безпрепятственное печатаніе изложенныхъ

во всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ сочиненій, съ тѣмъ только, чтобы въ нихъ не заключалось брани».

Вслѣдствіе желанія московскаго литератора, К. Аксакова, напечатать, по поводу Крымской войны, стихотвореніе свое: Къ Россіи, главное управленіе цензуры вывело на справку, что въ мартовскомъ «Современникѣ» напечатаны были стихотворенія Тютчева, изъ которыхъ одно оканчивалось такъ:

И своды древнія Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь,
Пади предъ нимъ, о царь Россіи,
И встань, какъ всеславянскій царь!

Государь, прочитавъ это стихотвореніе, собственноручно зачеркнулъ послѣдніе два стиха и написалъ: Подобныя фразы не допускать. На основаніи этого, главное управленіе 20-го марта 1854 г. положило: стихотвореніе Аксакова, содержащее въ себѣ неумѣстно рѣзкія и какъ бы понудительныя воззванія объ освобожденіи Россіи отъ турецкаго владычества единовѣрныхъ намъ племенъ, съ выражаемыми заранѣе укоризнами, въ случаѣ неисполненія этого, къ печати не одобрять.

Празднованіе въ Москвѣ возвращенія императора Александра въ Петербургъ.

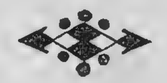
Письмо А. П. Тормасова—С. К. Вязмитинову.

6-го декабря 1815 г.

Вчерашняго утра въ 8 часу я имѣлъ честь получить съ нарочнымъ отъ вашего высокопревосходительства всерадостнѣйшую вѣсть о возвращеніи его императорскаго величества всемилостивѣйшаго государя императора и государыни императрицы. Во мгновеніе вѣсть сія разлилась по всей Москвѣ и, въ 12 часовъ, при стеченіи многочисленнаго упоеннаго истинною радостію народа, совершено было торжественное въ соборномъ храмѣ Успенія Божіей Матери благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, предъ коимъ преосвященный Августинъ произнесъ прекрасную рѣчь, несказанно всѣхъ восхитившую; а послѣ многолѣтія всеобщій миръ возвѣщенъ 101 пушечнымъ выстрѣломъ.

Принося чувствительнѣйшую вамъ благодарность за скорое сообщеніе сего вожделѣннаго извѣстія, прошу покорнѣйше ваше высокопревосходительство повергнуть отъ меня къ стопамъ всемилостивѣйшаго нашего государя приношеніе всеподданнѣйшаго отъ лица ввѣренной мнѣ столицы поздравленія съ благополучнымъ его императорскаго величества возвращеніемъ и изъявленіе истинной радости, которою событіе сіе всѣхъ здѣшнихъ жителей исполнило.

Съ истиннымъ душевнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть и проч.

Къ біографіи В. Г. Варенцова.

Въ дополненіе къ статьѣ профессора Е. А. Боброва, напечатанной въ 12-й книжкѣ «Русской Старины» за 1903 годъ, сообщаю пять писемъ Виктора Гавриловича Варенцова къ моему отцу, Льву Николаевичу Модзалевскому (род. въ 1837, ум. въ 1896 г.), съ которымъ Варенцовъ познакомился и близко сошелся за границей, въ Гейдельбергѣ, гдѣ отецъ мой, командированный министерствомъ народнаго просвѣщенія для приготовленія къ профессурѣ, слушалъ лекціи философскаго факультета [1]).

Въ статьѣ своей «Къ біографіи К. Д. Ушинскаго», разсказывая о знакомствахъ послѣдняго, завязавшихся въ 1862—1863 г., Л. Н. Модзалевскій писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Знакомство съ Варенцовымъ [2]), бывшимъ сперва профессоромъ въ Казани, а впослѣдствіи—окружнымъ инспекторомъ въ Одессѣ, также весьма оживило и утѣшило Константина Дмитріевича, который сразу сошелся съ этою свѣтлою личностью. Въ это время въ Одессѣ еще готовились къ открытію университета, о чемъ особенно хлопоталъ Варенцовъ, который и Ушинскаго уговаривалъ перенести свою ученую дѣятельность въ этотъ новый разсадникъ науки и снова взяться за преподаваніе философско-юридическихъ предметовъ. Константинъ Дмитріевичъ хотя и не могъ уже свернуть съ избраннаго имъ научно-педагогическаго пути, но весьма

[1]) См. „Изъ педагогической автобіографіи Л. Н. Модзалевскаго", С.-Пб. 1899.

[2]) „Бывшіе друзья и почитатели В. Г. Варенцова давно озабочены составленіемъ его біографіи, для которой имѣющіяся у меня письма покойнаго также могли бы представить интересный матеріалъ". Примѣч. Л. Н. Модзалевскаго.

заинтересовался судьбою будущаго университета, а еще болѣе свѣтлою личностью самого Варенцова, который зиму 1862 года проводилъ въ Гейдельбергѣ и успѣлъ образовать вокругъ себя кружокъ молодыхъ русскихъ съ правильными еженедѣльными собраніями, на которыхъ читались ученыя статьи, изслѣдованія, сообщенія, отзывы о новыхъ книгахъ и т. п., при чемъ нерѣдко возникали оживленныя пренія [1]).

«Что Варенцовъ», спрашивалъ Ушинскій Л. Н. Модзалевскаго въ письмѣ своемъ отъ 6-го января 1863 г. изъ Веве: «Въ Гейдельбергѣ-ли онъ, и могу-ли я найти его тамъ въ мартѣ? Это необыкновенно симпатичная личность, и, видѣвъ его разъ, не легко потомъ забудешь» [2])

1.

Ницца. 30-го января 1863 г.

Вотъ, Левъ Николаевичъ, доѣхали! Это замѣчательное событіе совершилось вчера утромъ. Время стоитъ такое, какого у насъ не бываетъ середи самаго жаркаго лѣта; поля покрыты густой зеленью; розы и миндальное дерево въ полномъ цвѣтѣ, а лимоны и апельсины спѣлые сотнями висятъ на деревьяхъ. Здѣсь и пальмы, и алоэ, и кактусы: Богъ знаетъ, чего тутъ нѣтъ! На море можно засмотрѣться. И тепло такъ, какъ было въ Эмсѣ въ іюлѣ. Да нѣтъ, нечего тутъ и разсказывать! словами не поможешь.

Ну, а народъ подгулялъ! Понимаете? Одно слово—французъ: шумитъ, хвастается, обѣщаетъ золотыя горы,—а самъ ничего не сдѣлаетъ, только и норовитъ надуть васъ. Ну и насчетъ вина тоже-съ: пьютъ до безобразія. А живутъ грязно, одѣваются въ лохмотья, любятъ милостыню попросить, конечно, чтобы спасти душу грѣшнаго прохожаго.

31-го января.

Письмо мое не идетъ еще къ вамъ; потому что я хочу дать вамъ мой адресъ и никакъ не могу этого сдѣлать: въ Ниццѣ все занято; квартиръ нѣтъ; Рихтеры уѣзжаютъ дальше—въ Ментонъ, и я думаю, что мнѣ придется сдѣлать то же самое.

---

[1]) „Къ біографіи К. Д. Ушинскаго“, Тифлисъ, 1881, стр. 28—29 (оттиски изъ „Кавказа“ 1881 г., № 259, 274 и 281).

[2]) Тамъ же, стр. 29 и „Русская Школа“ 1893 г., № 7—8, стр. 61 (выдержки изъ 25-ти писемъ К. Д. Ушинскаго къ Л. Н. Модзалевскому). Нѣкоторыя статьи Варенцова указаны въ „Критико-біографическомъ Словарѣ“ С. А. Венгерова (т. IV, С.-Пб. 1895, стр. 85—86).

Я ѣду въ Ментонъ, и вотъ какой будетъ мой адресъ: M-r Warentzoff, Mentone (les Alpes maritimes), hôtel de la Grande Bretagne; можете для ясности поставить, что это—во Францiи. Пожалуйста, если будетъ что, не откажитесь переслать, а я по гробъ жизни не забуду.

Простите, если я въ чемъ согрубилъ вамъ, какъ говорилъ Пугачевъ съ эшафота, кланяясь народу.

А знаете что? Я никакъ не могу отвязаться отъ мысли, что можетъ быть и мы теперь были бы не лишнiе въ Россiи; меня такъ и подмываетъ поѣхать туда и посмотрѣть, нельзя-ли чѣмъ-нибудь помочь дѣлу. Что дѣлаетъ Неклюдовъ? [1]). Кланяйтесь Чистякову [2]) и Бутовскому, да и Пироговымъ [3]) тоже. Если можно, скажите Альбертини [4]), что я два раза былъ у него наканунѣ моего отъѣзда и никакъ не могъ застать его.

2.

Ментона, а по-французски Мантонъ
(Menton). 1-го (13-го) февраля 1863 года.

Вы такъ обрадовали меня письмомъ вашимъ, Левъ Николаевичъ, что я, не прочитавши даже его, сейчасъ же сѣлъ за столъ, чтобы отвѣчать вамъ. Ахъ, какая тоска тутъ у нихъ, если бы вы только знали! Ну, точь въ точь наша Саратовская деревня. Нѣтъ, больше не могу выносить, ѣду завтра же въ Ниццу, а оттуда за моремъ въ Геную; тамъ въ Миланъ, въ Венецiю, въ Трiестъ, въ Вѣну и Прагу. Въ Прагѣ я пробуду подольше: недѣлю, можетъ быть—двѣ. Если будутъ мнѣ письма, то задержите пока у себя; недѣли черезъ двѣ я пришлю вамъ адресъ на Вѣну или на Прагу. Если понравится мнѣ у славянъ, то въ Гейдельбергъ я можетъ быть и не попаду; но до этого еще очень долго.

Я все учился итальянскому языку; наконецъ, надоѣло страшно; теперь штудирую Фрѣбеля, и это немножко утѣшаетъ въ тоскѣ по Германiи и по васъ. Рехневскiй [5]) пишетъ, что статья моя о Францiи [6])

---

[1]) Николай Адрiановичъ Неклюдовъ (ум. въ 1896 г.), впослѣдствiи товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, извѣстный ученый криминалистъ.

[2]) Александръ Ивановичъ Чистяковъ, командированный министерствомъ за границу, преподаватель древнихъ языковъ въ Ларинской гимназiи въ Петербургѣ, впослѣдствiи директоръ 1-ой С.-Петербургской гимназiи.

[3]) Николаю Ивановичу Пирогову и его супругѣ.

[4]) Быть можетъ, Никол. Викент. Альбертини, извѣстному публицисту 1860-хъ годовъ.

[5]) Юлiй Семеновичъ Рехневскiй, съ 1862 по 1866 г. редакторъ „Журнала министерства народнаго просвѣщенiя"; умеръ въ 1887 г.

[6]) Вѣроятно—„Обзоръ современнаго положенiя низшихъ нормальныхъ школъ во Францiи"—въ „Ж. М. Н. Пр." 1863 г., № 1, отд. III, стр. 49—70; статья не подписана.

напечатана въ январской книжкѣ журнала и разсчитана по 50 р. за листъ. И то дѣло! Но когда будутъ напечатаны другія, этого онъ сказать не можетъ, подавленный множествомъ матеріаловъ, которые имѣются въ редакціи. «При томъ же о швейцарскихъ школахъ уже есть у насъ статья К. Д. Ушинскаго» [1],—пишетъ онъ,—«тѣмъ не менѣе»... и проч., какъ обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ [2]).

А больше писемъ не было мнѣ? Ну, на нѣтъ и суда нѣтъ. А вотъ что было бы хорошо,—если бы вы увидѣли M-me Egge и спросили, нѣтъ-ли у ней, да уже кстати и на почтѣ. Оно, признаться, и не кстати, да я вѣдь знаю ваши добродѣтели,

До которыхъ другимъ далеко!

Не только прокламацій, я и французскихъ-то газетъ ужъ больше недѣли не видалъ; въ Ниццѣ я пробуду денька два-три ради русскихъ и всякихъ другихъ газетъ. Очень ужъ тянетъ меня въ Россію, совсѣмъ не сидится на мѣстѣ; такъ бы вотъ и уѣхалъ, если бы не зима. А здѣсь, Господи, какая благодать! Окно мое выходитъ на югъ и при томъ на самое море; до него 10 шаговъ, небо всегда ясно; солнце такъ и жаритъ, и окно открыто съ 8 часовъ утра. Все цвѣтетъ и зеленѣетъ. Женщины классически хороши. Я здоровъ совершенно, чего и вамъ отъ всей души желаю, благодѣтель вы эдакій! А о польскомъ-то вопросѣ пишите повоздержнѣе, особенно въ Австрію-то. Языкомъ болтай, а рукамъ воли не давай.

3.

Тріестъ. 6-го марта 1863 г.

До сихъ поръ все шло отлично, Левъ Николаевичъ! Погода была такъ хороша, что я могъ, сколько угодно, любоваться красотою и моря, и горъ, и венеціанскихъ женщинъ. Теперь, только-что я началъ археологическую экскурсію по славянскимъ землямъ, какъ полился дождь, который неумолимо заставляетъ меня, не останавливаясь въ Лайбахѣ, Грацѣ и Брюнѣ, посмотрѣть только мимоходомъ Вѣну и затѣмъ спѣшить прямо въ Прагу, гдѣ у меня есть старые знакомые отъ страны Русскія, града Самары. Пожалуйста, напишите мнѣ туда хоть нѣсколько словечекъ, какъ живете вы, что дѣлаете, нѣтъ-ли чего изъ Россіи, и если были письма ко мнѣ, то пришлите nach Prag, poste restante, да ужъ и Böhmen прибавьте для ясности.

---

[1]) „Педагогическая поѣздка по Швейцаріи"—тамъ же, стр. 1—48.

[2]) Статья Варенцова „О народномъ образованіи въ Швейцаріи" напечатана была безъ подписи въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія" за 1863 г., № 3, отд. III, стр. 444—468.

А я во все это время почти ничего не дѣлалъ, очень ужъ былъ занятъ изученіемъ итальянской жизни въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Ну, и ничего, и доволенъ, что успѣлъ поѣздить, посмотрѣть; жалѣю только, что не могъ спуститься дальше до Рима и до Неаполя: очень уже сильно поистратился. А вы, я думаю, чего-чего не изучили въ теченіе этого времени! а понаписали-то столько, что намъ—старымъ людямъ

Читать ваши книги—не прочесть будетъ,
По листамъ ходить—всѣ не выходить!

Съ какимъ бы удовольствіемъ я теперь посидѣлъ, побесѣдовалъ съ вами, да Богъ знаетъ, когда увидимся! Я изъ Праги напишу вамъ, могу-ли я пріѣхать въ Гейдельбергъ (это я насчетъ презрѣннаго металла говорю) и какъ поступить съ неблагородно-оставленнымъ мной наслѣдствомъ, состоящимъ изъ книгъ и бумагъ.

Теперь же позвольте пожелать вамъ и проч., какъ обыкновенно говорится.

Очень вамъ преданный Варенцовъ.

4.

Прага. 16-го марта 1863 г.

Вчера ночью я пріѣхалъ къ Прагу и сегодня утромъ—первымъ дѣломъ моимъ было бѣжать на почту, чтобы узнать, нѣтъ-ли писемъ. За то я и былъ награжденъ достойнымъ образомъ, получивши письмо отъ васъ, мой добрѣйшій Левъ Николаевичъ! Спѣшу отвѣчать; но найдетъ ли васъ письмо мое? Кто ожидалъ, что семестръ кончится такъ скоро? На всякій случай я напишу завтра другое письмо на имя Ал. Ив. Чистякова; тамъ будетъ мое завѣщаніе, которое состоитъ въ слѣдующемъ.

Такъ какъ я не буду въ Гейдельбергѣ, то нельзя ли переслать мои вещи или въ Берлинъ, если вы можете придумать къ кому, и написать тогда мнѣ,—или ужъ въ Прагу Hôtel de Saxe, № 20, Pflostergasse. Я пробуду здѣсь недѣли двѣ, можетъ быть и больше. Нельзя ли переслать не по почтѣ, а какимъ-нибудь инымъ способомъ, не столько дорогимъ? Затѣмъ я состою вамъ должнымъ за чемоданъ, за пересылку моихъ писемъ и наконецъ за предстоящій транспортъ: потрудитесь пожалуйста получить требуемую сумму отъ Ал. Ив. Чистякова, и если ея будетъ не довольно, то напишите мнѣ, сколько прислать и по какому адресу, что и будетъ исполнено немедленно. Вещи, кромѣ подушки, кажется, всѣ въ чемоданѣ, стало быть ее можно бросить.

Статьи о французскихъ школахъ я не имѣю; но, если вы видѣли ее, не можете ли мнѣ сообщить, сколько она занимаетъ, чтобы я могъ разсчитать количество презрѣннаго металла.

Я хотѣлъ сообщить вамъ о моей поѣздкѣ по славянскимъ землямъ и объ осмотрѣ здѣсь училищъ и семинарій; но, начавши говорить о славянахъ, трудно будетъ кончить. Скажу только, что такого радушія, такого братскаго пріема и такихъ отрадныхъ минутъ я никакъ не могъ ожидать. Въ Грацѣ, напримѣръ, я попалъ сначала на обѣдню въ память Кирилла и Меѳодія, а потомъ на юбилярный вечеръ по случаю тысячелѣтія славянской грамоты (9-го марта); мы оставались тамъ до 2-хъ часовъ ночи: рѣчи и стихи почти на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, славянская музыка и пѣсни чешскія и сербскія, и такое радушіе кругомъ... И славянки такъ же привѣтливы къ намъ, какъ ихъ мужья и братья. Мою чешско-русскую рѣчь понимаютъ совершенно. Училища австрійскія—ультра-католическія; семинарій почти нѣтъ, въ деревняхъ положены только Законъ Божій, чтеніе, письмо и счетъ; все предписано и заклеймено черным двухъ-головымъ орломъ; учебники довольно стары и плохи; но есть и довольно-сильная партія движенія. Южные славяне очень онѣмечились; чехи держатся крѣпко; самыя школы у нихъ гораздо лучше австрійско-нѣмецкихъ, какъ я видѣлъ это въ Моравіи. Сколько я книгъ-то опять накупилъ и наполучалъ отъ авторовъ! Жадность!

Přeju Wam dobrého zažiti. Šťastnou cestu! Напишите мнѣ, не полѣнитесь.

5.

Одесса. 21-го февраля 1866 г.

Я послалъ къ вамъ, Левъ Николаевичъ, протоколы послѣдняго педагогическаго съѣзда и просилъ г. Водовозова [1]) передать ихъ вамъ. Не знаю, получили-ли вы.—А теперь къ вамъ другое дѣло. Я напечаталъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» отвѣтъ [2]) Галахову на статью его въ 1 № «Сѣверной Почты» [3]). Нельзя-ли будетъ этотъ отвѣтъ перепечатать гдѣ-нибудь въ петербургскихъ газетахъ или въ «Педагогическомъ Сборникѣ»? Конечно, лучше было бы прямо послать туда; но въ такомъ случаѣ я рисковалъ не только не видѣть въ печати статьи, но даже лишиться и самаго экземпляра ея, что со мной не разъ случалось.

Хотѣлось бы и очень бы хотѣлось побесѣдовать съ вами пространнѣе, да вѣдь Богъ знаетъ, и это письмо дойдетъ-ли до васъ. Такъ умѣрю пылъ моихъ страстей и ограничусь выраженіемъ глубочайшаго уваженія

---

[1]) Василія Ивановича Водовозова, извѣстнаго педагога.

[2]) „О программѣ преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ Одесскаго округа. Г. Галахову“—„Одесскій Вѣстникъ“ 1866 г. № 34 и 35 (съ подписью „В.“).

[3]) „О планѣ преподаванія учебныхъ предметовъ въ гимназіяхъ Одесскаго учебнаго округа“—„Сѣверная Почта“ 1866 г., № 1.

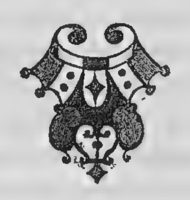
къ вамъ и преданности, съ каковыми и проч., какъ требуетъ того общепринятая форма и влеченіе моего сердца.

В. Варенцовъ.

Министръ не далъ намъ разрѣшенія учредить, по примѣру вашихъ, педагогическія собранія. Не возьметесь-ли вы провести тамъ у себя такую мысль: Ученый Комитетъ снова взялъ себѣ на откупъ разрѣшеніе вводить въ учебныхъ заведеніяхъ руководства и пособія; это убьетъ нашу учебную литературу. Не возьмется-ли поправить дѣло ваше Педагогическое Общество? Пусть оно составитъ комитеты, которые разсмотрятъ существующіе у насъ учебники, и, отдѣливъ пшеницу отъ плевелъ, напечатаетъ для назиданія серьезныя рецензіи.

Надѣюсь лѣтомъ увидѣться съ вами.

Сообщ. **Б. Л. Модзалевскій.**

Литературные листки, какъ прибавленіе къ «Сѣверному Архиву».

Прошеніе Ѳаддея Булгарина въ С.-Петерб. цензурный комитетъ.

9-го апрѣля 1823 года.

Для освѣженія сухости «Сѣвернаго Архива», заключающаго въ себѣ статьи, единственно до наукъ касающіяся, намѣренъ я издавать въ видѣ прибавленій къ сему журналу:

«Литературные листки»,

въ которыхъ помѣщаться будутъ: 1) Проза. Замѣчанія о нравахъ и обыкновеніяхъ, краткія нравственныя изреченія и повѣствованія, грамматическія изысканія, критика и проч. 2) Стихи. Легкія стихотворенія, изъ коихъ рѣшительно исключаются любовь и вино[1]). 3) Объявленія о книгахъ, эстампахъ, нотахъ, литографіяхъ. 4) Извѣстія о художникахъ и ихъ произведеніяхъ, описаніе достопримѣчательныхъ случаевъ и проч.

«Литературные листки» издаются безъ возвышенія цѣны на «Сѣверный Архивъ», число ихъ и время выхода въ свѣтъ не опредѣляются.

Листки издавать разрѣшено.

---

[1]) Т. е. благородное чувство любви не подразумѣвается подъ симъ выраженіемъ (прим. Булгарина).

Восточный вопросъ въ 1856—1859 гг. [1].

I.

22-го марта (3-го апрѣля) 1856 г., въ то время, когда засѣданія Парижскаго конгресса были въ самомъ разгарѣ, Тувенель, бывшій въ то время французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ,—писалъ секретарю конгресса Бенедетти въ Парижъ:

«Изъ моихъ послѣднихъ депешъ вы увидите, безо всякаго преувеличенія, тѣ затрудненія, какія намъ придется преодолѣть, чтобы заставить Порту смотрѣть на вопросъ о Придунайскихъ княжествахъ съ нашей точки зрѣнія, если только это, вообще, окажется возможнымъ.

«Это настоящій Малаховъ курганъ, который мой союзникъ, лордъ Стратфордъ Редклифъ [2]), повидимому, совершенно не расположенъ взять приступомъ вмѣстѣ со мной.

«Помните, что мы предприняли дѣло трудное и что намъ слѣдуетъ дѣйствовать съ величайшей осторожностью.

«Остерегайтесь въ особенности, чтобы насъ не оставили на полупути однихъ и чтобы намъ не пришлось утѣшиться признательностью валаховъ. Въ этомъ случаѣ я опасаюсь гораздо болѣе австрійцевъ, нежели турокъ!»

Французскій дипломатъ оказался прозорливымъ и предугадалъ тѣ безчисленныя затрудненія, которыя вопросъ о Придунайскихъ княжествахъ создалъ европейской дипломатіи.

Какъ извѣстно, вопросъ этотъ не былъ окончательно рѣшенъ на Парижской конференціи; всѣ чувствовали, что относительно его дер-

---

[1]) Trois années de la question d'Orient. 1856—1859. d'après les papiers inédits de M. Thouvenel par L. Thouvenel, Paris. 1897.

[2]) Англійскій посолъ въ Константинополѣ.

жавы расходились по существу, поэтому было рѣшено отложить его окончательное обсужденіе, чтобы не помѣшать заключенію столь желаннаго всѣми мира.

Впрочемъ, протекторатъ Россіи надъ Княжествами, установившійся послѣ заключенія въ 1829 году Адріанопольскаго мира, былъ отмѣненъ, права и привилегіи княжествъ были торжественно подтверждены и имъ было обѣщано независимое управленіе, свобода вѣроисповѣданія, мореплаванія, торговли и, наконецъ, пересмотръ дѣйствующихъ законовъ.

Съ этой цѣлью, въ Молдавію и Валахію рѣшено было послать особую коммиссію, которая должна была узнать желанія мѣстнаго населенія и сообщить ихъ уполномоченнымъ державъ, которые уже выработали бы окончательную организацію Княжествъ.

Относительно этого французскимъ правительствомъ еще на Парижской конференціи было высказано мнѣніе, что единственнымъ средствомъ прекратить бѣдствія Молдавіи и Валахіи было соединеніе этихъ двухъ Княжествъ въ одно, подъ управленіемъ иностраннаго принца.

Лордъ Кларендонъ горячо поддержалъ это мнѣніе французскаго правительства, къ которому безмолвно присоединились Россія и Пруссія, но оно вызвало живѣйшій протестъ со стороны Австріи и Турціи, не смотря на то, что Блистательная Порта изъявила, разумѣется, весьма неохотно, свое согласіе признать, въ принципѣ, необходимость созвать мѣстныя собранія, или «диваны», которыя явились бы выразителями желаній молдаво-валаховъ; однако, она не спѣшила созывать ихъ, и было ясно, что турецкое правительство будетъ оказывать систематическое противодѣйствіе всякому измѣненію существующаго порядка въ Придунайскихъ княжествахъ. Можно было думать, что Порта, будучи увѣрена въ поддержкѣ Австріи и отчасти Англіи, скоро откажется отъ всѣхъ добрыхъ намѣреній, высказанныхъ на конгрессѣ отъ его имени англійскимъ посланникомъ.

Взглядъ Австріи въ этомъ вопросѣ выразился совершенно ясно и опредѣленно въ нижеслѣдующей замѣткѣ, препровожденной ея оффиціальнымъ представителемъ въ Константинополѣ, барономъ Прокешъ-Остеномъ его французскому коллегѣ.

«Я позабылъ сказать вамъ вчера,—писалъ онъ Тувенелю, — что я не раздѣляю вашего мнѣнія (относительно соединенія Княжествъ). Я не говорю о затрудненіяхъ, на которыя указываютъ въ своихъ запискахъ мѣстные дѣятели, или о трудности избрать для новаго княжества подходящаго принца, но я обсуждаю этотъ вопросъ съ точки зрѣнія европейской, австрійской, русской и турецкой.

«Созданная такимъ образомъ страна, очутившись между этими тремя сосѣдями, была бы для Австріи второй Швейцаріей; въ рукахъ Россіи

она была бы грознымъ орудіемъ противъ Австріи и Турціи, а для этой послѣдней она была бы клиномъ, вбитымъ въ ея тѣло. Можно-ли ожидать, что притязанія румынъ на этомъ остановятся? Это было бы совершенно несогласно съ человѣческой природою: Румыны нашли бы верховное владычество Порты для себя позоромъ и несправедливостью; они нашли бы, что ихъ страна слишкомъ мала; они стали бы домогаться образовать независимое государство, въ составъ котораго была бы включена Буковина, румынская часть Трансильваніи, Банатъ и которое простиралось бы до Балканъ. Какой чудесный примѣръ для Сербіи! Какой прекрасный случай для Россіи, при поддержкѣ которой эти страны стали бы добиваться осуществленія своихъ цѣлей.

«Нѣтъ, я не могу повѣрить, чтобы нынѣ стали защищать мысль, отвергнутую на Вѣнской конференціи, и которая была бы постоянно угрозою для Австріи».

Съ другой стороны французскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Валевскій, предсѣдательствовавшій на конгрессѣ,—писалъ Тувенелю 24-го марта (5-го апрѣля) 1856 г:

«Лордъ Стратфордъ получитъ самыя точныя инструкціи, чтобы условиться съ вами, какимъ образомъ повліять на Порту въ желаемомъ вопросѣ о Княжествахъ. Мы хотимъ ихъ соединенія; Англія, которая вначалѣ колебалась, присоединяется къ нашему взгляду.

«Австрія будетъ всѣми силами противиться этому, но на нашей сторонѣ Россія. Весьма важно доказать турецкому правительству, что если оно станетъ въ этомъ случаѣ на сторону Австріи, противъ Англіи, Россіи и Франціи, то существованію Турціи можетъ угрожать большая опасность.

«Весьма важно, чтобы турецкое правительство отвѣтило отказомъ на домогательства барона Прокеша [1]), который навѣрно будетъ добиваться того, чтобы Порта просила о продленіи оккупаціи Княжествъ австрійскими войсками. Если бы турецкое министерство сдѣлало ошибку уступивъ въ этомъ случаѣ требованіямъ интернунція, то оно этимъ окончательно погубитъ себя.

«Прусскій посланникъ въ Константинополѣ получитъ отъ Мантейфеля [2]) приказаніе условиться съ вами и ничего не упускать, что могло бы способствовать соединенію Княжествъ».

Какъ видно изъ этихъ строкъ, если графъ Валевскій и заблуждался въ этомъ случаѣ относительно намѣреній великобританскаго правительства, то у него не было по крайней мѣрѣ никакихъ иллюзій относительно Австріи.

---

[1]) Австрійскій интернунцій въ Константинополѣ, прежній титулъ австрійскаго посланника въ Константинополѣ.

[2]) Прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Въ то же время Фуадъ-паша, турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, писалъ Тувенелю: «хотя англійскіе уполномоченные и поддерживали, довольно горячо, на конгрессѣ мысль о соединеніи Княжествъ, но, судя по холодному и равнодушному тону, съ какимъ лордъ Стратфордъ поддержалъ это требованіе здѣсь (т. е. въ Константинополѣ), я сразу понялъ, что онъ желалъ бы получить отказъ. Решидъ-паша и лордъ Стратфордъ полагали, что ежели министры султана предложатъ исполнить желаніе императора Наполеона III, то султанъ будетъ этимъ такъ оскорбленъ, что онъ немедленно уволитъ Решидъ-пашу въ отставку».

Внутреннее положеніе Княжествъ, судьба которыхъ такъ волновала европейскихъ дипломатовъ, было въ то время весьма печальное.

Господаремъ Валахіи былъ князь Стирбей, а Молдавіи князь Григорій Гика, горячій сторонникъ соединенія Княжествъ, но интриги, коими были окружены оба господаря, крайняя испорченность нравовъ, существовавшая на всѣхъ ступеняхъ административной іерархіи, халатное отношеніе къ дѣлу и крайняя недобросовѣстность мѣшали осуществленію самыхъ лучшихъ намѣреній.

Несчастное населеніе Молдавіи и Валахіи, эксплоатируемое господарями, дошло, мало-по-малу, до крайней степени нищеты и угнетенія. Тувенель былъ совершенно правъ, когда онъ писалъ Бенедетти:

«Я вполнѣ понимаю желаніе валаховъ получить иностраннаго принца и подозрѣваю, что король Фридрихъ-Вильгельмъ IV имѣетъ уже кандидата на Румынскій престолъ и что онъ даже условился по поводу этого съ императоромъ Александромъ II. Но я все-таки опасаюсь, что добиться согласія Австріи на соединеніе Княжествъ будетъ несравненно труднѣе, нежели думаютъ.

«Центръ переговоровъ находится въ Вѣнѣ. Признаюсь, на мѣстѣ императора Франца-Іосифа я уступилъ бы въ этомъ вопросѣ не иначе, какъ подъ угрозою войны, да и то если бы Австріи былъ предоставленъ преобладающій голосъ при выборѣ принца. Турція не можетъ представить никакого вѣскаго возраженія, у Австріи же ихъ найдется десять. Конечно, ей можно возразить, что она не можетъ получить долинъ По и Дуная. Таково же и мое мнѣніе, но я полагаю, что если Австрія не получитъ преобладающаго вліянія въ Дунайской долинѣ, то его получитъ Россія».

Впрочемъ, согласно условіямъ Балта-лиманскаго договора, заключеннаго въ 1849 г. между Россіей и Турціей, по которому право назначать господарей перешло къ правительствамъ Россіи и Турціи, Стирбей и Гика должны были вскорѣ сложить съ себя власть, и назначеніе новыхъ господарей въ тотъ моментъ, когда обсуждался вопросъ

о преобразованіи всего административнаго строя Княжествъ, конечно, должно было еще болѣе осложнять положеніе дѣлъ.

Между тѣмъ лордъ Стратфордъ Редклифъ, питавшій къ князю Стирбею особую антипатію, побуждалъ Порту замѣнить его другимъ господаремъ. Съ другой стороны главный уполномоченный Турціи на конгрессѣ, великій визирь Али-паша, не смотря на свою обычную сдержанность, отзывался о немъ также крайне недоброжелательно.

По этому поводу Бекларъ, представитель Франціи въ Валахіи, которому были какъ нельзя лучше извѣстны интриги, происходившія въ то время въ Бухарестѣ, писалъ Тувенелю 12-го (24-го) апрѣля 1856 г.:

«Мнѣ извѣстно отъ самого князя Стирбея, что Али-паша послалъ изъ Парижа своему правительству, по телеграфу, депешу весьма недоброжелательную для нашего господаря; ему сообщилъ объ этомъ его уполномоченный въ Константинополѣ. Великій визирь жалуется «на послѣднія мѣры, принятыя княземъ Стирбеемъ. Я спросилъ князя, о какихъ мѣрахъ говоритъ Али-паша, и онъ напомнилъ мнѣ о нотѣ 5-го февраля, съ коей мною посланы копіи вамъ и графу Валевскому. Если Али-пашѣ извѣстно содержаніе этого документа, которое совершенно не согласуется съ взглядами Турціи и Россіи, то я понимаю, что онъ пришелся ему не по вкусу.

«Кромѣ того, князь Стирбей написалъ поздравительное письмо императору Наполеону III, каковое было передано его величествомъ прямо въ руки, княземъ Георгомъ Стирбеемъ, сыномъ господаря, въ аудіенціи, на которой турецкій посолъ въ Парижѣ не присутствовалъ, что и вызвало главнымъ образомъ неудовольствіе великаго визиря».

Между тѣмъ турецкое правительство, убѣдясь въ томъ, что ему не избѣжать переговоровъ съ державами, по вопросу о преобразованіяхъ въ Молдавіи и Валахіи, рѣшилось подчиниться требованіямъ Парижскаго конгресса, смѣстить господарей Стирбея и Гику и возложить управленіе Княжествами на простыхъ каймакамовъ. Въ Бухарестъ былъ назначенъ князь Александръ Гика, а въ Яссы—Теодоричъ Балшъ; изъ нихъ первый имѣлъ въ глазахъ Блистательной Порты то преимущество, что онъ относился крайне враждебно къ Россіи и ея вліянію.

«Выборъ, сдѣланный Портою, вызываетъ сожалѣніе,—писалъ Бекларъ [1]); князь А. Гика здѣсь (въ Бухарестѣ) уже извѣстенъ; его восьмилѣтнее управленіе (1834—1842) было рядомъ злоупотребленій. Порта, которая смѣнила его, сдѣлавъ ему строгій выговоръ, не могла забыть этого. Въ настоящее время князь Александръ Гика, истощенный, озлобленный и почти впавшій въ дѣтство старикъ, что можно ожидать отъ него? Англійскій консулъ Колькгунъ (Colquhoun), прини-

---

[1]) Бекларъ—Тувенелю 3-го (15-го) іюля 1856 г.

мавшій дѣятельное участіе въ его смѣщеніи въ 1842 г., надѣется, что онъ будетъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ лорда Стратфорда, но неужели же Порта не могла сдѣлать инаго выбора, если она желаетъ сохраненія мира и порядка? Передавъ власть въ руки ненавистной, алчной и неинтеллигентной оппозиціи, она создастъ себѣ не мало серьезныхъ затрудненій».

Въ то же самое время французскій консулъ въ Яссахъ начертилъ слѣдующій портретъ другаго ставленника Порты, каймакама Балша:

«Вамъ извѣстно,—писалъ онъ Тувенелю [1]),—что я считаю соединеніе Княжествъ непремѣнной основою серьезнаго и плодотворнаго преобразованія этой страны. Когда я писалъ о тѣхъ именитыхъ боярахъ, которые особенно энергично противятся этому соединенію, то я имѣлъ въ виду, между прочимъ, именно Балша. Люди въ его положеніи, очевидно, заинтересованы въ томъ, чтобы Княжества не были соединены, такъ какъ они могутъ надѣяться стать господарями одного изъ нихъ. Поэтому они всѣми силами будутъ противиться соединенію, а въ странѣ, гдѣ люди такъ боявливы и алчны, глава правительства, хотя бы временнаго, имѣетъ всѣ средства запугать и подкупить.

«Балшѣ тѣмъ легче будетъ дѣйствовать, что австрійцы, повидимому, намѣрены поддержать его, и по-моему несомнѣнно, что Австрія стремится играть здѣсь ту роль, какую играла нѣкогда Россія».

Эта характеристика лицъ, коимъ Порта ввѣрила власть въ Молдавіи и Валахіи, при столь исключительныхъ и серьезныхъ обстоятельствахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что Турція ни мало не заботилась о томъ, чтобы въ Бухарестѣ и въ Яссахъ установился прочный порядокъ.

Впрочемъ, какъ видно изъ предъидущаго, державы ожидали со стороны Австріи еще бо́льшаго противодѣйствія, нежели со стороны Турціи.

Чувствуя надобность объяснить свой образъ дѣйствій какимъ-нибудь дипломатическимъ аргументомъ, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Буоль писалъ барону Прокешу, что Вѣнскій кабинетъ съ самаго начала высказался за поддержаніе административнаго раздѣленія Молдавіи и Валахіи, которое было въ его глазахъ непремѣннымъ условіемъ цѣлости Турецкой имперіи и лучшимъ залогомъ хорошихъ отношеній между Австріей и этими двумя княжествами.

«Впрочемъ,—продолжалъ графъ Буоль,—этотъ вопросъ, касающійся цѣлости и неприкосновенности Турціи, долженъ быть рѣшенъ ею самою, и поэтому она одна имѣетъ право предлагать его на обсужденіе».

Взглядъ Австріи не встрѣтилъ сочувствія ни въ Парижѣ, ни въ Петербургѣ. Князь Горчаковъ, въ разговорѣ съ графомъ Буолемъ, высказывалъ, что онъ не раздѣляетъ этого взгляда и что Россія намѣрена

---

[1]) Викторъ Пласъ—Тувенелю 8-го (20-го) іюля 1856 г.

въ точности исполнить всѣ постановленія, касающіяся Княжествъ, такъ же точно, какъ и всѣ прочія статьи Парижскаго трактата, поэтому она не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы результатъ опроса, который должны были произвести европейскіе коммиссары, былъ предугаданъ и что Россія пошлетъ своего коммиссара въ Бухарестъ только тогда, когда Австрія окончательно выведетъ изъ Княжествъ свои войска.

Въ августѣ 1856 г. внутреннее положеніе княжествъ было особенно мрачно. Въ Бухарестѣ первыя правительственныя распоряженія князя Александра Гики были чрезвычайно неудачны. По словамъ французскаго генеральнаго консула, князь, выказывавшій себя раньше сторонникомъ реформъ и соединенія Княжествъ, достигнувъ власти, совершенно измѣнилъ тонъ.

«Вся его клика,—какъ писалъ Бекларъ,—заволновалась и старалась захватить разныя теплыя мѣстечки, а самъ Гика только и мечталъ о личномъ успѣхѣ и собиралъ подписи подъ адресами, въ которомъ его называли «отцомъ и спасителемъ отечества», но ему, при всемъ стараніи, едва удалось собрать пять тысячъ подписей. Молодежь Бухареста, которая называла себя «національной партіей», составила, въ видѣ протеста, другой адресъ, который она хотѣла представить «европейской коммиссіи» и въ которомъ требовала соединенія Княжествъ. Подъ этимъ адресомъ были собраны, въ короткое время, сотни тысячъ подписей.

«Этотъ бѣдняга,—писалъ Тувенелю Бекларъ, говоря о князѣ Александрѣ Гикѣ,—слабѣетъ все болѣе и болѣе физически и умственно. Грустное зрѣлище! Нужно же было поставить въ Валахіи во главѣ управленія этого ничтожнаго старика, который совершенно не понимаетъ настоящаго положенія дѣлъ, тогда какъ здѣсь нуженъ человѣкъ свѣжій, не связанный никакими обязательствами, не замѣшанный въ постыдныя интриги и не имѣющій никакихъ связей съ неисправимымъ классомъ бояръ».

Пресса, которая уже была весьма стѣснена при Стирбеѣ, подвергалась при князѣ Александрѣ Гикѣ еще бóльшему гоненію, и въ добавокъ, не смотря на рѣшеніе, принятое на Парижскомъ конгрессѣ, австрійскія войска все еще занимали Валахію.

Въ Молдавіи положеніе дѣлъ было еще того хуже.

«Австрійцы начинаютъ держать себя слишкомъ воинственно, и ихъ войскамъ, право, пора бы уже уйти отсюда,—писали Тувенелю изъ Яссъ [1]),—иначе Молдавію останется только объявить австрійской провинціей. Теодорицъ Балшъ всѣми силами поддерживаетъ Турцію и Австрію въ ихъ оппозиціи противъ соединенія. Въ одиннадцати округахъ,

---

[1]) Пласъ—Тувенелю 26-го августа (7-го сентября) 1856 г.

на которые раздѣлена Молдавія, одиннадцать префектовъ смѣщены; ихъ замѣстители, все извѣстные негодяи, избранные изъ числа лицъ, не сочувствующихъ соединенію. Министры, чиновники и даже лица судебнаго вѣдомства избраны изъ той же партіи. Министромъ внутреннихъ дѣлъ разсылаются въ странѣ эмиссары, которые, пользуясь тѣмъ, что ворники (сельскіе старосты) неграмотны, заставляютъ ихъ прикладывать печати сельскихъ обществъ къ петиціямъ, протестующимъ противъ соединенія, а тѣхъ, которые не соглашаются на это, немилосердно бьютъ»; журналисты и священники, писавшіе въ пользу соединенія, подвергаются преслѣдованію».

«Пресса въ Молдавіи упразднена,—писалъ онъ нѣсколько дней спустя.—Остались однѣ только правительственныя газеты. Отсутствіе всякаго контроля даетъ правительству возможность дѣйствовать совершенно беззастѣнчиво. Ясно, что все то, что происходитъ здѣсь, по наущенію Порты и Австріи, имѣетъ цѣлью повліять на предстоящіе выборы. Когда же пріѣдетъ европейская коммиссія? Ее ожидаютъ съ нетерпѣніемъ».

Такимъ образомъ, не прошло и полгода послѣ заключенія Парижскаго договора, какъ дипломатическому міру угрожали новыя осложненія, и Франція, въ вопросѣ о Княжествахъ разошедшаяся во взглядахъ со своими союзницами, Англіей, Австріей и Турціей, должна была сблизиться съ Россіей и Пруссіей, которыя дѣйствовали съ нею въ этомъ вопросѣ единодушно.

Этотъ переворотъ въ системѣ союзовъ 1854 г. смущалъ тогдашнихъ французскихъ политиковъ и придавалъ въ ихъ глазахъ вопросу о Придунайскихъ княжествахъ совершенно особенное и чрезвычайно важное значеніе.

«Весьма прискорбно,—писалъ Тувенель Бенедетти, — что Россія получитъ, въ концѣ концовъ, первый голосъ въ спорномъ вопросѣ, который мы надѣялись рѣшить безъ ея участія. Въ настоящую минуту Константинополь, Вѣна и Лондонъ противъ насъ! Правда, Али-паша и Фуадъ-паша поняли наконецъ всю цѣну «безкорыстныхъ» совѣтовъ, которые даютъ имъ изъ Вѣны, и Прокешъ рветъ и мечетъ по поводу того, что Порта не выказываетъ ни малѣйшаго желанія продлить оккупацію Молдавіи и Валахіи австрійскими войсками.

Что касается Англіи, то она сдѣлала въ Берлинѣ довольно странныя сообщенія, и лордъ Кларендонъ трогательно выразилъ свое сожалѣніе по поводу высказаннаго имъ на конгрессѣ взгляда относительно Княжествъ.

«Впрочемъ, лордъ Стратфордъ, боясь общественнаго мнѣнія, не можетъ открыто противиться тому, чтобы «диваны» высказали свои

желанія, и я пользуюсь этимъ неудобствомъ его положенія какъ посланника конституціонной державы.

«Вопросъ о соединеніи Княжествъ не такъ простъ, какъ мы полагали вначалѣ; особенно возмутительно то, что надъ нами смѣются, и все то, что происходитъ въ настоящее время въ Бухарестѣ и въ Яссахъ, подъ сѣнью австрійскихъ штыковъ, походитъ на мистификацію.

«Попомните мое слово, что если дѣло пойдетъ такъ, то восточный вопросъ возродится не далѣе какъ черезъ годъ, и мы найдемъ себѣ союзника не иначе, какъ въ Петербургѣ.

«Вы этого не хотите но это будетъ такъ. У меня есть чутье, которое до сихъ поръ меня ни разу не обманывало; въ 1850 г. я писалъ изъ Аѳинъ, оффиціально, что вопросъ о Святыхъ мѣстахъ разрѣшится войной, а теперь я предсказываю, что вопросъ о Княжествахъ окончится подобно египетскому вопросу въ 1840 г.» [1]).

Эти предостереженія производили тревожное впечатлѣніе на французское министерство иностранныхъ дѣлъ, и Бенедетти писалъ Тувенелю 6-го (18-го) октября 1856 г., въ довольно грустномъ тонѣ, что относительно оккупаціи Молдавіи и Валахіи австрійскими войсками французскому правительству уже надоѣло принимать во всемъ на себя иниціативу и заботиться о турецкихъ интересахъ болѣе, нежели сами турки! «Пожалуй скажутъ, что, дѣйствуя наперекоръ Вѣнскому кабинету, мы хотимъ заискивать у Россіи.

«До сихъ поръ еще не рѣшено, соберется-ли европейская коммиссія въ Бухарестѣ до эвакуаціи его отъ австрійскихъ войскъ.

«Наконецъ, мы связаны по отношенію къ Россіи въ вопросѣ о Болградѣ [2]) такимъ образомъ, что никакое отступленіе невозможно.

«Англія также зашла далеко, и лордъ Пальмерстонъ считаетъ, что его самолюбіе такъ задѣто, что онъ не соглашается ни на какія уступки, которыя могли бы возстановить доброе согласіе или, лучше сказать, какъ-нибудь покончить дѣло, оставивъ Болградъ Россіи. Онъ

---

[1]) Когда вице-король египетскій Мегметъ-Али, хотѣвшій отдѣлиться отъ Турціи, угрожаемый англійскимъ флотомъ, былъ принужденъ признать свою вассальную зависимость отъ Порты.

[2]) Согласно 20 статья Парижскаго трактата Россія согласилась исправить границу Бессарабіи. Въ этой статьѣ было сказано, что граница пройдетъ къ югу отъ Болграда. Оказалось, что существуетъ два пункта, носящіе названіе Болградъ. Русскіе утверждали, что въ конвенціи говорилось не о томъ Болградѣ, который сталъ послѣ Адріанопольскаго мира главнымъ городомъ болгарскихъ поселеній этой мѣстности, а о Болградъ-Табакѣ. Англія энергично протестовала противъ этого, полагая, что Россія хочетъ такимъ образомъ обезпечить себѣ доступъ въ рукавъ Дуная. Этотъ споръ вызвалъ неудовольствіе между Лондонскимъ и Парижскимъ кабинетами, который склонялся въ пользу толкованія Россіи.

сказалъ во всеуслышаніе, что Россія должна отказаться отъ Болграда, и онъ не хочетъ отъ этого отступить.

«Послѣ того какъ лордъ Кларендонъ получилъ наше послѣднее сообщеніе, лордъ Коулей говоритъ, со слезами на глазахъ, что союзу угрожаетъ гибель, что Болградъ есть начало исторіи, которая можетъ окончиться весьма печально, если не будутъ приняты надлежащія мѣры».

«Несчастный вопросъ о Княжествахъ совершенно сбилъ съ толку турокъ,—писалъ въ то же время Тувенелю графъ Валевскій. Австрія ловко съумѣла дать понять (турецкимъ министрамъ), что этотъ вопросъ угрожаетъ существованію Турецкой имперіи; но чтобы попасться на эту удочку, нужно имѣть весьма мало ума и совѣсти!

«Что касается Болграда, то въ этомъ случаѣ встрѣчается только одно препятствіе, но оно довольно существенно: это тщеславіе лорда Пальмерстона. Я прошу всякаго честнаго человѣка сказать мнѣ по совѣсти: можно-ли ставить на одну доску пустяшное неудобство—предоставить Россіи Болградъ, и выгоды, которыя проистекутъ для Турціи отъ благопріятнаго рѣшенія пограничныхъ вопросовъ и въ особенности отъ выполненія Парижскаго трактата, самаго благопріятнаго для Порты изъ всѣхъ договоровъ, заключенныхъ за послѣднія полтораста лѣтъ. Лордъ Стратфордъ такъ околдовалъ турецкаго министра, что онъ не соглашается признать, до какой степени для Турціи важно, чтобы англійскія суда не находились въ Черномъ морѣ безконечно долго.

«Имѣемъ-ли мы какое-нибудь основаніе вздорить, уже не говорю съ австрійцами, а съ англичанами, изъ-за такого вопроса, какъ вопросъ о Болградѣ? За вѣжливостью, которую намъ оказываетъ Россія, скрывается большая неудача. Мы не можемъ дѣйствовать согласно съ Петербургомъ, не нарушая этимъ всѣхъ традицій нашей политики».

Однако несомнѣнно, что недоразумѣнія, возникшія у Франціи съ ея союзниками 1854 года на почвѣ Восточнаго вопроса, заставили французское правительство уже въ 1856 г. тяготѣть къ Россіи.

Разумѣется, вскорѣ послѣ Севастополя подобная перемѣна должна была показаться весьма странной, въ особенности въ глазахъ тѣхъ лицъ, кои способствовали возникновенію системы союзовъ, направленныхъ въ 1853—1856 гг. противъ честолюбивыхъ помысловъ императора Николая.

Подъ вліяніемъ удивленія, вызваннаго этимъ новымъ вѣяніемъ, обнаружившимся въ Парижѣ, одинъ изъ знатоковъ Восточнаго вопроса во Франціи, Карлъ Шеферъ, бывшій первымъ драгоманомъ французскаго посольства Константинополѣ во время Крымской войны, писалъ Тувенелю 8-го (20-го) сентября 1856 г.:

«Пишу вамъ нѣсколько словъ въ годовщину Альминской битвы. Я не могу забыть того глубокаго и отраднаго впечатлѣнія, какое произ-

вела эта первая побѣда на всѣхъ насъ и на всѣхъ тѣхъ, кои хотѣли быть тогда вмѣстѣ съ нами, а число таковыхъ было въ то время довольно значительно. Нынѣ я только и слышу, что говорятъ о Россіи и въ такихъ выраженіяхъ, которыя меня волнуютъ.

«Къ ней протягивается тысяча рукъ, чтобы помочь ей какъ можно быстрѣе достигнуть желаемаго.

«Разсказы о московскихъ коронаціонныхъ празднествахъ вскружили всѣмъ голову! Даже радикальныя газеты тронуты ими. Я ужасно боюсь, какъ бы то, что произошло въ Москвѣ, не дало намъ желанія устроить подобное же зрѣлище въ Парижѣ. Даже нѣжный и буколическій «Constitutionnel» вооружается противъ англичанъ и обвиняетъ ихъ въ «недоброжелательствѣ къ императорскому правительству». Англичане увѣряютъ, что они достаточно сильны, чтобы добиться исполненія Парижскаго трактата и они правы. Они знаютъ, что они хотятъ, а ихъ союзники этого не знаютъ».

II.

Въ Константинополѣ злополучный вопросъ о Придунайскихъ княжествахъ вызвалъ такую бездну интригъ, какія возможны только на Востокѣ.

Решидъ-паша, этотъ «великій дѣятель» современной Турціи, завидуя лаврамъ, которыя пожиналъ на Парижскомъ конгрессѣ его соперникъ Али-паша, горѣлъ желаніемъ занять снова должность великаго визиря, которую онъ исполнялъ неоднократно, и лордъ Стратфордъ Редклифъ, «старый другъ» Решида, какъ его называли французы, нашелъ въ вопросѣ о Княжествахъ благопріятный предлогъ, чтобы возстановить его во власти, и вслѣдствіе интригъ англійскаго посланника, который по словамъ султана «не давалъ ему ни минуты покоя», Али-паша былъ уволенъ въ отставку, а на его мѣсто назначенъ Решидъ, всегдашній сторонникъ Англіи.

Въ Константинополѣ всѣ были возмущены этимъ назначеніемъ и слабостью, которую проявилъ въ этомъ случаѣ султанъ, дѣйствовавшій по указкѣ Редклифа.

Сераскиръ, Мехмедъ Руджи-паша былъ внѣ себя отъ негодованія и говорилъ, что «если бы султанъ дорожилъ собственнымъ достоинствомъ, то онъ отдѣлался бы отъ назойливыхъ приставаній англійскаго посланника, вручивъ ему паспорта».

Такимъ образомъ англійскій посланникъ одержалъ надъ Абдулъ-

Меджидомъ большую побѣду, но ему показалось этого мало. Такъ какъ султанъ принялъ, незадолго передъ тѣмъ, вопреки существовавшему обычаю, орденъ Почетнаго Легіона, то Редклифъ убѣдилъ свое правительство прислать Абдулъ-Меджиду орденъ Подвязки и постарался устроить дѣло такъ, чтобы церемонія передачи орденскихъ знаковъ султану совпала съ возвращеніемъ Решида-паши къ дѣламъ.

Первое свиданіе Решида-паши съ его коллегами прошло весьма холодно. Они едва обмѣнялись нѣсколькими ничего незначащими словами. Решидъ первый поклонился капитанъ-пашѣ, который отвѣтилъ ему поклономъ, не произнеся ни слова.

«Когда я спросилъ его,—пишетъ Утрэ [1]),—что было рѣшено третьяго дня на совѣтѣ, то Решидъ-паша отвѣчалъ мнѣ, что трудно избрать между двумя союзниками, которыхъ одинаково любишь, и что ему надобно дать время на размышленіе.

— Мы это знаемъ,—отвѣчалъ я,—но мы хотимъ знать да или нѣтъ относительно текущихъ важныхъ дѣлъ и при томъ хотимъ знать это немедленно.

— Но вѣдь я ничего не значу, я маленькій человѣкъ,—отвѣчалъ великій визирь.

— Вы, вновь вступившій въ должность великій визирь, ваша свѣтлость,—сказалъ я,—а мы желаемъ знать именно взглядъ великаго визиря.

«Решидъ сказалъ, что у него былъ въ то утро Бутеневъ [2]) и предложилъ ему такой же точно вопросъ.

«Мы разстались очень холодно».

Интрига, доставившая власть Решиду-паши, была оцѣнена въ Парижѣ такъ, какъ она того заслуживала. Въ виду серьезнаго положенія дѣлъ, вызваннаго вопросомъ о соединеніи Княжествъ, для Франціи не могло быть безразличнымъ, что во главѣ турецкаго кабинета сталъ человѣкъ, находившійся всецѣло подъ вліяніемъ Англіи.

«И такъ, Решидъ-паша сдѣлался снова великимъ визиремъ!—писалъ Бенедетти Тувенелю [3]), узнавъ объ этомъ назначеніи,—что лордъ Стратфордъ доволенъ этимъ—вполнѣ понятно. Что касается самого Решида, то онъ разсчитываетъ, вѣроятно, на наше долготерпѣніе, но какимъ образомъ удастся ему распутать тѣ затруднительные вопросы, которые послужили поводомъ удаленія Али-паши и возвращенія его къ власти? Споръ относительно Болграда оконченъ, Россія не думаетъ отказаться отъ него, и мы того мнѣнія, что никто не имѣетъ права принудить ее къ этому. Англія и Австрія полагаютъ, что въ такомъ случаѣ онѣ

---

[1]) Первый драгоманъ французскаго посольства въ Константинополѣ.

[2]) Русскій посолъ въ Константинополѣ.

[3]) Бенедетти—Тувенелю 22-го октября (4-го ноября) 1856 г.

должны имѣть обсерваціонный пунктъ въ Босфорѣ. Это значитъ, что Россія сохранитъ Болградъ, а Турція, въ видѣ вознагражденія, «добьется оккупаціи» Княжествъ австрійскими войсками и стоянки англійскаго флота въ Босфорѣ.

«Вотъ положеніе, въ которое будетъ поставлена Турція съ переходомъ власти къ Решиду-пашѣ, если только онъ не думаетъ провести лорда Стратфорда, точно такъ же, какъ онъ провелъ князя Меншикова».

Таково было положеніе дѣлъ въ Константинополѣ, которое по мѣрѣ усиленія англійскаго вліянія вызывало все болѣе и болѣе сильную тревогу и неудовольствіе французскаго правительства.

Въ это же время, въ Петербургѣ, чрезвычайный французскій посланникъ графъ Морни, вскорѣ послѣ коронаціи императора Александра II, сталъ заискивать дружбу русскаго правительства, добивавшагося нарушенія союза европейскихъ державъ, который образовался противъ него въ 1854 г. Все заставляло предполагать, что подъ давленіемъ разныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ рѣшеніе Восточнаго вопроса, система союзовъ, существовавшихъ въ Европѣ, должна была роковымъ образомъ измѣниться. Столь грандіозное на первый взглядъ дѣло Парижскаго конгресса расползалось по швамъ, по прошествіи всего восьми мѣсяцевъ.

Между тѣмъ европейская коммиссія, на которую Парижскимъ конгресомъ была возложена обязанность узнать желанія молдаво-валаховъ, собравшаяся въ Константинополѣ еще въ маѣ мѣсяцѣ 1856 г., выжидала терпѣло благопріятнаго момента, когда обстоятельства позволятъ ей отправиться въ Бухарестъ.

На первыхъ же засѣданіяхъ коммиссіи обнаружилась бездна недоразумѣній и недоброжелательства.

«Я вижу, что мы затѣяли трудное дѣло,—писалъ Тувенель Бенедетти,—но о томъ, чтобы не посылать коммиссію въ Бухарестъ, конечно не можетъ быть рѣчи. Эта чаша должна быть испита до дна; надобно постараться, чтобы изъ нея никто не отравился».

И дѣйствительно въ Молдавіи и Валахіи, откуда все еще не были выведены австрійскія войска, происходили страшныя неурядицы, не предвѣщавшія ничего добраго, и 1856-й г., сулившій такъ много хорошаго, «окончился среди полной неизвѣстности относительно будущаго». Но такъ какъ всякое дѣло имѣетъ конецъ, то трудные переговоры, которые велъ французскій посланникъ съ турецкими министрами, чтобы добиться желаемой редакціи фирмана о созывѣ молдавскихъ и валахскихъ «дивановъ», привели наконецъ къ желаемому результату. Предоставленіе несчастному населенію Княжествъ права высказать ихъ

желанія было большимъ успѣхомъ. Но, какъ увидимъ далѣе, между текстомъ фирмана и его примѣненіемъ на дѣлѣ была огромная разница.

Обнародованіе фирмана, котораго всѣ ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ, произвело въ Княжествахъ огромное впечатлѣніе. Всѣмъ казалось, что на горизонтѣ вспыхнула заря румынской національной самобытности.

«Валахи ликуютъ,—писалъ французскій консулъ Бекларъ [1]),—недовольны лишь одни знатные бояре, которые, не могутъ утѣшиться по поводу того, что ихъ смѣшали съ людьми, стоящими ниже ихъ по происхожденію.

«Жители собираются въ общественныхъ мѣстахъ, чтобы обсудить текстъ фирмана и подготовиться къ выборамъ. Эти сборища бываютъ шумны и безтолковы, что̀ вполнѣ понятно со стороны людей, такъ мало знакомыхъ съ парламентскими обычаями.

Не менѣе сильное впечатлѣніе произвелъ фирманъ и въ Молдавіи. Французское правительство, желая еще разъ подтвердить свою готовность содѣйствовать соединенію Княжествъ, приказало помѣстить въ Moniteur'ѣ по этому поводу замѣтку, которая не произвела особенно сильнаго впечатлѣнія въ Лондонѣ, но за то въ Вѣнѣ графъ Буоль отнесся крайне непріязненно къ этой статьѣ, въ которой былъ высказанъ взглядъ Наполеона III.

— Если бы Европа сговорилась на конгрессѣ,—сказалъ графъ Боуль,—и посадила въ Бухарестѣ европейскаго принца, то мы бы утопили его собственноручно.

Предостереженія, которыя французскій посланникъ посылалъ въ Парижъ изъ Константинополя, говоря, что вопросъ о Княжествахъ создастъ всѣмъ не мало хлопотъ, вполнѣ оправдывались событіями.

«Если «диваны» выскажутся въ смыслѣ благопріятномъ соединенію, писалъ Тувенель герцогу Грамонъ (французскому посланнику въ Туринѣ) 14-го (26-го) марта 1857 г.,—то Англіи будетъ очень трудно не поддержать ихъ, но вопросъ осложняется тѣмъ, какія средства надобно пустить въ ходъ, чтобы сломить упорство Порты; я заранѣе увѣренъ, что лордъ Стратфортъ мнѣ въ этомъ не поможетъ.

«Вообще надежды на успѣхъ у насъ мало».

Между тѣмъ члены европейской коммиссіи послѣ всевозможныхъ проволочекъ прибыли наконецъ въ Бухарестъ.

Пріѣздъ европейскихъ коммиссаровъ до такой степени ободрилъ сторонниковъ соединенія, что они уже не скрывали своего желанія, чтобы главою вновь нарождавшагося государства былъ избранъ иностранный принцъ.

«Въ Валахіи,—писалъ по этому поводу французскій коммиссаръ

---

[1]) Бекларъ—Тувенелю 2-го (14-го) января 1857 г.

Талейранъ — причину этого надобно искать въ недовѣріи, которое питаютъ тамъ къ тремъ главнымъ кандидатамъ въ правители, князьямъ Стирбею, Бибеско и Александру Гикѣ. Въ Молдавіи, гдѣ особенно горячо желаютъ видѣть иностраннаго принца, всѣ дрожатъ при мысли, что можетъ вернуться бывшій господарь князь Михаилъ Стурдза.

«Князь Стирбей не выходитъ изъ дома и мало кого принимаетъ. Его сдержанность приводитъ каймакама въ отчаяніе. Онъ работаетъ съ утра до вечера и занимается исключительно вопросами административными, законодательными и финансовыми, которые онъ предлагаетъ представить на обсужденіе «дивановъ». Князь Бибеско, пріѣхавшій третьяго дня, уже принялъ весьма многихъ лицъ. Его пріѣздъ, послѣ восьмилѣтняго отсутствія, производитъ, разумѣется, большое впечатлѣніе. Князь Бибеско обладаетъ даромъ слова и чаруетъ всѣхъ, кто его слышитъ. Сэра Бульвера (англійскаго коммиссара) ждутъ со дня на день. Онъ уѣхалъ на нѣсколько дней за городъ для поправленія своего здоровья, состояніе котораго совершенно не соотвѣтствуетъ принятымъ имъ на себя обязанностямъ.

«Русскій коммиссаръ, Базили, держитъ себя съ самаго пріѣзда своего въ Валахію очень спокойно. Я видѣлъ его нѣсколько разъ. Онъ громко высказываетъ свое удовольствіе по поводу того, что протекторатъ Россіи надъ Княжествами упраздненъ, такъ какъ, по его словамъ, «онъ доставлялъ его правительству однѣ непріятности», не принося ему никакой существенной выгоды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не вѣритъ въ успѣхъ дѣла, предпринятаго «семью державами». Онъ негодуетъ противъ молдаванъ и валаховъ, противъ австрійцевъ и турокъ. «Послѣдніе не очистили даже Княжества отъ своихъ войскъ, говоритъ онъ. Они оставили солдатъ и орудія въ Журжево и Калафатѣ». Каймакамъ Гика, на вопросъ Базили по этому поводу, былъ видимо очень удивленъ и увѣрялъ, что ему объ этомъ ничего не извѣстно. Мнѣ самому это не было извѣстно, и я замѣчаю уже не первый разъ, что здѣсь не знаютъ о томъ, что дѣлается въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы».

«Вопросъ о соединеніи Княжествъ по-прежнему поселяетъ между всѣми раздоръ,—писалъ Бенедетти 18-го (31)-го мая 1857 г.

«Англія по-прежнему идетъ на буксирѣ у лорда Стратфорда, хотя въ Лондонѣ стараются щадить насъ.

«Австрія не идетъ ни на какія уступки, и всѣ ея усилія направлены въ настоящую минуту къ тому, чтобы Молдавія, гдѣ наши противники дѣйствуютъ особенно энергично, высказалась противъ соединенія. Тогда не будетъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, но настоящій успѣхъ будетъ все же на сторонѣ вѣнскаго кабинета.

«Сардинія готова, разумѣется, дѣйствовать вмѣстѣ съ нами.

«Пруссія не отказываетъ намъ въ обѣщанной поддержкѣ.

*

«Россія безмолвствуетъ»; она отвѣчаетъ, когда ее спрашиваютъ, но въ общемъ старается держать себя какъ можно сдержаннѣе».

Въ Валахіи, благодаря присутствію европейскихъ коммиссаровъ, не ожидали во время выборовъ большихъ волненій, но за то въ Молдавіи, гдѣ были сосредоточены всѣ усилія противниковъ соединенія, можно было всего ожидать.

Вогоридесъ, заявлявшій себя вначалѣ сторонникомъ соединенія, сбросилъ маску и дѣйствовалъ угрозою, обманомъ и насиліемъ.

Митрополитъ ясскій, разсчитывая на поддержку со стороны русскаго и французскаго уполномоченнаго, пріободрился и вступилъ съ каймакамомъ въ открытую борьбу. Тогда Вогоридесъ, согласно приказанію, полученному имъ по телеграфу отъ Решида-паши, опубликовалъ ложные избирательные листы, и приставамъ было приказано, чтобы въ теченіе тридцати дней, въ которые могли быть представлены заявленія, никому не давали почтовыхъ лошадей.

Въ то время, какъ Молдавія сдѣлалась такимъ образомъ ареною самыхъ оживленныхъ интригъ, французскій посланникъ въ Константинополѣ велъ, по странной ироніи судьбы, ожесточенную борьбу съ тремя правительствами, которыя не далѣе, какъ три года назадъ, дѣйствовали совмѣстно съ Франціей противъ Россіи.

Турецкіе министры, по своему обыкновенію, отвѣчали на всѣ его требованія и заявленія двусмысленно, или обманывали его, но,—какъ писалъ Тувенель Бенедетти 6-го (18)-го іюня 1857 г., «Решидъ-паша какъ будто немного упалъ духомъ и даже поговариваетъ—о своемъ намѣреніи подать въ отставку.

«Бутеневъ, которымъ я и ранѣе былъ доволенъ, сдѣлался еще рѣшительнѣе послѣ протеста ясскаго митрополита, и я полагаю, что Базили также не будетъ дремать. Если мы хотимъ по прежнему соединенія Княжествъ, то русскіе будутъ дѣятельно содѣйствовать намъ въ этомъ; но предоставить имъ играть главную роль въ Княжествахъ значило бы дѣйствовать не соотвѣтственно нашей цѣли.

«Повторяю еще разъ, дѣло идетъ не столько о соединеніи Княжествъ, сколько о честномъ выполненіи Парижскаго трактата. Первое вытекаетъ изъ этого само собою».

Натянутыя отношенія, возникшія между Франціей и тремя великими державами, такъ недавно бывшими ея дѣятельными союзницами, не могли долго оставаться тайною политическихъ канцелярій. Во Франціи общественное мнѣніе было этимъ взволновано такъ же точно, какъ въ Вѣнѣ и Лондонѣ, гдѣ всѣ выражали желаніе, чтобы найдено было средство возстановить согласіе между державами.

Съ этой цѣлью императора Наполеона III склонили посѣтить въ августѣ мѣсяцѣ королеву Викторію въ Осборнѣ, гдѣ вопросъ, волно-

вавшій парижскій и лондонскій кабинеты, могъ быть обсужденъ окончательно.

«Я въ восторгѣ, — писалъ Тувенель Бенедетти 18-го іюня (1-го іюля) 1857 г.,—по поводу сообщеннаго вами извѣстія и желаю отъ души, чтобы путешествіе императора въ Осборнъ состоялось. Надѣюсь, что императоръ получитъ должное удовлетвореніе.

«Самое главное выяснить, хотятъ-ли въ Лондонѣ быть болѣе пріятными Австріи, нежели намъ. Изъ вопроса о соединеніи Княжествъ лордъ Стратфордъ сдѣлалъ то, что онъ дѣлаетъ изъ всего, т. е. вопросъ личный. Въ силу особенностей своего характера, онъ сдѣлался шестою великой державой Европы, и если свиданіе императора съ Пальмерстономъ будетъ имѣть послѣдствіемъ хотя бы только выясненіе этого обстоятельства, то и этого будетъ достаточно».

Въ то время, какъ писались эти строки, европейская коммиссія влачила въ Бухарестѣ жалкое существованіе. Событія приняли слишкомъ драматическій характеръ, они слишкомъ волновали европейскую публику, чтобы это скороспѣлое созданіе Парижскаго конгресса могло имѣть какое-нибудь, хотя бы малѣйшее, вліяніе на ходъ дѣлъ.

Европейской коммиссіи, засѣдавшей въ столицѣ Валахіи, не доставало двухъ непремѣнныхъ условій успѣха: нравственнаго вліянія и власти. Коренное разногласіе, существовавшее между коммиссарами, ихъ полное незнакомство съ мѣстными условіями были причиною, что ихъ засѣданія превратились въ «кислосладкіе разговоры», во время которыхъ главною темою были сопровождавшіе выборы скандалы, которые передавались къ великому удовольствію однихъ, къ отчаянію другихъ.

Французскій коммиссаръ Талейранъ, человѣкъ весьма умный, сразу подмѣтилъ эту обратную сторону медали.

«На-дняхъ,—писалъ онъ Тувенелю,—во время засѣданія произошла жестокая схватка между сэромъ Генри Бульверомъ и Базили. Первый, который придирается ко всякому, когда на него находятъ припадки ипохондріи, назвалъ поведеніе Базили коварнымъ за то, что онъ прочелъ протестъ молдавскаго митрополита. Базили, какъ вамъ извѣстно, не дастъ себя въ обиду. Эти господа обмѣнялись довольно рѣзкими словами, и по столу, за которымъ засѣдаетъ коммиссія, было сдѣлано нѣсколько ударовъ кулакомъ. Остальнымъ пришлось вмѣшаться, и предсѣдатель, коимъ былъ въ тотъ день Эйхманъ [1]), не зналъ, что дѣлать».

Вслѣдствіе истолкованія, даннаго европейской коммиссіей нѣкото-

---

[1]) Австрійскій коммиссаръ. Въ засѣданіяхъ коммиссіи предсѣдательствовали по очереди коммиссары всѣхъ державъ.

рымъ не вполнѣ яснымъ мѣстамъ фирмана, коммиссары рѣшили единогласно, что въ редакціи избирательныхъ листовъ должны были быть сдѣланы существенныя поправки; на это требовалось время, и Блистательная Порта, по настоянію французскаго посланника, согласилась отсрочить на двѣ недѣли назначенный княземъ Вогоридесомъ день выборовъ. Но каймакамъ, полагая, быть можетъ, сдѣлать угодное турецкому правительству, не исполнивъ его приказаніе, или слѣпо повинуясь приказаніямъ Австріи, не обратилъ никакого вниманія на оффиціальное приказаніе Порты.

«Вогоридесъ отказывается принять во вниманіе толкованіе, данное фирману коммиссіей,—писалъ Пласъ Тувенелю 27-го іюня (9-го іюля) изъ Яссъ, — до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ категорическаго приказанія Порты. А таковаго онъ до сихъ поръ не получалъ, поэтому все заставляетъ предполагать, что здѣсь всѣ откажутся отъ подачи голосовъ. Митрополитъ уже заявилъ о таковомъ намѣреніи со своей стороны, а его примѣръ имѣетъ большой вѣсъ».

Но Вогоридеса ничто не могло смутить.

Поддерживаемый оффиціально Австріей, поощряемый лордомъ Стратфордомъ Редклифомъ и увѣренный въ поддержкѣ Решида-паши, онъ приказалъ приступить въ Молдавіи къ выборамъ. Результатъ превзошелъ всѣ ожиданія.

«Вы будете, вѣроятно, поражены результатомъ выборовъ, произведенныхъ въ Молдавіи,—писалъ Пласъ Тувенелю 11-го (23-го) іюля 1857 г.— изъ числа 48 игуменовъ подали голосъ 5 человѣкъ, изъ коихъ одинъ иностранецъ! Изъ 3.263 священниковъ приняли участіе въ выборахъ всего 29 человѣкъ. То, что мнѣ уже извѣстно, свидѣтельствуетъ, что большинство избирателей, внесшіе свои имена въ списки, воздержались отъ голосованія. Изъ нѣсколькихъ тысячъ помѣщиковъ не участвовало въ выборахъ и двухсотъ человѣкъ! Неужели же Турція, Австрія и Англія не отступятъ отъ своего требованія, видя всеобщее неодобреніе страны, мнѣніе которой всѣ яко бы хотѣли узнать?»

Но англійскій посланникъ поздравилъ Порту съ торжествомъ консервативной партіи.

Французскій же посланникъ рѣшилъ, что его нога не будетъ болѣе у великаго визиря Решида-паши и послалъ ему съ простымъ кавасомъ письмо, которое долженъ былъ передать ему первый драгоманъ посольства. Въ этомъ письмѣ онъ обвинялъ турецкое правительство, англійскаго посланника и австрійскаго интернунція въ томъ, что они «не дали населенію Молдавіи возможности свободно высказать свои желанія и тѣмъ нарушили постановленія Парижскаго трактата».

Когда все это сдѣлалось извѣстно въ Парижѣ, то гнѣвъ Наполеона III не зналъ предѣловъ. Онъ рѣшилъ потребовать отставки Решида-

паши и уничтоженія выборовъ, а въ противномъ случаѣ отозвать своего посланника. Представители Россіи, Пруссіи и Сардиніи присоединились къ этому рѣшенію.

Любопытенъ разсказъ Тувенеля о его прощальной аудіенціи у Абдулъ-Меджида, который какъ нельзя лучше рисуетъ этого безвольнаго, слабохарактернаго и нерѣшительнаго султана.

«Настала пора покончить,—писалъ Тувенель французскому министру иностранныхъ дѣлъ:

«25-го іюля (6-го августа) «Аяччіо» (французскій стаціонеръ въ Босфорѣ) бросилъ якорь передъ домомъ нашего посольства. Я находился на большой террасѣ дворца со всѣмъ личнымъ составомъ миссіи. Тутъ же были князь Лобановъ, князь Стурдза, испанскій посланникъ маркизъ Суза и многія другія лица. Послѣ двадцати одного пушечнаго выстрѣла, которые должны бы были вызвать угрызенія совѣсти въ душѣ лорда Стратфорда, мы отдали послѣдній разъ честь французскому флагу, который затѣмъ былъ спущенъ. Нѣсколько минутъ спустя я вошелъ на «Аяччіо» при крикахъ: «да здравствуетъ императоръ!», а три четверти часа спустя мы подошли къ ступенямъ Долма-Бахче. Султанъ, котораго не было въ то время во дворцѣ, приказалъ предупредить его. Вскорѣ мнѣ сообщили, что его величество вернулся, и когда я шелъ по двору ко дворцу, то султанъ, только-что сошедшій съ лошади, направился ко мнѣ съ выраженіемъ самаго глубочайшаго волненія. Онъ то и дѣло оборачивался, какъ бы приглашая меня идти рядомъ съ нимъ, и, направившись къ кіоску, съ трудомъ взошелъ на его ступени.

«Блѣдный, какъ смерть, онъ прислонился къ стѣнѣ и ждалъ, что я заговорю:

— Ваше величество,—сказалъ я,—вотъ уже часъ, какъ въ Константинополѣ нѣтъ болѣе французскаго посланника, но я, какъ частное лицо, пользовавшееся милостивымъ вниманіемъ вашего величества, хотѣлъ откланяться вамъ.

«Султанъ былъ, повидимому, совершенно убитъ совершившимся фактомъ; наконецъ, онъ былъ въ состояніи заговорить; послѣ нѣсколькихъ любезныхъ словъ,—сказанныхъ мнѣ лично, онъ воскликнулъ:

— Какое несчастье, что подобное событіе, какъ разрывъ съ державою, которая сдѣлала такъ много для моей имперіи и для меня, произошло въ царствованіе Абдулъ-Меджида.

«Эти слова были для меня лучомъ свѣта, озарявшимъ тьму, и я понялъ, что все кончено.

— Я не буду продолжать разговора, который одинаково тягостенъ для вашего величества и для меня. Поэтому я удаляюсь, но въ эту тяжелую минуту меня поддерживаетъ сознаніе, что я исполнилъ до

конца свой долгъ по отношенію къ императору и къ вашему величеству.

«Я поклонился. Султанъ проводилъ меня до лѣстницы, глядя на меня, какъ статуя, до тѣхъ поръ, пока я не скрылся изъ вида.

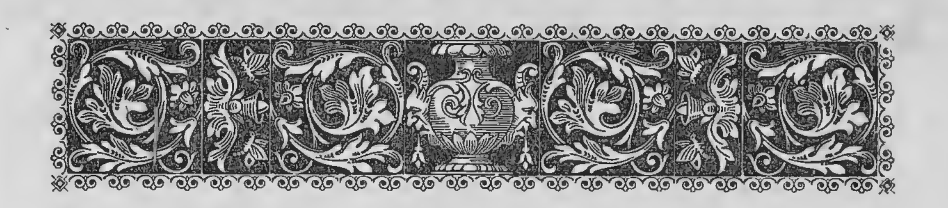
«Я ушелъ съ этой аудіенціи съ сердцемъ, сокрушеннымъ при видѣ агоніи этого правительства. Но видъ султана, если не ошибаюсь, открылъ мнѣ тайну, которая можетъ все объяснить. Не было-ли заключено между Англіей, Австріей и Турціей секретнаго договора, коимъ эти державы обязались, во что бы то ни стало, противиться соединенію Княжествъ?

«Не прошло и часа послѣ того, какъ въ Терапію прибылъ Гакки-бей, первый секретарь султана. Ему было приказано пробыть у меня подольше, чтобы всѣ видѣли его каикъ стоящимъ у набережной передъ домомъ французскаго посольства. Гакки-бею было приказано выразить мнѣ еще разъ личное сожалѣніе султана и объявить, что его величество приказалъ высказать это оффиціально всѣмъ членамъ посольства. Этотъ шагъ подтверждаетъ мои догадки; султанъ хочетъ, не давая себѣ вполнѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, сложить съ себя всякую отвѣтственность въ грядущихъ событіяхъ».

«Новые» союзники, которыхъ французское правительство пріобрѣло въ вопросѣ о Княжествахъ, въ точности сдержали свое обѣщаніе. Одновременно съ французскимъ посланникомъ торжественно прервали дипломатическія сношенія съ Турціей посланники: русскій Бутеневъ, прусскій—баронъ Вильденбрукъ и сардинскій—генералъ Дурандо.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма графа Н. П. Румянцова и записка Н. М. Карамзина къ А. И. Ермолаеву [1]).

1.

С.-Петербургъ, 12-го марта 1818 г.

Вамъ извѣстно мое намѣреніе издавать постепенно рукописныя лѣтописи наши, хранящіяся въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ [2]); и хотя первый томъ еще печатается, я просилъ Академію приступить къ напечатанію втораго, начавъ его такъ называемою Волынскою лѣтописью [3]). Мнѣ извѣстно, что вы, милостивый государь мой,

---

[1]) Въ пятидесятыхъ годахъ покойнымъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ была пріобрѣтена часть бумагъ археолога Александра Ивановича Ермолаева (р. 1780 † 1828 г.), познанія котораго въ палеографіи, русской исторіи и древностяхъ высоко цѣнились современными ему учеными. Кромѣ черновыхъ статей и замѣтокъ самого Ермолаева въ этихъ бумагахъ нашлось нѣсколько писемъ къ нему. Изъ нихъ два письма митрополита Евгенія Болховитинова были напечатаны А. Ѳ. Бычковымъ въ „Сборникѣ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ" (томъ V, вып. I, Спб. 1868, стр. 240—241 и 244). Въ настоящее время на страницахъ „Русской Старины" помѣщаются находящіяся въ тѣхъ же бумагахъ письма государственнаго канцлера гр. Н. П. Румянцова къ Ермолаеву и записка къ нему Карамзина.

[2]) Еще въ 1813 году графъ Румянцовъ представилъ въ Академію Наукъ 25.000 р. для изданія русскихъ лѣтописей. Въ первомъ томѣ долженъ былъ быть напечатанъ Кенигсбергскій списокъ лѣтописи, хранящійся въ библіотекѣ Академіи Наукъ. Какъ извѣстно, къ печатанію русскихъ лѣтописей на Румянцовскій капиталъ Академіею Наукъ приступлено не было, и впослѣдствіи этотъ капиталъ съ наросшими на него процентами былъ переданъ на учрежденіе Археографической Коммиссіи и изъ него были покрыты издержки по изданію Актовъ Археографической Экспедиціи.

[3]) Ермолаевскій списокъ Волынской лѣтописи (нынѣ принадлежащій Императорской Публичной Библіотекѣ) относится къ XVIII вѣку.

съ оной древній списокъ имѣете; позвольте мнѣ къ вамъ обратиться съ покорною просьбою пожаловать мнѣ на нѣкоторое время сію лѣтопись для сличенія вамъ принадлежащаго списка съ академическимъ [1]).

Вы любите распространеніе нашихъ познаній въ отечественной исторіи; вы занимаете мѣсто именитое между тѣми, кои оную хорошо вѣдаютъ и, окончательно скажу, вы любите меня одолжать; какъ мнѣ сумнѣваться въ успѣхѣ моего теперешняго домогательства?

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

2.

Москва, 21-го іюня 1820 г.

Найдя въ Вѣдомостяхъ, что государю императору угодно было вамъ воздать за службу вашу отличіемъ, ордена святыя Анны алмазными знаками, премного тому обрадовался, и не могу воздержать себя, чтобы того вашему высокоблагородію не свидѣтельствовать и не принесть вамъ искреннѣйшаго поздравленія; готовъ и впередъ брать живѣйшее участіе въ успѣхахъ вашихъ.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе Алексѣю Николаевичу [2]), а г. Востокову [3]) скажите, что я премного прельщаюсь ученою и прелюбопытною его статьею о перемѣнахъ, чрезъ кои переходила древняя наша грамматика [4]). Изданіе сочиненія о періодѣ извѣстнаго экзарха Болгарскаго [5]) и Сборника, найденнаго въ Воскресенскомъ монастырѣ [6]), дадутъ ему случай къ новой жатвѣ. На сихъ дняхъ отправилъ я г. Строева [7]) для составленія каталога тѣхъ рукописей, которыя я самъ видѣлъ въ Боров-

---

[1]) Съ Ипатьевскимъ спискомъ, хранящимся въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

[2]) Оленину, директору Императорской Публичной Библіотеки.—А. И. Ермолаевъ былъ хранителемъ рукописей той же Библіотеки.

[3]) Александру Христофоровичу.

[4]) Знаменитое „Разсужденіе о славянскомъ языкѣ“ Востокова, напечатанное въ XVII томѣ „Трудовъ Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ“. Этотъ томъ вышелъ въ свѣтъ въ іюнѣ 1821 г.

[5]) Изслѣдованіе К. Ѳ. Калайдовича „Іоаннъ, ексархъ болгарскій“, изданное на средства гр. Н. П. Румянцова, вышло въ свѣтъ въ 1826 году.

[6]) Извѣстнаго Святославова сборника 1073 года. Намѣреніе гр. Румянцова издать этотъ памятникъ не осуществилось.

[7]) Павла Михайловича. Объ его поѣздкѣ въ Пафнутьевъ Боровскій монастырь см. у Н. Барсукова „Жизнь и труды П. М. Строева“, Спб. 1878, стр. 39—41. Составленное Строевымъ описаніе рукописей этого монастыря вошло въ изданный Императорскимъ Обществомъ любителей древней письменности трудъ его „Описаніе рукописей монастырей Волоколамскаго, Новый-Іерусалимъ, Саввина-Сторожевскаго и Пафнутіева-Боровскаго“ (Спб. 1891).

скомъ Пафнутьевомъ монастырѣ, а потомъ поѣдетъ онъ описывать библіотеку Серпуховскаго монастыря; авось либо и тутъ забытое богатство древней россійской словесности отыщется. Въ Москвѣ я нѣкоторыя старопечатныя книги купилъ, и имянно два изданія разныхъ [книгъ] Ветхаго Завѣта доктора Скорина; оба довольно сбережены, но оба не полные. У графа Толстаго [1]) видѣлъ я пребогатую русскими древними рукописями библіотеку, а у г. Зоя Павловича Зосимы удивительное собраніе древнихъ медалей всѣхъ странъ и россійскихъ древнихъ монетъ [2]).

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

3.

Петербургъ, 5-го маія 1821 г.

Благодарю за письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 2-го сего мѣсяца. Съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ къ познаніямъ вашимъ прочелъ я и беречь буду ученыя ваши замѣчанія на счетъ извѣстнаго Евангелія [3]).

Извиняюсь передъ вами и Алексѣемъ Николаевичемъ, что поклепалъ васъ въ томъ, будто бы отдалъ я вамъ изображеніе битвы подъ Новымъ-Городомъ, котораго у себя я отыскать не могу. Пожалуйте, поблагодарите Алексѣя Николаевича за то благосклонное для меня попеченіе, которое онъ брать изволилъ объ отчисткѣ мнѣ принадлежащихъ древнихъ сабель; когда онѣ готовы будутъ, прикажите вы, милостивый государь мой, явиться къ себѣ моему домоправителю Владиміру Иванову для принятія ихъ. Онъ самой тотъ, который будетъ имѣть честь вашему высокоблагородію вручить сіе письмо.

Вы, статься можетъ, по дружбѣ ко мнѣ пристрастно судите и службу мою, и нѣкоторые подвиги среди отставки: но во мнѣ возбуждаете себѣ

---

[1]) Собраніе рукописей графа Ѳедора Андреевича Толстого, какъ извѣстно, поступило потомъ въ Императорскую Публичную Библіотеку.

[2]) О собраніи Зоя Павловича Зосимы см. въ статьѣ П. П. Свиньина „Первое письмо изъ Москвы", напеч. въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1820 г. (ч. I, стр. 217—221). З. П. Зосима († 1827), богатый грекъ, проживавшій въ Россіи, извѣстенъ, между прочимъ, своими крупными пожертвованіями (болѣе 120 тысячъ рублей) на Академію коммерческихъ наукъ въ Москвѣ (см. въ Энциклопедическомъ Словарѣ, изд. русскими учеными и литераторами, т. II (Спб. 1861), ст. 270—271).

[3]) Быть можетъ, замѣчанія Ермолаева о рукописномъ Холмскомъ евангеліи XIII вѣка, пріобрѣтенномъ гр. Н. П. Румянцовымъ въ 1821 году (см. „Переписка А. Х. Востокова", изд. И. И. Срезневскимъ, Спб. 1873, стр. 23). Объ этой рукописи см. Востоковъ, Описаніе рукописей Румянцовскаго музеума, № CVI, стр. 173—174.

благодарность; продолжайте, пожалуйте, ко мнѣ дружеское ваше расположеніе и будьте увѣрены, что никто лучше моего не цѣнитъ достоинствъ вашихъ.

На досугѣ пожалуйте, дайте мнѣ знать, можетъ-ли г. Востоковъ приступить къ собранію неизданныхъ еще грамотъ, начавъ именно съ тѣхъ, которыя существуютъ разсѣяны въ разныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Императорской Библіотекѣ, и нельзя-ли мнѣ доставить имъ реестръ, расположенный въ хронологическомъ ихъ порядкѣ; ежели числа ихъ не достанетъ къ составленію порядочнаго тома, я иными списками ихъ дополню.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

4.

Ржевъ, 2-го сентября 1822 г.

Хотя поздно, въ чемъ приношу извиненіе, но однакоже данное обѣщаніе исполняю; при письмѣ семъ, мнѣ благодѣтельствуя, Алексѣй Ѳедоровичъ [1]) препроводитъ къ вамъ, милостивый государь мой, очень хорошій списокъ съ той надписи [2]), которую вы имѣть желали. Она точно существуетъ въ Московскомъ соборѣ, но, кажется мнѣ, не на той иконѣ, на которой вы быть ей полагали. Пожалуйте, прикажите срисовать ее для себя, а сей рисунокъ покорно васъ прошу возвратить г-ну Гиппингу [3]), для пріобщенія къ моей библіотекѣ.

Свидѣтельствуйте, пожалуйте, мое почтеніе Алексѣю Николаевичу и увѣдомьте его, что, посѣтивъ Микулино-Городище, мнѣ нынѣ принадлежащее, я отъ своихъ крестьянъ пріобрѣлъ крестовъ мѣдныхъ до 36 старинныхъ, довольно большой величины, которые при распашкахъ земли удавалось имъ находить; большею частію они совершенно одинаковой формы и одинаковаго рисунка: подлѣ Христа видится особа, увѣнчанная короной [4]); опричь сихъ крестовъ, въ числѣ находокъ есть древняя небольшая печать, которая, по придѣланному къ ней ушку, видно, что носилась на груди. Нельзя почесть всѣ сіи находки за вещи

---

[1]) Малиновскій, начальникъ Московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Ср. „Переписка государственнаго канцлера гр. Н. П. Румянцова съ московскими учеными", изд. Е. В. Барсовымъ въ „Чтеніяхъ Московск. Общества исторіи и древностей россійскихъ", 1882 года, книга первая, стр. 232—233.

[2]) На иконѣ, находящейся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

[3]) Завѣдывавшему библіотекою канцлера.

[4]) Объ этихъ крестахъ графъ Румянцовъ писалъ подробнѣе А. Ѳ. Малиновскому 2-го же сентября (см. „Переписка графа Н. П. Румянцова съ московскими учеными", стр. 231).

важныя; но нельзя же отнять у нихъ того достоинства, что онѣ любопытны. По возвращеніи моемъ въ Петербургъ я все сіе Алексѣю Николаевичу, вамъ и г. Востокову, которому прошу сказать мой поклонъ, представлю на заключеніе, и буду васъ всѣхъ троихъ просить опредѣлить тотъ вѣкъ, къ которому сіи вещи принадлежатъ.

Въ Москвѣ я пріобрѣлъ Стихирарь XIII или XIV вѣка [1]), и какъ г. Калайдовичъ судилъ, что онъ любопытенъ бы былъ для г. Востокова, я поручилъ ему оный отправить къ нему для разсмотрѣнія [2]), и прошу его, чтобы онъ сію рукопись возвратилъ потомъ въ мою библіотеку къ г-ну Гиппингу; но, статься можетъ, покажу ему услугу поважнѣе этой: я торгую одно духовное сочиненіе, писанное на листахъ изъ хлопчатой бумаги болгарскимъ нарѣчіемъ въ половинѣ XIV вѣка. Ежели мнѣ сія рукопись достанется, я непремѣнно пришлю ее на разсмотрѣніе г. Востокову; онъ можетъ быть твердо въ томъ увѣренъ, что мнѣ всегда весьма пріятно будетъ споспѣшествовать разными доставленіями похвальнымъ и отличнымъ его трудамъ. Съ небольшой печати, найденной на поляхъ Микулина-Городища, препровождаю къ вамъ слѣпокъ; можетъ статься, на оборотѣ вырѣзанная надпись вамъ, какъ и мнѣ, покажется любопытною; но въ самой той надписи поставленное слово смотри отымаетъ достоинство древности у сей печати [3]).

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

5.

7-го декабря 1824 г., Гомель.

Позвольте мнѣ подъ предстательствомъ сего письма поручить особому вашему покровительству и попеченію г. Сазонова [4]), моего бывшаго въ Римѣ пенсіонера, который теперь возвращается въ Петербургъ. Пре-

---

[1]) Востоковъ относилъ его къ концу XIV или началу XV вѣка (см. письмо его къ К. Ѳ. Калайдовичу 1822 г. въ „Перепискѣ А. Х. Востокова", изд. И. И. Срезневскимъ (Спб. 1873), стр. 37; Описаніе рукописей Румянцовскаго музеума, № CCCCXX, стр. 650—651).

[2]) Письмо К. Ѳ. Калайдовича къ Востокову, при которомъ былъ посланъ этотъ Стихирарь, см. въ „Перепискѣ А. Х. Востокова", стр. 36.

[3]) Объ этой же печати см. въ письмахъ къ А. Ѳ. Малиновскому графа Румянцова, отъ 2-го сентября 1822 г., и К. Ѳ. Калайдовича, отъ 7-го сентября 1822 г. (см. „Переписка графа Н. П. Румянцова съ московскими учеными", стр. 231—232 и 235). Надпись на печати приводится въ этомъ послѣднемъ письмѣ такъ: „зри смотри люби... а не п...".

[4]) Василій Кондратьевичъ Сазоновъ (р. 1789 † 1870), академикъ исторической живописи, былъ крѣпостнымъ графа Н. П. Румянцова, опредѣлившаго его въ 1804 г. на свой счетъ въ Академію Художествъ, а въ 1817 г. давшаго ему средства отправиться за границу. Сазоновъ особенно много работалъ по части церковной живописи.

провождаю здѣсь копію письма о немъ нашего посланника [1]), которую прошу передать Алексѣю Николаевичу [2]), и вы, милостивый государь мой, премного бы одолжить изволили, если бы на основаніи столь одобрительнаго о г. Сазоновѣ отзыва нашего министра постарались, чтобы сему художнику устроенъ былъ жребій приличный при самой той Академіи Художествъ, гдѣ получилъ онъ образованіе себѣ въ отличной нравственности и талантахъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч.

Записка Н. М. Карамзина [3]).

(1824 г.).

Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ! Мнѣ совѣстно было напоминать вамъ о вашемъ любезномъ обѣщаніи сказать нѣсколько словъ о двухъ послѣднихъ находкахъ, важныхъ для исторіи нашихъ древностей. Послѣдній листъ [4]) уже печатается. Если Богъ велитъ, то могу издать и 12-й томъ [5]): дозволяю себѣ надѣяться, что хотя къ тому времени вы меня подарите листочкомъ.

Навѣки вамъ преданный Н. Карамзинъ.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ**.

---

[1]) Къ этому письму приложена копія съ письма къ канцлеру посланника при римскомъ папѣ, А. Я. Италинскаго, отъ 24-го сентября (4-го октября) 1824 года. Письмо это, писанное по-французски, было слѣдующаго содержанія:

„Я не хочу допустить г. Сазонова уѣхать изъ Рима, не снабдивъ его отъ себя письмомъ къ вашему сіятельству. Считаю вполнѣ справедливымъ засвидѣтельствовать предъ вами, что избранникъ вашъ совершенно оправдалъ надежды, которыя вы на него возлагали, и что какъ его талантъ, такъ и поведеніе заслуживаютъ величайшей похвалы. Хотя по своимъ наклонностямъ г. Сазоновъ и не прочь былъ бы продолжить свое пребываніе въ Римѣ—центрѣ и родинѣ искусствъ,—но онъ не желаетъ откладывать свой отъѣздъ, чтобы имѣть возможность представиться своему благодѣтелю, такъ какъ онъ считаетъ священнымъ для себя долгомъ выразить вашему сіятельству чувства благодарности, которыми полно его сердце“.

[2]) А. Н. Оленинъ, занимая должность директора Императорской Публичной Библіотеки, былъ въ то же время и президентомъ Академіи Художествъ. Ермолаевъ же, оставаясь хранителемъ рукописей библіотеки, былъ одновременно конференцъ-секретаремъ той же Академіи.

[3]) Записка безъ даты; относится къ 1824 году.

[4]) XI-го тома „Исторіи государства россійскаго“, который вышелъ въ свѣтъ въ 1824 году.

[5]) XII-й томъ, какъ извѣстно, былъ изданъ по смерти Карамзина, въ 1829 г. Въ этомъ томѣ въ примѣчаніяхъ нѣсколько разъ дѣлаются ссылки на сообщенныя А. И. Ермолаевымъ выписки изъ грамотъ и рукописей.

Благодарность О. П. Козодавлеву за управленіе министерствомъ юстиціи.

Письмо О. П. Козодавлева—А. А. Аракчееву.

9-го августа 1816 г.

Рескриптъ, данный министру юстиціи не только объявленъ въ Сенатѣ, но и публикованъ печатными указами, коего экземпляръ, ко мнѣ присланный, при семъ прилагаю. Публика изъ первыхъ строкъ заключитъ, что государь, повелѣвая скорѣе вступить ему въ должность, мною былъ недоволенъ, тѣмъ наипаче, что я ни единаго раза не былъ допущенъ къ его величеству и во все время восьмилѣтней бытности моей министромъ не получилъ ни чина, ни ордена. Хотя я къ симъ послѣднимъ весьма равнодушенъ и выпрашивалъ награды другимъ, а не себѣ; однако жъ мнѣ весьма больно за мою службу и неутомимые труды сдѣлаться теперь посмѣшищемъ публики.

Я убѣдительнѣйше прошу ваше сіятельство представить сіе государю императору. Я ссылаюсь на всѣхъ, съ коликимъ тщаніемъ и трудами и, позвольте сказать, съ успѣхомъ отправлялъ я почти четыре мѣсяца должность министра юстиціи. Производство въ чины двухъ несчастныхъ оберъ-секретарей не отъ меня случилось; предположенія министра юстиціи ихъ отставить и за что, были мнѣ неизвѣстны, они хранились у него можетъ быть съ прочими бумагами, съ коими онъ готовился къ личному докладу.

Полагаясь на безпристрастіе и справедливость вашу, я увѣренъ, что вы не отречетесь испросить мнѣ всемилостивѣйшаго его императорскаго величества рескрипта по случаю увольненія моего отъ управленія помянутымъ министерствомъ.

Письмо А. Аракчеева—О. П. Козодавлеву.

14-го августа 1816 г. Тверь.

Письмо вашего превосходительства сего 9-го августа я имѣлъ счастіе въ оригиналѣ поднести его императорскому величеству. Государь императоръ, прочитавъ оное, въ знакъ своего къ вамъ, милостивѣйшій государь, благоволенія, высочайше повелѣлъ изготовить рескриптъ, который вмѣстѣ съ симъ письмомъ и отправляю къ вашему превосходительству.

Рескриптъ О. Козодавлеву.

14-го августа 1816 г. Тверь.

Осипъ Петровичъ! Управленіе ваше министерствомъ юстиціи во время болѣзни дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Трощинскаго обращаетъ на васъ благоволеніе мое, тѣмъ наипаче, что вы въ то же время не оставили и по министерству внутреннихъ дѣлъ удовлетворять въ полной мѣрѣ желанію моему о сохраненіи частей, оное составляющихъ, въ надлежащемъ порядкѣ. Пребываю, впрочемъ, всегда вамъ благосклонный.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

